Е. Я. Зазерский
А. В. Любарский

С НАМИ БУДУТ МИЛЛИОНЫ

ПОЛИТИЗДАТ

Россiйск
Раб. Парт
Центр. К-т

Прощально
къ швейцарск

Товарищи - швейцарскiе
Уѣзжая изъ Швей
женiя революцiонно-интерна
нашей родинѣ, мы, члены Росс
Рабочей Партiи, объединенной
отличiе отъ другой партiи, н
нiе, но объединенной Организа
вамъ товарищескiй привѣт
варищеской интернацiональн
шенiе къ эмигрантамъ.

…ния „Прощальнаго письма".

…я Соц.-Дем.,

(объединенная

…ом).

Пролетаріи всѣхъ,
странъ, соединяйтесь!

(1

…письмо

…ъ рабочимъ.

…абочіе!

…ая въ Россію для продол-
…оналистической работы на
…ской Соціалдемократической
…ентральнымъ Комитетомъ (въ
…ющей тоже самое назва-
…онномъ Комитетомъ) шлемъ
…и выраженіе глубокой то-
… за товарищеское отно-

Е. Я. Зазерский
А. В. Любарский

С НАМИ БУДУТ МИЛЛИОНЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Москва
Издательство
политической
литературы
1980

13.50
З-16

Зазерский Е. Я., Любарский А. В.

З-16 С нами будут миллионы: Докум. повествование.— М.: Политиздат, 1980.— 319 с., ил.

Документальное повествование кандидата исторических наук Е. Зазерского и журналиста А. Любарского рассказывает о связях В. И. Ленина в 1894—1917 гг. с рабочим и социал-демократическим движением стран Западной Европы, о его борьбе против оппортунизма, социал-шовинизма и центризма лидеров II Интернационала, за принципы пролетарского интернационализма, за развитие классового самосознания международного пролетариата.
Книга рассчитана на массового читателя.

$З\frac{10103-328}{079(02)-80}$ 83—80 0103020000 13.50
3К26

Предлагаемая читателю книга рассказывает о вкладе Ленина в развитие рабочего и социал-демократического движения Запада, в формирование и сплочение всех революционных сил международной социал-демократии в дооктябрьские годы.

Это — документально-историческое повествование. Хронологически оно охватывает жизнь и деятельность В. И. Ленина в 1894—1917 годы. Однако обращено оно к современности, ибо «богатейшее идейное наследие Ленина, революционно-критический дух его учения, последовательность и твердость в защите коренных принципов марксизма от оппортунистических искажений, вся его жизнь служат неиссякаемым источником революционной мысли и революционного действия для современного международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения» [1].

От конца XIX столетия, когда началось духовное формирование молодого Ульянова, до бурной весенней поры 1917 года, когда Ленин вернулся в революционную Россию, ведут авторы свой рассказ. Это годы вынужденных скитаний Ленина по городам Европы, тяжелых материальных лишений, сложной и трудной эмигрантской жизни и в то же время период активной деятельности Ленина — несгибаемого революционера-марксиста, вождя рабочего класса, трудящихся всего мира.

Отовсюду, где бы ни жил в эмиграции Ленин, руководил он российским рабочим и социал-демократическим движением, отовсюду поддерживал тесные связи с местными организациями РСДРП, большевистским подпольем. Всегда стоял во главе разгоравшихся в России революционных битв.

Но прежде всего к самому Ленину следует отнести сказанное им о преследуемых царизмом, живших в эмиграции революционерах России: что обладали они «богатством интернациональных связей», «превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения». Большой, в значительной степени мало или вовсе не известный широкому читателю материал

---

[1] О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Постановление ЦК КПСС от 13 декабря 1979 года. М., 1979, с. 4.

книги показывает, что это богатство интернациональных связей, превосходная осведомленность о делах социал-демократов Запада позволяли Ленину быть всегда в гуще интересов пролетарских масс не только России, но и Германии, Франции, Швейцарии, Англии, Италии, Португалии, Бельгии. Еще задолго до победы Великой Октябрьской социалистической революции он вел непримиримую борьбу с отступниками от марксизма как в российской, так и в западной социал-демократии; с революционной страстью сплачивал международный рабочий класс, все демократические, антиимпериалистические силы на принципах пролетарского интернационализма.

Документальное повествование «С нами будут миллионы...» — своеобразная отповедь глашатаям антикоммунизма, различного рода фальсификаторам, пытающимся принизить роль В. И. Ленина в международном рабочем и социал-демократическом движении, исказить значение ленинской борьбы против оппортунизма и социал-шовинизма лидеров II Интернационала.

...Ленин — мозг всего революционного движения.

Ромен РОЛЛАН

Часть
первая

НА ЗАРЕ

В НАЧАЛЕ ПУТИ

В «совершенно секретных» ведомостях столичного отделения по охранению общественной безопасности и порядка — лица, состоящие в Петербурге под негласным надзором полиции.

В ведомости, которая помечена 1894 годом, значится и бывший студент Казанского университета, помощник присяжного поверенного, проживающий в доме № 7 по Большому Казачьему переулку, Ульянов...

Ведет в квартиру мрачная лестница. В небольшой угловой комнате у окна — стол. На нем — простенькая керосиновая лампа. Гасят ее, порой, перед самым рассветом.

Весь день, а нередко и часть ночи работает Владимир Ильич. Он пишет свою первую книгу. О либеральных народниках — тех, кого зовет с иронией «друзьями народа». О том, как эти «друзья народа» стремятся парализовать распространение социал-демократических идей. Как самым пошлым образом глумятся они над идеями, тактикой западноевропейского рабочего движения. А толкуя об «идеалах отцов», претендуя на роль хранителей традиций времен, «когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма» [1] — утопического социализма, на самом деле пачкают эти идеи.

Ульянов разоблачает недостойные приемы, к которым те прибегают. Их использует в полемике теоретик либерального народничества Н. Михайловский. «Если он не доволен тактикой Интернационала,— негодует Владимир Ильич,— если он не разделяет тех идей, во имя которых организуются европейские рабочие,— пусть бы, по крайней мере, прямо и открыто критиковал их, излагая свои представления о более целесообразной тактике, о более правильных воззрениях. А то ведь никаких определенных, ясных возражений не делается, и только рассыпаются там и сям, среди разливанного моря фраз, бессмысленные издевки. Как же не назвать этого грязью? особенно если принять во внимание, что защита идей и тактики Интернационала легально в России не допускается?» [2]

То, что Владимир Ильич сейчас пишет, тоже не издать в России открыто. Но он надеется опубликовать книгу нелегально. И потому не принимает в расчет цензуру, обращаясь к прошлому и настоящему революционной борьбы мирового пролетариата.

Уже не первый год отыскивает повсюду Ульянов статьи, книги Маркса и Энгельса — все, что можно отыскать в России. Вычитанное стало для него ключом не только к познанию экономического, политического положения царской империи. Стало ключом к изучению и мирового революционного процесса, богатого опыта западноевропейских социал-демократических партий. И труд, который он сейчас завершает, проникнут творческим пониманием марксизма.

Владимир Ильич ведет в нем речь о «Капитале». Ссылается на работы Маркса «К критике гегелевской философии права» и «Нищета философии», на переведенный им в Самаре «Манифест Коммунистической партии», письма Маркса к А. Руге и в редакцию «Отечественных записок», на «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, на впервые опубликованную недавно в Германии «Критику Готской программы».

Весь этот обширнейший материал понадобился Ульянову, чтобы охарактеризовать в своей книге диалектический и исторический материализм, экономическое учение Маркса, отстоять его вывод о неизбежности крушения капиталистического строя, замены его социалистическим.

Сплочение революционных сил, считает Ульянов,— задача первостепенной важности. Изучив программные и уставные документы, резолюции и обращения созданного Марксом и Энгельсом I Интернационала, он убедился, что основной его принцип — братская солидарность рабочих разных стран. И напоминает о попытке русских социалистов-народников Н. Утина, А. Трусова, В. Бартенева «перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» — Интернационал» [3]. О попытке не столь уж давней, когда была создана русская секция I Интернационала, когда ее представительство при Генеральном совете взял на себя Маркс.

Ульянов отвергает всяческое «зубоскальство по поводу Интернационала» [4]. Он выступает против тех, кто умаляет значение Международного Товарищества Рабочих. Кто «никак не может вместить той простой истины, что нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране» — создание самостоятельной политической пар-

тии рабочего класса. Как «соединение таких национальных рабочих организаций в одну международную рабочую армию для борьбы против международного капитала» [5].

Тремя выпусками, тайком отпечатанными на гектографах, выходит книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Ульянов зовет в ней социалистов быть идейными руководителями борющегося пролетариата. Зовет слить воедино теоретическую и практическую работу. Обращает внимание на то, как определяет эту работу ветеран германской социалдемократии Вильгельм Либкнехт: «Studieren, Propagandieren, Organisieren» *.

Книга становится программой, манифестом российских марксистов. Ульянов предсказывает в ней: «...русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ**... *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**». Но поведет, подчеркивает Ульянов, «рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**» [6].

О том же говорит он рабочим, когда приходит на окраины Петербурга, в нелегальные кружки, когда беседует с ними у себя в Большом Казачьем переулке...

Отсюда 25 апреля (7 мая) 1895 года **, уведомляет петербургский градоначальник, «состоящий под негласным надзором полиции сын действительного статского советника Владимир Ильин Ульянов... выбыл за границу...» [7].

Из канцелярии градоначальника донесение доставляют на Фонтанку, в департамент полиции. А в это время, воспользовавшись короткой остановкой, Ульянов сообщает матери из Зальцбурга: «По «загранице» путешествую уже вторые сутки и упражняюсь в языке...» [8]

Затем — Женева, из которой он снова шлет в Москву письмо: «Природа здесь роскошная. Я любуюсь ею все время» [9].

И все же не роскошная природа — эти нависающие над головой горные отроги, эти безумно пенящиеся воды, сосновые леса на гористых берегах,— нет, не чарующая красота, которой, впрочем, он действительно восторгается, привели сюда Владимира Ильича. И, конечно, не стремление укрепить здоровье, как утверждал он, получая заграничный паспорт, принудило отправиться в чужие края...

---

* Изучать, пропагандировать, организовать.

** Здесь и далее, когда речь идет о событиях в России, даты приводятся по старому и новому стилю, в остальных случаях — только по новому стилю.

Но письма могут перлюстрироваться русской полицией. А она не должна догадаться, что вызвана поездка назревшими потребностями российской социал-демократии. Что отправился Владимир Ильич в Швейцарию по решению, принятому в Петербурге, когда из нескольких городов собрались там члены социал-демократических групп. Что за границей намерен он не только установить непосредственные контакты с плехановской группой «Освобождение труда». Намерен в разных странах ознакомиться с рабочим движением, с тактикой социал-демократических партий в острых классовых боях. И Плеханов, и Аксельрод, столько лет живущие в эмиграции, помогут, надеется Владимир Ильич, ему установить связи в западноевропейском рабочем движении...

Когда из российского департамента полиции во все жандармские пограничные пункты уходит «Список лиц, за коими надлежит установить наблюдение за возвращением в пределы империи» — список, в котором значится и Ульянов, Владимир Ильич уже покидает Швейцарию. Но держит путь не в Россию. Перебирается во Францию. И оттуда пишет матери: «В Париже я только еще начинаю мало-мало осматриваться...» [10]

И в этом письме, как и в том, что ушло в Москву из Женевы, ни слова о делах, приведших его в Париж. Ни слова о том, что часами просиживает он в библиотеке, конспектируя Маркса и Энгельса. Знакомится с трудами о Парижской Коммуне, которых не достать было в России. Что побывал он на кладбище Пер-Лашез, у Стены коммунаров, почтил память расстрелянных героев Коммуны.

Одна из парижских встреч — с Полем Лафаргом. Не только зятем Карла Маркса — его искреннейшим почитателем. Смысл, глубину его учения раскрывает он в своих статьях, исследованиях, речах.

О чем беседуют они — умудренный опытом боец, которому идет уже шестой десяток, и двадцатипятилетний русский? Наверняка о принципах революционного марксизма, страстно отстаиваемых и Лафаргом и Ульяновым. Наверняка о тех, кто подвергает ревизии основы научного коммунизма. Против этой ревизии борются оба — один во Франции, другой в далекой России.

Лафарг расспрашивает Ульянова о русских пропагандистах. О нелегальных кружках в Российской империи. О том, что обсуждает Ульянов с друзьями, когда собираются они тайком от царской полиции.

— Обсуждаются обычно текущие события,— говорит Владимир Ильич.— Но в кружках более высокого уровня рабочие изучают произведения Маркса.

— И они читают Маркса?! — поражен Лафарг.
— Да, читают.
— И понимают?
— Понимают.
— Ну в этом-то вы ошибаетесь,— убежден Лафарг.— Они ничего не понимают. У нас даже после двадцати лет социалистического движения Маркса не понимают.

Трудно, конечно, Лафаргу поверить, что есть уже среди русских рабочих не только читающие, но и разбирающиеся в учении Маркса.

Скрытой от всех остается эта встреча с Лафаргом. Хотя российская полиция не ограничивается в отношении Ульянова указаниями о наблюдении «за возвращением в пределы империи». Запрос о «состоящем под негласным надзором полиции помощнике присяжного поверенного округа С.-Петербургской судебной палаты» поступает и к главе заграничной агентуры. Тот уведомляется, что «названный Ульянов занимается социал-демократической пропагандой среди петербургских рабочих кружков и цель его поездки за границу заключается в приискании способов к водворению в империю революционной литературы и устройстве сношений рабочих революционных кружков с заграничными эмигрантами». А посему «за деятельностью и заграничными сношениями Владимира Ульянова» [11] должно быть установлено тщательное наблюдение.

Предписание доставили в Париж, на улицу де Гренелль, в особняк российского консульства. Здесь, в небольшой комнате с выходящими во двор зарешеченными окнами,— резиденция главы русской политической полиции в Париже.

Однако предписание не застает Ульянова во французской столице. Когда оно придет на улицу де Гренелль, он уже в Берлине, где намерен познакомиться с германской социал-демократией, в свое время испытавшей на себе наиболее сильное влияние Маркса и Энгельса. Познакомиться с богатым опытом крупнейшей партии II Интернационала, пользующейся признанием, уважением у рабочих многих стран.

Владимир Ильич намерен разобраться на месте: что из накопленного немецкими социал-демократами опыта можно использовать, приступая к созданию марксистской рабочей партии в России. Что следует, в частности, перенять из методов их борьбы, когда еще действовал в Германии исключительный закон против социалистов. Когда — на протяжении двенадцати лет — были запрещены социалистические организации, собрания, печать, а лидеры немецкой социал-демократии высланы, заточены в тюрьмы.

Немецкие рабочие, знает Владимир Ильич, искусно обходили исключительный закон. Вопреки запретам, они наладили в Швейцарии издание своего центрального партийного органа. И все двенадцать лет газету благополучно перевозили через границу. Рабочие регулярно читали ее в самых разных уголках Германии.

Позднее, обдумывая план создания общерусской нелегальной газеты, Владимир Ильич обратится к опыту немецких товарищей. Напомнит, что «немецкие рабочие сумели благодаря своей организованности и дисциплинированности достичь того, что еженедельно выходящая нелегальная газета правильно ввозилась из-за границы и доставлялась на дом всем подписчикам, так что даже министры не могли не восхищаться социал-демократической почтой («красной почтой»)» [12]. Он обратит внимание русских рабочих и на «всякие прикрытия для своих политических и социалистических собраний» [13], которые французские пролетарии умело изобретали при Наполеоне III — в пору невиданного разгула полицейского террора, а немецкие — при исключительном законе. Напишет о том, что узнает здесь, в Германии, в нынешнюю свою поездку...

В Берлине Владимира Ильича застает горькая весть: 5 августа в 10 часов 30 минут вечера не стало Фридриха Энгельса.

Ульянов мечтал о встрече с ним. Мечтал с тех пор, как впервые услышал о Марксе, о его великом сподвижнике, которого считает самым замечательным после Маркса «ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире» [14].

Владимир Ильич пишет некролог. Его не удастся отыскать и через десятки лет. Но, по-видимому, этот некролог послужит ему вскоре основой для новой статьи об Энгельсе, в которой он назовет его духовным руководителем рабочего движения, советником и руководителем европейских социалистов. Назовет и лучшим другом русских революционеров. Владимир Ильич расскажет, как живо интересовался Энгельс Россией. С каким сочувствием следил за русским революционным движением. Какой отзвук находила в душах Маркса и Энгельса героическая борьба с царским правительством еще немногочисленных русских революционеров. Борьба, по глубокому убеждению Энгельса, важная не только для российского пролетариата. Играющая большую роль в развитии рабочего движения на Западе...

Ульянов снимает комнату у фрау Куррейк — в районе Моабита, на Фленсбургерштрассе. И отсюда, пишет матери, ходит «по разным народным вечерам» [15]. Но умалчивает, что «народные вечера» — не что иное, как рабочие собрания.

Ходит Владимир Ильич на собрания с Вильгельмом Бухголь-

цем. Они встречались еще в Самаре. За «вольнодумство» того исключили из университета. Четыре года назад его — немецкого подданного — выдворили из России. И Владимир Ильич просил тогда Бухгольца писать ему о рабочем движении в Берлине, о делах германской социал-демократии.

Теперь давний знакомый — корреспондент газеты «Форвертс». Вместе отправились они однажды в предместье Берлина. В пивном баре на Франкфуртераллее собираются в этот вечер социал-демократы. Выступает Артур Штадтгаген — депутат рейхстага, принадлежащий к левому крылу социал-демократии. Излагает свою точку зрения на проект аграрной программы партии.

Штадтгаген, которого внимательно слушает Владимир Ильич, придерживается ультралевых взглядов. Утверждает, что при нынешнем строе нечего и думать об изменении жизненного уровня крестьян. Обещание же частичных реформ, по его мнению, затемняет их сознание, вселяет в них несбыточные надежды на возможность улучшения их положения в буржуазном обществе.

— Как вы оцениваете то, о чем говорил Штадтгаген? — спрашивает Бухгольц.

И Владимир Ильич решительно заявляет:

— Я не согласен с его позицией...

Идет второй месяц, как Ульянов в Берлине. Он пишет матери: «Живу я здесь все так же и обжился уже настолько, что чувствую себя почти как дома, и охотно остался бы тут подольше,— но время подходит уже уезжать...» [16]

Перед самым отъездом Владимир Ильич отправляется в берлинское предместье — Шарлоттенбург. Он принимает все меры предосторожности. Чтобы не проведали о том тайные агенты российской политической полиции, наверняка имеющиеся и тут, в Берлине. Ведь в Шарлоттенбурге, на Кантштрассе, живет Вильгельм Либкнехт — один из старейших руководителей Германской социал-демократической партии, редактор ее центрального органа — газеты «Форвертс». На него ссылался Ульянов в своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Либкнехту написал по его просьбе Плеханов: «Рекомендую Вам одного из наших лучших русских друзей. Он возвращается в Россию, вот почему необходимо, чтобы о его посещении Шарлоттенбурга никому не было известно. Он расскажет Вам об одном, очень важном для нас деле. Я уверен, что Вы сделаете все от Вас зависящее. Он сообщит Вам также новости о нас» [17].

Не в эти ли осенние дни 1895 года устанавливает молодой Ульянов первые свои контакты с «Форвертс»?

Вопрос останется открытым и десятилетия спустя. В архиве

отыщется лишь короткое свидетельство В. Бухгольца, при посредничестве которого группа «Освобождение труда» осуществляла связь с Россией. То, что напишет он из Берлина Плеханову: «Тот русский, который являлся к Либкнехту с письмом от Вас, посылает лишь изредка сообщение в «Vorwärts»...» [18]

«Тот русский» — не Ульянов ли это?

«СТАТЬ С НИМИ ПОД ОБЩЕЕ ЗНАМЯ...»

Слякотным осенним днем из Петербурга в Цюрих, Аксельроду, уходит письмо. Ульянов сообщает: «Беседовал с публикой о сборнике. Большинство согласно с мыслью о необходимости такого издания и обещают поддержку и доставление материала...» [1]

Владимир Ильич имеет в виду сборник, о котором договорился с Плехановым и Аксельродом. Выходить он будет в Швейцарии под редакцией группы «Освобождение труда». Но статьи, корреспонденции для него надо готовить в России.

Через Гельсингфорс и Стокгольм при посредстве шведского социал-демократа Брантинга, одного норвежского социал-демократа и шведского рабочего А. Вейделя шлет Владимир Ильич в Швейцарию первые материалы для сборника. В том числе — статью о Фридрихе Энгельсе.

Владимир Ильич заявляет в ней: «Вся писаная история до сих пор была историей классовой борьбы, сменой господства и побед одних общественных классов над другими. И это будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнут основы классовой борьбы и классового господства — частная собственность и беспорядочное общественное производство. Интересы пролетариата требуют уничтожения этих основ, и потому против них должна быть направлена сознательная классовая борьба организованных рабочих. А всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Эти взгляды Маркса и Энгельса усвоены теперь всем борющимся за свое освобождение пролетариатом...» [2]

Еще за рубежом собрал Владимир Ильич материалы о жизни, деятельности основоположников марксизма. И в статье он воскрешает жизненный путь Энгельса, характеризует его выдающуюся роль в освободительном движении международного пролетариата. Подчеркивает, что «самый сочувственный отзвук» нашла в душе Энгельса «героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством» [3].

Только свободная Россия, не нуждающаяся в угнетении других народов, не заинтересованная в постоянном стравливании Франции с Германией, убежден Владимир Ильич, способна будет дать современной Европе свободно вздохнуть от военных тя-

гот, ослабить ее реакционные элементы, увеличить силу европейского рабочего класса. «Вот почему Энгельс,— заявляет он,— и для успехов рабочего движения на Западе горячо желал водворения в России политической свободы» [4].

Ульянов отправляет статью в Швейцарию. Запрашивает же «вышедшие брошюрки в Женеве». Просит прислать «интересные вырезки из «Vorwärts» [5], чтобы оставаться в курсе всех дел германских социал-демократов.

Уже второй месяц, как Владимир Ильич снова в Петербурге.

Глубокой осенью здесь, на Симбирской, у Степана Радченко, собирается горсточка революционных марксистов. Они решают: все марксистские рабочие кружки столицы объединить в социал-демократическую организацию. Пройдет немного времени, и этот первый зачаток революционной партии в России назовут «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Впервые в России станет он осуществлять соединение идей научного социализма с рабочим движением.

Во главе «Союза борьбы...» — Ульянов. Через группу «Освобождение труда», с которой установил он теснейшие связи, руководимый им союз вступает в контакты с социалистическими партиями Европы.

Но охранка выслеживает участников подпольной революционной организации. В ночь на 9(21) декабря Ульянова и его соратников из разных концов Петербурга доставляют на Шпалерную, в дом предварительного заключения.

Русские газеты, разумеется, умалчивают об аресте «лиц, занимающихся, согласно официальному донесению, преступной пропагандой среди петербургских заводских и фабричных рабочих» [6]. И все же о том узнают за пределами России. Журнал «Ден» Болгарской социал-демократической рабочей партии сообщает об ударе, нанесенном в Петербурге по молодому еще «Союзу борьбы...» [7]. О том, что среди арестованных русских социалистических деятелей — «адвокат Ульянов» [8]. Корреспонденцию об обысках и арестах в российской столице публикуют лондонские «Летучие листки». И в них также называется имя Владимира Ульянова. О его аресте узнают читатели центрального органа германских социал-демократов «Форвертс». В то самое время, когда Ульянов находится в заключении, газета сообщает об издании в России его брошюры «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Признает, что «подобные брошюры... имеют огромное значение для укрепления социал-демократического сознания в широких кругах рабочих», выражая надежду, что «подобная рабочая литература разовьется в значительный фактор политического пробуждения русского пролетариата» [9].

Из одиночной камеры № 193 Ульянов налаживает связи с волей. Отсюда, со Шпалерной, руководит товарищами, действующими в подполье. Он пересылает им написанную в камере майскую листовку. Не этот ли ленинский листок, который не удастся впоследствии обнаружить, ложится в основу тайком распространяемой «Союзом борьбы...» прокламации «Рабочий праздник 1 Мая»?

Прокламация знакомит с тем, как отмечают первомайский день в Англии, Франции, Германии, других странах. В ней пожелание братьям по классу, чтобы их борьба скорее привела к желанной победе. Когда не будет ни господ, ни рабов, ни капиталистов, ни рабочих, а все будут одинаково трудиться и одинаково разумно наслаждаться жизнью. Прокламация зовет и питерских пролетариев способствовать великому делу объединения рабочих в национальном и международном масштабе. Она утверждает: «Пора и нам, русским рабочим, разорвать цепи, которыми опутали нас капиталисты и правительство, чтобы держать в угнетении, пора и нам присоединиться к борьбе наших братьев, рабочих других государств, стать с ними под общее знамя, на котором написано: *«Рабочие всех стран, соединяйтесь!»* [10]

Ульянов находится в заключении. А созданную им нелегальную организацию российских социал-демократов уже оценили далеко за пределами Петербурга и даже России.

В январе 1896 года орган Социал-демократической партии Румынии «Лумя ноуэ» сообщает, что в России теперь имеется «движение действительно пролетарское, движение социал-демократическое». Полгода спустя эта же бухарестская газета уведомляет читателей о существовании в Петербурге «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

«Арбейтер Цайтунг» — центральный орган социалистической партии Австрии связывает с «Союзом борьбы...» стачку петербургских текстильщиков. Впервые, подчеркивает газета, российский пролетариат ведет планомерную, сознательную борьбу. Петербургские стачки, убеждена она, «открывают новый период в развитии России». Они показывают, что «русское социалистическое движение из области политической теории вступает на почву практической классовой борьбы» [11].

27 июня о том же пишет германская «Форвертс». Она отмечает, что в массы русских рабочих уже проникают и проникают успешно идеи научного социализма. «Главная заслуга в этом,— убеждена «Форвертс»,— принадлежит петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», который неутомимо работает над делом распространения основ социализма в России». Газета сообщает, что «с петербургскими рабочими, которые, вопреки кнуту

царизма, гордо и мужественно, под знаменем международного социализма, подняли борьбу против угнетения» [12], солидарны рабочие массы всей Германии.

В эти июньские дни, когда румынская, австрийская, германская газеты пишут о «Союзе борьбы...», Ульянов в тюремном одиночестве, в давящей тишине камеры обдумывает следующие шаги к созданию российской пролетарской партии.

В двери щелкает глазок. Заглядывает надзиратель. Все, кажется, в порядке. Заключенный, как всегда, за привинченным к стене маленьким железным столиком. И не видит, конечно, фельдфебель, что стоит сейчас перед Ульяновым крошечная чернильница. Сделана она из хлеба. А налито в нее молоко. И молоком между строк не вызывающей подозрения книги пишет Владимир Ильич проект и объяснение программы социал-демократической партии.

«Борьбу с господством класса капиталистов,— констатирует он,— ведут в настоящее время уже рабочие всех европейских стран, а также рабочие Америки и Австралии. Соединение и сплочение рабочего класса не ограничивается пределами одной страны или одной национальности: рабочие партии разных государств громко заявляют о полной одинаковости (солидарности) интересов и целей рабочих всего мира. Они собираются вместе на общие конгрессы, выставляют общие требования к классу капиталистов всех стран, учреждают международный праздник всего объединенного, стремящегося к своему освобождению, пролетариата (1 Мая), сплачивая рабочий класс всех национальностей и всех стран в одну великую рабочую армию» [13].

Владимир Ильич пишет на волю о важнейших требованиях интернационализма. Подчеркивает солидарность интересов, целей рабочих всех стран. Указывает на то, что их объединение «вызывается необходимостью» [14]. Что «товарищем русского рабочего в борьбе против класса капиталистов является и рабочий немец, и рабочий поляк, и рабочий француз, точно так же, как врагом его являются капиталисты и русские, и польские, и французские» [15].

В субботу, когда Крупская приносит на Шпалерную для Ульянова новую партию заказанных им книг, ей возвращают те, что она доставила неделю назад. Дома, наметанным глазом, в одном из томов отыскивает Надежда Константиновна чуть пожелтевшие листы. Нагревает их над лампой. И выступает между печатных строк написанное бисерным почерком Владимира Ильича. Выступают слова, зовущие к сплочению российских пролетариев с пролетариями всех стран: «Международный капитал протянул уже свою руку и на Россию. Русские рабочие протягивают руки международному рабочему движению...» [16]

Пока Владимир Ильич на Шпалерной, приходят к нему вести

о грандиозной стачке питерских текстильщиков, потребовавших сокращения рабочего дня, повышения расценок, правильной и своевременной выдачи зарплаты. О стачке, на которую откликнулись рабочие не только России! «Петербургская стачка,— сообщит женевский «Листок Работника»,— привлекла к себе внимание всего образованного мира. Ее приветствовали, как начало новой эпохи в жизни русского народа, сознательные рабочие всех стран. Мало того, даже противники социалистов и прямые враги их, все буржуазные газеты Европы и Америки следили за нею как за чрезвычайно важным событием» [17].

Об этом узнает Ульянов. В тюремную камеру разными путями проникают радующие его сообщения о помощи международного пролетариата. Через «Арбейтер Цайтунг» — газету Австрийской социал-демократической партии — в 1896 году передано для русских рабочих 265 гульденов. Значительная сумма прислана из Германии. В Лондоне на заседании Комитета по подготовке созыва Международного социалистического конгресса сообщение о стачке в Петербурге сделала Элеонора Маркс-Эвелинг, и по ее призыву в Англии также начат сбор средств в пользу стачечников. Поддержку русским оказывают и рабочие Нью-Йорка. «После вашей стачки,— пишут они в Петербург,— и умственно слепые люди должны признать, что и в России началась освободительная борьба рабочих против хозяйского и правительственного гнета, что и русский пролетариат стал в ряды всемирной армии социал-демократов...» [18].

Из своей камеры Ульянов следит за тем, что назовет знаменитой петербургской промышленной войной. И поздней осенью, возвращаясь к событиям грозного лета, напишет о них в листовке «Царскому правительству». Напишет о том, что впервые применен был к России великий принцип международной братской помощи. «На мирных рабочих, восставших за свои права, защищавших себя от произвола фабрикантов,— заявляет он в переправленной из тюрьмы и на воле отпечатанной на мимеографе листовке,— обрушилась вся сила государственной власти, с полицией и войском, жандармами и прокурорами...». Русские же рабочие держались «на свои гроши и гроши их товарищей, английских, польских, немецких и австрийских рабочих...» [19].

Когда Владимир Ильич пишет эту листовку, среди питерских рабочих ходит по рукам доставленное из Лондона, переведенное на русский язык письмо «Соединенного комитета по делам русской стачки». Генеральный секретарь Независимой рабочей партии Т. Манн, секретарь парламентской комиссии тред-юнионского конгресса С. Вудс, председатель Лондонского совета рабочих союзов Бэн-Купер, секретарь этого совета Дж. Макдональд и другие заверяют петербургских пролетариев: при повторении стач-

ки «британский народ не замедлит опять выразить свою готовность оказать поддержку своим русским братьям» [20].

Ходит по российской столице и ответ по-прежнему руководимого Ульяновым «Союза борьбы...»: «Британские рабочие показали нам великий пример международной солидарности рабочего класса. Спасибо им за это. Русский рабочий не забудет дружеской руки, протянутой ему в минуту борьбы, в решительный момент его выступления на сцену всемирной истории. В тяжелой борьбе, которую он ведет, его непрестанно будет поддерживать мысль, что он член одной великой международной рабочей семьи и что, в каком бы уголке земного шара ни загоралась борьба рабочих за свое освобождение, за нею пристально следят представители воинствующего пролетариата всех стран и, не ожидая клича «помогите», спешат па помощь...» [21]

Еще два месяца проводит в заключении Ульянов. И наступает февральский день 1897 года. Подписывается «высочайшее повеление» о высылке Ульянова в Восточную Сибирь. Но об этом в российских газетах нет, разумеется, ни строчки. Зато находим мы их в румынской «Мискаря Сочялиста»:

«Великий император избавился от группы молодых борцов за освобождение пролетариата. Студент Технологического института Петр Запорожец был отправлен на пять лет заключения в Восточную Сибирь. Его товарищи, государственный служащий Ульянов, инженеры-механики Кржижановский и Старков... должны будут отправиться в эту «приятную» страну и прожить там три года...»

Газета румынских социалистов выражает уверенность в том, что «все эти меры не смогут предотвратить развитие пролетарского движения в России». Что высылка Ульянова и его товарищей «не задержит ни на секунду победу передовых идей» [22].

О приговоре руководителям петербургского «Союза борьбы...» сообщает «Форвертс». И немецкая газета перечисляет лиц, приговоренных к высылке в Восточную Сибирь. Называет среди них Владимира Ульянова.

Шу-шу-шу, как шутя зовет Владимир Ильич село Шушенское,— место его ссылки.

Он встает тут на рассвете. И если заглянуть в этот ранний час в окошко комнаты, снятой им в крестьянском доме, можно увидеть его склонившимся над столом. Здесь, в медвежьем углу, трудится он над книгой о развитии капитализма в России. Работает над статьями, направленными против разброда, шатаний в среде революционной интеллигенции. Против ревизионизма — и российского, и международного. Против любых попыток и в России, и на Западе извратить учение основателей научного социализма.

Тысячи верст отделяют его теперь от Петербурга и Москвы — от крупнейших российских библиотек, от книжных лавок, где нередко можно раздобыть труды даже европейских социал-демократов. И все же он и здесь должен знать все новое в зарубежной социалистической литературе. Знать, что выходит на Западе о борьбе классов, рабочем движении, теории и революционной практике социал-демократии. Едва Владимир Ильич обосновывается в Шушенском, как пишет сестре Анне: пусть выпишет она ему берлинский «Социале Праксис», лейпцигский «Архиф фюр социале Гезельцгебунг унд Статистик», лондонскую «Лейбор Газет». Пусть раздобывает для него каталоги, проспекты — не только русские, но и зарубежные. А когда другая сестра — Мария отправляется в Брюссель, шлет поручение и ей: «Насчет газет и книжек, пожалуйста, добывай, что можно. Каталоги присылай всяческие и букинистов и книжных магазинов на всех языках... из газет бывают часто особенно интересны официальные органы, содержащие стенографические отчеты о прениях парламентов. Если ты разузнаешь, где продают эти газеты (есть ли в Брюсселе только бельгийские или и французские и английские?), и будешь присылать *интересные* номера (ты ведь следишь за газетами, надеюсь?), то это будет очень хорошо. Советую тебе не ограничиваться бельгийскими газетами, а выписать еще какую-нибудь немецкую...» [23].

Но и этого ему недостаточно. Получив из Брюсселя каталоги, в том числе английские, Владимир Ильич снова пишет Марии: «Интересно бы почитать стенографические отчеты о некоторых интересных прениях в парламентах. В Париже, например, их можно найти в «Journal officiel», который продается, конечно, и отдельными номерами... Вероятно, и в бельгийской правительственной газете печатаются такие же отчеты».

И в том же письме:

«Если попадется у букинистов литература по экономии сельского хозяйства во Франции, Англии и т. п. (сельскохозяйственная статистика, enquête'ы *, отчеты английских комиссий) или по истории форм промышленности (между прочим, Babbage, Ure,— старинные писатели по этому вопросу), то приобрети, буде цены умеренные» [24].

Ему шлют сюда новые книги, журналы, газетные вырезки, сами газеты. Шлют в таком количестве, что всем этим уже забиты полки, занимающие стену от низу до потолка. И среди присланного — литература зарубежная. Даже та, которую в обеих столицах получили совсем недавно. «Читаю я сейчас Labriola, Essais sur la conception matérialiste de L'histoire,— сообщает Владимир Ильич

* Анкеты.

сестре Анне.— Чрезвычайно дельная и интересная вещь»[25]. Сообщает в декабре 1897 года. Спустя всего лишь несколько месяцев в Париже, в издании «Интернациональной социалистической библиотеки», вышел французский перевод этого труда, который оценивает он высоко. Считает «чрезвычайно умной защитой»[26] марксизма. И настоятельно советует перевести на русский язык. А пока на книгу итальянского литератора и философа ссылается в своей статье «Перлы народнического прожектерства».

Как огорчается Владимир Ильич, если из газет, от товарищей по ссылке узнает о какой-нибудь новой книге, почему-то еще ему не присланной! «Очень интересны теперь прения в Германии о книге Бернштейна,— пишет он в мае 1899 года сестре Анне,— а я не видел ни этой книги ни чего-либо писанного о ней (кроме случайных заметок в «Frankfurter Zeitung»). Жаль очень»[27].

Минувшей осенью, в той же «Франкфуртер Цайтунг», Владимир Ильич прочел о Штутгартском съезде Германской социал-демократической партии. Узнал, что впервые обсуждался на нем вопрос о ревизионизме в немецкой социал-демократии. И хоть не было на съезде Эдуарда Бернштейна — лидера ревизионистов, оглашалось присланное им письмо.

Нет, Бернштейн не намерен был признаться в том, что является противником Маркса. Напротив, он называет себя его учеником. Но дайте возможность «поправить» учителя в вопросах теории и политики! И он делает это в письме съезду. Повторяет уже сказанное им ранее в «Нойе Цайт». Проповедует «узкий», «догматический» марксизм. Призывает к «свободе критики». Отвергает идею социальной революции, диктатуры пролетариата, сводя классовую борьбу к мелким постепенным реформам.

И вот — новая книга этого теоретика реформизма и ревизионизма. Даже «случайные заметки» о ней во «Франкфуртер Цайтунг» и в петербургском журнале «Жизнь» настораживают Владимира Ильича. «...Я вполне убедился в том,— пишет он в Вятскую губернию А. Потресову,— что я понимал отрывочные статьи Бернштейна неверно и что он заврался действительно до невозможности, до того, что его приходится именно *begraben* *, как выразился автор «Beiträge zur Geschichte des Materialismus ** в открытом письме к Каутскому. Новые для меня возражения Бернштейна против материалистического понимания истории... и проч. (по «Жизни») поражают своей слабостью»[28].

Тем более важно познакомиться с книгой этого, как назовет он его позднее, «геростратовски знаменитого»[29] Бернштейна. Вла-

* Похоронить, угробить.

** «Очерков по истории материализма» (книга Г. Плеханова, вышла в 1896 году).

димир Ильич сообщает родным, что ждет ее *«с великим нетерпением»* [30]. Ведь, чем больше кричат о Бернштейне, чем больше «пользуются им разные тупоголовые буржуи и «молодые» (во всех смыслах) не буржуи, тем необходимее скорее ознакомиться с этим «новейшим» героем оппортунизма» [31].

Совсем недавно к М. Сильвину, в село Ермаковское, приехала невеста. Она привезла Владимиру Ильичу написанное химическим способом письмо от Анны Ильиничны. Только через две недели удалось доставить его в Шушенское. В письме оказался текст «Credo» — манифеста так называемых «молодых» русских социал-демократов. Изложили они в нем то, что называют «новыми воззрениями». Не раз ссылаются они на Бернштейна. Его концепциями стремятся обосновать свое намерение свернуть российскую социал-демократию с уже намеченного ею пути, не допустить образования самостоятельной политической рабочей партии.

И Владимир Ильич засел за «Анти-кредо», которое войдет в историю как «Протест российских социал-демократов». Он спорил и с Кусковой — автором «Credo», и с теми, кто поддерживал глубоко возмутивший его манифест «экономистов»:

«Credo»: «Почти повсюду на Западе рабочий класс, как класс, не завоевал демократических учреждений,— он ими пользовался. Нам могут возразить, что он участвовал в революциях. Исторические справки опровергнут это мнение...» [32]

Ульянов: «Неверно, что рабочий класс на Западе не участвовал в борьбе за политическую свободу и в политических революциях. История чартизма, революция 48 г. во Франции, Германии, Австрии доказывают обратное» [33].

«Credo»: «Марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической. И в Бельгии, и во Франции, особенно в Германии рабочие с невероятной легкостью организовали политическую борьбу и с страшным трудом, с огромным трением — экономическую» [34].

Ульянов: «Совершенно неверно... Даже тогда, когда марксизм выступил во всеоружии теории («Капитал») и организовал знаменитое Международное общество рабочих, политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкий тред-юнионизм в Англии, анархизм и прудонизм в романских странах). В Германии великая историческая заслуга Лассаля состояла в том, что он превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию. Марксизм связал в одно неразрывное целое экономическую и политическую борьбу рабочего класса, и стремление авторов «credo» отделить

эти формы борьбы принадлежит к самым неудачным и печальным отступлениям их от марксизма...» [35]

Владимир Ильич призвал объявить войну «новым воззрениям» российских бернштейнианцев, основанным в значительной степени на неверных представлениях о прошлом и современном положении западноевропейского рабочего движения. С написанным «Протестом...» он отправился в село Ермаковское. Огласил его собравшимся там политическим ссыльным. И 17 подписей скрепили документ, в котором подлинные марксисты дали решительный отпор ревизионизму в рабочем движении, разоблачили «экономизм» как русскую разновидность международного оппортунизма.

Уже тогда знал Владимир Ильич: 9 октября 1899 года в Ганновере собирается новый съезд германских социал-демократов. Он знал: опять пойдет на нем речь о Бернштейне. И там, как и в глухом сибирском селе, будет дан бой (может быть, на сей раз более решительный, чем в Штутгарте?) Бернштейну и его сторонникам — тем, кто выступает против основных программных положений, против тактики Германской социал-демократической партии. Кто призывает соединить марксизм с идеалистическими взглядами Канта, примирив, таким образом, материализм с идеализмом, пролетариат с буржуазией.

Почти за полтора месяца до открытия съезда Владимир Ильич принимает меры, чтобы здесь, в Шушенском, своевременно получить отчеты о его заседаниях. «Напиши своим знакомым (я просил бы и Аню сделать это) за границей,— поручает он сестре Марии,— выслать те номера газеты, в коих будет отчет, хотя бы даже «Frankfurter Zeitung», которая проходит в Россию. Если знакомые не берутся прислать ни «Vorwärts» ни «Frankfurter Zeitung», тогда нельзя ли *выписать* «Frankfurter Zeitung» через московский почтамт *на октябрь месяц»* [36].

Из немецких газет, доставляемых в Шушенское, узнает вскоре Владимир Ильич: Бебель в Ганновере, на съезде, нанес удар по ревизионизму; в шестичасовом докладе он отверг попытки Бернштейна обвинить марксизм в догматизме, в абстрактности. «Бебель,— заявит позднее Владимир Ильич,— выразил настроение рабочих масс и их твердое убеждение в необходимости борьбы за неурезанные лозунги, когда восстал со всей энергией против этого поветрия» [37].

А в Шушенское, между тем, завернутая в номер «Московских ведомостей», приходит, наконец, книга Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» — та самая, которую *«с великим нетерпением»* [38] ждет Владимир Ильич.

Он садится за книгу сразу же. Читает вместе с Надеждой Константиновной, приехавшей к нему еще прошлым летом.

Владимир Ильич поражается: как же теоретически слаба эта книга! И мысли в ней повторяются чужие! Одни лишь фразы о критике. А критики-то серьезной, самостоятельной нет даже в помине. Это, вновь приходит к заключению Владимир Ильич,— оппортунизм, безграничный оппортунизм, притом *«трусливый* оппортунизм, ибо программы Бернштейн прямо трогать не хочет» [39].

В эти дни на столе Владимира Ильича лежит второй том «Индустриальной демократии» Сиднея и Беатрисы Вебб. Первый он с Надеждой Константиновной уже перевел на русский язык. Перевод второго ему только что прислали. Владимир Ильич его редактирует, а значительную часть вынужден переводить заново. И прочтя сейчас Бернштейна, убеждается: истоки его идей, его стремлений свернуть рабочее движение на путь оппортунизма — в работах английских реформистов, в программе враждебного марксизму Фабианского общества, отрицающего необходимость классовой борьбы пролетариата, утверждающего, что только мелкими реформами, постепенно следует идти от капитализма к социализму.

Из Шушенского ссыльный Ульянов поддерживает тех, кто развенчивает лидера крайнего оппортунистического крыла германской социал-демократии. Оставив все дела, Владимир Ильич берется за перевод книги К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика». Совсем недавно вышла она в Штутгарте, но попала уже в Россию. И несколько дней назад ее прислал ему Потресов. Прислал, однако, ненадолго. Поэтому с переводом надо торопиться. «...Мы побросали все дела,— пишет Надежда Константиновна,— и перевели ее в срок — в две недели» [40].

На скорое издание перевода надеяться не приходится. Но если нельзя издать перевод «антикритики», с ним можно, во всяком случае, познакомить ссыльных социал-демократов. «Перевод книги Каутского, сделанный на обыкновенных ученических тетрадях, исписанных мелким почерком Владимира Ильича,— свидетельствует М. Сильвин,— переходил у нас из рук в руки, путешествуя по всем окрестным колониям, из Минусинска в Тесь, оттуда в Ермаковское, опять в Шушу. Я помню эти тетради уже в сильно потрепанном виде. Мы переписывали их и пересылали в другие, более отдаленные колонии. Случалось, они путешествовали очень далеко» [41]. Переведенная Владимиром Ильичем книга Каутского, узнаем от жившего в Ермаковском П. Лепешинского, становится «не последним из источников для оживленной беседы» [42].

Беседы не только об оппортунистах. Но и о книге, ее авторе. Да, Каутский ответил Бернштейну правильно. Но не носят ли его

возражения слишком уж академический, объективистский характер? Ведь и на Западе, и в России ревизионисты подняли голову. Говоря словами Владимира Ильича, международная социал-демократия переживает «шатание мысли» [43]. Слишком часто раздаются теперь голоса об «устарелости» учения Маркса и Энгельса. Не следует ли в спорах с «обновителями» марксистской теории отказаться от объективизма, академического стиля?

Иным тоном ведет с ними спор Ульянов. Бернштейна и прочих «обновителей» бичует гневно, возмущенно: «...они не подвинули ни на шаг вперед той науки, которую завещали нам развивать Маркс и Энгельс; они не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только пятились назад, перенимая обрывки отсталых теорий и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к правительствам и буржуазным партиям, которые не устают изыскивать новые средства для травли социалистов» [44].

Без борьбы с ревизионистами, убежден Владимир Ильич, немыслимо объединение на прочной почве и русских социал-демократов. Бессонными ночами он обдумывает, как направить дело по нужному руслу. Переписывается об этом с единомышленниками. Вновь и вновь обращается к накопленному на Западе опыту рабочего и социалистического движения. К его целям, задачам, к тому положительному, что есть в известных ему программах международной социал-демократии.

Размышляя о путях создания социал-демократической рабочей партии в России, Владимир Ильич приходит к заключению: «История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения,— таков тот *материал*, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии» [45].

С этой целью обращается он и к принятой восемь лет назад в Эрфурте, не раз читанной им программе германской социал-демократии, из которой, считает Владимир Ильич, следует взять все то ценное, нужное, что отвечает целям, задачам российской социал-демократии. «Мы нисколько не боимся сказать,— заявляет он,— что мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что̀ хорошо, нет ничего дурного, и именно теперь, когда так часто слышишь оппортунистическую и половинчатую критику этой программы, мы считаем своим долгом открыто высказаться за нее». Так же как и в России, в Западной Европе, утверждает Владимир Ильич, «мы видим те же *основные* процессы развития капитализма, те же *основные* задачи социалистов и рабочего класса» [46].

Но он предостерегает: вполне законны и подражание, и заимствование; исключается, однако, простое списывание. Ни в коем случае нельзя забывать об особенностях России! Если в Западной Европе, в Соединенных Штатах Америки социалистические партии функционируют легально, то в России социал-демократические кружки и группы подвергаются беспощадным преследованиям. Если во всех западноевропейских странах и в США профессиональные союзы объединяют миллионы рабочих, то в России до сих пор их попросту нет. Только в России из всех стран Европы сохранилась абсолютная монархия. Только здесь власть царя, его чиновников не ограничена ничем. А против борющихся за свои права рабочих бросают полицию, войска.

Об особенности обстановки в России и необходимости творческого использования зарубежного опыта писал Владимир Ильич недавно в статье «Наша ближайшая задача». И развивает эту мысль сейчас, в «Проекте программы нашей партии».

Он пишет его в самом конце 1899 года. Это — проект программы рабочей партии, провозглашенной на первом съезде, но не существующей еще как единое, централизованное целое. Революционной марксистской партии, которая коренным образом должна отличаться от социал-демократических партий II Интернационала. Ей ни в коем случае не следует, как происходит это на Западе, терпеть в своих рядах оппортунистов, реформистов.

Зарубежный опыт подтверждает: повсюду важную роль в создании марксистских партий играли рабочие, социалистические газеты. Они способствовали сплочению единомышленников, развитию социалистического движения во всех странах Запада. Но еще большую роль, уверен Владимир Ильич, суждено печатному партийному органу сыграть в России.

Нет у русской социал-демократии того, что есть, в частности, у рабочих Германии, Франции. Кроме газет они обладают и другими способами своей публичной деятельности, большими возможностями организации движения. Владимир Ильич перечисляет их: участие в работе парламента и местных общественных учреждений, выборная агитация, народные собрания, профессиональные союзы.

«У нас *заменой всего этого,* но именно *всего* этого,— призывает Владимир Ильич,— должна служить — пока мы не завоевали политической свободы — революционная газета...»

Вновь, как и пять лет назад, напоминает он о призыве Либкнехта:

— Studieren, propagandieren, organisieren...

И заявляет: «...практическим лозунгом нашей работы служат слова ветерана германской социал-демократии, Либкнехта...—

учиться, пропагандировать, организовать — и центральным пунктом этой деятельности может и должен быть только *орган партии*»[47].

Проходит несколько месяцев. Истекает наконец срок ссылки. Ульянов выбирается из сибирской глуши. Ему запрещается жить в значительной части России. Однако «состоящий под негласным надзором» пренебрегает строжайшим запретом. Появляется и в тех городах, где быть ему не положено. Тайком встречается с единомышленниками. Договаривается о шифрах, адресах, связях — о том, без чего немыслимо ни издание за рубежом, ни тайная доставка через границу, ни распространение нелегальной общерусской социал-демократической газеты.

Он покидает Россию июльским днем 1900 года...

ПОД ЗНАМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Поезд идет в Нюрнберг...

Ульянов побывал уже в Швейцарии. Сперва в Цюрихе. Потом — в Женеве. Жил в деревенской гостинице в шести километрах от города. Отсюда ездил в раскинувшиеся по берегу озера дачные местечки.

Там, подальше от агентов российской политической полиции, обсуждал Ульянов с членами группы «Освобождение труда» проект написанного им заявления редакции газеты «Искра» и теоретического журнала «Заря». Обсуждал пути создания «действительно общерусского социал-демократического органа»[1], без чего немыслима организация «единой и крепкой партии, ведущей борьбу под знаменем революционной социал-демократической программы...»[2].

И в проекте заявления Владимир Ильич не обошел вниманием «знаменитого своим банкротством»[3] Бернштейна, смеющего утверждать, «будто большинство действующих в России социал-демократов стоит за него»[4]. Но ведь это «большинство» — всего лишь те, кто причастен к русской легальной литературе, называемой ими марксистской. На самом деле она — «пародия на марксизм»[5]. Эта литература развращает общественное сознание, усиливает анархию и разброд.

Владимир Ильич вновь подтвердил, о чем писал раньше: «По своим воззрениям мы вполне разделяем все основные идеи марксизма...»[6] И вновь с марксистских позиций осудил «половинчатые, оппортунистические поправки»[7], которые вошли в моду с легкой руки Бернштейна. Он заявил, что газета должна уделять значи-

тельное место теории, сохраняя неразрывную связь ее с вопросами, выдвигаемыми жизнью, внутренней и международной политикой. Указал на задачу первостепенной важности: «Само собой разумеется, что в неразрывной связи с вопросами общей теории должно стоять и ознакомление с рабочим движением на Западе, его историей и его современным состоянием» [8].

Где обосноваться редакции?

Еще до того, как покинуть Россию, Владимир Ильич обратился за содействием к А. Калмыковой, книжный склад которой в Петербурге служил социал-демократам весьма удобной явкой. «Я должна была,— вспомнит та,— ехать раньше, повидаться с главарями социал-демократической партии, Бебелем и др. Передать им деньги и спросить, куда направляться Владимиру Ильичу для жительства, так как пребывание в Пруссии было невозможно. Ими указана была Бавария» [9].

Так и решили с членами группы «Освобождение труда»: редакция обоснуется в Мюнхене, где множество русских студентов, но нет политических эмигрантов из России. А следовательно, меньше шансов напороться на агента русской охранки и проще укрыться от немецкой полиции.

Из шести редакторов «Искры» в Мюнхен отправляется, однако, один лишь Ульянов. Теперь он уже герр Мейер. И под этим именем, прежде чем появиться в Мюнхене, заезжает в Нюрнберг.

Тут предстоит встреча с Адольфом Брауном, одним из руководителей германской социал-демократии, в течение ряда лет — фактическим руководителем «Форвертс». Еще в 1895 году познакомился с ним в Берлине Владимир Ильич. Но с той поры многое изменилось. Браун, высланный из Пруссии, живет сейчас в Нюрнберге нелегально, без прописки. Поэтому, встречаясь с ним, соблюдает Ульянов строжайшую конспирацию. И чтобы о встрече с Брауном не пронюхала ни немецкая полиция, ни заграничная агентура русской политической полиции, он из Нюрнберга в Подольск пишет матери о своей поездке в Париж, хотя там не был. О том, что ездил якобы кататься на Рейн. Что проводит «время недурно» [10], умалчивая, разумеется, что находится в Нюрнберге по делам создаваемой газеты.

С Брауном Владимир Ильич договаривается о помощи. Советуется, где лучше тайно набирать и печатать газету. Ведь у немцев немалый опыт в этом деле.

Здесь перерабатывает Владимир Ильич написанный им ранее проект заявления об издании «Искры». Пройдет некоторое время, и его отпечатают отдельным листком, перебросят в Россию. Уже не «знаменитым своим банкротством», а «экс-марксистом или вернее экс-социалистом» называет Владимир Ильич Бернштейна в

этом первом программном искровском документе. Бывшим марксистом! Бывшим социалистом! Еще резче выступает против всяческого «шатанья мысли», против увлечения «модной «критикой марксизма» и «бернштейниадой»», против «взглядов так называемого «экономического» направления» [11] — всего того, что призвано задержать социал-демократическое рабочее движение на его низшей стадии.

И снова Владимир Ильич в пути. Но и на сей раз не в Мюнхен везет его поезд. Он выходит в Праге. Где его ждут дела, также связанные с газетой. Где с чешскими социал-демократами он надеется договориться о «транзитном» адресе для почты от агентов «Искры» в России.

В редакции «Право лиду» ему называют того, кто ему нужен. И во Вршовицах, на углу Колларовой и Нерудовой улиц, Владимир Ильич отыскивает громадный дом. Поднимается на четвертый этаж. Переступает порог крошечной квартиры с окнами во двор.

Тут живет Франтишек Модрачек, работающий в Кооперативном издательстве социал-демократической партии.

Владимир Ильич излагает свою просьбу.

— Я согласился,— расскажет Модрачек,— так как счел это поручением нашей социал-демократической партии: раз там дали ему мой адрес, значит, тем самым поручили мне оказать ему помощь. Он хотел, чтобы в России все думали, будто он живет у меня. Ко мне будут приходить для него из России пакеты с книгами и различные письма, а я должен буду пересылать их дальше, на запад... Он сам дал мне адрес. Даже два: один — на имя Карла Лемана, Мюнхен, Габельсбергерштрассе, 20, для господина Мейера, и другой — какому-то трактирщику Риттмейеру, тоже в Мюнхен. Мы договорились, что Мейер тоже будет время от времени присылать мне свои письма в Россию, а я должен относить их на почту в Праге, чтобы царская полиция думала, будто он и в самом деле здесь постоянно живет...

Проходит некоторое время, и Владимир Ильич сообщает сестре в Москву: «Повторяю на всякий случай свой адрес. Herrn Franz Modráček, Smĕcky, 27. Prag. Oesterreich. Австрия» [12].

Не в Праге, однако, сейчас Владимир Ильич. Живет он уже в Мюнхене, в старом доме на Кайзерштрассе. Снимает плохонькую комнату у того самого Георга Риттмейера, владельца трактира, социал-демократа, адрес которого оставил Модрачеку. И через чешского товарища идет к нему обширная корреспонденция. Так же как пойдет позднее через другие «транзитные» пункты: в Нюрнберге, на Новой улице, где проживает владелец табачного магазина Филипп Регнер; в Льеже, где тоже есть верные друзья; через Розу Беекен из Гамбурга, экспедитора книжного магазина

«Форвертс» в Берлине Ф. Пецеля, немецкого живописца Ф. Цупделя, предоставившего в распоряжение «Искры» и берлинский и штутгартский свои адреса...

Герр Мейер — так зовут Ульянова в Мюнхене — принимает строжайшие меры конспирации: нельзя раскрыть ни себя, ни дело, ради которого он тут. Лишь несколько человек знают, чем занимается постоялец трактирщика с Кайзерштрассе.

Один из них — Юлиан Мархлевский. Еще два года назад он редактировал в Дрездене газету «Зексише Арбейтер Цайтунг». Его выслали оттуда. Поселился Мархлевский в Мюнхене. Здесь, на Кайзерштрассе, почти рядом с трактиром Риттмейера. Соблюдая конспирацию — ведь и за Мархлевским наблюдает баварская полиция! — отыскал Владимир Ильич этого революционера и публициста, блестящего экономиста и великолепного знатока живописи.

С первой их встречи Мархлевский — деятельный помощник газеты русских марксистов. Он использует для «Искры» свои давние связи с руководителями немецких социал-демократов, знакомства в журналистских и издательских кругах, наконец, свое знание Мюнхена.

В доме на другой улице — Габельсбергерштрассе — Владимир Ильич встречается с практикующим врачом Карлом Леманом — членом местной организации германских социал-демократов. Тот женат на русской. Не так давно побывал на родине жены. И написал после этого книгу «Голодающая Россия» — о том, что увидел в голодных районах царской империи.

Адрес Лемана Владимир Ильич знал еще до приезда в Мюнхен. Сообщил товарищам в Россию. Наряду с адресом Риттмейера оставил в Праге Модрачеку. И на имя доктора Лемана, в квартиру на втором этаже дома № 20-а по Габельсбергерштрассе, идут пакеты из разных русских городов, из Женевы, Цюриха, Берлина, Лондона, Парижа. Внутри — второй конверт. На нем пометки: «Für Meyer» или «Для Петрова» — Петров это тоже Ульянов. В конвертах — статьи, корреспонденции для «Искры».

Владимир Ильич тщательно обрабатывает «материал корреспондентский» [13]. То, что предназначается для первого номера «Искры».

Давно уже обдумал он, что пойдет на открытие номера. Со страниц «Искры» Владимир Ильич обратится к опыту рабочего и социал-демократического движения на Западе. Напомнит, что был период, когда эти движения существовали отдельно друг от друга, когда каждое из них шло особой дорогой. Подобная оторванность рабочего движения от социал-демократии ослабляла и тех и других. «...Во всех странах,— заявит Владимир Ильич,—

только соединение социализма с рабочим движением создавало прочную основу и для того и для другого. Но в каждой стране это соединение социализма с рабочим движением вырабатывалось исторически, вырабатывалось особым путем, в зависимости от условий места и времени» [14].

Эти строки из статьи «Насущные задачи нашего движения» можно прочесть пока еще только в рукописи. Она лежит на столе Владимира Ильича вместе с другими готовыми к набору материалами.

Набирать же в Мюнхене пока негде. Русский шрифт отыскался лишь в Лейпциге — полиграфическом центре Германии, где книги выходят на многих языках. Немецкие товарищи предлагают воспользоваться крошечной типографией в Пробстхайде, на Русенштрассе, которая принадлежит социал-демократу Герману Рау. Там печатается «Арбейтер-Турн-Цайтунг» — рабочая спортивная газета.

В строжайшей тайне набирается здесь первый номер «Искры». «Иностранное обозрение», как и намечал Владимир Ильич, откроет обширная статья «Итоги международной социал-демократии». Она познакомит русского читателя и с историей, и с современным состоянием международного рабочего движения. Расскажет, как стала во главе его социал-демократия Англии, Германии, Франции, других западных стран. Чего уже достигла, с какими очередными задачами вступает в новое столетие, какими силами, средствами располагает для их решения.

До самых последних дней из Парижа не приходила статья о конгрессе II Интернационала. Получил ее Владимир Ильич перед отъездом в Лейпциг. С трудом, только на восьмой полосе нашел теперь для статьи место. Хоть и важность ее первостепенная. Ибо «ничто,— как справедливо утверждает автор,— не характеризует с такой наглядностью успехов освободительной борьбы рабочего класса, как международные социалистические конгрессы». Они позволяют «наблюдать, сравнивать, обсуждать и выбирать те различные практические приемы, которые служат для укрепления организации и обеспечения борьбы пролетариата» [15].

В Лейпциге кончают набирать первый номер «Искры». А в Штутгарте немецкие типографщики взялись уже за другое русское марксистское издание — научно-политический журнал «Заря».

Еще в октябре Владимир Ильич сообщил Аксельроду: «Дитц взялся нам издавать журнал» [16]. В молодости набиравший в Петербурге «Современник» и познакомившийся там с Чернышевским, Иоганн Дитц возглавляет сейчас издательство германских социал-демократов. Он — один из совладельцев крупной штутгарт-

ской типографии. Ему принадлежит большой книжный магазин, на полках которого — книги Маркса, Энгельса.

С нескрываемой симпатией относится Дитц к русским товарищам. Старается помочь им всем, чем может. И не только своей типографией, где будет печататься «Заря». Его адрес — Штутгарт, Фуртбахштрассе, 12 — теперь в распоряжении редакции «Искры». Она оповестит читателей в одном из номеров: «По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штутгарте: Verl. J. H. W. Dietz Nachfolger, Stuttgart для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда *немедленно* пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, *на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте»* [17].

Когда через много лет Владимир Ильич из Поронина поздравит Иоганна Дитца с семидесятилетием, он заверит ветерана немецкой социал-демократии, что Российская социал-демократическая рабочая партия не забыла его братскую помощь в годы «Искры» и «Зари»...

«УСТАНОВИТЬ БОЛЕЕ ТЕСНЫЕ СВЯЗИ...»

Глубокой тайной окружил Герман Рау набор и печатание «Искры». Русские товарищи предупредили: немецкая полиция тесно связана с российской охранкой, только строжайшая конспирация способна обеспечить делу успех.

И все же... Когда печатался первый номер, в типографию забежал ученик из соседней парикмахерской. Без спроса прошел за перегородку, где стояла печатная машина, а рядом на полу лежала пахнущая краской стопка газет.

— Что вы печатаете? — поразился он.— Это даже прочесть нельзя!

— Ну, конечно, нельзя,— подтвердил Рау.— Это греческий текст...

Мелкий как будто инцидент. Но ведь мальчишка может разболтать. А он, Рау, скрыл русский заказ даже от Макса Пуршвица — члена комиссии по делам печати местной организации социал-демократической партии. И рассказал тому об «Искре», лишь когда прижал его Пуршвиц к стенке, извлек из наборной кассы русские литеры.

Все дни, что печаталась газета, не выходил мальчишка из головы Рау. Не оставляет его тревога и сейчас, когда занят он отправкой готового тиража.

Еще мало у редакции «Искры» собственных транспортных путей. Мало пока и подпольных складов литературы. И здесь, за кордоном, и в самой России. Поэтому особенно ценна помощь лейпцигских социал-демократов. Прежде всего — самого Рау. Нелегальная пересылка русской газеты, знает он,— дело сложное, опасное. И тут нужно соблюдать осторожность. Привлекать к делу только очень верных людей. «Рау,— узнаем от Пуршвица,— сразу же попросил помочь ему в рассылке газеты. Она рассылалась по почте в пакетах, причем каждый пакет отправлялся через другое почтовое отделение и ни в коем случае не из Пробстхайда. Все пакеты шли по разным иностранным адресам...» [1]

Но как ни был осторожен Рау, полиция, по всей вероятности, заподозрила его. А это значит: опасно продолжать печатание русской газеты на Руссенштрассе.

Выход находят в Мюнхене, через Юлиана Мархлевского.

Владимира Ильича знакомят с Максимусом Эрнстом — владельцем типографии на Зенефельдерштрассе, напротив главного вокзала Мюнхена. Эрнст — тоже социал-демократ. Он берется раздобыть шрифт для «Искры». Готов печатать для русских газету. Кроме него будут знать о том лишь трое — коммерческий директор типографии Рихард Этцольд, технический директор Краус и наборщик Гросс. В целях конспирации записи о наборе и печатании «Искры» не будут заноситься даже в бухгалтерские книги.

В типографии на Зенефельдерштрассе отвели стол и «для герра Мейера». Часами просиживает он тут над длинными полосками корректуры. Сам тщательно вычитывает. Снова правит уже набранные статьи, корреспонденции.

Они идут в Мюнхен отовсюду. И на рукописях Владимир Ильич делает пометки: получено «9/III.01 из Парижа», «21.III.01 из Берлина», «Получено 23.III.01 из Парижа», «27.III.01 из Берлина», «Получено 28.III.01 из Англии», «Получено 1.IV. из Лондона» [2].

Но откуда бы ни приходили эти статьи, корреспонденции — отправлены они из России. Агенты «Искры» сообщают о студенческих волнениях в Петербурге, Москве, Харькове, Казани; о расправе в столице у Казанского собора с теми, кто выступил против произвола царского самодержавия; об убитых, раненых и арестованных участниках новой, совместной демонстрации петербургских студентов и рабочих...

Озабочен, однако, Владимир Ильич тем, чтобы шли в редакцию

«Искры» материалы не только о положении в России. Чтобы поступали статьи и о социалистическом, рабочем движении Западной Европы, о борьбе между революционным и оппортунистическим направлениями в социал-демократии Германии, Франции, других стран.

Он шлет письмо в Стокгольм, председателю социал-демократической партии Швеции К. Брантингу: «Наш товарищ в Берлине уже писал Вам по нашему поручению, что нам бы хотелось установить более тесные связи со шведскими и финскими товарищами» [3].

«Наш товарищ» — это М. Вечеслов. По профессии врач, он еще в 90-х годах примкнул к социал-демократическому движению, познал царскую ссылку. И теперь, живя за границей, возглавляет берлинскую группу содействия «Искре», участвует в транспортировке газеты через российскую границу. Лично знакомый с Брантингом, он уведомил лидера шведских социал-демократов: «Я рекомендую моего друга, редактора нашего журнала, который хочет написать Вам» [4].

И ссылаясь на Вечеслова, от имени редакции «Зари», Владимир Ильич пишет Брантингу: «Мы придаем очень большое значение тому, чтобы ознакомить русских вообще, и русских рабочих в особенности, с политическим положением в Финляндии и угнетением Финляндии, равно как и с упорной борьбой финнов против деспотизма. Мы были бы поэтому весьма Вам благодарны, если бы Вы передали всем знакомым Вам финским товарищам нашу настоятельную просьбу поддержать нас в этом деле.

Особенно хорошо было бы для нас, конечно, если бы мы смогли найти постоянного финского сотрудника, который посылал бы нам, во-первых, ежемесячно заметки (4—8 тысяч знаков), а, во-вторых, время от времени и большие статьи и обзоры. Последние нужны нам для «Зари», а первые — для нелегальной русской газеты «Искра»...» [5]

Ответ Брантинга малоутешителен. Крупская сообщает в Берлин Вечеслову: «Брантингу писали, он ответил, что сейчас не может сказать ничего положительного, т. к. по почте при теперешних условиях в Финляндию писать не решается, а из финляндцев он никого не видал...» [6]

Но Брантингом не исчерпываются предпринимаемые Владимиром Ильичем шаги.

Он высоко ценит блестящую публицистику Розы Люксембург. За выступлениями ее против бернштейнианства следит давно. Еще в ссылке познакомился с брошюрой Люксембург «Социальная реформа или революция?». В ней развенчивались ревизионизм и реформизм, отстаивалось марксистское учение о соотношении со-

циальной реформы и революции. В ссылке намерен был писать и о другой ее работе «Промышленное развитие Польши».

Чтобы встретиться с Люксембург, когда та приезжает в Мюнхен, Владимир Ильич отправляется на Унгерштрассе, к Парвусу, давно эмигрировавшему из России и работающему в Германской социал-демократической партии. И, видимо, после беседы с нею сообщает Аксельроду: «...обещана статья Люксембург (новое введение к ее статьям «Die sozialistische Krise in Frankreich» *...)» [7].

Обещал «статейку об академиках и пролетариях» [8] и Карл Каутский. Личное знакомство с ним еще впереди. Произойдет оно здесь же, в Мюнхене.

Всего этого, однако, крайне мало! «Как стоит дело с «австрийской» статьей? — запрашивает Владимир Ильич Аксельрода.— Не дадут ли чего-либо из Америки? — из Швейцарии?.. О Германии некого попросить писать — разве Парвуса, которым обещано (?) иностранное обозрение, но это не то» [9].

Владимир Ильич бьет тревогу: «Иностранных обозрений нет» [10]. Браться ему за них самому? Но он и без того очень загружен. «Я временами изнемогаю» [11],— писал уже как-то в Цюрих Владимир Ильич. Сообщал и в Лондон: «...завален кучей мелких хлопот» [12]. Другие же члены редколлегии, хотя вся тяжесть редакционных забот лежит главным образом на нем, затягивают присылку необходимого материала. Потому-то во втором номере «Искры» в «Иностранном обозрении», увы,— одно лишь окончание «Итогов международной социал-демократии». Без «Иностранного обозрения» вынужден выпустить Владимир Ильич следующий, третий номер.

Еще до того как начинают поступать материалы о положении в социал-демократии Запада, из разных стран приходят отклики на волну освободительного движения в России.

То, что пишут сейчас отовсюду в «Искру», свидетельствует о возмущении «образом действий русского правительства по отношению к студентам». Подтверждает, что у революционного пролетариата и либеральной интеллигенции Западной Европы «смелое вступление русских рабочих на путь политической борьбы» вызвало «радостное изумление».

Владимир Ильич узнает из редакционной почты, что почти во всех странах профессора учебных заведений и студенты протестуют против бесчинств царских властей, выражают «сочувствие русским борцам за свободу». Что повсюду на многолюдных собраниях рабочие и студенты выражают свою солидарность «с ведущейся в России борьбой» [13].

---

* «Социалистический кризис во Франции».

Это сообщение публикуется в четвертом номере «Искры».

Как важно, чтобы узнали сейчас в России: здесь, на Западе, протестуют против расправы царских властей с русскими борцами за свободу; в Австрии, Бельгии, Швейцарии, Франции, Швеции по призыву секретариата II Интернационала проходят многолюдные собрания, на которых ораторы приветствуют манифестации в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве; участники этих собраний заявляют:

— Долой царизм!

— Да здравствует русское революционное движение!

Владимир Ильич публикует в «Искре» письмо из Арбона — небольшого городка на берегу Баденского озера. Его автор — швейцарский социал-демократ выступил там на митинге фабричных рабочих. Рассказал им «о нашем великом деле», о значении пролетарской солидарности. И сообщает теперь русским товарищам:

«Любо было глядеть, с каким вниманием и сочувствием слушали меня, глаза слушателей, работниц и рабочих блистали, разгорались и вспыхивали, зажигая говорящего... Я заговорил под конец о движении русских рабочих...

Сплошной массой поднялись все слушатели, когда президент союза арбонских рабочих прочел резолюцию, выражающую сочувствие русскому борющемуся пролетариату и студенчеству... Это протягивалась братская рука, это бились, как одно, сотни рабочих сердец через тысячи верст в страну, где не сияет солнце политической свободы, а свистит кнут и нагайка» [14].

Номер «Искры» с письмом из швейцарского города Арбона выходит в мае 1901 года. Совсем недавно, теплым весенним утром, в Мюнхен приехала Надежда Константиновна. Ульяновы сняли комнату па Шляйсхаймерштрассе, в многодетной семье плотника социал-демократа Ганса Кайзера. Не Мейером, а болгарином, доктором юриспруденции Иордан К. Иордановым из Софии назвался тут Владимир Ильич. В его новом паспорте, который раздобыли друзья, вписана супруга Марица.

Пройдут десятилетия. Корреспондент «Франкфуртер рундшау» встретится с уже престарелым мюнхенским рабочим. «Кайзер,— сообщит он,— рассказал, что он прекрасно помнит своего русского квартиранта. По словам Кайзера, Ленин вел себя очень скромно, был молчалив. Он редко уходил из дома, все время работал у себя в комнатке. Иногда Кайзер беседовал с Лениным, но его взгляды казались немецкому социал-демократу «слишком радикальными». В частности, Кайзера пугал атеизм Ленина. Кайзер также рассказал мне, что приглашал Ленина на социал-демократические собрания. Русский гость приглашения принимал, но не принимал участия в дискуссиях» [15].

Вынужден отмалчиваться Владимир Ильич. Отмалчивается даже тогда, когда не согласен с тем, что говорят немецкие товарищи. Ибо по-прежнему нельзя привлекать к себе внимания. По-прежнему дела «Искры» обязывают его быть осторожным.

Отсюда — и документы на имя доктора Иорданова.

Не одному Ульянову достали уже надежный паспорт болгарские товарищи. Еще в январе Владимир Ильич сообщил из Мюнхена в Лондон агенту «Искры» В. Ногину: «Получил Ваше письмо насчет паспортов, написал своему приятелю (здешнему), от которого я мог бы ждать помощи в этом отношении, и теперь жду ответа. Думаю, что иностранный паспорт (для въезда в Россию) удастся достать (болгарский или немецкий)...» [16] А через несколько дней подтвердил: «Если хотите, могу достать Вам болгарский паспорт. *Напишите, нужен ли,* и если да — приметы» [17].

О паспорте — и именно болгарском — поведет речь и В. Носков — один из организаторов Северного рабочего союза. «У меня к Вам просьба,— обратится тот к Владимиру Ильичу.— Не можете ли написать т. Бакалову. Можно на редакцию болгарского социал-демократического журнала, в котором он участвует,— не пришлет ли он мне паспорт» [18].

Георги Бакалов — активнейший деятель «Ново Време» — того самого теоретического журнала ЦК Болгарской рабочей социалдемократической партии, который имеет в виду Носков. Он помогает переправлять через Варну в Россию «Искру», считая ее важнейшим источником сведений о революционном движении в России. «Она раскрывает перед изумленным нашим взором борьбу современной нам эпохи,— напишет Бакалов позднее об «Искре».— Ледовое северное царство тает, там уже наступает весна. Страшные волны возмужавшего русского пролетариата яростно бьют царскую твердыню. Каждый номер «Искры» сообщает нам о новых и новых событиях, предвещающих грядущую победу. В нашей бесцветной жизни описание грандиозной борьбы действует на нас неотразимо, увлекательно. Каждый, кто читает по-русски, пусть позаботится регулярно читать «Искру». Нет такой литературы, которая столь поднимала бы дух и веру в революцию, как этот красочный «роман» неисчислимых героев и героинь, прославившихся бесстрашием и самопожертвованием, имя которых — легион» [19].

Упоминая Георги Бакалова в письме, посланном Ульянову, убежден Носков: связанный с болгарскими социал-демократами, не может не знать его Владимир Ильич...

Итак, Ульяновы теперь — «супруги Иордановы». Недолго живут они на Шляйсхаймерштрассе. Оттуда перебираются в предместье Мюнхена — Швабинг. Поселяются в только что отстроенном доме на тихой Зигфридштрассе.

Нелегкий труд секретаря редакции взяла на себя Надежда Константиновна. Она избавила Владимира Ильича от множества организационных дел. Стала его помощником в переписке с корреспондентами «Искры», с социал-демократическими организациями в России. И с теми, кто, как и Ульяновы, вынужден жить в эмиграции. Кому через много лет, весной 1920 года, отдаст должное Владимир Ильич, заявив в своей книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»: «Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» [20].

Им — товарищам по вынужденной эмиграции, связанным с социал-демократами разных стран,— передает Надежда Константиновна поручения Владимира Ильича:

«Перевод реферата Цеткиной пришлите» [21];

«Полякам можете передать, что, не связывая себе руки по отношению к другим политическим партиям и не желая активно вмешиваться во взаимные их отношения, мы вполне сочувствуем их делу, готовы популяризировать их фирму в наших изданиях и способствовать их сближению с Российской социал-демократической партией» [22];

«Статью о болгарском рабочем движении надо...» [23]

Не так давно Засулич познакомила Владимира Ильича с болгарином, изучающим в Женеве финансы.

— Нончев,— представился тот,— Павел...

Как обрадовался этой встрече Владимир Ильич! Забросал молодого человека вопросами. Интересовало Владимира Ильича, и сколько в Болгарии фабрик, рабочих, и как действуют там социалистические группы.

Нончев убедился: многое знает этот русский о его стране...

И вот — статья о Болгарии. Присылает ее в Мюнхен Николай Радивоев. Студент-болгарин, он выслан из Питера за участие в студенческих беспорядках. Входит сейчас в берлинскую группу содействия «Искре», близок искровцам.

Статья — не о болгарском рабочем движении, как хотел того Владимир Ильич. Но и то, что написал Радивоев, представляет большой интерес. Его статья — о 25-летии Апрельского восстания 1876 г. О не угасшей с той поры борьбе болгарского народа против своих угнетателей.

Статью, написанную по материалам газеты «Работнически вестник», Владимир Ильич опубликует в шестом, июльском номере «Искры». В том, для которого сам написал статью «Ценное признание», развенчивающую «предельную» мудрость современных

государственных людей» [24]. Не только в России, но и на Западе старающихся внушить эксплуатируемым, что правительства их стран стоят будто бы выше классов, служат якобы не интересам кучки богачей, а интересам справедливости, пекутся не об эксплуататорах, а о слабых и бедных. Разве мало труда на подобное заигрывание с рабочими положили Наполеон III во Франции, Бисмарк и Вильгельм II в Германии? В странах Западной Европы, убежден Владимир Ильич, эти «лицемерные проделки» [25] давно уже ни для кого не секрет.

«Предельную» мудрость, лицемерие проявили и власти Софии. Оказывается, сообщит публикуемая Владимиром Ильичем статья Радивоева, празднование годовщины Апрельского восстания совместили там... с закладкой памятника тирану Александру II! Власти рассчитывали при этом на безмолвие народа. Но вызвали его гнев. Вылившийся на грандиозном митинге в проникновенных строках протеста и против действий болгарских властей, и против бесчинств «царского правительства, убивающего мечом и нагайкой всякий проблеск русской свободной мысли». В строках протеста, выражающих «горячее сочувствие русским рабочим и студентам по поводу событий последнего времени в СПБ, Москве, Киеве, Харькове, Одессе и т. д.» [26].

Снова — «горячее сочувствие русским рабочим и студентам»... Солидарность и с теми, о ком сообщила в предыдущем номере «Искра»: с рабочими Выборгской стороны, в течение нескольких часов, у Сампсониевского моста, сражавшимися с конной и пешей полицией; с рабочими другой петербургской окраины, вступившими в бой с полицией на Шлиссельбургском тракте...

Когда Владимир Ильич готовит в набор «болгарскую» статью, лежат на его столе и другие присланные в Мюнхен свидетельства «братской солидарности с русскими борцами» [27]. Почта доставила их из Вены. Оттуда сообщили о митинге, созванном политической рабочей организацией третьего участка австрийской столицы. Почти три тысячи человек заполнили огромный зал ресторана Ронахера. Под его сводами звучали гневные речи. Они были направлены против царского самодержавия. Против тех, кто в Петербурге расправился с манифестантами.

«Искра» приведет слова одного из ораторов — депутата парламента Вильгельма Элленбогена:

— Кровь, пролитая в Петербурге,— наша кровь: не чужды нам люди, борющиеся в России, мы их хорошо знаем, это люди, которые прошли ту же школу, что и мы: школу порабощения [28]...

Созвали собрание и в Праге «для выражения симпатии русским борцам за свободу и для протеста против жестокой расправы, учиненной царскими опричниками в Петербурге и других русских

городах». Созвали вопреки строжайшему полицейскому запрету. Корреспондент «Искры» писал, что политика «царя подверглась здесь такой резкой критике, что полицейский комиссар распустил собрание. С криками: «Долой русского царя! Да здравствует революция в России! Да здравствует русский рабочий народ!» студенты вывалили на улицу, стараясь демонстративно пройтись мимо русского консульства. К студентам присоединились рабочие...» [29] То, что прочтут читатели «Искры», должно убедить их: они часть великой международной пролетарской семьи. Борясь против царизма, они выполняют свой долг не только перед народами России, но и перед мировым рабочим движением...

На Зенефельдерштрассе уже набирается статья болгарского студента. Набираются корреспонденции о митинге в Вене, собрании в Праге. И тут приходят «Письма из Франции».

Из парижских газет, поступающих в Мюнхен, известно Владимиру Ильичу, что и французские трудящиеся солидарны с борющимися русскими пролетариями. Известно, что там уже принято множество резолюций с выражением братских чувств рабочим Петербурга, Москвы, других городов России. Что клеймят они французских сообщников царского самодержавия, которые, подобно Мильерану, поддерживают царизм.

Тем более важно, чтобы знали в России, как борются за свои права французские пролетарии. Как обстоят дела в социалистическом движении Франции, где все более обостряются противоречия, где коренные интересы рабочих — участников стачечной борьбы сталкиваются с соглашательской политикой оппортунистов.

«Письма из Франции» — о Лионском съезде Французской социалистической партии, о происшедшем на нем расколе. Начать их публикацию следует тотчас. Ведь говоря о расколе, подчеркивает автор писем: «Мы не принадлежим к числу тех, кто проливает по этому поводу слезы, хотя и понимаем, что необходимым условием успешной борьбы пролетариата является объединение всех его сил, ибо вне объединения нет и не может быть планомерной социалистической борьбы» [30].

В трех номерах «Искры» напечатает Владимир Ильич «Письма из Франции» — обстоятельный рассказ о том, как проникали в социалистическую партию мелкобуржуазные элементы, не признающие ни основ марксистской теории, ни марксистской тактики, ни принципов классовой борьбы.

Как оказалась партия разнородной — настолько, что невозможно уже было сохранить единство цели, единство практической деятельности, без которых немыслима ни одна революционная партия?

Что может в этой ситуации спасти ее? Избавить громад-

ное большинство, верное идеям социализма, остающееся на почве классовой борьбы, от проповедников антиреволюционной теории «сотрудничества классов»?

— Ампутация и только ампутация! — заявит «Искра».

«Ампутация всегда болезненна,— признает газета.— Но подобно тому, как человеческий организм иногда оживает и расцветает после необходимой хирургической операции, так и революционная партия, чтобы быть в состоянии развивать и утилизировать все свои силы, чтобы укрепить свою оборонительную и наступательную позицию, вынуждена иногда круто порвать с элементами, задерживающими ее развитие, отвлекающими ее от той цели, которую она себе ставит, подтачивающими и ослабляющими ее революционную энергию» [31].

Первое «Письмо из Франции» отправлено в типографию Максимуса Эрнста. На сей раз вместе с набранными материалами «Иностранное обозрение» шестого номера должно уже, кажется, удовлетворить Владимира Ильича. Но нет: не пришла еще одна корреспонденция. Ей придает он особое значение и в который уж раз напоминает Аксельроду: «Заметка об Адлере поспеет еще и в № 6 «Искры», если придет не позже как через недельку» [32]. И рад, что приходит она, наконец, что удается заверстать ее в номер. Из нее узнàют в России, что в избирательном венском округе Фаворитен после ожесточенной борьбы, величайшего напряжения сил и энергии рабочим удалось провести в Нижнеавстрийский ландтаг своего кандидата — Виктора Адлера. Пробита тем самым брешь в неприятельской крепости.

Заметка о последней избирательной победе австрийских рабочих — на седьмой странице «Искры». А на первой — статья Владимира Ильича о политической борьбе российских рабочих, выступающих против правительственного самовластия, против правительственного бесчинства, о стремлении русского народа вырвать у деспотизма политическую свободу.

И когда через три года в Амстердам, на конгресс II Интернационала, доставят написанный под руководством Владимира Ильича доклад большевиков, участники конгресса прочтут в отпечатанной французской типографией брошюре: «В международных обозрениях и в длинном ряде статей «Искра» демонстрировала примеры колоссальных забастовок в Западной Европе, знакомила с могучими боями европейского пролетариата, с его блестящими победами и тяжелыми поражениями, объясняя при этом все преимущества борьбы в условиях западноевропейской жизни с ее политической свободой сравнительно с борьбой русских рабочих в условиях самодержавия. Но в то же время она не забывала подчеркивать, что политическая свобода отнюдь не является откры-

той дверью, которая непосредственно ведет в социалистический рай. Она постоянно указывала, что в свободной Европе продолжает действовать эксплуатация рабочих буржуазией. Такого рода статьями «Искра» воспитывала в русских рабочих правильную точку зрения на политическую свободу» [33].

«БОРОТЬСЯ С ТЕМИ, КТО ПОВОРАЧИВАЕТ К БОЛОТУ!»

С тихой окраины Мюнхена Владимир Ильич пишет матери в Подольск: «...гулять есть где, да недалеко и за город выбраться. Движение уличное здесь несравненно меньше, чем в таком же большом русском городе: это потому, что электрические конки и велосипеды совершенно оттесняют на задний план извозчиков. Торговое же движение в том предместье, где мы живем, совершенно ничтожное. Мы поэтому довольны своим местопребыванием...» [1]

И здесь, на окраине города, вынужден он соблюдать конспирацию. Изредка, принимая меры предосторожности, отправляется с Зигфридштрассе на рабочие собрания. А 1 мая выезжает с Надеждой Константиновной за город: только там разрешили в нынешнем году демонстрацию местные власти.

Но то, что предстает в этот день перед Ульяновыми, вызывает недоумение. «...Довольно большие колонны немецких социал-демократов, с женами и детьми и редьками в карманах,— узнаем из записок Надежды Константиновны,— молча, очень быстрым шагом прошли по городу — пить пиво в загородном ресторане. Никаких флагов, плакатов не было. Этот Maifeier * не напоминал совершенно демонстрации во имя торжества рабочего класса во всем мире.

В загородный ресторан, куда направилась процессия, мы не пошли, отстали от демонстрации, а пошли по привычке бродить по улицам Мюнхена, чтобы заглушить чувство разочарования, которое невольно закралось в душу: хотелось принять участие в боевой демонстрации, а не в демонстрации с разрешения полиции» [2].

И немецкие социал-демократы, поражен Владимир Ильич, мирятся с запретами властей. Как не похоже это на то, что происходит, конечно, сейчас в России!

Сообщения из России начинают поступать сюда уже через несколько дней. Не раз вспоминает Владимир Ильич благопристойную мюнхенскую процессию, готовя к набору в очередной номер «Искры» письма товарищей: из Двинска, где рабочие прошли по главной улице «с пением Марсельезы и с красным знаменем» [3];

* Майский праздник.

из Петербурга, где празднование послужило «поводом к двум крупным столкновениям рабочих с вооруженной силой» [4]; о том, что над демонстрантами в Тифлисе реяло «красное знамя с портретами Маркса, Энгельса и Либкнехта и с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [5].

Только такие, пугающие и правительство и имущие классы, «обостренные столкновения» [6], убежден Владимир Ильич, могут вдохновлять истинных социалистов, ибо свидетельствуют они о том, что не мирится рабочий класс со своим положением, не хочет оставаться рабом, не намерен молча подчиняться насилию и произволу. Этот «дух протеста в рабочих массах, который при окружающем рабочих гнете и насилии не может не прорываться от времени до времени в отчаянных вспышках» [7], и есть главный источник, питающий революционную социал-демократию. Эти «отчаянные вспышки» пробуждают к сознательной жизни самые широкие слои задавленных нуждою рабочих. Они распространяют благородную ненависть к угнетателям, к врагам свободы.

Нередко в эти летние дни идут Ульяновы на прогулку чудесной, обсаженной тополями дорогой. И Владимир Ильич, по обыкновению, рассказывает Надежде Константиновне о том, что пишет, о чем думает.

Пишет же сейчас он статью «Гг. «критики» в аграрном вопросе». Намерен дать в ней решительный отпор ревизионистским наскокам на марксову теорию поземельной ренты, на «критику» марксистского понимания законов развития капиталистического сельского хозяйства. Но нет в Мюнхене многих нужных ему книг. Ни в Баварской королевской библиотеке на Людвигштрассе, куда ходит Владимир Ильич довольно часто. Ни в расположенной неподалеку от нее университетской библиотеке. «Мне очень нужно бы Liebknecht: «Zur Grund- und Bodenfrage», которую я не нашел здесь...— пишет он в Женеву Плеханову.— Если есть у Вас, пришлите, пожалуйста, ненадолго» [8]. А через несколько дней о том же запрашивает Аксельрода: «Нет ли у Вас книги Liebknecht'a «Zur Grund- und Bodenfrage» (Leipzig, 1876)? Или у коголибо из цюрихских геноссов? Мне она *очень нужна* для статьи...» [9] И в этом же письме в Цюрих: нет ли у самого Аксельрода или у Грейлиха — одного из лидеров швейцарской социал-демократии, протоколов конгрессов I Интернационала или «Форботе» — журнала его немецких секций, где были, кажется, точные отчеты? И еще одна просьба — в самом конце письма: «...нужна брошюра: *W. Wolff*. «Die schlesische Mlilliarde» [10]... В ней — серия статей, опубликованных в марте — апреле 1849 года в газете «Нейе Рейнише Цайтунг» и почти через сорок лет изданных с введением Энгельса.

На просьбы откликаются в Женеве, Цюрихе, Лондоне, Берлине. «Получил вчера книги по аграрному вопросу» [11],— сообщает вскоре Владимир Ильич. Не забывает упомянуть о том и в других своих письмах: «Получил от Вас «Либкнехта» и «Vorbote». Большое, большое спасибо!» [12]; «Получил... новые книги («Final Report», Blondel et Vandervelde et Destrée), за которые очень благодарю»... [13]

Все более «погружается» Владимир Ильич в «аграрную» статью. Направлена она «против Чернова (отчасти Герца и Булгакова)» [14] — не только против русских, но и немецких ревизионистов, подвергающих «критике» революционное учение Маркса. Они утверждают, что марксистская теория неприменима будто бы к сельскому хозяйству, отрицают его капиталистическую эволюцию.

«Вот уже много лет,— пишет Владимир Ильич,— ученые и ученейшие люди Европы важно заявляют (а газетчики и журналисты повторяют и пересказывают), что марксизм уже сбит с позиции «критикой»,— и тем не менее каждый новый критик опять сначала начинает трудиться над обстреливанием этой, якобы уже разрушенной, позиции». Владимир Ильич доказывает научную несостоятельность накопившихся и в России и на Западе «гор критической печатной бумаги» [15]. Обрушивается против тех, кто «с необычайной хлесткостью и развязностью истинного наездника» [16] фальсифицирует марксизм. Кто обнаруживает в своих «трудах» невероятную путаницу, изощряется избитыми выходками против социалистов, повторяет обветшалые доводы реакционных буржуазных экономистов.

По многу часов не встает из-за стола Владимир Ильич. Делает выписки из толстенных томов и брошюр, громоздящихся на подоконнике, стульях.

Из книг и журналов, отыскавшихся в мюнхенских библиотеках, присылаемых ему из Женевы, Цюриха, Лондона, Берлина, извлекает Владимир Ильич множество данных о состоянии сельского хозяйства в России, Германии, Франции, Англии, Дании. Он подвергает их глубокому анализу. Делает расчеты, критические заметки и доказывает: в сельском хозяйстве действуют открытые Марксом экономические законы капитализма; и в нем совершается процесс капиталистического развития; и сельскому хозяйству присущи все его противоречия.

Тот, кто выступает против этого, убежден Владимир Ильич, умышленно искажает Маркса. Умышленно извращает истину. Доводы такого «критика» смехотворны.

Он работает над статьей все лето. И лишь осенью отправляет рукопись в Штутгарт, Дитцу, для № 2—3 «Зари».

Первый номер журнала, дающий истинное представление о революционной борьбе российских пролетарских масс, вышел еще в

марте 1901 года. Димитр Благоев писал Георгу Бакалову, что с восхищением читал «Зарю», что живет он сейчас с надеждой на революцию в России.

На обложке журнала, среди имен ближайших участников нового издания Ульянов не значился. Но вызвано это было соображениями исключительно конспиративными: чтобы как можно дольше не знала российская политическая полиция о его причастности к «Заре». На самом же деле целых три статьи Владимира Ильича вошли в первый номер! Более того, его содержание от начала до конца определялось Ульяновым в Мюнхене.

Так обстоит дело и со второй книжкой. И она готовилась в скромной квартирке на Зигфридштрассе. Оттуда пересылались Дитцу рукописи статей.

В Штутгарте новую книжку «Зари» кончают брошюровать в конце декабря. На ее обложке также не упомянут Ульянов. Но в оглавлении впервые названо почти никому еще не известное имя — Н. Ленин. Этим псевдонимом — отныне главным своим псевдонимом — подписывает Владимир Ильич статью «Гг. «критики» в аграрном вопросе», которая станет позднее частью его большой работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса». И сообщая 3 января 1902 года о выходе второй книжки «заграничного русского журнала», болгарская газета «Работнически вестник» на эту статью обращает внимание своих читателей.

В новой книжке «Зари» — пространное «Внутреннее обозрение». Под ним подпись — Т. Х. Но и обозрение писал Владимир Ильич, высказав в нем мысли, связанные с будущей боевой революционной партией российского пролетариата. Чтобы выполнить роль передового борца за свободу, заявляет Владимир Ильич, она должна воспринять «не только непреклонно революционную теорию, выработанную вековым развитием европейской мысли, но и революционную энергию и революционный опыт, завещанные нам нашими западноевропейскими и русскими предшественниками» [17].

Еще в начале ноября, сообщая Плеханову, что «№ 2—3 «Зари» готов, и дело только за печатанием» [18], упомянул Владимир Ильич и о том, что статья об очередном, Любекском, съезде германских социал-демократов тоже уже написана.

Ленин придавал ей немалое значение. Важно было быстрее высказаться о позиции, занятой на Любекском партейтаге теми, кто не на деле, а лишь на словах был противником оппортунизма. Важно потому, что превратно истолковывались его решения деятелями из «Союза русских социал-демократов за границей», в котором взяли перевес оппортунистические элементы.

«Искра» уже писала о съезде в Любеке, остановившись главным образом на его позиции в отношении Бернштейна, «четвертый

год ведущего кампанию в пользу пересмотра всех основных принципов социал-демократии с целью превращения ее из революционной партии в «партию социальных реформ». Она опубликовала принятую подавляющей частью делегатов резолюцию Бебеля, признавшую, что Бернштейн возбудил к себе «недовольство большинства товарищей». И обратила внимание на то, что эта резолюция (увы!) ограничилась лишь выражением надежды, что тот «изменит свое поведение» [19].

«Заря», как и «Искра», критиковала руководство германских социал-демократов за то, что оно не проявило решимости полностью отмежеваться от ревизионистов. Центральный орган партии «Форвертс», после смерти В. Либкнехта изменивший свое отношение к Бернштейну, к его сторонникам, замолчал их вылазки на съезде. Не счел нужным «Форвертс» высказаться и по поводу скандальных «откровений» Бернштейна, стремящегося внести разлад в ряды борющегося пролетариата. И это в то самое время, когда рядовые социал-демократы возмущаются его поведением!

Журнал разоблачает махинации Б. Кричевского — парижского корреспондента газеты. Некогда примыкавший к группе «Освобождение труда», тот стал в конце девяностых годов одним из руководителей «Союза русских социал-демократов за границей», возглавил журнал «Рабочее дело» — заграничный центр «экономистов», пропагандирующий бернштейнианские взгляды. И вот этот, по оценке «Искры», «испытанный оппортунист» [20] на страницах немецкой газеты превозносит Жореса за то, что тот поддержал «социалиста» Мильерана, вошедшего в буржуазное правительство Вальдека Руссо.

«Форвертс» защищает своего французского корреспондента. Начисто отвергает обвинения «Зари»: ничего тот не искажал, ничего тот не замалчивал. «Vorwärts»,— сообщает Владимир Ильич Плеханову,— отказался поместить даже сокращенный ответ, и дело перешло в Vorstand» — в правление Германской социал-демократической партии. «Бебель-де за нас,— пишет он.— Посмотрим» [21]. И под нажимом ли Бебеля или кого другого «Форвертс» вынуждена опубликовать ответ «Зари», сильно его сократив.

Разгорается полемика. В нее втягиваются все новые лица: К. Цеткин в Берлинском рабочем собрании выступает в защиту русского журнала; Парвус, пока еще примыкающий к левому крылу социал-демократической партии Германии, публикует статью «Мильеран и «Vorwärts». К характеристике психологии оппортунизма»; правоту «Зари» подтверждает орган французской рабочей партии «Сосьялист».

Владимир Ильич — в центре страстного, непримиримого спора. Он предвидит его еще до выхода второй книжки «Зари», когда

пишет Плеханову о «начале *решительной* борьбы» с Кричевским, о том, что теперь «с ним надо быть особенно начеку» [22]. И поскольку принимает полемика по вине «Форвертс» неблаговидные формы, поручает Г. Лейтейзену — руководителю парижской группы содействия «Искре»:

«Г. В. * говорит, что в парижской колонии *упорно утверждали,* что оный Борис Кричевский получил *благодарственное* письмо от Мильерана (за его корреспонденции в «Vorwärts») и что он будто бы даже *хвалился* в свое время этим. Так вот, раз теперь загорелась полемика между «Vorwärts» и «Зарей» и вопрос поставлен решительно, необходимо *немедленно* приложить *все* усилия, чтобы произвести строжайшее (с «пристрастием») расследование этого дела. Возьмитесь, пожалуйста, тотчас же за эту задачу. Соберите показания всех свидетелей как тех, которые видели что-либо, так *и тех,* которые что-либо *слышали* об этом, и, собрав, напишите нам письмо с перечислением всех этих свидетелей и их показаний...

Итак, орудуйте! Всю энергию!» [23]

Письмо уходит в Париж в марте 1902 года, сразу же после выхода восемнадцатого номера «Искры». Владимир Ильич заверстал в него обширную статью о полемике между «Зарей» и редакцией «Форвертс». На сей раз уже «Искра» разоблачает тех, кто расточает похвалы «социалистическому министру», сотрудничающему в правительстве с палачом Парижской коммуны генералом Галифе. «Искра» выступает с опровержением «брани» центрального органа германской социал-демократии, против «очевидного нежелания «Vorwärts» [24] дать возможность рядовым членам своей партии убедиться в справедливости обвинений русского журнала...

«Очевидное нежелание «Vorwärts» дать ей возможность выяснить вопрос немецкой публике,— заявляет «Искра»,— заставляет «Зарю» отказаться от дальнейших разговоров с редакцией этой газеты» [25]. Не намерена продолжать при таких условиях полемику и сама «Искра». Но это вовсе не значит, что она смирилась со сложившимся положением. «Война всем фальсификаторам революционной марксистской теории в области мысли, и война всем фальсификаторам революционной социал-демократической борьбы в области дела,— призывает «Искра»,— таков должен быть наш девиз!» [26]

В разгаре полемики между «Форвертс» и «Зарей» Владимир Ильич отправляет в Штутгарт Иоганну Дитцу рукопись своей новой книги «Что делать?». В ее подзаголовок вынесено — «Наболевшие вопросы нашего движения». Сама книга — подробный, аргументированный ответ на эти «наболевшие вопросы», вы-

* Г. В. Плеханов

званные дальнейшим обострением в России революционного кризиса. Все больший размах здесь принимает борьба против самодержавия, помещиков, капиталистов. Все более активным, политически зрелым становится рабочий класс. Однако оппортунистическое течение — «экономизм», насаждающее кустарничество, организационную раздробленность, стремится увести его с правильного пути, узким практицизмом затормозить развитие социал-демократического движения.

Книга Владимира Ильича не только вскрывает корни «экономизма», но и завершает идейный разгром этой разновидности международного оппортунизма. Она зовет к идейному, организационному сплочению революционных марксистских элементов социал-демократии России, указывает пути, по которым должно идти создание партии нового типа — политического вождя пролетариата.

Книга обосновывает задачи и тактику партии, она утверждает: главный принцип революционной социал-демократии — соединение экономической и политической борьбы рабочих на основе последовательного марксизма.

Отправленная в Штутгарт рукопись — и об уроках международного рабочего движения, о накопленном уже опыте революционной борьбы в Англии, Германии, Франции, других странах, о необходимости «критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его» [27].

Владимир Ильич ссылается в книге на предисловие Ф. Энгельса к третьему изданию «Крестьянской войны в Германии», в котором изложены основные положения марксизма по вопросу о международном обмене опытом освободительной борьбы. Ф. Энгельс пишет, как важно деятелям рабочего движения любой страны, позднее других вступившей в революционную борьбу, обращать этот дорого купленный опыт себе на пользу.

Только что завершенная Лениным книга — и о величайшем значении для рабочего движения, для деятельности революционной марксистской партии теории научного социализма. Она — об одном из «насущных вопросов» движения: том самом, который вызвал спор с «Форвертс»,— о борьбе международной революционной социал-демократии против оппортунизма.

«В прежние времена,— пишет Владимир Ильич,— споры между лассальянцами и эйзенахцами, между гедистами и поссибилистами, между фабианцами и социал-демократами, между народовольцами и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях». Иное дело теперь. Во взглядах оппортунистов разных стран различие лишь в оттенках. А не в социально-политическом содержании. «...Английские фабианцы,

французские министериалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики,— заявляет Владимир Ильич,— все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма» [28].

Да, конечно, у международного оппортунизма есть национальные отличия. В одной стране его сторонники выступают под особым флагом. В другой — пренебрегают теорией и практически следуют политике радикалов-социалистов. В третьей — подрывную работу в революционной партии ведут перебежчики в лагерь оппортунизма... Но нет у Владимира Ильича сомнения, что все это частности. А содержание у современного международного оппортунизма одинаковое. И вести огонь критики следует против любых его разновидностей. «Может быть, в этой первой действительно международной схватке с социалистическим оппортунизмом,— надеется Владимир Ильич,— международная революционная социал-демократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции?» [29]

Он вскрывает корни этого «социалистического оппортунизма». Показывает, в чем суть «нового» направления, подвергающего «критике» марксизм. Направления, о котором «с достаточной определенностью» [30] высказался Бернштейн, которое продемонстрировал Мильеран.

Владимир Ильич развенчивает утверждения Бернштейна о том, что социализм, дескать, нельзя обосновать научно; что его необходимость и неизбежность немыслимо якобы доказать с позиций материалистического понимания истории; что несостоятельна сама идея диктатуры пролетариата; что в строго демократическом обществе нет якобы классовой борьбы... Он срывает покровы с «теоретической критики» Бернштейна. С его «политических вожделений», подхваченных французскими социалистами. Уже не теоретизирующими, а действующими, перешедшими к «практическому бернштейнианству» [31].

Ленин заявляет: «Мильеран дал прекрасный образчик этого практического бернштейнианства... В самом деле: если социал-демократия в сущности есть просто партия реформ и должна иметь смелость открыто признать это,— тогда социалист не только вправе вступить в буржуазное министерство, но должен даже всегда стремиться к этому. Если демократия в сущности означает уничтожение классового господства,— то отчего же социалистическому министру не пленять весь буржуазный мир речами о сотрудничестве классов?» [32]

Удар наносится по тем же сторонникам нового «критического» направления в социализме, а по существу — разновидности оппортунизма, против которых выступили и «Заря», и «Искра». Не

по блестящему мундиру и пышным фразам, не по эффектной кличке, которую дали себе оппортунисты в социал-демократии, призывает судить о них Владимир Ильич. Оценивать их следует, настаивает он, по тому, как они поступают, что они пропагандируют. И тогда станет ясно, что на самом деле представляет собой превозносимая ими «свобода критики». Станет ясно, что эта «свобода» сводится лишь к тому, чтобы беспрепятственно внедрять в рабочее движение буржуазные идеи.

С гневным сарказмом обращается Владимир Ильич к поборникам подобной «свободы». К тем, кто порицает подлинных социал-демократов за то, что те выбрали тернистый путь борьбы: «О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!» [33]

Итак, по-прежнему борьба — бескомпромиссная, непримиримая...

«МОЖЕТ ОБЕСПЕЧИТЬ НАМ ПОБЕДУ»

В двух часах езды от Мюнхена — в Штутгарте набирают «Что делать?». Из типографии на Фуртбахштрассе оттиски доставляют сюда, в ничем внешне не примечательный дом, где живут доктор Иорданов и его жена Марица. Это, знаем мы,— Ульяновы.

В небольшой комнате за простым столом со стопками рукописей — Владимир Ильич. Он держит корректуру книги, в которой разработал основы учения о революционной марксистской партии — партии нового типа.

Но не только корректурой — множеством других дел загружен его день.

Все обильнее почта «Искры». И хоть занимается ею Надежда Константиновна, каждое письмо проходит через руки Владимира Ильича. Все больше поступает статей, корреспонденций. Шлют их из разных мест России агенты «Искры». Шлют товарищи, обосновавшиеся тут же в Германии, в Австрии, Англии, Бельгии, Швейцарии. Все это читает, правит, готовит к печати Владимир Ильич. Пишет он и собственные статьи. Они — в каждом номере «Искры».

Многими путями идет «Искра» в Россию. А Владимир Ильич изыскивает все новые и новые. «...Весь гвоздь нашего дела те-

перь,— пишет он,— перевозка, перевозка и перевозка. Кто хочет нам помочь, пусть *всецело* наляжет на это» [1]. Он находит поддержку у социал-демократов Германии, Польши, Румынии, Болгарии, Финляндии, переправляющих «Искру» через границу, к агентам газеты, транспортирующим ее в разные места империи.

О том — в письмах, уходящих из Мюнхена... В письмах редакции «Искры», Ленина, Крупской...

В Берлин. «С товарищем не успели вчера послать вам посылку, отправим ее в Румынию сами, а для Персии 4 кило пришлем еще на днях с оказией. Итак, в Персию вам придется послать 1) «Искру», 2) «Зарю»... В Румынию же (предполагая, что «Искру» уже вы отправили) пошлите «Зарю» дня через 3 (если получите) и тогда же сообщите...» [2]

В Выборг. «В Швеции у нас есть связи. Нам нужен человек, который ездил бы в Стокгольм и брал оттуда чемоданы. Не возьметесь ли за это, мы посылали бы Вам денег на поездки и пособие на прожитье, или, может, удобно для этой цели было бы поступить помощником машиниста или кем-нибудь в этом роде на пароход? Разузнайте это как-нибудь» [3].

В Баку. «В Персию только недавно еще послано через Вену... Может быть, и удастся. Известите адресата в Тавризе, что он должен получить из Берлина книги, и напишите нам, когда получатся» [4].

В Киев. «Известите скорее, получена ли квитанция и транспорт. Боимся, не испорчен ли путь. Австрийская полиция проследила посылку вторых 4 пудов и явилась к адресату конфисковать товар» [5].

«Адресат», о котором идет речь в письме Владимира Ильича и Надежды Константиновны,— уже знакомый нам Франтишек Модрачек.

Позднее Модрачек расскажет о том, что произошло с четырьмя пудами искровской литературы: «Печатные издания, предназначенные для России, отправлял через канцелярию комитета по печати социал-демократической партии, в которой работал, а также как редактор социалистического журнала «Академия». Однажды директор издательства Г. Свечены сообщил мне, что пражская полиция задержала мою посылку... Начала расследование, но потом ее пропустила. Я сообщил об этом Мейеру *; с того времени Мейер организовал посылку печатных изданий другим путем...» [6]

Верные помощники в переброске «Искры» — немецкие рабочие, представители левого течения германской социал-демократии. При их содействии уже создано несколько складов нелегальной

* В. И. Ленину.

русской литературы — в самом Берлине при редакции «Форвертс», в Мемеле, Шарлоттенбурге, Кенигсберге, Тильзите, других местах. Столяр Эренпорт, парикмахер Новогродский, сапожник Мертинс, кассир Браун, рабочие Трептау и Клейн принимают, хранят, переправляют через границу «Искру», «Зарю», книги, брошюры. По просьбе царских властей немецкая полиция произведет вскоре аресты тех, кто содействует транспортировке нелегальной литературы. Их обвинят в государственном преступлении против Российской империи.

Летом 1904 года в Кенигсберге, в старинном здании прусского королевского суда в течение двух недель будет продолжаться суд над группой германских рабочих. Председательствующий спросит сапожника Мертинса:

— Известно ли вам, в переброске какой литературы вы участвовали?

И тот ответит:

— Это была главным образом «Искра».

Спросит председательствующий и экспедитора газеты «Форвертс» Петцеля:

— Известно ли вам, откуда приходили посылки?

И последует ответ:

— Да, от Блюменфельда * или от Ульянова из Женевы...[7]

Подсудимые не будут отрицать, что помогали русским социал-демократам, что сочувствуют их освободительной борьбе.

Процесс, однако, обманет ожидания его организаторов. Суд вынужден будет оправдать всех подсудимых. «Наиболее непримиримые и яростные противники современного рабочего движения — официальная Германия и официальная Россия,— заявит Ф. Меринг со страниц «Нейе Цайт»,— напрягли все свои силы, чтобы победить, и потерпели позорное поражение. В Кенигсберге оказались наголову разбитыми не только русский деспотизм, не только его вассалы, не только германские органы юстиции... но и все те, кто грубыми и насильственными, подлыми и предательскими средствами пытается затормозить рабочее движение...» [8]

Не только транспортировкой «Искры», но и ее финансовым положением озабочен сейчас Владимир Ильич. Существует газета на средства партийных комитетов. Шлют их для издания рабочие, интеллигенция Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Сибири, Нижнего Новгорода, Вятки, Дальнего Востока, Саратова, Воронежа, Тулы и других городов. Но всего этого страшно мало! И в письмах, уходящих из Мюнхена, агентам «Искры» редакция по-

---

* Блюменфельд И. С.— наборщик, работал в типографии, где печаталась «Искра», заведовал ее транспортной частью.

стоянно напоминает: «Деньги нам **очень** нужны...» [9]; «Финансы наши очень плохи...»[10]; «...Мы очень стеснены в деньгах...» [11]

Это не секрет и для рабочих Запада, близко к сердцу принимающих дела русской марксистской газеты. Взносы на ее издание поступают в Мюнхен отовсюду. Из Парижа — 2193 франка, Брюсселя — 129 франков, Цюриха — 613 франков и 105 марок, Лозанны — 191 франк, Дармштадта — 409 марок, Берна — 555 франков и 200 марок, Гейдельберга — 200 марок, Женевы — 700 франков, Манчестера — 2 фунта стерлингов, Лондона — 5 фунтов стерлингов 55 шиллингов, Льежа — 497 франков...

Чтобы держать зарубежных пролетариев в курсе того, что происходит в России, «Искра» предпринимает издание бюллетеня «Эко де Рюси». Он печатается в Лилле на французском языке. Печатается при содействии Социалистической партии Франции. И его цели определяются в первом же выпуске:

«Наша страна призвана сыграть важную роль в политическом и экономическом изменении европейских государств. Общественное мнение не может оставаться равнодушным к событиям, которые там происходят, поэтому мы решили публиковать этот бюллетень; он доведет до сведения французов и всех, кто говорит на этом языке, сообщения о событиях, которые не могут попасть в широкую печать, так как этому мешает русская цензура».

Сообщениям о размахе в России революционного движения Владимир Ильич придает первостепенное значение. Он пишет об «огоньках народного возмущения и открытой борьбы» [12]. Публикует письма о том из разных мест империи. На газетных полосах эти письма соседствуют с корреспонденциями об «огоньках», загорающихся в других странах Европы. О том, как обретает там рабочий класс политическую силу. Как становится он «политическим центром для всех недовольных существующим строем» [13].

Триест. Здесь, сообщает № 17 «Искры», на пароходах общества Лойда, забастовали две сотни кочегаров. Стачечников поддержало еще десять тысяч рабочих. На улицах Триеста вспыхивает сражение. В результате — несколько убитых, много раненых. Лицемеры из буржуазных партий немедленно объявляют: побоище — дело рук... анархистов. Они «освящают» преступление солдатчины и полиции. Лицемеры стремятся во что бы то ни стало обелить гнусное поведение властей.

И правду о том, что произошло в Триесте, правду о виновниках пролитой рабочей крови рассказывает «Искра». Она выражает уверенность, что расправа над рабочими не внесет в их ряды уныния, что учиненная австрийскими властями бойня послужит могучим толчком к развитию классового самосознания пролетарских масс...

Барселона. В «Иностранном обозрении» восемнадцатого номера — статья о событиях в Испании. О них уже сообщили «Берлинер Тагеблат», «Франкфуртер Цайтунг», «Пти Су», «Пти Репюблик», «Этуаль Бельж»... Но большинство газет исказило суть того, что произошло в Барселоне на самом деле, умалило роль в стачке рабочих организаций. «Искра» разобралась в «сумбуре имеющихся противоречивых известий». Высказала свою точку зрения на стачечную борьбу барселонцев, против которых, как и в Триесте, бросили войска. Вновь заклеймила сторонников «варварской манеры охраны существующего ужасного порядка вещей...» [14]

Не случайно в одной из корреспонденций — об «огоньках народного возмущения и открытой борьбы» на Западе — упоминается Мильеран. Чем отличается правительство, в которое вошел «якобы социалист», от австрийского и испанского, расстрелявших рабочих Триеста, Барселоны?! «Прекрасный образчик... практического бернштейнианства» [15], развенчиваемого в книге «Что делать?»!

Ее уже отпечатали в Штутгарте, в типографии Дитца. «Искра» сообщает: «Только что появилось в свет «Что делать? (Наболевшие вопросы нашего движения)» [16]... На титульпом листе книги стоит имя, которым совсем недавно подписана была статья в «Заре»,— Н. Ленин. «Искра» сообщает о «Что делать?», едва только книга приходит в Мюнхен. Вскоре ее переправляют в Россию. Доставляют и в другие страны.

Георги Бакалов расскажет: «В конце 1902 г. мы получили заграничную объемистую брошюру — «Что делать?». Она поражала оппортунизм прямо в сердце. Удары были смелые, уверенные, сокрушительные. Оружие было отточенное, блестящее, поражающее... Эта брошюра показалась нам выдающимся произведением! Ее мог написать только великий теоретик воинствующего марксизма» [17].

Так воспримут «Что делать?» в Болгарии. Книгу еще никому там не известного Ленина прочтет Димитр Благоев — основатель партии «тесных» социалистов. Уже в декабре он дважды сошлется на нее в партийном журнале «Ново време», в статье «Оппортунизм или социализм», направленпой против «широких» социалистов — мелкобуржуазных оппортунистов, еще входящих в ту же, что и подлинные марксисты, партию, но на раскол с которыми идти следует как можно скорее.

Благоев извлечет из «Что делать?» и приведет в «Ново време» аргументы в пользу теоретической борьбы, не менее важной, чем политическая и экономическая борьба рабочего класса. Он процитирует те положения книги, в которых дана характеристика раз-

новидностей оппортунизма в социал-демократическом движении. И отнесет к одной из них болгарских мелкобуржуазных оппортунистов. Противопоставит шумихе о «свободе критики», которой прикрывают они свое отступничество от теории и принципов марксизма, то, что пишет об этой «свободе» Ленин.

А в самом начале 1903 года в Варне выйдет брошюра Георги Бакалова «Отступничество от социализма». Она также будет направлена против «широких» толкователей марксизма — болгарских отпрысков международного оппортунизма. И в брошюре, и в статье, которую Бакалов опубликует в «Работнически вестнике», позицию болгарских сторонников революционного марксизма подкрепит аргументация автора «Что делать?».

Но «Работнически вестник» не ограничится ссылками на работу Ленина. В разгар схватки между двумя течениями болгарской социал-демократии он поместит перевод отрывка из первой главы книги. Оговорившись при этом: «Оппортунисты всего мира, в том числе болгарские, очень любят употреблять громкую фразу о «свободе критики». Много пустых, бессмысленных и пошлых слов наговорили они на эту тему... Вот почему мы сочли интересным дать нашим читателям характеристику, которую Н. Льонин * дает так называемой «свободе критики» (в своей отличной полемической брошюре «Что делать?»)» [18].

«Что делать?» попадет и в Сербию. Стефан Иванич переведет первый раздел первой главы. Как самостоятельную статью Ленина, под заголовком «Что значит «свобода критики»?», отрывок из книги напечатает социалистическая газета «Радничке новине». Две недели спустя, в приложении, даст она извлечения и из другого раздела. Познакомит сербов со страницами ленинского труда, где идет речь об Энгельсе, о взглядах одного из основателей научного коммунизма на роль теории в социал-демократическом движении.

Но до благоевской статьи со ссылками на Ленина, до брошюры и статьи Бакалова в «Работнически вестнике» — несколько месяцев. Еще больше времени — до публикаций в сербской газете. Пока же — лишь первое сообщение о выходе «Что делать?» в том самом восемнадцатом номере «Искры», где названы жертвы «апогея буржуазного насилия» [19] в Барселоне: сто убитых, триста раненых, пятьсот заключенных. И хоть написана книга до расправы с испанскими забастовщиками, кажется, что и их имел в виду Ленин, говоря о предательстве Мильерана:

«Отчего не оставаться ему в министерстве даже после того,

* Г. Бакалов поясняет: «...Когда псевдоним Н. Ленин стал у нас известен, его произносили не Ленин, а Льонин...» (Пролетарская революция, 1929, № 10 (93), с. 109—110).

как убийства рабочих жандармами показали в сотый и тысячный раз истинный характер демократического сотрудничества классов?.. А возмездием за это бесконечное унижение и самооплевание социализма перед всем миром, за развращение социалистического сознания рабочих масс — этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу,— в возмездие за это громкие *проекты* мизерных реформ, мизерных до того, что у буржуазных правительств удавалось добиться большего!» [20]

Как своевременна новая атака Ленина! Всего несколько дней назад — когда в типографии Дитца завершали печатание «Что делать?» — в Туре собрался съезд одной из французских социалистических партий. Той, которую принято называть жоресистской. Не пожелали участники съезда обсуждать вопрос об удалении из партии Мильерана. Но зато звучали с трибуны призывы удалить из программы слово «революция», исключить само понятие организованной классовой борьбы... Съезд утвердил умеренный проект программы-минимум. Принял организационный статут, дающий местным организациям, отдельным членам партии полную автономию, отвергающий какой-либо контроль над их действиями сверху.

В девятнадцатом номере «Искры» публикуется обстоятельный отчет о Турском съезде. Газета заявляет: всем должно быть уже ясно, что партия, в которой все еще числится Мильеран, «представляет собой бессознательную часть французского пролетариата, руководимую ловкими оппортунистами». Эта партия «чужда международному революционному пролетариату». Но пользуется зато благоволением французских буржуазных радикалов. Что может быть для них приятнее подобной «рабочей» партии с социалистической кличкой! Ведь идет она рука об руку с ними. «Судьба французского «министерского» социализма тем и интересна, что она показывает,— приходит к заключению «Искра»,— как неизбежно бернштейнианство, оппортунизм и отказ от революционных принципов должны сделать социалистов невольными пособниками буржуазных врагов пролетариата» [21].

Когда па Зенефельдерштрассе в типографии Максимуса Эрнста будут печатать номер с отчетом о Турском съезде, Ленин уже расстанется с Мюнхеном...

«TWO NATIONS! ДВЕ НАЦИИ!»

Мюнхен надо покинуть. И как можно быстрее!

Есть основания подозревать, что местная полиция выследила редакцию «Искры», что ее местонахождение стало известно и российской охранке. Продолжать печатание газеты в Мюнхене, пре-

достерегают немецкие товарищи,— значит подводить под удар и себя, и владельца типографии.

Ленин предлагает:

— Лучше всего перебраться в Лондон...

В шумной и людной британской столице легче, хоть на время, скрыться от агентов российской политической полиции. К тому же там есть возможность быстро наладить и набор, и печатание «Искры».

На сборы — считанные дни. Последние наставления — техническому секретарю редакции В. Кожевниковой. «Владимир Ильич,— впоследствии вспомнит она,— поручил мне издать в Мюнхене несколько номеров «Искры», чтобы не было перерыва в выходе номеров, пока не организует типографию в Лондоне. Для этой работы я была в Мюнхене оставлена одна...» [1]

И в поезде работает Ленин. Внимательно, с карандашом в руках читает «Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии», полученный перед самым отъездом из Мюнхена. В его основе — предложения Плеханова с учетом замечаний Ленина. Полностью согласен Владимир Ильич с тем, что начинать программу следует с утверждения, не раз высказанного им: марксистская партия в России — один из отрядов международной социал-демократии, ее деятельность не может быть успешной без использования опыта других стран. Он согласен, что программу должен открыть параграф о великой исторической миссии рабочего класса: «Развитие международного обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным» [2].

Ленин и Крупская останавливаются в Брюсселе.

Перед самым их приездом здесь, в Зале празднеств местного кооператива, заседал годичный конгресс Бельгийской социалистической партии. «Искра» сообщит об этом в ближайшем же номере, который еще наберут и отпечатают в Мюнхене. Сообщит, в частности, о том, что делегат от Льежа предложил выразить свое сочувствие, пожелание успехов в борьбе русским социал-демократам, «ведущим трудную борьбу против царизма». Что «другой делегат предложил, при всеобщем смехе, переслать это приветствие через посредство гражданина Мильерана» [3] — так называемого «социалиста», восседающего в министерском кресле буржуазного правительства.

«Мы попали туда во время маленькой революционной вспышки»,— узнаем от Н. Мещерякова — социал-демократа, давно уже живущего в Бельгии. Эта «вспышка» была вызвана борьбой бельгийских социалистов за всеобщее и равное избирательное право.

«Я повел Владимира Ильича,— расскажет потом Мещеряков,— показывать город, учреждения рабочей партии, знаменитый тамошний кооператив и т. д. Когда мы вышли из кооператива, вдруг показались толпы рабочих. Это были участники революционной вспышки; собирались толпы демонстрантов; они разгонялись полицией и тут же обращались в бегство, ибо вожди рабочей партии старались всячески удержать рабочих в рамках умеренности и аккуратности... Ленин при виде этой толпы сейчас же оживился и обнаруживал большое тяготение примкнуть к демонстрации. Мне пришлось чуть не повиснуть на нем, чтобы как-нибудь замедлить его движение. Тут как раз сбоку появилась полиция и отрезала нас от толпы» [4].

Уже в Лондоне узнает Ленин, что рабочие, которых он видел на брюссельских улицах, объявили забастовку. К ним примкнуло триста с лишним тысяч человек. События принимали открыто революционный характер. И оппортунистическое руководство бельгийских социал-демократов испугалось. Оно поспешило дать отбой, призвало прекратить стачку.

Вскоре почта доставляет Владимиру Ильичу рукопись его статьи «Аграрная программа русской социал-демократии». Ту самую рукопись, которую, незадолго до отъезда из Мюнхена, он послал Плеханову и Аксельроду. Владимир Ильич обнаруживает на ней ряд пометок. Одна — плехановская — касается ленинских строк: «...это *не могло бы* остаться без *самого глубокого влияния* на дух протеста и самостоятельной борьбы во всем трудящемся сельском населении» [5]. С какой иронией отнесся, оказывается, к прочитанному Плеханов: «Что значит: «самостоятельная борьба»?» [6]. И Ленин тут же на обороте страницы, рядом с плехановским замечанием, быстро набрасывает: «Смотри Бельгию в апреле 1902 г. Она отвечает на этот «трудный» вопрос» [7].

В те апрельские дни, о которых напоминает Ленин, его порадовали и «дух протеста», владевший бельгийскими рабочими, и их стремление к «самостоятельной борьбе». Не рабочие, убежден он, повинны в своем поражении. И о том пишет сейчас «Искра». Выражая надежду, что бельгийские события будут уроком для международного рабочего движения. Что повсюду «социалистический пролетариат увидит, к каким практическим результатам ведет оппортунистическая тактика, жертвующая революционными принципами в надежде на скорый успех». Что «пролетариат еще раз убедится, что ни одно из применяемых им средств политического давления на врага не может достигнуть цели, если у него нет готовности довести это средство до логического конца» [8].

Статья о бельгийской стачке — в двадцать первом номере «Искры». Он выходит 1 июня 1902 года. Первую полосу целиком за-

нимает в нем «Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии», выработанный редакцией «Искры» и «Зари».

«Считая свою Партию одним из отрядов всемирной армии пролетариата,— говорится в проекте,— русская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран» [9]. Это — победоносная пролетарская революция, диктатура пролетариата, построение социалистического общества.

Но на пути к конечной цели стоят ближайшие задачи. Пропаганда, развитие сознательности пролетарских масс — к этому сводят их социалистические партии Запада. О том говорится в Эрфуртской программе германских социал-демократов — ведущей партии II Интернационала: «Превратить борьбу рабочего класса в сознательную, придать ей единство и указать ей естественно-необходимую цель»[10]. К тому стремятся австрийские социал-демократы: «Организовать пролетариат, вселить в него сознание своего положения и своей цели, подготовить его и умственно и физически к борьбе» [11]. О том, что партия «есть и может быть только некоторого рода наставником и вербовщиком» [12], заявляет, разъясняя программу рабочей партии Франции, П. Лафарг. «Социалистическая партия организует экономическое движение» [13],— этим ограничивают свою деятельность американские социалисты. Четкие, ясные политические цели русских социал-демократов определяет проект программы, опубликованный «Искрой»: «...Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции...» [14]

Когда выходит этот номер «Искры», Ленин обосновался уже в британской столице.

«Лондон поразил нас своей грандиозностью,— пишет Крупская.— И хоть была в день нашего приезда невероятная мразь, но у Владимира Ильича лицо сразу оживилось, и он с любопытством стал вглядываться в эту твердыню капитализма...» [15]

С Надеждой Константиновной и ее матерью Владимир Ильич поселяется в районе Финзбери, на Холфорд-сквер. Тут, как и в Мюнхене, соблюдает строжайшую конспирацию. «Документов в Лондоне тогда никаких не спрашивали,— рассказывает Крупская,— можно было записаться под любой фамилией. Мы записались Рихтерами» [16].

Важно было подольше оставаться вне поля зрения агентов российской тайной полиции. И пересылая Аксельроду свой адрес, Владимир Ильич просит не сообщать его никому, кроме самых

близких лиц. «Если можно,— предупреждает он,— постарайтесь и в разговорах употреблять систематически Мюнхен вместо Лондона и мюнхенцы вместо лондонцы» [17].

Каждое утро идет Владимир Ильич пешком в Британский музей, где открыт для него доступ в читальный зал. В его регистрационном журнале значится он под именем Якоба Рихтера. И имеет свой читательский номер — А 72453.

Ленин сидит неподалеку от главного прохода в холл.

«Меня всегда поражала,— вспомнит потом Ф. Ротштейн, русский эмигрант, социал-демократ, вошедший и в английскую социал-демократическую федерацию,— изумительная работоспособность Ленина: он работал не только упорно, но и очень быстро, по крайней мере втрое быстрее меня... Администрация зала относилась к Ленину с большим уважением, и служащие зала нередко с удивлением говорили: «Этот читатель просто проглатывает книги... Такого количества книг не заказывает никто другой» [18].

Но не по одним газетам и книгам знакомится Ленин с английским образом жизни. «...Смотрим народ, местную жизнь, здесь ее удобнее наблюдать, чем где бы то ни было,— сообщает Надежда Константиновна в Россию.— Володя очень увлекается этими наблюдениями, увлекается и этим, так же как всем, что он делает» [19].

А наблюдения приводят к весьма неутешительным заключениям. Владимир Ильич пишет вскоре в Женеву, Плеханову: «...гнусное впечатление производит этот Лондон, на первый взгляд!!» [20] И на следующий день, уже в другом письме — в Цюрих, Аксельроду: «Первое впечатление от Лондона: гнусное. И дорого же все порядком!» [21]

Нередко, отправляясь на прогулку по городу, поднимается Владимир Ильич на верх омнибуса. Внимательно прислушивается, о чем говорят пассажиры, судя по всему — рабочие, мелкие служащие. Ведь он «никогда не уставал наблюдать и слушать рабочих, изучать все, что мог, относительно их жизни и мыслей» [22],— свидетельствует встречавшаяся с Лениным английская социалистка Зельда Каган-Коутс.

Часто гуляют они с Надеждой Константиновной по городу. Бродят по тихим улицам, вдоль которых протянулись нарядные особняки с увитыми зеленью зеркальными окнами. Забираются на дальние окраины, в заселенные бедняками грязные переулки.

— Two nations! Две нации!— не раз повторяет сквозь зубы Владимир Ильич.

Его можно встретить и в Гайд-парке. Недостатка в ораторах там нет никогда. Их шумные речи под открытым небом — о самом разном: о том, что бога нет; и что он существует; и что самая каторжная жизнь у приказчиков больших магазинов...

Ленина мало интересует то, что доказывают, к чему зовут с небольших трибун или взобравшись на парковую скамью ревнители религии, приказчики, другие мелкие буржуа. Но он хочет знать, как простые люди реагируют на идеи, порой весьма бредовые. И внимательно прислушивается к раздающимся из толпы возгласам, репликам, вопросам.

А как стремится Ленин побывать на рабочих собраниях! Он отыскивает в газетах объявления: где, когда они должны быть? И, отчеркнув адрес, отправляется в самые дальние кварталы города. Старается не пропустить ни слова из того, что говорят там рабочие.

— Из них социализм так и прет! — восклицает он, вернувшись однажды с такого собрания.— Докладчик пошлости разводит, а выступит рабочий,— сразу быка за рога берет, самую суть капиталистического строя вскрывает...

Надежда Константиновна пишет в связи с этим: «На рядового английского рабочего, сохранившего, несмотря ни на что, свой классовый инстинкт, и надеялся всегда Ильич. Приезжие обычно видят лишь развращенную буржуазией обуржуазившуюся рабочую аристократию. Ильич изучал, конечно, и эту верхушку, конкретные формы, в которые выливается это влияние буржуазии, ни на минуту не забывал значение этого факта, но старался нащупать и движущие силы будущей революции в Англии» [23].

Какую позицию занимают в рабочем движении английские социал-демократы? — вопрос для Ленина первостепенной важности. К чему зовут опи рабочих? Стремятся ли повернуть их на путь политической борьбы?

Однажды попадает Владимир Ильич... в социал-демократическую церковь. С изумлением слушает ответственного деятеля социал-демократической федерации, читающего в нос сперва библию, а затем и проповедь. Старается понять, какие чувства владеют на самом деле теми, кто заполняет сейчас церковь и произносит в упоении:

— Выведи нас, господи, из царства капитализма в царство социализма!..

Владимир Ильич приходит в церковь еще раз. Снова попадает на проповедь социал-демократа. На сей раз — о «социализме». О «социализме» муниципальном. Начисто отвергающем необходимость какой-либо революции. «Чистой воды оппортунизм» [24],— замечает Надежда Константиновна. А ведь на словах английские социалисты осуждают оппортунизм!

То, с чем сталкивается Ленин в Лондоне, убеждает его, что лидеры английских социал-демократов действительно уводят массы от политической борьбы. Зовут лишь к борьбе за улучшение

условий труда. Он видит: у «английской околосоциалистической интеллигенции»[25] весьма своеобразные представления о том, как следует идти к социалистическим преобразованиям...

— Я убежденный социалист,— доверительно говорит Ленину некий мистер Раймонд,— я даже одно время стал выступать как социалист. Тогда мой хозяин вызвал меня и сказал, что ему социалисты не нужны и если я хочу остаться у него на службе, то должен держать язык за зубами. Я подумал: социализм придет неизбежно, независимо от того, буду я выступать или нет, а у меня жена и дети. Теперь я уже никому не говорю, что я социалист, но вам-то я могу это сказать...

Ленин успел уже прийти к заключению: англичане — народ замкнутый. И был рад, когда удавалось понаблюдать англичан в их собственном доме.

Как-то дождливым вечером Зельда Каган-Коутс застает его у своего шурина. В большой комнате собралось несколько английских и русских социал-демократов. Разговор заходит об условиях жизни английского рабочего. «Ленин,— замечает Зельда Каган-Коутс,— проявил к этому вопросу глубокий интерес. В ответ на его расспросы один из английских товарищей описал жизнь рядового английского железнодорожника. Больше всего меня при этой встрече поразило то, что Ленин интересовался не только вопросами заработной платы и продолжительности рабочего дня, но и всевозможными конкретными подробностями жизни рабочей семьи»[26].

Ленин устанавливает связи и с теми английскими социал-демократами, от которых ждет помощи в печатании «Искры».

Один из них — Гарри Квелч. Он — деятель — и весьма энергичный — не только социал-демократии, но и профессиональной организации рабочего класса. Не раз возглавлял лондонское отделение профсоюза типографов, столичное бюро профессиональных союзов. Редактирует еженедельную социал-демократическую газету «Джастис», журнал «Соушл-Демократ».

Через одиннадцать лет Ленин напишет в «Правде» о Гарри Квелче: «Во всей работе английской социал-демократии он принимал самое близкое участие, выступая постоянно оратором на партийных и народных собраниях. На международных конгрессах и в Международном социалистическом бюро Квелч представлял неоднократно английскую социал-демократию. Между прочим, на Штутгартском международном социалистическом конгрессе Квелч подвергся репрессии со стороны вюртембергского правительства, которое *выслало* Квелча из Штутгарта (без суда, по полицейскому распоряжению, как иностранца) за то, что Квелч на народном собрании назвал Гаагскую конференцию «a thief's supper» (бук-

вальио: собрание воров). Когда на другой деиь после высылки Квелча открылось заседаиие коигресса, английские делегаты оставили пустым стул, иа котором сидел Квелч, и повесили на этом стуле плакат с надписью: «Здесь сидел Гарри Квелч, выслаиный вчера вюртембергским правительством» [27].

Едва появившись в Лондоне, Леиин отправляется к Квелчу.

По поручению Владимира Ильича с ним уже встречался Н. Алексеев, живший там русский социал-демократ, и договорился: «Искра» будет печататься в типографии газеты «Джастис». Оиа иа Клеркенвилл-грин, в доме, ие одио десятилетие связаином с аиглийским революционным движеиием. И спустя годы Владимир Ильич вспомнит: «Аиглийские с.-д. с Квелчем во главе с полиой готовностью предоставили свою типографию. Самому Квелчу пришлось для этого «потесниться»: ему отгорожен был в типографии тоикой дощатой перегородкой уголок вместо редакторской комиаты. В уголке помещался совсем малеиький письмеииый стол с полкой кииг иад ним и стул. Когда пишущий эти строки посещал Квелча в этом «редакторском кабииете», то для другого стула места уже ие находилось...» [28]

«СВОЙ СВОЕМУ ПОНЕВОЛЕ БРАТ»

Прошло совсем немного времени, как поселился Лении иа берегах Темзы, а уже идет к иему корреспоидеиция из России — от агеитов «Искры», руководителей местных социал-демократических организаций. Отсюда, с Холфорд-сквер, пишет он в Петербург, Одессу, Харьков, Псков, Самару, Киев, Вологду... Отсюда уходят его письма соратиикам, живущим в Париже, Женеве, Цюрихе, Монтре, Дрездене, Берие, Марселе. В этих письмах — просьбы, задания, поручеиия. Связанные с «Искрой». С предстоящим II съездом партии, от которого «все ждут теперь решеиий, стоящих на высоте *всех* революциоиных задач современности» [1]. С борьбой за самостоятельиость, классовую выдержанность пролетарского движеиия, которую через газету ведет Владимир Ильич.

«Искра» иабирается и верстается в малеиькой типографии в Ист-зиде, печатается иа Клеркенвилл-грии.

В двух первых ее «лондоиских» номерах — большая статья Лениа «Революционный аваитюризм». «Весь современиый социализм, начииая с «Коммуиистического маиифеста»,— утверждает Владимир Ильич,— покоится на той несомнеииой истине, что едииственным *действительно* революционным классом капиталистического общества является пролетариат» [2]. Лении выступает против тех «социалистов», у которых иет «ии ясиой идеи о коиечной цели, ни правильного понимания того пути, который ведет к

этой цели, ни точного представления о действительном положении дел в данный момент и о ближайших задачах этого момента» [3].

В двадцать четвертом номере «Искры» с окончанием ленинской статьи, на соседней полосе — «Иностранное обозрение». В нем идет речь о недавнем съезде голландской социал-демократии. О принятой съездом резолюции и о той самой беспринципности, которую обличает в своей статье Владимир Ильич. О резолюции, зовущей уравнять церковную школу со светской, продлить — на неопределенное время! — влияние на рабочих отживающего миросозерцания. Она подтверждает справедливость заключения «Искры»: оказавшись перед фактом разъединения рабочего класса на верующих и неверующих — фактом не ею, конечно, созданным, Голландская социал-демократическая партия пренебрегает необходимостью организовать, объединить его на почве своих принципов.

Обличая безыдейность, беспринципность, Ленин в статье «Революционный авантюризм» напоминает о программе «Искры». Эта программа указывает «единую конечную цель всему борющемуся пролетариату, не сводя ее до «минимума», не принижая ее ради приспособления к идеям некоторых неразвитых слоев пролетариата или мелких производителей» [4]. Как расходится это со взглядами тех, кто стремится лишить европейское рабочее движение его революционного характера! Кто ратует за «нейтральность» профессиональных союзов, подразумевая под «нейтральностью» отречение от социал-демократии, от ее принципиальной борьбы!

В этом же двадцать четвертом номере «Искра» обличает «новых друзей рабочего класса» — тех, для кого взаимная связь двух течений, подкрепляющих и дополняющих друг друга,— бельмо на глазу. И сообщает с удовлетворением: в Штутгарте, на съезде германских профессиональных союзов, «фальшивые друзья» получили надлежащий отпор; на этом съезде большинство высказалось за единство германского рабочего движения, за связь профессиональных союзов с социал-демократической партией...

Сейчас, в эту осеннюю пору 1902 года, множество дел у Ленина.

Почти полдня он в читальном зале Британского музея. Громоздятся там перед ним книги. Английский поэт Джон Мейсфилд сообщит через десятки лет: «Я часто видел его в читальном зале Британского музея... И всегда говорил себе: «Интересно знать, кто этот удивительный человек», потому что, без сомнения, каждому было ясно, что этот человек необычайный, призванный оставить след в истории человечества» [5].

Часами работает Владимир Ильич и в маленькой комнате на

Клеркенвилл-грин, где печатается «Искра». А в крошечной квартире на Холфорд-сквер допоздна сидит над рукописями идущих в набор статей.

Но как бы ни был загружен Ленин, по-прежнему следит он за международным рабочим движением. За всем, что характеризует политическое самоопределение пролетарских масс, что связано с социалистическими партиями Запада. И принимает меры, чтобы своевременно откликалась на это «Искра»...

«Искра», № 26. Отредактировав корреспонденцию из Галиции, Ленин заверстывает ее в ближайший номер. Ибо сообщает она о стачке сельскохозяйственных рабочих, охватившей в 250 деревнях свыше 100 тысяч человек. «Предварительная пропаганда социал-демократии,— говорится в корреспонденции,— содействовала тому, что стачечники выступали с сознанием своих прав, с ясным пониманием своих задач». И в горячую пору жатвы землевладельцы вынуждены были пойти на уступки, хотя и поторопились принять меры, чтобы «не возгордились» крестьяне. «Галиция,— сообщает корреспондент «Искры»,— была наводнена жандармами и солдатами. Жандармы получили приказание арестовывать, солдаты — стрелять... Успеха, однако, эта гнусная политика запугивания не имела...» «Искра» выражает надежду: в будущем году стачечное движение в Галиции возобновится. Она призывает: «Обязанность социал-демократии — своевременно заняться необходимой для успеха организацией».

«Искра», № 28. Две с половиной газетных колонки отводит Владимир Ильич под корреспонденцию о стачке американских углекопов. Более пяти месяцев не спускались они в угольные копи. Упорно отстаивали свои интересы. «150 000 рабочих,— сообщает «Искра»,— как грозная армия, стояли в полях Пенсильвании, решившись преодолевать и голод, и холод, и всяческие другие лишения, чтобы добиться признания своих прав и улучшения своего положения. Их противниками были только несколько магнатов, но эти магнаты обладали несметными богатствами и крупным политическим влиянием. Последние старались всякими способами дискредитировать рабочих перед общественным мнением... Чтобы внести раскол в ряды стачечников, они наводнили их лагерь «рабочими газетами», в которых поносились их вожди,— но все было напрасно, и их старания ни к чему не привели». В этой стачке, подчеркивает «Искра», победу обеспечила рабочая солидарность. Дело углекопов Пенсильвании стало делом всего пролетариата Северной Америки. Помощь им шла отовсюду.

«Искра», № 30. Снова сообщает газета о стачке. На сей раз — шахтеров Франции. И в первых же строках отредактированной Лениным корреспонденции обвиняет в предательстве «политикан-

ствующих оппортунистов» из социалистической партии. Тех, в чьи расчеты не входила подобная стачка. Кому лишь волей-неволей пришлось склониться перед единодушно выраженным желанием масс. Но кто своими действиями лишил забастовочное движение цельности, солидарности. Кто заранее обеспечил ему поражение...

В те же дни готовит Ленин к переизданию свою брошюру «Задачи русских социал-демократов».

Еще пять лет назад, в Шушенском, написал ее Владимир Ильич. И хоть сделало за это время рабочее движение громадный шаг вперед, хоть произошли в социал-демократии глубокие изменения, не потеряла она своей актуальности. Так как «зовет к углублению и расширению практической работы, не видя никаких «препятствий» к этому в невыясненности каких-либо общих взглядов, принципов и теорий, не видя (не существовавшего тогда) затруднения в сочетании политической и экономической борьбы». Как и тогда, «брошюра обращается к противникам социал-демократии со своими принципиальными разъяснениями...» [6].

Нынешнее издание откроет предисловие. Августовскими вечерами писал его Ленин. Сам, видимо, свез в Швейцарию, куда ездил с рефератами. И в Женеве, на улице Каролин, в типографии Заграничной лиги русской революционной социал-демократии уже набрали эти тщательно переписанные листки. Всю международную социал-демократию имеет в виду Ленин, когда пишет, что сейчас важнее всего «положить конец всякому разброду и шатанью» в среде социал-демократов; что следует «сплотиться теснее и слиться организационно под знаменем революционного марксизма»; что надо «направить все усилия к объединению всех практически работающих социал-демократов, к углублению и расширению их деятельности» [7]. Переиздавая брошюру, он обращает ее против «бернштейнианства вообще и русского бернштейнианства в особенности» [8]. Против терпимости к оппортунизму в мировом пролетарском движении...

Вскоре отпечатанную в Женеве брошюру доставляют в Лондон. Почти одновременно приходит сюда и посланный Дитцем четвертый номер «Зари». В нем — статья Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии». Владимир Ильич называет ее комментарием к аграрной части проекта программы Российской социал-демократической рабочей партии. Отстаивает в ней марксистские идеи. И с возмущением отзывается о носителях «консервативного самодовольства» [9]. О тех, кто утверждает на Западе, что крестьянство — «самый мощный якобы оплот против социализма» [10]. А «указанное самодовольство замечается», подчеркивает Ленин, не только «у всех партий порядка, начиная с агра-

риев и консерваторов pur sang *, продолжая либеральными и свободомыслящими буржуа». Высказываются такие взгляды и «модными «критиками марксизма» в аграрном вопросе» [11].

Социал-демократическую аграрную программу, ее основные требования, их классовое содержание, историческую обусловленность Ленин намерен разъяснить и в своей новой работе. «Я засел теперь за популярную брошюру для крестьян о нашей аграрной программе» [12],— сообщает он Плеханову. Но хоть и обращена она «к деревенской бедноте» —о том говорит ее название,— хоть анализирует Владимир Ильич положение русской деревни, не может быть написана брошюра на одном лишь российском материале. Тщательно продумывая ее, Ленин заносит в план: «Международный характер рабочего (с.-д.) движения». И следом: «Idem ** для крестьян. Гнет налогов, безземелья, капитала etc.» [13].

В своей новой брошюре Ленин разъясняет, чего добивается рабочая партия. Почему следует крестьянской бедноте идти с рабочими, почему растет среди рабочих число социал-демократов. И ссылается на Германию, где на недавних выборах в парламент более двух миллионов взрослых мужчин отдали свои голоса за социал-демократических депутатов. «Среди деревенских рабочих,— пишет Ленин,— социализм распространен в Германии еще мало, но теперь он особенно быстро шагает там вперед. И когда масса батраков, поденщиков и неимущего, обнищавшего крестьянства присоединится к своим городским братьям,— немецкие рабочие победят и устроят такие порядки, при которых не будет нищеты и угнетения трудящихся» [14].

Ленин пишет с увлечением. Несколько раз изменяет план брошюры. Привлекает все новые источники. И те, которые появились в самое последнее время.

«Давида я уже выписал и теперь читаю» [15],— сообщает Плеханову Владимир Ильич. Это — «Социализм и сельское хозяйство» — сочинение одного из лидеров правого крыла германской социал-демократии. Только что изданная в Берлине объемистая книга — 703 страницы! — оказывается ужасно растянутой, бедной, пошлой. А ее автор, стоящий на позиции ревизии марксистского учения,— страшно «сладкоречивым» [16]. Эдуард Давид, пишет Ленин в примечании к одному из разделов своей брошюры, считает, что «мелкое хозяйство несравненно выгоднее крупного», что отсутствие лошади, оказывается, не горе, а благо для мелкого крестьянина, что таким образом тот избавлен, дескать, от всяких «лишних расходов» [17].

---

* Чистой крови.

** То же.

Завершив работу над брошюрой, Владимир Ильич отправляет рукопись в женевскую типографию. И возвращается к книге «известного оппортуниста (бернштейнианца тож)» [18] Эдуарда Давида. Ведь в Москве, в «Русских ведомостях», сей «труд» поторопились назвать «капитальным». И он должен поэтому быстрее высказать свое мнение о новейшем «произведении оппортунистической мысли» [19].

Ленин пишет: «Две основные идеи... проходят красной нитью через весь «труд» Давида. Он воспевает сельскохозяйственные кооперации, ожидая от них всех благ, требуя содействия их развитию со стороны социал-демократии и не замечая (совсем как наши соц.-рев.) буржуазного характера этих союзов мелких хозяйчиков с мелкими и крупными капиталистами в земледелии. Давид требует превращения крупных земледельческих хозяйств в мелкие, восторгаясь выгодностью и рациональностью, экономностью и производительностью хозяйств «des Arbeitsbauern» — порусски буквально: «трудового крестьянина», выставляя верховное право собственности общества на землю и пользование землею вот этих мелких «трудовых крестьян» [20].

Поразительно сходство взглядов немецкого оппортуниста с аграрной программой-минимум русских социалистов-революционеров! С программой, «обогатившей» социалистическую мысль всего лишь за несколько месяцев до выхода в свет книги Давида. «Мелкобуржуазности «трудового крестьянина» в современном обществе, его промежуточного, переходного положения между буржуазией и пролетариатом, его стремления «выйти в люди» (т. е. стать заправским буржуа) путем бережливости, усердия, недоедания и чрезмерной работы, его стремления к эксплуатации труда сельских «работников»,— приходит к заключению Владимир Ильич,— ничего этого не видит, конечно, ни немецкий мелкий буржуа-оппортунист, ни русские мелкие буржуа — «социалисты-революционеры» [21].

Скрыть тождество программы «европейского реформиста и оппортуниста» [22] и программы русских социалистов-революционеров не способны ни «разнообразие костюма», ни «варианты то оппортунистической, то «социалистски-революционной» фразы» [23].

Ленин публикует статью об Эдуарде Давиде в тридцать восьмом номере «Искры».

Случайно ли, что именно в этом номере наносятся еще два удара по оппортунизму в западноевропейской социал-демократии? Первый удар — по «реформистскому социализму», оппортунистической тактике «бывшего и будущего министра» Мильерана, предавшего рабочий класс ради якобы «эмансипации» рабочих же масс. Удар по его заступникам, стоящим на той же политической

платформе. «Искра» разоблачает так называемый «суд» над ним на съезде Французской социалистической партии, возглавляемой Жаном Жоресом.

Ленин высоко ценит субъективную искренность Жореса, его мужество борца, преданность идеям демократии, социализма. Но в то же время осуждает политическую линию, которую тот ведет сейчас. «Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм,— заявит Ленин позднее,— тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия. Субъективно, Жорес хотел спасать республику, вступая для этого в союз с буржуазной демократией. Объективные условия этого «опыта» состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило... что на деле перед рабочим классом объективно выдвигались уже историей задачи социалистического переворота, от которого *отманивали* пролетариат Мильераны посулом крохотных социальных реформ» [24].

214 делегатов съезжаются со всей Франции. Собираются в Бордо, чтобы судить Мильерана, чье «постоянное отдаление от социалистических принципов», чье «неуклонное спускание «со ступеньки на ступеньку» вызвало подозрение у многих федераций.

«Они — эти федерации,— сообщает «Искра»,— думали, что ради спасения всего тела надо немедля ампутировать зараженную гангреной ногу, ради спасения партии надо исключить из нее Мильерана. Но не так мыслили Жорес и солидарные с ним федерации. Для них исключение Мильерана означало в принципиальном отношении осуждение всей реформистской тактики, основанной на заигрывании с буржуазными партиями и на участии в буржуазных министерствах».

И что же?

После долгих, бессвязных дебатов покровителям Мильерана удается провести свою резолюцию. Удается, пишет «Искра», «сгустить в глазах пролетариата начинавший немного рассеиваться туман, упрочить позицию оппортунизма» [25].

Второй удар наносится по «великому» критику марксизма Бернштейну. Газета напоминает, что еще несколько лет назад тот звал партию пролетариата отбросить всякую революционность, стать «социал-демократической партией реформ». Какой вид такая партия должна неизбежно принять, показал Мильеран. «Картина,— заключает «Искра»,— получилась достаточно яркая, чтобы отрезвить тех, кого поколебало крикливое, рекламное «критическое» выступление Бернштейна и К°. За этот результат социал-демократия может быть благодарна ловкому карьеристу» [26].

Нет, не случайно соседствуют в одном номере «Искры» статьи,

направленные против Мильерана, Бернштейна и прочих оппортунистов, со статьей Ленина об Эдуарде Давиде, в заголовок которой вынес Владимир Ильич: «Les beaux esprits se rencontrent». Пояснив тут же: «По-русски примерно: свой своему поневоле брат»[27].

«СТАНЕТ НЕПОБЕДИМОЙ СИЛОЙ»

Опять вынуждена перебраться редакция «Искры» на новое место. На сей раз это — Женева. Отсюда «Искра» продолжает борьбу за местные организации, за их идейное объединение, организационное единство, за победу искровского направления в российской социал-демократии. Отсюда готовит она II съезд партии.

Ленин поселился в рабочем предместье Сешерон. Здесь в крошечной комнате небольшого домика на улице Шмен приве дю Фуайе пишет он проект устава партии, проекты резолюций предстоящего съезда — о месте Бунда в РСДРП, об экономической борьбе, о праздновании Первого мая, о представительстве Российской социал-демократической рабочей партии на международном социалистическом конгрессе в Амстердаме, о демонстрациях, пропаганде, распределении революционных сил по России, о партийной литературе.

Пишет Владимир Ильич и проект резолюции об отношении к учащейся молодежи. О ее сплочении, о выработке у нее цельного и последовательного революционного мировоззрения. О том, что достигнуть этого можно лишь путем «серьезного ознакомления с марксизмом, с одной стороны, а с другой стороны, с русским народничеством и западноевропейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений»[1]. Да, и с западноевропейским оппортунизмом. Чтобы быть во всеоружии в борьбе против тех, кто тормозит или уводит в сторону рабочее движение. В борьбе против пустой «революционной» или идеалистической фразеологии, против филистерских сетований «о вреде и ненужности горячей и резкой полемики между революционными и оппозиционными направлениями»[2].

Съезд открывается жарким июльским днем 1903 года в Брюсселе. В громадном складском помещении, которое помогли снять бельгийские социал-демократы, собираются делегаты, нелегально прибывшие из разных мест России.

На девяти заседаниях идут страстные споры о предложенном «Искрой» проекте программы партии.

Теоретики «экономизма», повторяя то, что проповедуют их зарубежные единомышленники, стремятся доказать: роль идеологии переоценивается, развитие стихийного рабочего движения само

собой, автоматически порождает классовое самосознание пролетариата, рабочий класс сам, без всякой посторонней помощи дойдет до понимания социализма. Они пытаются навязать поправку, меняющую текст в духе «экономизма».

— Эта вставка вносит ухудшение,— категорически возражает Ленин.— Она создает представление, как будто стихийно растет сознательность. В международной же социал-демократии нет сознательной деятельности рабочих вне влияния социал-демократии [3].

Нападкам «экономистов» подвергается и программное требование диктатуры пролетариата. Их главный аргумент:

— Этого нет в программах социал-демократических партий II Интернационала! Нет даже в лучшей из них — Эрфуртской программе Социал-демократической партии Германии, которая говорит лишь о необходимости для пролетариата добиться «обладания политической властью».

А коли так, то следует «изменить самый дух программы» [4] Российской социал-демократической рабочей партии. Иначе говоря — выхолостить из нее революционную сущность. Повернуть партию на путь международного ревизионизма.

Делегаты заседают и днем, и вечером. Но вскоре замечают: за ними установлена слежка. Некоторым из них даже предложено незамедлительно покинуть Брюссель.

— В чем дело? Что произошло? — запрашивают Эмиля Вандервельде — лидера бельгийских социал-демократов.— Ведь русским революционерам вами была гарантирована полная безопасность!..

Тот вынужден признать:

— Да, вы должны уехать из Бельгии. И уехать как можно скорее. В противном случае вам всем грозит арест и высылка в Россию. Русское министерство иностранных дел через своего посла предупредило, что будто бы приехали важные русские анархисты. А по отношению к анархистам, как вы знаете, между всеми странами существует соглашение о выдаче их властям.

Делегаты перебираются в Лондон, с которым Ленин расстался лишь немногим более трех месяцев назад.

Владимир Ильич делает здесь запись: «14-ое заседание (в Лондоне)... 11.00. Мой доклад об уставе организации партии» [5].

Что предусматривает ленинский проект устава?

— Наша задача,— заявляет Ленин,— оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше [6]...

Этому требованию отвечает ленинская формулировка первого параграфа проекта устава. Она закрывает доступ в партию неустойчивым, анархически настроенным элементам. Предусматрива-

ет, что каждый член партии должен быть непосредственным участником той или иной партийной организации. Выдвигает, таким образом, требование, какого нет ни в одном из уставов социал-демократических партий Запада. В том числе германской, записавшей в своем уставе: «Членом партии считается каждый, признающий основные положения партийной программы и постоянно поддерживающий партию денежными средствами» [7].

На эти-то уставы и ориентируется Мартов. Добиваясь, чтобы был открыт доступ в партию и неустойчивым, мелкобуржуазным элементам. И тем, кто неспособен к партийной дисциплине.

То, что предлагает Мартов, по словам Ленина,— это «жоресизм» [8]. Мартов отстаивает «жоресистский первый пункт устава» [9]. Пункт во всех смыслах оппортунистический. «...Перед нами,— убежден Владимир Ильич,— *принцип оппортунизма*, стремящегося ослабить ответственность отдельных интеллигентов перед партией пролетариата, ослабить влияние центральных учреждений, усилить автономию наименее выдержанных партийных элементов, свести организационные отношения к чисто платоническому признанию их на словах» [10]. Именно за это и ратуют сторонники Жореса.

Но не только с ними солидарны и Мартов, и те, кто поддерживает его на съезде. «...Указанные мной принципиальные черты оппортунизма в организационных вопросах...— заявит Ленин,— наблюдаются mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) во всех социал-демократических партиях всего мира, где только есть деление на революционное и оппортунистическое крыло (а где его нет?)» [11]

Три недели идут ожесточенные бои за идеи «Искры». В горячих дебатах проявляются различные позиции. Вокруг Ленина сплачиваются последовательные искровцы. Борьба завершается объединением революционных марксистских организаций России на основе идейно-политических и организационных принципов, разработанных ленинской «Искрой». Положено начало существованию большевизма и как течения политической мысли, и как пролетарской партии нового типа, принципиально отличающейся от всех партий II Интернационала. Принята ленинская программа борьбы за свержение самодержавия, власти помещиков и капиталистов, за установление диктатуры пролетариата как орудия социалистического преобразования общества.

Съезд стал поворотным пунктом в мировом рабочем движении. Впервые пролетарские массы получили организацию, способную успешно руководить его борьбой за свое социальное освобождение.

О том, что произошло на II съезде, о его решениях должны

узнать, и узнать как можно быстрее, социалисты Западной Европы. Но как оповестить их, если в целях конспирации материалы съезда признано возможным опубликовать через несколько месяцев? Если краткий отчет о нем появится в «Искре» только в конце ноября? А основные решения съезда, не говоря уже о протоколах,— еще позже, к тому же лишь на русском языке?

Выход один — личные контакты.

По поручению Владимира Ильича в Париж выезжает Мартын Лядов. Он знакомится с Ж. Гедом, П. Лафаргом, П. Луи, Ж. Жоресом, М. Самба, Ж. Аллеманом. Пытается разъяснить им суть разгоревшейся на съезде борьбы.

Но не находит посланец Ленина в Париже взаимопонимания. «...Впечатление из беседы с французскими товарищами я вынес такое,— рассказывает Лядов,— что они никакого значения нашим делам не придают. Смотрят на нас, как на молодую чисто пропагандистскую партию, которой еще очень далеко до действительного руководства массовым движением... Большинство французов, с которыми я беседовал, имело совершенно хаотическое представление о России. Им казалось, что единственно возможной в России революционной тактикой может быть тактика «Народной Воли», т. е. единоличный террор отдельных интеллигентских групок. Когда я им указывал на широко развернувшееся у нас стачечное движение, они пожимали плечами и отвечали: «Но ведь ваших рабочих так мало, что они смогут сделать? Их, конечно, подавят, царизм еще так силен» [12].

А затем — Берлин. И сюда с поручениями Ленина приезжает Лядов.

«...У меня была официальная бумажка от ЦК нашей партии к редакции «Форвертса», в которой сообщалось,— расскажет он спустя два с лишним десятка лет,— что после состоявшегося партийного съезда ЦК просит впредь помещать на страницах «Форвертса» лишь те корреспонденции из России, которые подтверждены уполномоченным ЦК. Эта просьба была вызвана тем, что очень часто в «Форвертсе», как и во всей заграничной печати, печатались самые фантастические сведения о России...» [13]

С письмом ЦК Лядов отправляется к ответственному редактору «Форвертс» Курту Эйснеру и рассказывает ему о развернувшемся в России рабочем движении. Знакомит его с большой работой, которую ведут местные партийные организации. Указывает на важность широкого ознакомления немецких рабочих с российским социал-демократическим движением. Предлагает регулярно снабжать немецкую газету корреспонденциями о России.

Предложение не встречает энтузиазма.

— Ведь, признайтесь, дорогой товарищ,— с иронией замечает

Эйснер,— все это существует больше в вашем воображении, чем на деле. Ну, разве можно серьезно говорить о действительном социал-демократическом движении у вас в России? Ваша партия — ведь это исключительно студенческая молодежь, которая учится в наших университетах. Вы говорите, что вы объединились в одну партию, но рядом с вами есть еще партия «Освобождение» *, эсеры, бундовцы... Почему мы должны признавать только вас, а не их?.. Нет, мы не можем разобрать, кто из вас прав, поэтому пусть все пишут [14]...

С грустью сообщает Лядов Владимиру Ильичу о результатах переговоров в редакции «Форвертс». О том, что не лучшая встреча ожидала его у А. Бебеля, П. Зингера, И. Аузра, Г. Фольмара, других видных деятелей германской социал-демократии. Они не воспринимают всерьез русских революционеров и относятся к ним, как к детям, которые учатся ходить.

Но Ленин настаивает: несмотря ни на что, продолжать подробно информировать немецких социалистов о положении в Российской социал-демократической рабочей партии. С этой целью он регулярно передает Лядову новости, получаемые из России, сообщает обо всех внутрипартийных делах. Пересылает ему и мандат от «Искры» на Дрезденский съезд германской социал-демократии.

Первые вести приходят в разгар работы съезда. Ленин узнает из письма Лядова: дан бой Бернштейну, его сторонникам. Узнает и о том, что вопрос о ревизионистах поднят не сверху, не вожаками партии, а снизу. Именно об этом сообщает ближайший номер «Искры»:

«...Перед нами 115 предложений, внесенных в партейтаг. Предложения эти внесены социал-демократическими союзами и другими организациями социал-демократической партии самых различных мест Германии; каждое из них вырабатывалось и обсуждалось на публичных собраниях, поэтому мы должны смотреть на них как на плод работы всей организованной массы немецкой социал-демократии. Если мы просмотрим все эти предложения, то должны будем признать, что среди них совершенно отсутствуют предложения, клонящиеся к пересмотру партийной тактики в духе Бернштейна и Фольмара и к измене традициям партии. Большинство из них, наоборот, дышит радикализмом, обогнавшим даже радикализм признанных вожаков» [15].

Один из «признанных вожаков» — Каутский. Вновь подвергает он критике Бернштейна, но и теперь добивается решений примиренческого характера. «Когда мне после пришлось говорить по

* «Союз освобождения» — политическая организация российской либеральной буржуазии.

поводу этого съезда с Ильичем,— сообщает Лядов,— он резко критиковал нерешительность Бебеля и Каутского, побоявшихся выбросить из партии оппортунистов. Он был уверен, что принятое на съезде осуждение ревизионизма не покончит с ним» [16].

И все же серьезное значение придает Владимир Ильич связям с Социал-демократической партией Германии. Ведь несмотря на то, что терпит в своей среде оппортунистов, эта партия наиболее влиятельна в международном социалистическом движении. Он предлагает Лядову: «Возьмите письмо себе от ЦК, заявите себя перед Parteivorstand'ом * агентом ЦК и заберите *все* немецкие связи *целиком* в свои руки» [17].

С письмом Владимира Ильича Лядов отправляется к Каутскому.

Они беседуют о II съезде РСДРП. О происшедшем на нем расколе Каутскому уже сообщил Аксельрод. Сообщил, разумеется, с меньшевистских позиций. И Каутский не видит причин для внутрипартийных разногласий. Как не видит этого и принимающая участие в беседе Роза Люксембург.

— Такая партия, как ваша,— утверждает Каутский,— должна воспитываться на уважении к авторитетам. Старые заслуженные социал-демократы, какими являются у вас Плеханов, Аксельрод и Засулич, должны пользоваться у вас таким же авторитетом, каким в германской партии пользуются Бебель и старик Либкнехт...

Он полностью оправдывает меньшевиков. Во всем винит Ленина. С усмешкой встречает возражения Лядова, заявившего, что действовал Ленин на съезде не один, что стояло за ним большинство делегатов, что поддерживает его подавляющее большинство российских комитетов.

— Вы видели у нас на дрезденском партейтаге,— замечает Каутский,— что громадное большинство делегатов стояло за исключение ревизионистов. А мы этого не желали. Выступил Бебель против исключения, и все делегаты голосовали, как он того хотел...

«Я несколько раз писал Ильичу,— узнаем из записок Лядова,— что было бы лучше, если бы он сам повидался с Каутским, что, может быть, вследствие моего неумения толково изложить суть вещей Каутский и Роза продолжают поддерживать меньшевиков. Ильич приехать отказался, он писал, что на этой стадии разногласий трудно переубедить немцев, они не могут понять того, что́ у нас происходит» [18].

И Ленин прав. Не может понять этого Каутский. Хоть и от-

* Правлением партии (Центральным комитетом Германской социал-демократической партии).

ставает он необходимость социальной революции, захвата пролетариатом политической власти, хоть и критикует Бернштейна за ревизию революционного марксизма. Однако пренебрегает он важнейшими марксистскими положениями, в том числе о необходимости слома старой государственной машины, извращенно представляет себе процесс социалистической революции, утверждает, что пролетариату придется действовать в ней почти в одиночку. Отсюда и недооценка программы РСДРП и непонимание того, что заложена в ленинской формулировке первого параграфа устава идея максимальной организованности партии.

Ленин поручает Лядову написать для «Нейе Цайт» статью о сущности разногласий в РСДРП. Внимательно просматривает присланную ему рукопись и полностью одобряет ее.

Но печатать эту статью Каутский не намерен.

— Пока остается хоть тень надежды на то, что русские социал-демократы сами преодолеют свои разногласия,— заявляет он,— я не могу содействовать распространению этих разногласий среди немецких товарищей.

В то же время публикует Каутский статьи меньшевиков, высказывает им свое расположение, принимает их сторону в недвусмысленной кампании лжи и клеветы.

И все же, хоть и с большим опозданием, в социалистическую прессу Запада просачиваются сообщения о II съезде Российской социал-демократической рабочей партии. В декабре о нем сообщает венгерская газета «Непсава». Отмечая, что основной задачей II съезда была выработка программы и устава. «Новая программа,— пишет газета,— на ясной марксистской основе блестяще определяет требования и цели партии». В эти же дни целую полосу посвящает съезду английская газета «Джастис». Она оценивает его как одно из наиболее выдающихся событий социалистического движения. Выражает уверенность, что не только члены РСДРП, но и ее друзья в других социалистических партиях радуются тому факту, что самая молодая сестра вступила в семью международной социал-демократии. Об успехе II съезда сообщают орган швейцарских социал-демократов «Фольксрехт», венская «Арбейтер Цайтунг». А 20 декабря под нажимом левых в Германской социал-демократической партии статью о II съезде публикует газета «Форвертс». Она информирует немецких социал-демократов: на основе принятых съездом программы и устава произошло объединение многочисленных российских групп и союзов в единую партию. Программа РСДРП, признает газета, выдержана в марксистском духе, и II съезд РСДРП будет знаменательной вехой в дальнейшем развитии революционного движения в России.

О II съезде российских социал-демократов, о победе искровцев узнают и в Болгарии. В январе 1904 года журнал тесняков «Работническо дело» сообщает, что съезд РСДРП создал единую партию, принял программу и устав, признал «Искру» центральным органом. Создание единой рабочей марксистской партии журнал оценивает как открытие новой славной страницы в истории российского революционного движения. А вскоре и «Работническо дело», и газета болгарских социал-демократов «Работнически вестник» уведомляют, что в Софию доставлен сборник со всеми решениями II съезда.

Ленин между тем пишет новую книгу — «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)». Она призвана рассказать о том, что на самом деле произошло на II съезде, призвана обосновать организационные принципы большевистской партии, обратить внимание на политическое значение сложившегося на съезде деления партии на «большинство» и «меньшинство», на оппортунизм новой «Искры» в организационных вопросах.

Владимир Ильич тщательно изучает протоколы съезда. Анализирует «краткие конспекты речей», «сухие экстракты из прений» [19]. И приходит к заключению: меньшевизм — это разновидность международного оппортунизма.

«Когда говорится о борьбе с оппортунизмом,— пишет Владимир Ильич,— не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч.» [20].

Эта «характерная черта» присуща тем, кто составил на II съезде «оппортунистическое крыло» [21]. Она-то и роднит их с «оппортунистом в вопросах программы» [22] Бернштейном, «оппортунистом в вопросах тактики» [23] фон-Фольмаром, с сотрудником «Социалистише Монатсхефте» Вольфгангом Гейне — «этим типичным интеллигентом, примкнувшим к социал-демократии и принесшим с собой оппортунистические навыки мысли» [24], с бывшим пастором в Саксонии и тоже «ярым оппортунистом» [25] Паулем Гёрэ. «Конечно, национальные особенности различных партий и неодинаковость политических условий в разных странах,— отмечает Ленин,— налагают свой отпечаток, делая немецкий оппортунизм совсем не похожим на французский, французский на итальянский, итальянский на русский». Однако, несмотря на различие

условий, «однородность основного деления всех этих партий на революционное и оппортунистическое крыло, однородность хода мысли и тенденций оппортунизма» [26] выступают весьма отчетливо.

Не так давно стали известны Владимиру Ильичу подробности конфликта, происшедшего в Германии, в 20-м саксонском избирательном округе. Особенно рельефно выступило тут на свет божий стремление оппортунистов ослабить дисциплину, централизацию партии. И Ленин сообщает в своей книге: Пауль Гёрэ, за одно лишь то, что подвергнут был критике на дрезденском партейтаге, привел социал-демократов в Саксонии к поражению. Владимир Ильич возмущен и самим «инцидентом Гёрэ», и тем, что «орган последовательных немецких оппортунистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник») сейчас же «заступился» за него» [27].

Под свое крылышко взял Пауля Гёрэ Вольфганг Гейне. Как много оказалось в его «аргументации» общего с тем, что утверждают Мартов, Аксельрод, другие меньшевики! И у В. Гейне, убедился Ленин, «оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике и с оппортунизмом в вопросах организационных» [28]. И В. Гейне восстает против «централизма в партии». И у него вызывает негодование понятие «дисциплина». И ему ненавистна тенденция создания «одной всеохватывающей большой организации» с единой тактикой, с единой программой.

Ленин разбивает, таким образом, в своей книге не только взгляды меньшевиков, изобличает не только их позорное поведение после II съезда, но и оппортунизм в западноевропейской социал-демократии. Он развивает в книге марксистское учение о пролетарской партии, над выработкой идейных, политических, организационных принципов которой трудился на протяжении многих лет. Ленин развивает и обогащает учение о партии, принципиально отличной от всех партий II Интернационала. Он отвергает присущие этим партиям организационную рыхлость, отсутствие последовательного централизма, идейное благодушие. То, что не позволяет им стать подлинно марксистскими партиями. Ибо сила идей умножается в революционных партиях силой и единством организации.

Международный пролетариат, все социал-демократические партии Запада имеет в виду Ленин, заявляя в последних строках своей книги: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря

тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала. Эта армия все теснее и теснее будет смыкать свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад, несмотря на оппортунистические фразы жирондистов современной социал-демократии...» [29]

«ЗА ЕДИНЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ»

Мартовским вечером 1904 года, прервав работу над книгой, Владимир Ильич отправляется в зал «Хандверк» на авеню дю Май. Здесь соберется сегодня русская колония политических эмигрантов. И он прочтет им доклад о Парижской коммуне...

Еще в 1894 году, выступая против Н. Михайловского — виднейшего теоретика либерального народничества, против его «зубоскальства» в адрес «международного общества рабочих», Владимир Ильич решительно заявил:

«...Нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране, как соединение таких национальных рабочих организаций в одну международную рабочую армию для борьбы против международного капитала».

Он напомнил тогда Михайловскому о событиях Парижской коммуны. Противопоставил его «аргументам» свое заключение: Коммуна показала «действительное отношение организованного пролетариата к правящим классам» [1].

Ее завоевания и ошибки... Богатейший опыт величайшего пролетарского движения девятнадцатого столетия... Все, что связано с 72 весенними днями Коммуны, делами, помыслами, чаяниями, надеждами коммунаров, вызывало жгучий интерес и у 24-летнего Ульянова. И позднее — когда рождалась его книга «Что делать?», в которой писал он о «дорого купленном опыте» [2], о «насильственном подавлении» [3] во Франции пролетарской борьбы. Со страниц ее обращался к единомышленникам: «Где были бы мы теперь без... французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?» [4]

С конца февраля 1903 года две недели провел Ленин в Париже. Его пригласила созданная там Русская высшая школа общественных наук. Под фамилией В. Ильина читал в ней Владимир Ильич лекции о марксистских взглядах на аграрный вопрос и

в России, и в Западной Европе. А в свободные часы работал в Национальной библиотеке. Бродил по тем самым улицам, которые почти за тридцать два года до того, мартовским утром были разбужены барабанным боем, гулом набата, стрельбой трудового люда французской столицы.

Он вернулся в Лондон полный парижских впечатлений. И через несколько дней отправился в ту часть города, где протянулись километры причалов и мощные элеваторы,— в район угрюмого Уайтчепела.

Здесь в годовщину Парижской коммуны был созван митинг.

Ленин видел тогда в зале ее участников. Слышал страстную речь коммунарки Луизы Мишель, вспоминавшую о муках, страданиях своих соратников, о тяжких днях поражения.

Он поднялся на трибуну вслед за Мишель.

Память И. К. Михайлова, одного из тех, кто сидел в набитом до отказа огромном зале, сберегла сказанное Владимиром Ильичем: «Спокойно, ясно он делает анализ периода, предшествовавшего Коммуне. Рисует характер самого движения, но без жестикуляций, без пафоса, деловито.

Париж — в руках коммунаров,— Ленин немного нервно и торопливо перечисляет, критикует, что сделано и как сделано, что хорошо, что плохо, что не сделано, что надо еще доделать...

Он говорит о причинах поражения Коммуны, подчеркивает особо уроки Коммуны, опыт ее революционеров для будущих боев с капиталом».

Запомнил Михайлов и реакцию на то, что говорил Владимир Ильич: «В моменты его речи о победах революционеров у всех участников собрания горят глаза, выражая боевой энтузиазм, готовность драться с врагами революции и уверенность в победе» [5].

Не в тот ли мартовский день в типографии на Клеркенвилл-грин печатался тридцать шестой номер «Искры»? Почти всю первую полосу заняла статья о Парижской коммуне. Она звала всех, кто стремится к ясному представлению о борьбе классов в современном обществе, кто принимает в этой борьбе деятельное участие, кто желает знать, в чем сила пролетариата, а в чем слабость его революционных выступлений, внимательно изучать движение 18 марта.

И минул год... Снова в такой же мартовский вечер говорит Ленин о Парижской коммуне. Говорит перед социал-демократами. Здесь, в зале на авеню дю Май, ему и прежде доводилось читать рефераты. Не так давно бежавшая из ссылки М. Эссен свидетельствует: «Мы мысленно видели осажденный Париж, трусость и предательство господствующих классов, продажное правительство, сбежавшее в Версаль и предавшее родину, мы увидели героиче-

ский рабочий класс, взявший на себя защиту отечества и задачу построения государства на новых началах. Ленин показал все трудности выполнения этих задач, вскрыл все противоречия, ошибки Коммуны, рассказал о ее гибели... Из всей речи Ленина, такой вдохновенной и огненной, стало ясно, что Парижская Коммуна — не только героический эпизод истории, показывающий силу и мощь рабочего класса, но и вдохновляющий пример для нас»[6].

И здесь речь Ленина о парижских коммунарах вызывает энтузиазм. Возбужденные, покидают собравшиеся зал. Идут по женевским улицам, тихим в этот поздний вечерний час.

— Неужели мы доживем до того времени, когда Коммуна снова встанет в порядок дня? — спрашивает у Ленина Эссен.

— А вы сделали такой вывод из моего доклада?! — Владимир Ильич всматривается в лицо собеседницы.

— Да, и не одна я, а все, кто слушал вас сегодня,— подтверждает та...

Он вспоминает этот разговор с Эссен, когда несколько дней спустя пишет проект первомайского листка. Его напечатают от имени Центрального Комитета и центрального органа РСДРП. Перепечатают затем в нелегальных типографиях Москвы, Нижнего Новгорода, Твери.

Ленин обращается к рабочим России. Но говорит о пробуждении к сознательной жизни пролетариев всех стран. Высказывает те же мысли, что и в недавнем своем докладе о Парижской коммуне. О том, что повсюду пролетарские массы объединяются «в борьбе против всякого насилия и всякого угнетения человека человеком, в борьбе за освобождение миллионов трудящихся от голода, нищеты и унижения». Уже всюду борются рабочие за «освобождение труда от наемного рабства, от нищеты и нужды»[7]. Борются за переустройство общества, за то, чтобы на пользу самих трудящихся шли созданные ими богатства.

Эта великая борьба стоила рабочим многих жертв. И все же, убежден Владимир Ильич, «они шаг за шагом неуклонно подвигаются к полной победе над классом капиталистов-эксплуататоров»[8].

Минуло два месяца, как в гавани Порт-Артура на корабли русской эскадры внезапно напал японский флот. Идет война, за которую ратуют правящие круги России. «Патриотизм» их разоблачила «Искра».

— Из-за чего сражается не на жизнь, а на смерть русский рабочий и крестьянин с японцами? — этот вопрос поставил Ленин в обращении «К русскому пролетариату».

Подписанный Центральным Комитетом РСДРП, размножен-

ный во многих городах России, листок в первые же дни войны призвал пролетарские массы объединить свои силы под лозунгом «Долой самодержавие!». Провозгласил: «Да здравствует братское единение пролетариев всех стран, борющихся за полное освобождение от ярма международного капитала!» [9]

Из газет разных стран, приходящих в Женеву, узнает Владимир Ильич, что позиции большевиков в отношении русско-японской войны разделяют многие социалисты Западной Европы. «Форвертс» допускает, что Россия потерпит поражение. И в этом случае, предсказывает газета германских социал-демократов, разразится внутренний кризис, который приведет к крушению абсолютизма, к созданию условий для политического и социального прогресса. «Пёпль» — центральный орган Бельгийской рабочей партии — отмечает неистовство милитаризма, выступает за то, чтобы народ сокрушил тех, кто нарушает нормальное течение общественной жизни, призывает рабочих всего мира объединиться против властителей политики и финансов, бросающих трудящихся в братоубийственную войну. «Арбейтер Цайтунг» — газета австрийских социал-демократов — высказывает надежду, что война надорвет цепи, сковывающие русский народ, возвестит зарю его свободы. Решительного поражения желает царизму центральный орган Социалистической партии Франции «Сосьялист»...

Известна Ленину и позиция социалистов Японии. Они ведут энергичную антивоенную агитацию. И на митингах, и в печати выступают против братоубийственной войны с русскими рабочими. А совсем недавно «Форвертс» опубликовала перепечатанное затем «Искрой» обращение к русским товарищам японских социалистов. Его размножили большевистские партийные комитеты Полесья, Николаева, Закавказья.

«Вы и мы — товарищи, братья, сестры,— заявили японские социалисты,— и у нас нет никаких оснований драться друг с другом. Ваш враг не японский народ, а нынешний так называемый патриотизм и милитаризм, точно так же нашим врагом является не русский народ, а так называемый патриотизм и милитаризм. Патриотизм и милитаризм являются нашим общим врагом, общим врагом социалистов всех стран мира. Мы с вами, равно как социалисты всего мира, должны развернуть мужественную борьбу против этого нашего общего врага» [10].

Ленин тотчас же поручает Бонч-Бруевичу, заведующему экспедицией большевиков, связаться с газетой «Хэймин симбун» — органом общества «Хэймин», первым органом социал-демократического движения в Японии: не поможет ли газета наладить распространение среди русских военнопленных солдат и офицеров большевистской литературы? «Вы можете без сомнения понять,—

пишет в Токио Бонч-Бруевич,— какой живой прогресс может иметь наше социалистическое движение, если русские военнопленные возвратятся в Россию как социал-демократы»[11].

Вместе с письмом уходят из Женевы брошюры Ленина, большевистских публицистов. И спустя короткое время из Токио на женевский адрес Ленина приходит письмо редактора «Хэймин симбун». «Извещаю Вас,— пишет тот Владимиру Ильичу,— что, согласно Вашей просьбе, я отправил много экземпляров журналов и брошюр русским пленным, находящимся в городе Мацуяма. Я полагаю, они должны быть в большом восторге от чтения этой литературы и вернутся домой убежденными социалистами». Редактор «Хэймин симбун» выражает надежду «на скорый успех российской социал-демократии»[12].

Вскоре за антивоенную деятельность общество «Хэймин» власти прикроют. Запретят и издание газеты «Хэймин симбун». Но то, что Ленин при ее содействии успеет сделать через японских социалистов, даст результаты. Даже через тринадцать лет, призывая томящихся в лагерях Германии и Австро-Венгрии русских солдат вернуться в Россию, как армию революции, как армию народа, он обратит их внимание на то, что «и в 1905 году пленные, вернувшиеся из Японии, стали лучшими борцами за свободу»[13].

А сейчас в первомайской листовке он рисует широкую картину международного рабочего движения. Войны обездоленных и трудящихся против богачей и эксплуататоров, великой борьбы труда против капитала, в которой пролили рабочие уже немало крови, понесли огромные жертвы. Однако закалились в этой борьбе. И «союз рабочих всего мира растет и крепнет, несмотря ни на какие преследования»[14]. Все теснее объединяются рабочие в социалистические партии. А число сторонников этих партий поднимается до миллионов...

Проходит немного дней. Товарищи перебросили в Россию первомайскую листовку, когда уже была готова книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Она зовет пролетарские массы к борьбе, предсказывает, что станут они непобедимой силой. Что власть международного капитала не сможет устоять перед сплоченными в армию рабочего класса миллионами трудящихся.

По меньшевикам нанесен сокрушительный удар. Не без основания рассчитывают они на поддержку лидеров II Интернационала. И прежде всего Каутского. Тот не опубликовал в журнале «Нейе Цайт» написанную Лядовым по поручению Владимира Ильича статью о сущности разногласий в РСДРП. Однако копию своего ответа Лядову переслал в «Искру», уже захваченную меньшевиками. Из редакции газеты вынужден был уйти Ленин.

«Спешу Вам сообщить,— ставит Потресов в известность Ак-

сельрода,— что я только что получил от Каутского письмо, разрешающее нам напечатать его ответ Лидину * в «Искре». Итак, первая бомба отлита, и — с божьей помощью — Ленин взлетит на воздух. Я придавал бы очень большое значение тому, чтобы был выработан общий план кампании против Ленина... Прежде всего, мне думается, следует на него выпустить авторитетов — Каутского (уже имеется), Розу Люксембург и Парвуса» [15].

«Первая бомба» — письмо Каутского. «Искра» публикует его без промедления. Ибо признается в нем Каутский, что если бы ему пришлось выбирать между Мартовым и Лениным, то он «решительно высказался бы за Мартова» [16].

Но письмо Каутского — лишь «первая бомба» в «общем плане кампании против Ленина».

Потресов обращается за содействием к Люксембург. Он просит написать статью «по поводу ленинского памфлета» — книги «Шаг вперед, два шага назад». «Нам весьма важно иметь отзыв об этой брошюре именно от Вас,— поясняет Потресов,— от Вас, которая, с одной стороны, стояла до сих пор в стороне от наших внутрипартийных споров, а с другой — ославлена западноевропейскими ревизионистами, как бланкистка» [17].

Люксембург сознает: идеи централизма в партии, за которые так решительно боролся на II съезде Ленин, проходили красной нитью через всю «блестящую трехлетнюю кампанию «Искры», подготовлявшую последний, de facto учредительный, съезд; и та же самая идея владела умами и всего цвета социал-демократической молодежи в России». А Ленина она признает «одним из выдающихся руководителей и борцов «Искры» в ее подготовительной кампании к съезду» [18].

Люксембург сознает также: совсем не та теперь «Искра», что была при Ленине. Стала она уступчивой «в практической политике», утеряла то, что так дорого было в ней до съезда. Не проявляет уже непримиримости, непреклонности к немарксистским путаникам. Теперь в «Искре» «эта нота затихает» [19]. Однако выступая против оппортунизма, Люксембург в то же время находится в плену некоторых господствующих во II Интернационале оппортунистических догм. С пессимизмом относится она к роли партии в массовом движении. Большое значение придает стихийности. Считает, что в классовой борьбе «инициатива и сознательное руководство социал-демократических организаций играет крайне малую роль» [20]. Поэтому не может Люксембург правильно разобраться в споре между большевиками и меньшевиками. Не понимает, какое значение для пролетарской партии имеет борьба Ленина за твер-

* Псевдоним М. Н. Лядова.

дые организационные принципы, за партийную дисциплину. И отвечает согласием на просьбу Потресова, выступает против книги Ленина.

«Искра» и «Нейе Цайт», почти одновременно, публикуют ее статью, во многом перекликающуюся с письмом Каутского. В статье замалчивается вопрос об оппортунизме меньшевиков в организационных вопросах, отвергается необходимость принятия против них решительных мер. Р. Люксембург считает, что центральным учреждениям партии не следует брать на себя «создание единой боевой тактики» [21].

Статья Люксембург, как и письмо Каутского, возмущает Ленина.

«Каутский пытался ослабить в «Искре» ценность *формальной* организации [т. е. организации вообще]. Еженедельник немецкой социал-демократии превозносил дезорганизацию и вероломство (Роза Люксембург в «Neue Zeit») под тем остроумным и «диалектическим» предлогом, что организация — это лишь процесс, только тенденция... Итак, «Neue Zeit» (и не одно оно) желало познакомить немецкую социал-демократию только со взглядами меньшинства. Раздражение по поводу этого в наших рядах было безмерно велико» [22].

Это — запись Владимира Ильича, сделанная им позднее. И ответ Розе Люксембург напишет он лишь некоторое время спустя, когда завершит работу над докладом большевиков предстоящему международному социалистическому конгрессу. В нем отвергаются клевета и измышления Ф. Дана, из-под пера которого вышел другой, одобренный лишь меньшевистским руководством Совета, текст доклада, выдаваемый за доклад всей РСДРП, грубо извращающий историю внутрипартийной борьбы на II съезде, положение, которое сложилось в партии после съезда.

Владимир Ильич набрасывает план большевистского доклада. Продумывает все четыре его части. Одну берется написать сам. Три поручает М. Лядову, П. Красикову, В. Воровскому. Уложиться надо в кратчайшие сроки, поспеть к конгрессу, который уже не за горами.

Почти неделю с утра до поздней ночи проводят у Ульяновых Лядов, Красиков, Воровский. Вместе с Лениным они создают документ, призванный познакомить социал-демократов всех стран с тем, что произошло на II съезде РСДРП, дать обстоятельный, беспристрастный анализ разногласий между большевиками и меньшевиками.

Затем Владимир Ильич сводит воедино написанное. Редактирует текст, делает вставки, придает главам бо́льшую политическую зрелость, точность, остроту. Выделяет мысль о том, что пар-

тия должна быть тесно связана с массами пролетариата, опираться на них, вести их за собой. Доклад решено выпустить отдельной брошюрой. Ленин предлагает название: «Материал к выяснению партийного кризиса в Российской социал-демократической рабочей партии. Доклад Амстердамскому международному социалистическому конгрессу». На немецком языке его срочно печатают во французской типографии. Брошюру с текстом доклада успевают доставить в Амстердам к открытию последнего заседания, раздать всем делегатам конгресса.

Их 483 от 40 социалистических и рабочих организаций 25 стран. Все дни шли на конгрессе ожесточенные споры оппортунистов с теми, кто осуждал ревизионистские стремления изменить основанную на классовой борьбе тактику социал-демократии. Кто выступал против подмены политической борьбы пролетариата политикой реформ в условиях капитализма, против превращения революционной партии в партию реформ.

Еще до того как в Амстердам приходит подготовленная под руководством Ленина брошюра, с трибуны конгресса раздаются призывы к интернационализму не на словах, а на деле, к тому, чтобы не воздвигались, как стремятся оппортунисты, границы между пролетарскими массами разных стран. И принимается предложенное Генриэттой Роланд-Гольст — голландской левой социалисткой — приветствие к российским рабочим:

«Конгресс приветствует геройский пролетариат России, собирающийся в братском объединении своих сил, без различия национальностей, под славным знаменем международного социализма для борьбы против самодержавия и для завоевания политической свободы. Конгресс выражает свое глубокое удивление его геройской борьбой и свои горячие симпатии к нему. Конгресс заявляет пролетариату России, что рабочие всего мира с живейшим участием следят за его борьбой против абсолютизма и что пролетариат российский, борясь за свое собственное освобождение, тем самым борется за освобождение пролетариата всего мира» [23].

Доклад, доставленный в Амстердам, знакомит «заграничных товарищей» — делегатов конгресса с истинным положением дел в молодой еще партии русских социал-демократов. С историей социал-демократического движения в России, являющегося частью «международного движения пролетариата» [24], независящего от языка, расы, религии, национальности. С борьбой «Искры» — речь идет, конечно, о старой «Искре», которой руководил Ленин,— за сплочение «пробудившегося к политической борьбе пролетариата» [25] всех стран.

Розданная делегатам брошюра сообщает: «Искра» не ограничивала свою задачу тем, что ясно и определенно выяснила вопрос

о пролетарской политической борьбе и о борьбе за окончательное освобождение от капиталистического гнета. «Искра» значительно расширила свою задачу и стремилась разъяснить и внушить русскому рабочему классу идею о том, что он является частью великого целого, частью международного пролетариата. Она учила тому, что, только уничтожив все религиозные, национальные, расовые перегородки, только образовав единый международный союз всех рабочих, рабочие получат возможность провести в жизнь свои социалистические идеалы» [26].

Делегаты конгресса узнают: именно с этих позиций оценивала прежняя «Искра» борьбу российского пролетариата с царским самодержавием — главной опорой международной реакции. Она считала, что с его падением освободится не только пролетариат России, но и будет дан большой толчок для подъема международного рабочего движения в целом.

Узнают делегаты и о том, что в своих международных обозрениях «Искра» постоянно сообщала и о колоссальных забастовках в Западной Европе, о могучих боях европейского пролетариата, о его блестящих победах и тяжелых поражениях. О том, что борьбу пролетарских масс «свободной» Европы тормозит фракционная борьба внутри социал-демократических партий. Тормозят укрепившиеся в этих партиях «буржуазные идеологи, которые пытаются внутри партии расшатать основные принципы пролетарского мировоззрения...» [27]

Вот почему неожиданно появившаяся брошюра вызывает у меньшевиков гнев, возмущение. «Аксельрод,— узнаем из записок Лядова,— начал было хлопотать перед президиумом, чтобы книжка была задержана, но сделать что-либо ему не удалось. Наш большевистский отчет уже читался каждым делегатом. Он вызвал много толков и вопросов, обращенных к нам в кулуарах, на которые мы при помощи участвовавшего во французской делегации большевика Линдова давали самые обстоятельные ответы...» [28]

А в Женеве, в эти последние августовские дни, Ленин возвращается к статье Люксембург «Организационные вопросы русской социал-демократии». Он должен на нее ответить. Но где? «Искра» исключена. К тому же — важнее «Нейе Цайт», чтобы могли познакомиться с его ответом немецкие социал-демократы, именно в этом журнале прочитавшие статью Люксембург.

«Я не могу не выразить благодарности германским товарищам,— пишет Владимир Ильич,— за их внимание к нашей партийной литературе, за их попытки ознакомить с этой литературой германскую социал-демократию, но я должен указать на то, что статья Розы Люксембург в «Neue Zeit» знакомит читателей не с моей книгой, а с чем-то иным» [29].

Ленин посылает Каутскому свой ответ Люксембург. Он предупреждает: «Мне известно о симпатиях редакции «Neue Zeit» к моим противникам...» Но надеется, что независимо от своих симпатий журнал даст ему все же возможность «исправить имеющиеся неточности» [30].

Владимир Ильич доказывает, что Люксембург «смешала» в статье «различные факты», «приписывает» ему мысли, которые он не высказывал, допускает нередко «фактическую неверность», «фактическую неправильность». Что «из поля зрения т. Люксембург выпал целиком фактический анализ различных направлений нашей партии»; что «она повторяет лишь голые фразы, не давая себе труда уяснить их конкретный смысл»; что «тов. Роза Люксембург величественно игнорирует конкретные факты нашей партийной борьбы и великодушно занимается декламацией о вопросах, которые невозможно серьезно обсуждать...» [31]

Как откликается на все это Каутский? Ему, как и другим делегатам, вручили в Амстердаме подготовленный в Женеве, у Ленина, обстоятельный «Доклад...». Прочитав его, Каутский мог бы объективно разобраться в том, что такое большевизм.

Само собой разумеется, сообщает Каутский, Ленин вправе ответить Люксембург. Но «для дискуссии о русских разногласиях «Neue Zeit» — не подходящее место» [32].

Умалчивает Каутский, что не в этом, конечно, дело. Ведь статья Ленина бьет не только по противникам большевиков в РСДРП, но и по лидерам западной социал-демократии, по занятой ими позиции в отношении ревизионистов.

Каутский возвращает Ленину статью: он не намерен знакомить с нею членов своей партии. И Владимир Ильич сообщит через некоторое время в секретариат Международного социалистического бюро: «...я вынужден заявить, что почти все немецкие социалистические газеты, а особенно «Die Neue Zeit» и «Leipziger Volkszeitung», стоят целиком на стороне «меньшинства» и освещают наши дела очень односторонне и неверно. Каутский, например, тоже называет себя беспристрастным, а между тем в действительности он дошел до того, что отказал поместить в «Neue Zeit» опровержение одной статьи Розы Люксембург, в которой она защищала дезорганизацию в партии» [33].

А если бы Каутский опубликовал все же статью Ленина? «...Она,— убежден Лядов,— раскрыла бы глаза многим передовым членам немецкой социал-демократии на их внутрипартийные отношения и пошатнула бы «авторитеты» кое-кого из вождей. Вот почему так тщательно Каутский и остальные вожди закрывали перед большевиками доступ к своей печати и широко открывали его для меньшевиков» [34].

Мы узнаем от Крупской: «В Женеве большевистский центр гнездился на углу знаменитой, населенной русскими эмигрантами, Каружки (Rue de Carouge) и набережной реки Арвы. Тут помещалась редакция «Вперед», экспедиция, большевистская столовка Лепешинских...» [1]

Столовую открыли для местной большевистской группы, для приезжающих из России товарищей. Но охотно заглядывают сюда и болгары, поляки, чехи — студенты, эмигранты.

Сегодня их тут особенно много. Едва умещаются они за несколькими сдвинутыми вместе длинными столами.

— Просим к нам,— зовет болгарская студентка, увидев вошедшего Ленина.

Его забрасывают вопросами. И он разъясняет основные положения программы марксистской рабочей партии в России. Говорит, как с ее помощью русские пролетарии освободятся от политического рабства и экономической эксплуатации. Говорит о необходимости строгой дисциплины в партийных рядах...

— Как понимать ваши слова о строгой дисциплине в партийных рядах? — раздается с дальнего конца стола.

И Ленин поясняет: важно серьезно относиться к своим обязанностям, к данному слову, к поставленным задачам; нужно быть настойчивым в достижении цели. И ни в коем случае не отдавать себя в руки оппортунистов. Ибо тогда дело обязательно погибнет.

— Надо идти рука об руку с рабочими,— убежденно заявляет Ленин,— правильно указывать им путь и место в обществе, с тем чтобы они могли быть в авангарде борьбы за марксизм.

Ленин обводит присутствующих взглядом. И говорит то, о чем не раз писал в «Искре»: через печать, на личном опыте рабочие убедятся, что капитализм — их непримиримый враг, что таким врагом он будет для них всегда. Убедятся они и в том, что в борьбе с самодержавием и капитализмом их поддержат широкие народные массы, передовые люди из интеллигенции...

Владимир Ильич намерен писать об этом и в новом большевистском органе, создаваемом вместо захваченной меньшевиками, «ставшей очагом смуты» [2] «Искры». Он задумал его давно. Еще летом нынешнего 1904 года запрашивал из России «всяческие корреспонденции» [3]. Объединял литературные силы. Через В. Бонч-Бруевича договаривался с французами о кредите на бумагу, а в Женеве — о печатании газеты партийного большинства.

«Вперед» — так по предложению Ленина названа газета большевиков. Уже согласована ее программа. Обговорено, какие будут в ней отделы. Решено, что в шестом отделе под рубрикой

«Фельетон» пойдут, в частности, очерки из истории борьбы пролетариата на Западе.

И не только из истории. Сразу же после собрания, обсудившего программу нового печатного органа, Владимир Ильич пишет Лейтейзену: «Мы рассчитываем на Вас, как на постоянного корреспондента о французском движении. Раз в две недели следовало бы помещать 8—12 тысяч букв о французском социализме и рабочем движении etc.» А поскольку тот «au courant * французской политической жизни», Владимир Ильич просит Лейтейзена следить и за новой литературой, «иногда доставать и присылать, иногда рецензировать etc., интересные новые книги, статьи и заметки в журналах и тому подобное». Он предполагает: «Ведь вы следите, вероятно, почти за всей французской *(и бельгийской?)* социалистической прессой?» [4] Почему *«и бельгийской»?* Владимир Ильич поясняет: «В Бельгии у нас нет корреспондента. Возьметесь ли Вы или сможете указать кого?» [5]

А кто даст исторические статьи? Те самые «очерки из истории борьбы пролетариата на Западе», о которых сообщается в извещении о подписке на газету. Им придает Ленин серьезное значение.

Их готовит один из редакторов, Воинов,— под этим именем известен Луначарский. «Анатолий Васильевич,— узнаем от Крупской,— тщательнейшим образом изучал вопросы революционного движения в других странах» [6]. Его пять мастерски написанных и отредактированных Лениным статей воссоздадут картину борьбы трудовых масс в дни Великой французской революции.

Но «Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата» «Вперед» начнет публиковать в середине января. А первый номер газеты выходит в самом начале года.

Передовую для него готовит Ленин. Он пишет о военном крахе и политическом кризисе самодержавия, о неизбежности, близости в России революции, о величайшей, всемирно-исторической цели рабочего класса разных стран — освобождении человечества от всяких форм угнетения и эксплуатации: «К осуществлению этих целей он стремится во всем мире упорно, в течение десятилетий и десятилетий, постоянно расширяя свою борьбу, организуясь в миллионные партии, не падая духом от отдельных поражений и временных неудач». Ленин подчеркивает при этом: «Ничего не может быть важнее для такого истинно революционного класса, как отделаться от всяких самообманов, от всяких миражей и иллюзий» [7].

---

* В курсе.

Ленин выступает против тех, кто не верит в силы пролетариата, в его способность к политической борьбе. Он предсказывает, что неизбежный военный крах самодержавной России удесятерит недовольство, брожение, возмущение. Предсказывает, что одна из вспышек, возникающих то здесь, то там, приведет к дальнейшему усилению народного движения. Приведет к восстанию во главе с пролетарскими массами, «чтобы отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащенной всем опытом Европы, борьбы за социализм» [8].

Когда выходит первый номер большевистской газеты с этой ленинской статьей, европейская печать уже склоняет на все лады:

— Пал Порт-Артур!

Подробности Владимир Ильич узнает из «Мюнхенер Альгемейне Цайтунг», «Сюнс», «Бунд», «Таймс». Он делает пространную выписку из передовой «Энденепдаис Бельж». Убеждается, что бельгийская газета выражает мнение всей европейской буржуазии, встревоженной, униженной, подавленной происшедшей в Порт-Артуре катастрофой. Поражением той самой силы, которая считалась до сих пор надежнейшим оплотом европейской реакции. И это неудивительно. Ведь «катастрофа правящей и командующей России», приходит к заключению Владимир Ильич, «означает гигантское ускорение всемирного капиталистического развития, ускорение истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата». Катастрофа, связанная с падением Порт-Артура, приблизит не только свободу России. «Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата» [9],— убежден Ленин.

Еще не сошли с газетных колонок комментарии о военном поражении царской армии, как телеграф приносит из России новые потрясающие сообщения. Владимир Ильич читает их в «Трибюн де Женев». Из этих первых — скупых и отрывочных — корреспонденций он узнает: в воскресенье 9 (22) января солдаты и казаки расстреляли в Петербурге рабочую манифестацию.

— В России революция!— приходит к заключению Ленин.

Внимание европейской прессы сосредоточено теперь на России. О разыгравшихся там событиях пишут газеты различных направлений, разных оттенков. Из «Нейе Фрейе Прессе» Владимир Ильич выписывает свидетельство очевидца кровавых событий на Дворцовой площади. Из «Фоссише Цайтунг» узнает о революционных выступлениях в Петербурге, развитии всеобщей стачки. Из «Таймс» черпает сведения о настроении в войсках. Из «Франк-

фуртер Цайтунг» извлекает новые подробности о русских событиях и записывает для памяти: *«NB Франкфуртская Газета держалась скептически. Ее выводы интересны!!»* [10]

На четвертушках листов делает Владимир Ильич также выписки из других газет — швейцарских, французских, германских, бельгийских, английских. С волнением следит за тем, как стремительно развиваются в России события, как все ожесточеннее становятся там схватки рабочих с войсками. Уже не только в российской столице. По всей империи. Во многих городах ее слышен теперь лозунг петербургского пролетариата:

— Смерть или свобода!

Узнает Владимир Ильич из газет и о том, как на борьбу русских рабочих откликаются пролетарии Запада. Он констатирует: «На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира» [11].

В Брюсселе тысячи людей направились к российскому посольству с возгласами: «Долой царизм! Долой убийц!». В Вене прошли грандиозные митинги солидарности с русскими пролетариями. По призыву Социал-демократической федерации на митинг собралось множество лондонцев. Против расправы над мирной манифестацией в Петербурге выступили рабочие разных городов мира. В Милане бурно приветствовали оратора-социалиста, выразившего надежду на скорейшее ниспровержение царизма. О том же заявляют виднейшие деятели германской социал-демократии А. Бебель, Р. Люксембург, К. Цеткин, Ф. Меринг. На неразрывную связь борьбы российских пролетариев и рабочих Запада указывает на митинге в Лейпциге К. Либкнехт. И зовет немецких трудящихся встать под знамя русской революции.

М. Ольминский пишет для газеты «Вперед» обзорную статью «Отзвуки петербургских событий за границей». Подготовляя ее к печати, Владимир Ильич добавляет то, чему сам был очевидцем: «Во всех сколько-нибудь значительных городах Швейцарии состоялись митинги сочувствия и протеста» [12].

Приходит «Юманите». Газета сообщает, что, как только во Франции узнали о Кровавом воскресенье Петербурга, профессиональное объединение парижских рабочих — союз синдикатов Сены созвал митинг. Ленин знакомится с принятым на митинге манифестом к трудящимся России. В нем выражается возмущение парижских пролетариев, горячо одобряется революционное выступление русских рабочих.

Манифест, отражающий «те мысли и чувства, которыми одушевлен теперь европейский пролетариат», полностью перепечатывается в большевистской газете. С ее страниц обращаются французские пролетарии к своим русским собратьям: «Рабочие Пари-

жа, города революций, всем сердцем с вами; они громко говорят вам: «Рассчитывайте на нас! Наша помощь вам обеспечена! Долой царя! Долой императора! Да здравствует социальная революция!» [13].

Эти же лозунги Ленин видит и на страницах социалистических газет разных стран. Центральный орган Итальянской социалистической партии «Аванти!» публикует статью «Час революции в России». И в ней клеймит позором политику царизма, сравнивает царя со змеей, бежавшей от свершенного ею злодеяния, заявляет: «Чтобы получить аудиенцию у самодержцев, народы должны стучать в их двери оружием». «Лейпцигер Фольксцайтунг», сообщая, что в России началась революция, приходит к заключению: «В победе над царизмом, к которой готовятся теперь русские рабочие, международный пролетариат видит условие своей победы над капитализмом...» «Джастис» — газета английских социал-демократов — провозглашает: «Дни самодержавия сочтены. Удастся ли ему подавить петербургское восстание или нет, движение разольется на все промышленные центры России, и тогда самодержавие погибло...» [14]

Вести, идущие отовсюду, подтверждают вывод Ленина: «У всех перед глазами стоит теперь пример героев-пролетариев Петербурга» [15]. Подтверждают то, что пишет он в газете «Вперед»: «Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара» [16].

Повсюду идет уже подписка в помощь петербургским рабочим. И нередко собранные деньги пересылаются через Ленина. Для многих западных социал-демократов — он самый последовательный, самый стойкий руководитель поднявшегося на революционную борьбу российского пролетариата...

От французских социал-демократов.

«Женева. Газета «Вперед». Ульянову...

Товарищи!

Нескольким товарищам и мне удалось собрать 22 фр. 25 сант., которые я Вам посылаю, чтобы использовать их, как вы найдете нужным. Мы оплакиваем вместе с вами глупость армии, которая не умеет распознать своих друзей.

Примите, товарищи, наш революционный привет.

Эмиль Демолен» [17].

Из Лондона.

«Лейбор Репрезентейшн Коммити» — «Комитет представительства рабочих» выразил готовность помочь русским рабочим. Он поставил условие, чтобы часть денег была передапа па оказание

помощи вдовам и сиротам многочисленных жертв 9(22) января 1905 года...

Из Женевы. Ленин — Петербургскому комитету РСДРП.

«От английского пролетарского учреждения — «Комитета представительства рабочих» (Labour Representation Committee, секретарь *Макдональд)* — получено в пользу вдов и сирот рабочих, павших 9 (22) января в Петербурге, *60 фунтов стерлингов* (1506 франков) через редакцию *«Вперед»*. Редакция «Вперед» направила эти деньги в С.-Петербургский комитет Российской социал-демократической рабочей партии с просьбой непременно сообщить об этом пожертвовании всем без исключения рабочим организациям нашей партии...

Послав 60 фунтов стерлингов на нужды пострадавших, «Комитет представительства рабочих» тогда же послал еще 20 фунтов стерлингов на нужды восстания в распоряжение «Вперед».

Теперь 13 марта (28 февраля) получено редакцией «Вперед» от того же Комитета еще 90 фунтов стерлингов (около 900 рублей), из них 50 фунтов стерлингов (около 500 рублей) на помощь сиротам и вдовам павших в борьбе за свободу рабочих. Эти деньги мы на днях получим и пошлем в Питер...» [18]

В Лондон.

Секретарю «Комитета представительства рабочих» в Англии.

«Все Ваши пожертвования упоминаются в нашей газете «Вперед», которую мы Вам послали...

Мы уже писали С.-Петербургскому комитету Российской социал-демократической рабочей партии о том, что необходимо сделать сообщение на нескольких рабочих митингах о пожертвованиях, полученных от «Комитета представительства рабочих»...

С сердечной благодарностью

искренне Ваш *Вл. Ульянов*
(редактор «Вперед»)» [19].

Из Италии.

«Г-ну Вл. Ульянову...

Уважаемый товарищ!

От всей души рад послать тебе 3-й подписной лист (№ 154).

Деньги эти пожертвованы 2-мя местными обществами масонов в пользу революционного движения в России.

Прошу прислать мне квитанцию на французском языке и экземпляр газеты «Вперед», где будет напечатано о настоящем пожертвовании.

С товарищеским поклоном

За *Dario Segre D. Dbos»* [20]...

«Вперед», № 17 от 9 мая (26 апреля) 1905 г.

«Поступило в ред. «Вперед» от итальянских товарищей по подписному листу № 154 170 фр.»...

Так на революционные события в России откликаются в Европе рабочие, многие социал-демократы. А буржуазия готова прийти на выручку царскому самодержавию. Она поддерживает теснейший альянс с российским императором, не считаясь с протестами против этого альянса со стороны пролетарских масс своих стран. Следующие одно за другим военные поражения царизма грозят крахом всей правительственной системы самодержавия, способствуют внушительному росту в России революционного движения. Встревожена буржуазия разных стран. Она опасается взрыва, способного зажечь Европу, где «горючего материала накоплено за последние десятилетия горы» [21].

Владимир Ильич пишет об этом в газете «Вперед» в статье «Европейский капитал и самодержавие». «Буржуазия не только в России, но и в Европе,— заявляет он,— начала понимать связь войны с революцией, начала бояться действительно народного и победоносного движения против царизма» [22]. И международная буржуазия пускает в связи с этим в ход свою силу — силу денежного мешка, отказывая царскому правительству в ссудах, с тем чтобы скорее заключило оно мир с Японией, пошло на соглашение с либеральной русской буржуазией. «Перед нами,— разъясняет Ленин,— происходит то, что можно назвать спекуляцией международной буржуазии на избавление России от революции и царизма от полного краха». Политические спекулянты все теснее сплачиваются в один буржуазный противореволюционный союз «вопреки различиям национальностей, французские биржевики и английские тузы, немецкие капиталисты и русские купцы» [23].

Этому международному союзу можно противопоставить только одну силу — международный союз революционного пролетариата, который «образовался уже вполне в смысле политической солидарности» [24].

Статья Ленина открывает тринадцатый номер газеты. Выходит он 5 апреля. Его сразу же отправляют в Россию, где революционное движение растет, как лавина. И тем, кто восстал против гнета и бесправия, против самодержавного режима, шлет Ленин практические советы: как создавать и обучать боевые дружины, как доставать оружие, как пользоваться им.

Часами просиживает он в женевских библиотеках. «Ильич,— сообщает Крупская,— не только перечитал и самым тщательным образом проштудировал, продумал все, что писали Маркс и Энгельс о революции и восстании,— он прочел немало книг и по военному

искусству, обдумывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его» [25].

По-прежнему изучает он и опыт Парижской коммуны, считая ее образцом тактики для революционного пролетариата. Об этом опыте нужно ярко, доходчиво, а главное, как можно скорее рассказать русским рабочим. Революция не ждет!

В библиотеке «Общества любителей чтения» Владимир Ильич отыскивает мемуары известного деятеля Коммуны Гюстава-Поля Клюзере. Главу из них под заголовком «Об уличной борьбе (Советы генерала Коммуны)» публикует в газете «Вперед», сопровождая ее не только написанной им биографической справкой о генерале, но и советом тем, кто познакомится с «опытом парижских уличных восстаний»: «...Оригинальные мысли Клюзере должны послужить для русского пролетария лишь материалом для самостоятельной, применительно к нашим условиям, переработки опыта западноевропейских товарищей» [26].

На столе у Ленина, когда редактирует он русский перевод отрывка из мемуаров, лежат листки его «Плана чтения о Коммуне». Этот доклад он недавно здесь, в Женеве, прочитал русской колонии политических эмигрантов.

«На плечах Коммуны,— заявляет Владимир Ильич,— стоим мы все в теперешнем движении» [27]. В нынешнем безудержном стремлении, развивает он в газете «Вперед» эту мысль, не оставить камня на камне «в старой, проклятой, крепостнически-самодержавной рабьей России», создать «новое поколение свободных и смелых людей... новую республиканскую страну, в которой развернется на просторе наша пролетарская борьба за социализм» [28].

А вскоре из итальянского города Виареджо сообщит Луначарский: «Послал Вам статейку о Коммуне...» [29] Затем придет сама статья. Посвященная Парижской коммуне, она в то же время будет направлена против ошибочной тактики меньшевиков, отрицавших возможность участия социал-демократов во временном революционном правительстве.

Ленин ее отредактирует, внесет поправки, изменит заглавие, зачеркнет: «В каком смысле Парижская Коммуна была диктатурой пролетариата», впишет: «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры». И даст свое заключение. Оно обобщает то, что сказал Луначарский, и призывает извлекать для себя из Парижской коммуны уроки, подражать не ее ошибкам, а ее практически успешным шагам на верном пути к победе пролетариата [30].

«ПЕРЕД ВСЕЙ РОССИЕЙ И ПЕРЕД ВСЕМ МИРОМ»

Владимир Ильич живет теперь на улице Давид Дюфур. Снимает с семьей небольшую квартиру из двух комнат и кухни. Сюда идут к нему листовки, письма, корреспонденции о нарастании в России революционной волны. Здесь в один из весенних дней 1905 года он набрасывает короткую заметку, в которой спорит с лидером «экономизма», меньшевиком А. Мартыновым.

Ленин ставит вопрос:

— Суждена ли нам революция типа 1789 или типа 1848 года?

Он подчеркивает — *типа.* Ибо нелепа сама мысль, что можно повторить безвозвратно минувшие социально-политические и международные ситуации, будь то эпоха великой французской революции XVIII века или сороковые годы XIX столетия, с их революционными бурями во Франции, в Германии, Австрии.

Ленин предостерегает от меньшевистской постановки вопроса, сбивающейся «на хвостистское желание революции поскромнее» [1]. Он зовет к революции «до *полного* свержения царского правительства, до республики» [2]. За то, что она может стать в России именно такой, говорит и «несравненно больший запас озлобления, революционности в русских низших классах, чем в Германии 1848 г.»; и уверенность, что «пролетарская Европа сделает помощь русской монархии со стороны монархов европейских невозможной»; и то, что в России «развитие сознательно-революционных партий, литературы и организации их во много раз выше, чем в 1789, 1848 и 1871 годах» [3]. Иначе говоря, выше, чем и во Франции, в пору Коммуны.

Нынешняя революция в России — буржуазная, заявляют меньшевики. Следовательно, и руководящей силой в ней должна быть либеральная буржуазия. Пролетариату же отводят меньшевики роль ее придатка, ссылаясь при этом на опыт Запада. Они не считаются с тем, что «антагонизм пролетариата и буржуазии у нас гораздо глубже, чем в 1789, 1848, 1871 гг.» [4].

Сейчас, когда Россию охватило революционное пламя, когда даже самые неисправимые пессимисты уверовали в неизбежность свержения царизма, Владимир Ильич тоже ссылается на опыт Запада, но видит в нем совсем не то, что видят меньшевистские лидеры.

Ленин убежден: «...после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России, нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся,— благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы,—

осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей» [5].

Только с таких позиций, считает Владимир Ильич, следует социал-демократу, если только он не безнадежный филистер, обращаться к революционному прошлому Европы. Исходя из ее опыта, в короткой заметке, направленной против меньшевистских концепций, он настаивает: «Наше дело, социал-демократии, *толкать* буржуазную революцию как можно дальше, никогда не забывая *главного* нашего дела: самостоятельной организации пролетариата» [6].

А это требует от партии единой политической линии, согласованных действий, «работы сообща в одной партии» [7]. Так информировал он недавно лидера правого крыла швейцарской социал-демократической партии Германа Грейлиха, разъясняя ему причины происшедшего в РСДРП раскола, побуждающие бороться за новый, третий съезд партии.

Он собирается в конце апреля 1905 года. В Лондон съезжаются делегаты двух с лишним десятков местных комитетов, главным образом крупных промышленных центров России.

Снова оказывается на берегах Темзы и Владимир Ильич.

Шестнадцать дней руководит он работой съезда, на котором обсуждаются вопросы организационного укрепления партии, ее тактики в начавшейся революции.

Ленин выступал на съезде уже много раз: когда обсуждались доклады Организационного комитета и мандатной комиссии, когда в качестве председателя оглашал проекты резолюций. Выступал с речами по вопросу о вооруженном восстании. Выступит он и сегодня.

В день первомайского праздника, знает Владимир Ильич, в России остановится немало заводов и фабрик. Русские рабочие выйдут на улицы. Их не испугает угроза стычек с полицией, войсками. И к ним, русским рабочим, обращена листовка, написанная Лениным еще в Женеве: «К оружию, рабочие и крестьяне! Устраивайте тайные сходки, составляйте дружины, запасайтесь каким только можете оружием, посылайте доверенных людей для совета с Российской социал-демократической рабочей партией!» [8]

Вечером — доклад Ленина об участии социал-демократии во временном революционном правительстве. Да, именно так ставит вопрос Владимир Ильич. И когда позднее узнает о том Каутский, он с иронией заметит:

— Споры о временном революционном правительстве похожи на дележ шкуры еще не убитого медведя...

— Но эта ирония,— возразит ему Ленин,— показывает лишь, как даже умные и революционные социал-демократы попадают впросак, когда говорят о том, что известно им только понаслышке. Немецкая социал-демократия еще не слишком близка к тому, чтобы убить медведя (совершить социалистический переворот), но спор о том, «смеем» ли мы убивать его, имел громадное принципиальное и практически-политическое значение. Русские социал-демократы не слишком близки еще к тому, чтобы быть в силах «убить своего медведя» (совершить демократический переворот), но вопрос о том, «смеем» ли мы убивать его, имеет для всего будущего России и для будущего русской социал-демократии крайне серьезное значение [9].

Ленин разбивает в докладе догматические суждения меньшевиков. Показывает, что извращенно толкуют они ситуацию, сложившуюся в Германии 1848 года, в Италии девяностых годов прошлого века, во Франции 1793 года. Доказывает ошибочность позиции меньшевиков, ставящих вхождение ренегата Мильерана в буржуазное правительство в один ряд с участием в революционно-демократическом правительстве выдающегося деятеля Парижской коммуны Луи Эжена Варлена. И ссылается, в подтверждение своих аргументов, на труд Энгельса «Крестьянская война в Германии». Раскрывает истинный смысл написанного Марксом и Энгельсом весной 1850 года «Обращения Центрального комитета к Союзу коммунистов», неверно излагаемого Плехановым.

— Он оставляет в тени,— негодует Ленин,— что «Обращение» это писалось тогда, когда полная победа народа уже не удалась, несмотря на победоносное восстание пролетариата в Берлине в 1848 году. Буржуазно-конституционная монархия уже сменила самодержавие, и, следовательно, о временном правительстве, опирающемся на весь революционный народ, не могло быть и речи. Весь смысл «Обращения» состоит в том, что после неудачи народного восстания Маркс советует рабочему классу организоваться и готовиться. Неужели эти советы пригодны для выяснения положения в России до начала восстания? Неужели эти советы разъясняют наш спорный вопрос, предполагающий победоносное восстание пролетариата? [10]

Позднее М. Г. Цхакая вспомнит об этом выступлении Ленина: «Он начал свой доклад совершенно просто. Ленин с гневом подчеркивал оппортунистические положения в статьях меньшевистской «Искры» и противопоставлял гнилым идейкам меньшевиков твердую революционно-марксистскую установку. Он богато иллюстрировал свои мысли фактами из истории международного ра-

бочего движения и особенно из текущей борьбы рабочих России в первые месяцы революционного 1905 года. К концу речи весь съезд стоя слушал его в глубочайшем молчании, так как железная логика теоретика, трибуна и организатора революции увлекла всех делегатов.

Когда Ильич кончил, аплодисментам и овациям не было конца. Перед нами стоял великий революционер, теоретик и трибун»[11].

Почти сто сорок выступлений, предложений Ленина зафиксировано в протоколах съезда. И все они пронизаны мыслью: революция в России с каждым днем растет; опыт ее первых шагов, ее задачи — вот что должно определять тактическую линию партии. Поэтому особенно отрадно Владимиру Ильичу, что принят на съезде его проект резолюции о вооруженном восстании. Разбиты догматические рассуждения меньшевиков, выступающих против участия социал-демократической партии во временном революционном правительстве. Делегаты присоединились к его призыву активно поддерживать ширящееся с каждым днем крестьянское движение.

Радует Владимира Ильича и то, что сделан на съезде решительный шаг к идейно-организационному укреплению партии. Съезд утвердил первый параграф устава партии в ленинской формулировке. Отныне он гласит, что членом РСДРП считается тот, кто принимает ее программу, поддерживает партию материальными средствами, лично участвует в работе одной из ее организаций.

В час дня 10 мая Владимир Ильич закрывает III съезд. Перед отъездом с группой делегатов отправляется он на Хайгетское кладбище. Он не первый раз тут. Но, как всегда, с волнением подходит к скромной плите, под которой покоится прах Карла Маркса.

Долго стоит Владимир Ильич с друзьями у могилы. Он не спешит уходить. И с болью в сердце напоминает товарищам о встретившемся у ворот смотрителе. Недоумевает, видимо, тот, почему русские задержались у могилы неизвестного ему человека.

— Он и не догадывается,— замечает Ленин,— что все нетленное, все бессмертное Маркса и Энгельса мы несем с собой и воплощаем даже в отсталой царской России, к ужасу буржуев всех стран...

Владимир Ильич возвращается в Женеву. Он сообщает в Международное социалистическое бюро о III съезде Российской социал-демократической рабочей партии. В самое ближайшее время выйдет и будет доставлена туда брошюра на французском и немецком языках с резолюциями съезда. Согласно принятому в Лондоне решению «Искра» перестала быть центральным органом партии и отныне является им еженедельная газета «Пролетарий».

«Будучи, согласно новому уставу, единственным центральным учреждением нашей партии,— информирует Ленин,— ЦК назначит представителя партии в Международное бюро. Мы просим Вас обращаться впредь к представителю ЦК, т. Ульянову: 3, rue de la Colline, Genève» [12].

Улица Коллин совсем рядом со знаменитой «Каружкой», как любовно зовут большевики удаленную от центра, протянувшуюся от площади Рон Пуэн де Пленпале до набережной Арвы улицу, ставшую центром их кипучей деятельности. На Коллин разместилась большевистская экспедиция. Сюда, в дом № 3, шла отовсюду корреспонденция для газеты «Вперед». Сюда поступает она сейчас для «Пролетария».

Уже вышел первый номер нового центрального органа партии. В нем — написанное Лениным «Извещение о III съезде Российской социал-демократической рабочей партии». Решения съезда, говорится в «Извещении», «послужат исходным пунктом для восстановления единства партии, для устранения всякой дезорганизации, для сплочения рядов пролетариата» [13].

Ленин обращается к пролетариям от имени Центрального Комитета РСДРП. Он заявляет, что проведение победоносной революции, отстаивание ее завоеваний возлагают на их плечи гигантские задачи. И выражает уверенность, что российский пролетариат выполнит свою миссию до конца, сумеет стать во главе народного вооруженного восстания, отобьет все контрреволюционные попытки сломить его, грудью отстоит демократическую республику. Это его великий национальный и интернациональный долг.

«Победив в предстоящей демократической революции,— заявляет Ленин,— мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели... А с помощью социалистического пролетариата Европы мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами» [14].

Выходит и обещанная Лениным «специальная брошюра». Особым приложением публикует ее «Сосьялист» — теоретический орган Социалистической партии Франции. На немецком языке выпускает брошюру мюнхенское издательство Г. Бирка и К° Социал-демократической рабочей партии Германии. О съезде русских социал-демократов, о принятых на нем решениях сообщает газета «Ромыниа мунчитоаре»...

Реформистские лидеры II Интернационала встречают решения III съезда в штыки.

Каутский заявляет:

— Немецкое издание резолюций только что закончившегося русского съезда появилось в высшей степени неподходящий момент...

Он утверждает:

— Резолюции дадут большинству читателей совершенно ложное представление об отношениях в российской социал-демократии...

Со страниц «Лейпцигер Фольксцайтунг» он категорически требует от немецких товарищей:

— Ни в коем случае не распространять этих резолюций.

Ленин сообщает Центральному Комитету РСДРП: «...Каутский поместил преподлую статью по поводу немецкого издания «Извещения» [15]. И от имени «Пролетария» Ленин обращается с «Открытым письмом» в редакцию той же «Лейпцигер Фольксцайтунг»: «Мы заявляем, что Каутский совершает большую ошибку, когда пишет о вещах, о которых он в лучшем случае знает только понаслышке, и что данная им картина отношений, существующих в русской социал-демократии, весьма искажена...

Мы энергично протестуем против попытки заглушить наш голос в немецкой социал-демократической печати путем такого грубого, механического, неслыханного приема, как бойкот брошюры, которая содержит только перевод резолюции III съезда РСДРП... Каутский не имеет никакого права говорить о своем беспристрастии. Он был всегда пристрастным в теперешней борьбе внутри российской социал-демократии. На это, конечно, он имел полное право. Но тому, кто пристрастен, лучше не говорить слишком много о беспристрастии, чтобы не быть обвиненным в лицемерии» [16].

Через «Лейпцигер Фольксцайтунг» — орган левого крыла германской социал-демократии — Ленин намерен предостеречь немецких товарищей:

— Если вы действительно считаете РСДРП братской партией, то не верьте ни единому слову из того, что рассказывают вам так называемые беспристрастные немцы о нашем расколе. Требуйте только документов, подлинных документов. И не забывайте: предубеждение дальше от истины, чем незнание [17].

Но происходит то же, что и с ответом Владимира Ильича на статью Розы Люксембург, в свое время отвергнутым «Нейе Цайт»: «Лейпцигер Фольксцайтунг» не публикует «Открытое письмо» Ленина.

«После этого нетрудно понять,— сообщает Владимир Ильич о позиции «Лейпцигер Фольксцайтунг» в Брюссель, в секретариат Международного социалистического бюро,— почему многие товарищи в России склонны считать немецкую социал-демократию пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах российской социал-демократии» [18].

Он пишет в Международное социалистическое бюро в конце июля, когда новая волна стачечного движения потрясает Россию.

В Женеву пришли уже сообщения об ожесточенных боях с царскими карателями в Лодзи; о всеобщей забастовке в Иваново-Вознесенске; о баррикадных боях в Варшаве и Одессе; о стачках и демонстрациях в Баку, Тифлисе, Костроме, Нижнем Новгороде, Риге, Белостоке, Ростове, Харькове, Екатеринославе, Новороссийске и других городах. И Ленин повторяет на страницах «Пролетария»: всенародное вооруженное восстание — не мечта, не праздная мысль. Он предвидит: победа демократической революции русского пролетариата и крестьянства откроет великие перспективы «для европейского пролетариата, которого вот уже много лет искусственно сдерживает, в его стремлении к счастью, военная и помещичья реакция» [19]. Ленин предсказывает: «Победа демократической революции в России будет сигналом к началу социалистической революции, к новой победе наших братьев, сознательных пролетариев всех стран» [20].

В читальном зале «Общества любителей чтения» на Гранд-рю или в библиотеке Женевского университета на улице Кандоль Владимир Ильич, как и прежде, каждое утро просматривает газеты, журналы различных направлений. Что пишут о русской революции в Англии, Германии, Бельгии, Швейцарии, Италии сейчас, когда принимает она все больший размах? И убеждается: та самая «военная и помещичья реакция» Западной Европы, которая сдерживает борьбу собственного пролетариата, готова сделать теперь все возможное, чтобы погасить в России революционное пламя, чтобы сохранить царское самодержавие...

Июньским утром из газет узнает Владимир Ильич о восстании на броненосце «Потемкин Таврический». А из России доставляют письмо С. Гусева, из Лондона — очередной номер журнала «Экономист». В них — подробности о событиях в Одессе, на Черноморском флоте.

Ленин приходит к заключению: это — новый, крупный шаг в развитии революционного движения. И тем более настораживает телеграмма, доставленная в редакцию «Пролетария». Товарищ из Берлина информирует: по сообщению «Берлинер Тагеблат», русское правительство обратилось к ряду держав с просьбой отправить их суда «из Константинополя в Одессу, чтоб помочь ему восстановить порядок» [21].

Через день-другой Владимир Ильич сам прочтет о том же в «Берлинер Тагеблат». И напишет по этому поводу: «Насколько верно это сообщение (опровергаемое некоторыми другими газетами), покажет недалекое будущее. Несомненно одно, что переход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу, в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами» [22].

Подтверждение того, о чем сообщил товарищ из Берлина, найдет позднее Владимир Ильич и на страницах «Таймс», и во «Франкфуртер Цайтунг». Но уже сегодня считает он необходимым поставить в известность Международное социалистическое бюро о предпринимаемых царскими властями преступных шагах. «Вполне возможно,— предупреждает Ленин,— что русское правительство, не доверяя более своим собственным морским силам, попытается заставить военные корабли европейских государств сражаться против русской революции под предлогом защиты *живущих* в Одессе иностранцев».

Ленин опасается, «как бы не заставили европейские народы играть роль палачей русской свободы». Он призывает Международное социалистическое бюро изыскать пути для предотвращения этой опасности. Ленин просит опубликовать от имени бюро обращение к рабочим всех стран, подчеркнув в нем, «что в России происходят не бунты черни, а революция, борьба за свободу» [23].

Владимир Ильич высказывает надежду: «Может быть, подобное обращение, переведенное на все языки, напечатанное в социалистических газетах всего мира, распространенное всеми средствами, какие могут быть в нашем распоряжении, сможет повлиять на общественное мнение и разрушить планы русского правительства, гибельные для свободы» [24].

Призыв Ленина встречает отклик.

17 июля Владимир Ильич публикует в «Пролетарии» воззвание Исполнительного комитета Международного социалистического бюро. Оно не только обличает русский царизм — виновника кровавых зверств в России, но и клеймит позором правительства тех стран, которые равнодушно взирают на эти преступления.

«Российский пролетариат,— признается в воззвании,— ведет героическую борьбу. Он отдает свой покой и свою жизнь для торжества идеи, и его высокая преданность может служить примером рабочим организациям других стран» [25].

Исполнительный комитет Международного социалистического бюро зовет пролетарские массы всего мира возвысить свой голос протеста, всеми силами помочь русским братьям, быть солидарными с ними.

Ленин из Женевы продолжает с волнением следить за тем, как развиваются события. Он пишет в «Пролетарии»: «Заграничная печать всех стран и всех партий полна известиями, телеграммами, статьями по поводу перехода части судов Черноморского флота на сторону русской революции. Газеты не находят слов для выражения своего изумления, для достаточно сильной характеристики того позора, до которого довело себя самодержавное правительство» [26].

И в другой своей статье: «Никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром» [27].

Ко всей России, ко всему миру обращен переданный из Бухареста и опубликованный в одной из немецких газет манифест потемкинцев. Манифест перед Владимиром Ильичем, когда пишет он короткую заметку «Последние известия». Ее удается заверстать в готовый к печати номер «Пролетария». Чтобы уже обошедший западную печать манифест как можно скорее прочли и российские пролетарии, Ленин целиком включает в свою заметку обращение «К цивилизованным гражданам и к рабочему народу».

Еще долго не сходит со страниц западной прессы имя черноморского броненосца. И хоть завершается восстание на «Потемкине» неудачей, за пределами России остается он для многих «непобежденной территорией революции». Все говорит о том, что «никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией» не способны вытравить из сознания пролетарских масс «значения этого события» [28].

ГОТОВИТЬСЯ К НАСТУПАТЕЛЬНЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Еще до первых вестей о событиях в Одессе, о восстании на броненосце «Потемкин» в Женеву из Парижа приходит семьдесят первая книжка «Освобождения» — журнала буржуазных либералов. Тех, кто недавно открыто стремился предотвратить революционный взрыв в России. А сейчас — пресечь борьбу рабочих масс, «создать русскую демократию» [1], опираясь на сотрудничество классов.

В семьдесят первой книжке — очередной опус П. Струве, одного из теоретиков и организаторов буржуазно-либерального «Союза освобождения». Опус, как определяет Владимир Ильич,— поучительнейший! Струве — этот «политически-чуткий и отзывчивый на малейшую перемену погоды представитель русской буржуазии» [2] — идет войной на «программный революционизм». Он выражает свое особенное недовольство Лениным.

«В сравнении с революционизмом гг. Ленина и товарищей,— заявляет автор статьи «Как найти себя»,— революционизм западноевропейской социал-демократии Бебеля и даже Каутского является оппортунизмом, но основы и этого, уже смягченного, революционизма подмыты и размыты историей» [3].

— Вылазка очень сердитая,— иронически замечает Владимир Ильич.

Ничего неожиданного для него в «интереснейшем» заявлении Струве, разумеется, нет. Ведь Владимиру Ильичу хорошо известно: «Либеральная буржуазия *везде* и *всегда* пускает в ход прием: уверять своих единомышленников в данной стране, что социал-демократы данной страны — самые неразумные, а товарищи их в соседнем государстве «пай-мальчики». Немецкая буржуазия *сотни раз* выставляла на поучение Бебелям и Каутским «пай-мальчиков» французских социалистов. Французская буржуазия совсем недавно выставляла на поучение французским социалистам «пай-мальчика» Бебеля» [4].

Редактора журнала «Освобождение» «Франкфуртер Цайтунг» — влиятельный орган европейской буржуазии — величает «вождем русских конституционалистов». Обращаясь к нему, Ленин пишет: «Старый прием, г. Струве! Только ребят и невежд поймаете вы на эту удочку. Полная солидарность международной революционной социал-демократии во всех крупных вопросах программы и тактики есть неоспоримейший факт» [5].

Но «незабвенная статья» [6] Струве побуждает напомнить все же, как важна сейчас война с контрреволюцией. Вопросы классовой борьбы и политической свободы решает в конечном счете только организованная революционная сила. И следует заботиться о ее подготовке не к обороне, а прежде всего к наступлению на бастионы царского самодержавия.

«Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти беспрерывно со времен Парижской Коммуны,— пишет Владимир Ильич,— слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий» [7].

Ленин развивает эту мысль в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», которая станет политическим и теоретическим руководством в борьбе за победу демократии и социализма. Он обосновывает в ней стратегию и тактику большевиков, принятую на III съезде РСДРП. Следуя учению Маркса, анализирует особенности буржуазно-демократической революции в России, ее движущих сил. Разъясняет, что в интересах рабочего класса не путем реформ, а путем революции должны совершаться буржуазно-демократические преобразования. Что

победа буржуазно-демократической революции позволит пролетарским массам обрести демократические свободы, укрепить свои организации, возглавить общедемократическое движение, повести борьбу с буржуазией за социализм.

Эта новая задача — борьба за социализм, заявляет Ленин, встанет перед пролетариатом сразу же после того, как в результате буржуазно-демократической революции будут достигнуты демократические преобразования. И он разрабатывает в своем труде теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Решительно отвергая утверждения западноевропейских социал-демократов и меньшевиков о том, что неизбежен длительный перерыв между буржуазно-демократической и социалистической революциями. Что пролетарские и полупролетарские массы способны будто бы одержать победу в социалистической революции, лишь став большинством нации. Ленин подчеркивает, что решающее условие победы революции — это руководящая роль в ней пролетарской партии нового типа.

Ленин подвергает критике отошедших от марксизма меньшевистских догматиков, поддерживаемых идеологами «Освобождения». С шумом, с треском они приветствуют уступчивость новоискровцев по отношению к оппортунистам — и своим, и зарубежным. Ленин подвергает критике тех, кто бессмысленно переносит практику международной социал-демократии в политические ситуации российской действительности, не умеет верно применить даже правильно сформулированные ими положения, почерпнутые из западноевропейского опыта.

Они не прочь похваляться:

— Мы всегда остаемся партией крайней революционной оппозиции.

Не прочь повторять это хорошо знакомое, абсолютно верное положение международной социал-демократии.

«Оно стало,— пишет Владимир Ильич,— общим местом для всех противников ревизионизма или оппортунизма в парламентских странах. Оно приобрело право гражданства, как законный и необходимый отпор «парламентскому кретинизму», мильеранизму, бернштейнианству, итальянскому реформизму в духе Турати*. Наши добрые новоискровцы заучили это хорошее положение и усердно применяют его...»

Но применяют *«совсем некстати»* [8].

В условиях, когда никакого парламента нет, меньшевики применяют категории парламентской борьбы. Понятия, правильно выражающие ситуацию на Западе, когда никто там о восстании серь-

* Реформистский деятель итальянского рабочего движения, проводил политику классового сотрудничества пролетариата с буржуазией.

езно не говорит, они бессмысленно переносят на ситуацию в России. Где восстание уже началось, где все истинные сторонники революции говорят и думают о руководстве им.

Меньшевики охотно разглагольствуют и о «революционных коммунах»[9]. Но догматизм мышления и в данном случае приводит их к одной лишь революционной фразе, пустозвонству.

«Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 года,— вновь повторяет Владимир Ильич,— тем непозволительнее отделываться ссылкой на нее без разбора ее ошибок и ее особых условий. Делать это значило бы повторять нелепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся (в 1874 г., в своем «манифесте») перед каждым актом Коммуны»[10].

В один из дней, когда пишет Владимир Ильич брошюру, попадает к нему резолюция конференции кавказских меньшевиков. «Искра» сопровождает ее коротким, но многозначительным примечанием: и на Кавказе вопрос об отношении социал-демократии к временному революционному правительству решен, дескать, отрицательно.

Кавказские меньшевики, как и собратья их из новой «Искры», смешивают участие Мильерана в буржуазном правительстве с участием Варлена в Совете Парижской коммуны. Они требуют: ни в коем случае не вступать во временное правительство, так как подобный шаг заставит буржуазию отшатнуться от революции, что ослабит ее размах! Короче говоря, превратить пролетариат в пособника либеральной буржуазии!

— Этим все сказано,— приходит к заключению Ленин.

И снова — в брошюре, над которой сейчас работает,— сопоставляет то, к чему зовут русские оппортунисты, с лозунгами их западных наставников: «Ведь бернштейнианцы точь-в-точь твердили и твердят, что именно они понимают истинные нужды пролетариата, задачи роста его сил, углубления всей работы, подготовки элементов нового общества, пропаганды и агитации. Мы требуем открытого признания того, что есть! — говорит Бернштейн, освящая этим «движение» *без* «конечной цели», освящая одну оборонительную тактику, проповедуя тактику боязни, «как бы не отшатнулась буржуазия». И бернштейнианцы кричали о «якобинизме» революционных социал-демократов...»[11].

Ленин отвергает претензии бернштейнианцев к революционным социал-демократам. Нет, не думают последние забрасывать повседневной и малой работы, подготовки сил. Они требуют лишь ясного сознания конечной цели, четкой постановки революционных задач. Социал-демократы ни в коем случае не хотят, чтобы пролетариат был принижен до оппортунистических соображений, «как бы не отшатнулась буржуазия».

Правильные тактические лозунги пролетарской партии особенно важны для руководства массами, для победы в буржуазной революции. Эта победа не сделает еще ее социалистической, а сам демократический переворот не выйдет из рамок буржуазных общественно-экономических отношений. «...Но тем не менее,— заявляет Ленин,— значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира».

Он утверждает: «Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции» [12].

Брошюра «Две тактики социал-демократии в демократической революции» печатается здесь же, в Швейцарии. Ленин обосновывает в ней решения III съезда партии, разъяснению которых в социал-демократических партиях Запада придает первостепенное значение.

В начале сентября, со страниц «Пролетария», Владимир Ильич обращается к находящимся в эмиграции большевикам: «*Осведомление международной социал-демократии* о наших партийных делах составляет одну из самых серьезных обязанностей всех живущих за границей социал-демократов. Мы напоминаем товарищам об этом и призываем к самой энергичной агитации в защиту позиций III съезда РСДРП. Агитация должна вестись неустанно, по всякому поводу, при всяком удобном случае, перед всеми решительно кружками заграничных рабочих и отдельными членами заграничных социал-демократических партий. Агитация должна вестись способами, достойными сознательных социал-демократов и членов рабочей партии. В основу агитации должно быть положено *полное* осведомление с *документальной* стороной дела» [13].

Ленин напоминает: документы III съезда на французском языке еще 25 июня опубликованы приложением к газете «Сосьялист»; тогда же вышло немецкое издание брошюры. И то и другое можно получить в центральном органе французских социалистов, в мюнхенском издательстве Г. Бирка и К°, в Женеве — в экспедиции партии.

Владимир Ильич призывает, однако, не ограничиваться этим. Используя любую возможность, следует знакомить рабочих европейских стран, зарубежных социал-демократов и с другими важнейшими документами РСДРП, со статьями из большевистских изданий.

В эти осенние дни, когда выходит пятнадцатый номер «Пролетария» со статьей-призывом Ленина, сообщает Крупская: «Все мысли сосредоточены около событий, разыгрывающихся в Рос-

сии» [14]. О них, как и прежде, пишут газеты — и местные, и те, что идут из разных стран. И по-прежнему делает Владимир Ильич множество выписок из тех самых корреспонденций, по которым в странах Европы судят о размахе революционной борьбы русских пролетариев, о соотношении сил в царской империи, о том, что ждет ее завтра.

Из «Фоссише Цайтунг» выписывает Ленин сообщения о развитии политического кризиса в России. И использует их в статье «Встреча друзей», развенчивая буржуазию, маклерствующую между царем и народом, между властью и революцией.

Из консервативной газеты «Тан» Владимир Ильич переписывает заметку ее петербургского корреспондента о нападении на Рижскую центральную тюрьму, о дерзком освобождении ждавших смертного приговора политических заключенных. С этого обошедшего зарубежную печать сообщения начинает он статью «От обороны к нападению», приветствуя героев рижского отряда, застрельщиков народной революционной армии.

Из телеграммы петербургского корреспондента «Таймс» узнает Владимир Ильич о распространяемых в российской столице прокламациях. Узнает, что в ближайшие дни там ожидаются демонстрации. Он делает из телеграфного сообщения выписку о «крайне тревожном настроении в публике» [15].

Из кратких, часто противоречивых сообщений «Форвертс», «Тан», парижской «Матэн», германских, швейцарских, бельгийских газет узнает Владимир Ильич о политической стачке и уличной борьбе в Москве. «Разумеется, эти сведения крайне неполны» [16],— сознаёт он. И все же даже скупые телеграммы говорят о том, что рабочие ведут «революционную борьбу за настоящее самодержавие народа» [17].

Все помыслы Ленина там, в России. И загружен он делами российскими, которых с каждым днем все больше. Но и сейчас внимателен Владимир Ильич к тому, что делается на Западе, чуток к опыту «пролетарского движения во всем мире, от Германии до Америки и от Англии до Италии» [18].

Из немецких газет узнает Ленин об Иенском съезде Германской социал-демократической партии. О том, что прошел этот съезд под влиянием русской революции. И сразу же откликается на просьбу из Тифлиса написать о нем для выходящей там нелегально большевистской газеты «Борьба пролетариата».

«Съезды немецких социал-демократов,— пишет Владимир Ильич,— давно уже приобрели значение далеко выходящих за пределы германского рабочего движения событий. Германская социал-демократия стоит впереди всех по своей организованности, по цельности и сплоченности движения, по богатству и содержательности

марксистской литературы. Естественно, что при таких условиях и решения немецких социал-демократических съездов приобретают зачастую почти международное значение» [19].

Таков и Иенский съезд. Его главный вопрос, волнующий всю международную демократию,— это массовые политические стачки. На первый план выдвинут он революционными событиями в России. И хоть не идет в принятом решении речь о вооруженном восстании, признается в нем: самое широкое применение массовой забастовки является одним из наиболее действенных средств борьбы пролетариата. «...Решение германской социал-демократии,— убежден Ленин,— окажет, несомненно, немалое влияние на все международное рабочее движение в смысле поддержки и укрепления революционного духа борющихся рабочих» [20].

Ленин пишет и о другом обсуждавшемся на съезде вопросе — о майском празднике. Так официально внесен он был в повестку дня. А на самом деле шли дебаты об отношении профессионального движения к социал-демократической партии. Об опасных «симптомах болезни» — исчезновении в некоторых профессиональных союзах социалистических идей, революционных требований. «К чести немецкой социал-демократии следует, таким образом, сказать,— с удовлетворением отмечает Владимир Ильич,— что она встретила опасность лицом к лицу... Она резко констатировала болезнь, решительно осудила вредные тенденции и прямо, открыто призвала всех членов партии к борьбе с ними» [21].

Но «вредные тенденции» взяли, к сожалению, верх в Англии. А к чему это ведет, свидетельствует только что полученная «Пролетарием» статья «Британское рабочее движение и конгресс тред-юнионов». Ее автор упоминает о деле Таффской долины — деле весьма поучительном. Владимир Ильич поясняет в примечании, в чем, собственно, оно состояло: «Правление железной дороги Taff-Vale * предъявило к союзу жел.-дор. рабочих иск за убытки, причиненные жел.-дор. компании стачкой. Буржуазные судьи, вопреки отчаянному сопротивлению рабочих, присудили капиталистам вознаграждение! Присуждать рабочие союзы к возмещению господам капиталистам убытков, причиненных стачкой, значит на самом деле уничтожать свободу стачек. Судьи, лакействующие перед буржуазией, умеют сводить на нет даже обеспеченные конституцией свободы, когда дело касается борьбы труда и капитала» [22].

Статью о британском рабочем движении Ленин публикует в двадцать третьем номере «Пролетария».

Он написал для него целых шесть статей. В том числе — о мо-

* Таффской долины.

гучем росте всероссийской политической стачки. О новом пролетарском натиске, охватившем все промышленные центры страны. О стачке, число участников которой превысило два миллиона человек. Она проходила под лозунгом: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» и демонстрировала силу пролетариата как передового борца, организатора всенародной борьбы против царизма.

Иное положение сложилось в Англии. И Ленин сопровождает статью «Британское рабочее движение и конгресс тред-юнионов» еще одним примечанием:

«Английское рабочее движение довольно долго еще, к сожалению, обещает служить печальным образчиком того, как необходимо ведет к измельчанию и буржуазности оторванность рабочего движения от социализма» [23].

Пройдет немного времени, и в кульминационный момент российской революции либеральная буржуазия предпримет новые шаги к тому, чтобы захватить руководство в ней, установить над ней контроль. В те ноябрьские дни 1905 года напишет Владимир Ильич статью «Учитесь у врагов». В ней снова обратится к печальному опыту британского рабочего движения.

Он призовет пролетариев России: «Вспомните пример таких стран, как Англия, где классовая борьба пролетариата с буржуазией идет везде и шла всегда, причем пролетариат все же оставался разрозненным, его избранники подкупались буржуазией, его сознание развращалось идеологами капитала, его сила распылялась отпадением аристократии рабочих от рабочей массы. Вспомните все это, товарищи рабочие, и вы придете к убеждению, что только социал-демократический пролетариат есть пролетариат, сознавший свои *классовые* задачи» [24].

Незадолго до того, как будут опубликованы эти обращенные к русским рабочим строки, Ленин узнает: предстоит конгресс в Шалоне — первый конгресс объединенной Французской социалистической партии. Владимира Ильича уведомляет о том А. Бракке-Деруссо — один из лидеров партии.

Ленин пишет живущему в Париже большевику Лейтейзену: «Будете ли Вы? *Черкните непременно.* Если да, будьте представителем и скажите непременно *обстоятельную* речь с приветом от *революционной* социал-демократии России» [25].

Лейтейзен выполняет поручение Ленина. Он зачитывает на конгрессе приветственную телеграмму «Пролетария». А конгресс принимает предложенную Лафаргом резолюцию солидарности с русской революцией.

В ней приветствуется «близкое торжество революции, которая, низвергнувши царизм, эту чудовищную крепость европейской ре-

акции, освободит трудящихся в России посредством национализации капиталистической собственности и объявления (государственного) банкротства России и будет началом социальной революции в Европе»[26].

Ленину сообщают: в Париже, в дни заседания конгресса, Лейтейзен встретился с Гедом, Лафаргом, Бракке-Деруссо. Беседовал с ними о будущем временном революционном правительстве России, об участии в этом правительстве социал-демократов. «Пожалуйста, не поленитесь написать статеечку или хоть заметочку про Ваше интервью...— просит его Владимир Ильич.— Это необходимо для «Пролетария»... Хоть несколько строк, да напишите, и поскорее!»[27]

Лейтейзен откликается немедленно. И вот густо исписанные листки на столе Ленина. Сразу же отправляет их Владимир Ильич в набор. Печатает заметку в двадцать шестом номере «Пролетария».

«Русские социал-демократы,— приводится в ней заявление Лафарга,— должны вступить во временное правительство для борьбы с контрреволюцией, они должны быть там вместе с представителями мелкой буржуазии, чтобы заставить последних разделить ответственность за дальнейшую революционную деятельность»[28].

Такая же точка зрения и у Геда, и у Бракке-Деруссо.

И то, что торопил Владимир Ильич Лейтейзена «написать статеечку или хоть заметочку» про взятые им интервью, что опубликовал эту заметку без промедления, свидетельствует: большое значение придает он позиции трех видных деятелей социалистического движения Франции в важнейшем тактическом вопросе.

Ленин узнает в эти дни от Красикова: Лафарг выступил где-то с речью по поводу участия социал-демократии во временном революционном правительстве. Сказал же о том Красикову Бракке-Деруссо. И к нему обращается с просьбой Владимир Ильич: «Вы нас очень обяжете, если возможно скорее пришлете нам брошюру, где напечатана эта речь, или же если Вы нам сообщите подробные сведения об этой речи»[29]. Ибо поддержка руководителями французских социалистов позиции Ленина особенно ценна сейчас, когда меньшевики предпринимают все новые атаки на большевиков и предъявляют им кощунственные обвинения в мильеранизме.

Нередко высказывает сейчас Владимир Ильич сожаление, что «приходится писать все еще из проклятого далека, из постылой эмигрантской «заграницы»[30]. В письме, ушедшем в Петербург, признает, что «значение заграницы теперь ежечасно падает, и это неминуемо». Сообщает: «Надеемся скоро вернуться — к этому идет дело с поразительной быстротой»[31].

Об этих днях Надежда Константиновна вспомнит: «В начале октября возник вопрос о поездке Ильича в Финляндию, где предполагалось свидание с ЦК, но развивавшиеся события поставили вопрос иначе — Владимир Ильич собрался ехать в Россию. Я должна была еще остаться на пару недель в Женеве, чтобы ликвидировать дела»[32].

Итак, Ленин готовится к отъезду в Россию. До последнего дня пребывания в Швейцарии не ослабляет, однако, установившихся связей с международной социал-демократией, как и прежде, проявляя живейший интерес к ее делам...

Ранее 7 октября. Владимир Ильич сообщил в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», что группой сотрудников «Пролетария» готовится к изданию брошюра Ф. Энгельса «Бакунисты за работой. Записки о восстании в Испании летом 1873 г.». Теперь Ленин редактирует ее русский перевод. Он придает ей большое значение. Когда вскоре здесь же, в Женеве, в издательстве ЦК РСДРП выйдет брошюра, она позволит разоблачить «увертки», «несложные хитрости» «путаников новой «Искры» и, в частности, «путаника 1-го ранга»[33] Мартынова.

9 октября. По поручению Ленина Крупская пишет в Париж, Лейтейзену. Она информирует его: в Петербурге в ближайшие дни начнет выходить легальная газета «Новая жизнь». От имени ее редакции Надежда Константиновна просит Лейтейзена стать постоянным корреспондентом газеты во Франции. И писать, разумеется, о рабочем движении, о делах французских социалистов.

Позднее 10 октября. Владимир Ильич записывает для памяти: отметить выступление корреспондента органа немецких наборщиков против речи А. Бебеля на Иенском съезде Германской социал-демократической рабочей партии. Ленин имеет в виду, по-видимому, ту самую речь, в которой, по словам К. Либкнехта, Бебель говорил в пользу нейтральности профессиональных союзов и когда за Бебелем не стояло большинство партии[34].

18 октября. Ленин информирует Центральный Комитет РСДРП: от Международного социалистического бюро им получено письмо Э. Вальяна — одного из лидеров левого крыла II Интернационала. В письме — предложения Социалистической рабочей партии Франции об участии социалистических партий заинтересованных стран в намеченных II Интернационалом антивоенных выступлениях. Владимир Ильич находит эти предложения несколько наивными, «так как единственно, что̀ может повлиять в случае конфликта между правительствами,— это диктатура пролетариата»[35].

Позднее 23 октября. Из Берлина пишет В. Воровский. Он сообщает Владимиру Ильичу о своих беседах с Каутским и Люксем-

бург. Излагает их точку зрения на Государственную думу, на временное революционное правительство.

Начало ноября. Из «Тан» делает Владимир Ильич выписки о предложенной Вильгельмом II русскому царю военной помощи в подавлении вооруженного восстания кронштадтских матросов. О том, что германские власти принимают меры, чтобы не допустить на границе Верхней Силезии влияния восставших польских шахтеров на немецких.

4 ноября. Ленин пишет в Брюссель, К. Гюисмансу — секретарю Международного социалистического бюро. Он ставит его в известность о том, что назначен представителем в бюро от российской социал-демократии. Новые возможности открываются теперь перед ним в отстаивании принципов революционного марксизма...

И так изо дня в день...

Из женевской газеты узнает Владимир Ильич о царском манифесте, призванном восстановить в России «порядок» и дарующем народу «незыблемые основы гражданской свободы».

Кое-кто делает на Западе скоропалительное заключение:

— Самодержавие перестало существовать.

«Тан» — газета, которую зовет Ленин органом «французского господствующего денежного мешка» [36], тотчас же с тревогой замечает:

— К несчастью, слишком ясно, что дело действительно зашло далеко, что иного выхода не было из того тупика, куда загнали правительство.

«Тан» взывает к «благоразумию»:

— Забудем же скорее о характере этой капитуляции — капитуляции не только перед конституционалистами, людьми умеренными, которых следовало бы послушаться прежде всего, а капитуляции перед стачкой, капитуляции перед революцией [37]...

Ленин отвергает призывы «Тан»:

— Нет, господа буржуа, рабочие не забудут никогда вынужденного характера царской капитуляции! Рабочие не забудут никогда, что только силой, силой своей организации, своего единодушия, своего героизма масс, они вырвали у царизма признание свободы в бумажке-манифесте, вырвут свободу и на деле [38].

На позиции отрицания «успеха дела свободы» [39] стоит «Таймс». Ленин отметает и ее заключения:

— Мы имеем полное право торжествовать. Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать. Оно только отступило, оставив неприятелю поле сражения, отступило в чрезвычайно серьезной битве [40].

Проходит лишь несколько дней. И зарубежная печать сообщает своим читателям, что царский манифест не приостановил, оказывается, революционной борьбы российских пролетариев. Из «Форвертс» и «Таймс» Ленин делает выписки о воззвании Петербургского Совета рабочих депутатов и демонстрации в Питере. Из венской буржуазно-либеральной «Нейе Фрайе Прессе» выписывает, что в России «революционные идеи охватывают все более широкие массы», что рабочий класс чувствует себя там «хозяином положения» [41]. Он переводит появившееся в английской газете воззвание одного из стачечных комитетов Петербурга, включает его в свою статью «Приближение развязки».

«Нам дарована свобода собраний... но наши собрания окружены войсками,— говорится в переведенном Лениным воззвании, с которым познакомились уже английские пролетарии.— Нам дарована свобода печати, но цензура продолжает существовать. Обещана свобода науки, но университет занят солдатами. Дарована неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены арестованными. Дарован Витте *, но продолжает существовать Трепов. Дарована конституция, но продолжает существовать самодержавие. Нам все дано, но у нас ничего нет» [42].

Да, убеждается Ленин, поражены, напуганы заграничные буржуазные газеты тем, что происходит сейчас в России. Напуганы могуществом российского пролетариата.

Рукопись статьи «Приближение развязки» уже отправлена на Кэ дю Шваль Блан, где печатается теперь «Пролетарий». Владимир Ильич может расстаться, наконец, с Женевой...

ВПЕРЕДИ — ПИТЕР

Ленин покидает Женеву ранним ноябрьским утром.

Поезд пересекает швейцарскую границу. Потом — всю Германию, с юга на север. Владимир Ильич пересаживается на пароход. Снова — в поезд. И прибывает в Стокгольм, где бывать ему еще не доводилось, но с которым связан он давно...

Еще весной 1901 года писал сюда Ленин Карлу Брантингу — лидеру Социал-демократической партии Швеции. Через него призывал Владимир Ильич к сотрудничеству в «Искре». «Статьи,— пояснял он,— могут быть написаны также и на шведском или на финском языке: переводчика мы уж найдем» [1]. В целях конспирации подписал Владимир Ильич тогда письмо И. Петровым. Для ответа дал адрес штутгартского товарища: «Herrn J. H. W. Dietz Verlag. Furthbachstr. 12». Пояснил, что лишь на внутреннем кон-

* С октября 1905 г.— председатель Совета министров.

верте следует пометить: «An die Redaktion der Morgenröte — für Herrn Petroff» [2].

А вскоре стал Стокгольм для Ленина одним из надежных транзитных пунктов, через которые тайком шла в Россию корреспонденция, переправлялась «Искра», доставлялась другая искровская литература.

Летом 1901 года из Мюнхена сообщала Надежда Константиновна: «Мы переправляем литературу в чемоданах с двойным дном. В Швеции у нас есть связи. Нам нужен человек, который ездил бы в Стокгольм и брал оттуда чемоданы» [3].

И в другом ее письме той же летней поры: «Считаете ли Вы возможным теперь же съездить в Стокгольм?.. Если думаете, что возможно, то мы вышлем в Стокгольм 2 чемодана, Вам сообщим адрес...» [4]

Но не только Крупская называла товарищам стокгольмские адреса. Шведские связи подпольщики завязывали и из самой России.

Как-то в Мюнхен написал И. Радченко, представлявший «Искру» в Петербурге: «Через Финляндию наладил путь: немедленно посылайте товар. Первый раз 5 пудов, груз и квитанцию отправляйте по адресу: Стокгольм, (Андерссон), Нубергсгатан, 8, герр Емиль Hjorthen» [5].

Пришло письмо и от агента «Искры» Е. Стасовой: «Воспользуйтесь на один раз следующим адресом для отправки «Искры» (потом пришлю еще): Стокгольм, Herr Konni Zilliacus, Gref gaten, 36... Просим, чтобы ему отправили или же товаром в ящиках по 50 кило, или же почтовыми посылками по 5 кило, хотя одновременно их может быть и несколько. Надо испробовать этот путь, так как, может быть, с ним дело пойдет на лад. Если же окажется нужным, то я съезжу в Стокгольм и налажу дело во всяком случае» [6].

Ленин настаивал тогда: северный путь — через Швецию и Финляндию — следует использовать для транспортировки «Искры», искровской литературы как можно интенсивнее. И в августе 1902 года Радченко сообщил уже, что все издания, «какие только есть, по одному экземпляру для ознакомления СПб., а еще по одному экземпляру для редакции финляндской газеты», следовало слать по адресу: «Стокгольм, Fröken Louise Norling, Brunns gatan, 10» [7].

Назвала новые стокгольмские адреса и Стасова:

«Посылайте все свои издания в одном экземпляре по адресу (шифрую по «Два гренадера» Гейне): Fröken Hildur Andersson, Tegners gatan, № 11. Stockholm, внутри конверта или бандероли писать für Paulsen» [8];

«Вот адрес для посылки нам постоянно раз в неделю всяких брошюр и 100 экз. «Искры», так чтобы объем составил 300 экз. «Искры»: Stockholm, Strandvägen, Herrn C. A. Andersson (Cafe). Пожалуйста, посылайте нам таким путем все новое...» [9]

Много воды утекло с того времени. Но хорошо помнит Ленин хранившиеся у Надежды Константиновны тетради, в которых регистрировала она поступавшую в «Искру» корреспонденцию. Нередко обращался к этим тетрадям и сам Владимир Ильич. И среди других городов в графе «Откуда» видел вписанное рукой Надежды Константиновны — «Стокгольм». Через Стокгольм, при содействии шведов, доставляли в редакцию листовки, отпечатанные в Петербурге, Курске, Иркутске, на Урале, корреспонденции из Петербурга, Кронштадта, Златоуста, Чернигова, Саратова, Баку...

Итак, слякотным осенним утром, в вагоне второго класса, Ленин приезжает в город, в котором его знают и где должны его ждать.

Крупская пишет: «Было условлено, что в Стокгольм приедет человек и привезет для Владимира Ильича документы на чужое имя, с которыми он мог бы переехать через границу и поселиться в Питере. Человек, однако, не ехал и не ехал, и Ильичу приходилось сидеть и ждать у моря погоды, в то время как в России революционные события принимали все более и более широкий размах. Две недели просидел он в Стокгольме...» [10]

Целых две недели! Когда до России уже рукой подать. И так много у него там неотложных дел, связанных с набирающей силу революцией.

Но дни ожидания он не теряет зря.

Соблюдая конспирацию, Владимир Ильич встречается с левыми социал-демократами — младосоциалистами. С теми, кто подвергает резкой критике оппортунистическое руководство своей партии и призывает отказаться от реформистской политики, перейти к активным действиям.

Знакомится он и с рабочим движением в стране, где под влиянием русской революции, почти до самого его приезда, в течение полугода бастовали металлисты. Знакомится с борьбой трудящихся Норвегии за свое национальное освобождение от шведской зависимости, завершившейся недавно Карлстадским соглашением. Когда впоследствии обратится Ленин к этой странице скандинавской истории, с похвалой отзовется он о позиции, занятой шведскими пролетариями. Даст высокую оценку тесному союзу норвежских и шведских рабочих. Отметит, что «их полная товарищеская классовая солидарность *выигрывала* от этого признания шведскими рабочими права норвежцев на отделение» [11].

Пока живет Ленин в Стокгольме, выходит последний, двадцать пятый, номер «Пролетария». В нем — статья Владимира Ильича «Приближение развязки». Она о борьбе, которая обостряется повсюду, в том числе — в Финляндии. Это оттуда прибывает за ним наконец верный человек.

Мы узнаем от Н. Буренина — члена Боевой технической группы при ЦК РСДРП: «По моему поручению навстречу В. И. Ленину в Стокгольм выехал студент Гельсингфорсского университета Ула Кастрен, сопровождавший Владимира Ильича до Гельсингфорса. Ула Кастрен и сам точно не знал, кого он сопровождает. Мы сказали ему, что он должен встретить и сопровождать одного из видных участников русского революционного движения»[12].

Ула Кастрен принадлежит к партии «активистов», выступающих за активное сопротивление царизму.

В Финляндии, как и в Швеции, Владимир Ильич впервые. Но и с финнами связи у него давние. Едва приступив к изданию «Искры», Ленин принял меры, «чтобы ознакомить русских вообще, и русских рабочих в особенности, с политическим положением в Финляндии и угнетением Финляндии, равно как и с упорной борьбой финнов против деспотизма»[13].

Начало положила его статья «Протест финляндского народа». Осенью 1901 года Ленин предал в ней гласности факты вопиющего нарушения старой финляндской конституции, бесчисленных насилий российского императора — «клятвопреступника с шайкой башибузуков, которая называется царским правительством»[14]. Он включил в статью полный текст адреса Николаю II, подписанного 473 363 финнами обоего пола и всех слоев общества. Адреса, названного Лениным «поистине *голосом всего народа*»[15]. В нем выражался решительный протест против шовинистической политики царского правительства.

Из Мюнхена Ленин следил за тем, как развивались в Финляндии события. Его внимание привлекало все, что сообщала о ней зарубежная печать. Прочитав в журнале «Финландише Рундшау» статью «Панрусская теория и финляндская политика», он тут же набросал о ней библиографическую заметку. Из другого журнального выпуска выписал статьи и книги о Финляндии, с которыми намерен был непременно познакомиться.

В Лондон ему доставили из Финляндии корреспонденцию, содержавшую новые свидетельства «дикого произвола российского самодержавия». Она решительно отвергала домыслы царских властей, утверждавших, что в Финляндии одна интеллигенция «недовольна новыми порядками», а «низшие классы будто бы благодарны монарху». И Ленин опубликовал эту корреспонденцию в двадцать втором номере «Искры».

К защите национальных прав финляндского народа звала и статья Ленина «Политическая борьба и политиканство». Ее также напечатала «Искра». Она обнажила подлинную сущность новых царских указов, добивавших «последние остатки финляндских свобод», превращавших Финляндию «в одну из многих бесправных и униженных русских провинций» [16].

Ленин запрашивал однажды Ф. Дана: «Что и как с финляндскими путями?» [17]

«Финляндскими путями», наряду с другими, в Россию доставлялась «Искра».

Нередко к ее агентам шли сообщения, подобные тому, что послала в Петербург Крупская: «Литература (5 пудов): номера 25 и 26 и новинки отправлены сегодня по указанному Вами адресу в Финляндию» [18]. И партии «Искры» не только переправлялись дальше, в Питер. Экземпляры многих номеров здесь оседали. Их читали. Передавали из рук в руки. А поступавший из Стокгольма еженедельник «Фриа урд» комментировал то, что писала «Искра» о Финляндии.

За положением в Финляндии Ленин следил и тогда, когда редактировал газету «Вперед», а затем «Пролетарий».

Он знал из поступавших к нему писем, статей, корреспонденций: весь 1905 год бурлила Финляндия. Бурлила с того январского дня, когда здесь, в Гельсингфорсе, по улицам которого ведет его сейчас Ула Кастрен, распространялась листовка: «Финляндский народ и особенно его рабочий класс настоящим заявляют о своем присоединении к титанической борьбе, начатой русскими братьями.

Долой соглашательские происки с палачом народа Николаем II и его правительством негодяев! Долой рабство! Свободу народу! Да здравствует революция!» [19].

В Женеву к Ленину поступали самые точные сведения о размахе революционной волны в Финляндии. Там узнал он, что сразу после Кровавого воскресенья в Петербурге отряды конной полиции обрушились на манифестантов и в Гельсингфорсе. Демонстрации протеста состоялись в Таммерфорсе, Або, Котке, Лахти... И Ленин писал: «Бастует Финляндия» [20]. Сообщал к концу Всероссийской политической стачки: «Неприятель отступил всего более на одном из флангов (Финляндия)...» [21]

А в последнем номере «Пролетария», вышедшем уже тогда, когда находился Владимир Ильич в Стокгольме, воздал он должное героизму, стойкости финского народа. Тех, кто всеобщей забастовкой принудил царя к отмене прежних указов, попиравших основные законы, политические права финляндцев.

Когда царское самодержавие снова перейдет в поход против

свободы, самостоятельности Финляндии, Владимир Ильич напомнит о поучительном опыте совместной борьбы финского и русского пролетариата в революции 1905—1907 годов. Напомнит, что именно это позволило финскому народу «создать под боком у черносотенного царя одну из самых демократических конституций всего мира, создать свободные условия для организации рабочих масс Финляндии, неуклонно стоящих на стороне социал-демократии», «обеспечить себе несколько лет свободы и мирного развития» [22].

Он заявит со страниц «Социал-демократа»: «Только тогда вздохнула свободно Финляндия, когда российский рабочий класс поднялся гигантской массой и тряхнул русским самодержавием. И только в соединении с революционной борьбой масс в России может искать теперь финляндский рабочий путь к избавлению от нашествия черносотенных башибузуков» [23].

Владимир Ильич напишет это майским днем 1910 года...

А сейчас — ноябрь 1905-го. И в Гельсингфорсе все говорит Ленину о революционном накале, о победе, только что одержанной финским народом.

Ула Кастрен ведет Владимира Ильича на Виронкату. Здесь в старинном каменном доме живет брат Улы — Гуннар, доцент университета, тоже «активист». На его квартире останавливается Владимир Ильич. И сюда вместе с Бурениным поздно вечером приходит к нему Смирнов.

Это их первая встреча. Хотя с Владимиром Мартыновичем знаком Ленин не один уже год. С той поры, как стали писать в Мюнхен агенты «Искры»:

«Накопилось много материалу по [Финляндии]*. Ответьте, пожалуйста, в следующем письме, что для Вас будет лучше: или прислать Вам материал о Финляндии, или же сам тот, кто это предлагает, пусть составит статью. Сам он согласен на то или другое» [24];

«Один господин предлагает составить статью о Финляндии или же передать Вам материал для таковой [его корреспонденцию о Финляндии при этом посылают]...» [25]

«Одним господином», тем, кто предлагал «материал о Финляндии», чью «корреспонденцию о Финляндии» переслали в «Искру», и был Смирнов.

Он писал всегда отсюда, из Гельсингфорса, где живет давно, преподавая русский язык. Связи у него обширнейшие, особенно среди местных социал-демократов.

Ленин отправляется со Смирновым в одну из гостиниц. Там

* Восставовленвое в квадратных скобках в тексте документа пропущено.

собрались деятели рабочего движения. Они обсуждают итоги всеобщей забастовки финляндских трудящихся.

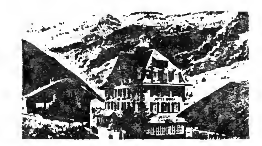
Среди тех, кого застает Ленин,— секретарь партии Юрье Сирола. Мы узнаем из его записок: «Со Смирновым был незнакомый человек, оказавшийся Лениным... Я с ним беседовал довольно долго. Говорили о забастовке, о социал-демократической партии и вообще о рабочем движении в Финляндии. Подробности разговора из памяти исчезли, но одно впечатление от беседы с ним осталось навсегда. Я чувствовал, что в разговоре с этим человеком невозможно обойтись одними фразами. Он так ставил вопросы и так смотрел на собеседника, что ему приходилось рассказывать все, как есть» [26].

Позади остаются три прожитых в Гельсингфорсе дня.

И Ленин снова в поезде...

Часть
вторая

ПЕРЕД БУРЕЙ

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ГРАНИЦЫ

В Питере Ленин убеждается в том, что обстановка накалена здесь до предела. Известно ли это социал-демократам Запада? Знают ли они, что на самом деле происходит сейчас в России?

К сожалению, далеко не всем западным социалистам понятен подлинный смысл русских революционных событий. Ведь снабжают их своей информацией оставшиеся за границей Плеханов, Аксельрод. А из самой России с оппортунистическими деятелями социал-демократических партий Запада поддерживают интенсивные связи меньшевики. И не случайно в числе сотрудников «Начала» — только что основанной петербургской легальной меньшевистской газеты — оказалось так много лидеров международного социалистического движения.

Ленин напишет вскоре в «Новой жизни»: «Противники революции в России уже входят в заговоры с Вильгельмом II, со всякими мракобесами, насильниками, солдафонами и эксплуататорами в Европе против свободной России. Не будем и мы забывать о том, что полная победа нашей революции требует союза революционного пролетариата России с социалистическими рабочими всех стран» [1].

Владимир Ильич обращается к Лядову, не раз выполнявшему ответственные его поручения:

— Очень важно убедить, если не всех, то хотя бы Каутского, Меринга, Розу Люксембург, Геда, Лафарга, чтобы они внимательно отнеслись к тому, что у нас творится, чтобы они поняли характер нашей революции. Вы должны сейчас же поехать. Вы умеете быстро передвигаться, в 2—3 недели повидаете всех и вернетесь... У Никитича * все готово, он даст деньги, есть у него готовый паспорт [2].

И с первым поездом Лядов отправляется за границу.

В Берлине он прежде всего навещает Каутского. Подробно рассказывает, как развивается в России революция. О настроении

---

* Партийный псевдоним Л. Красина.

крестьян, об их выступлениях против помещиков, о недавней всеобщей забастовке.

То, о чем узнает Каутский от посланца Ленина, расходится с тем, что сообщали ему до сих пор.

— Да, ваша революция совершенно не похожа на наш 1848 год,— признает он,— у вас крестьянство будет играть большую революционную роль. Не правы Плеханов и Аксельрод в нападках на Ленина... Я жалею, что не умею читать по-русски, теперь это так необходимо, недаром Маркс уже стариком взялся за русский язык...

О своей беседе Лядов пишет Ленину. Лидер немецких социал-демократов, сообщает он, оценивает сейчас движущие силы русской революции так же, как и Владимир Ильич. Но страшится, видимо, ленинских выводов — и о подготовке вооруженного восстания, и об отношении к буржуазной оппозиции.

Иное дело — Карл Либкнехт.

— Ведь это настоящая работа, а не то, что мы здесь делаем,— восклицает он, выслушав Лядова.— Скучно у нас здесь. Вся эта адвокатская и парламентская работа... Мы становимся какими-то чиновниками...

Его особенно интересует, как готовят большевики рабочих к вооруженной борьбе. Он подробно расспрашивает об агитации в войсках. Возмущается, что германская партия строжайше запрещает антивоенную работу в казармах.

— Надо использовать опыт русских,— убежден Либкнехт.

Две недели спустя, когда Лядов возвращается в Питер, Владимир Ильич узнает, что и Георг Ледебур — член рейхстага от германской социал-демократии подробно расспрашивал о русской революции. А октябрьская забастовка в России произвела на него колоссальное впечатление. Побудила пересмотреть свои прежние взгляды на социал-демократическую тактику.

— К этому,— сообщает Лядов Ленину,— в Германии пришли и многие рядовые социал-демократы.

В Лейпциге на встречу с русским большевиком Франц Меринг собрал четыре десятка рабочих. И раньше интересовались те российскими делами. И раньше выражали надежду, что с царским самодержавием будет покончено. Совсем еще недавно читали они в «Лейпцигер Фолькскцайтунг», что «необъятный колосс царской империи повержен к ногам революционного пролетариата», что «старая Россия кряхтит и стонет под могучими ударами революции» [3].

Они сказали Лядову:

— Должно быть, ваши меньшевики похожи на немецких бернштейнов. А с ними нечего считаться. Большую ошибку делают

паши старики Бебель и Зингер, что оставляют в рядах партии всякую дрянь, которая мешает настоящей классовой революционной работе...

Но в эту свою поездку слышал Лядов и иное. И не только в Германии. В Вене Адлер, один из скатившихся к реформизму лидеров австрийской социал-демократии, негодовал:

— Почему вы не удовлетворились манифестом 17 октября? Почему вы тащите рабочих на дальнейшую борьбу? У вас в России единственный умный человек — это Петр Струве. Он и его партия знают, что им нужно. А вы не знаете! Мы не мечтаем об общем избирательном праве, а вам сразу подавай демократическую республику и все свободы. Без этого вы не обойдетесь. Это все ваш Ленин виноват...

Не предполагает Адлер, что пройдет совсем немного времени и он вынужден будет прислушаться к голосу своих, венских рабочих. Заставят они и его самого, и его партию возглавить всеобщую политическую забастовку, потребуют добиваться в Австрии всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права. И, солидаризируясь с ними, заявит «Новая жизнь», что демонстрация в Вене в пользу всеобщего избирательного права, митинги и уличные столкновения в Австрии — это «прямые отголоски московских и петербургских событий». Укажет на общую цель, идейно объединяющую рабочих всех стран. С удовлетворением отметит, что «теперь могучее орудие — международная солидарность и взаимная поддержка — переходит в руки рабочих партий» [4].

Все, что узнаёт Ленин от Лядова, проясняет обстановку. Радует, что некоторые западноевропейские социал-демократы согласились сотрудничать в большевистской «Новой жизни», которую он уже фактически возглавил. Она, по существу, превратилась теперь в центральный орган партии. Из номера в номер пропагандирует идеи пролетарского интернационализма.

Еще в мае, в Женеве, Ленин писал: лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стал лозунгом не одних лишь социал-демократических партий разных стран.

Он заявил тогда: «Этот лозунг все больше воплощается как в объединении тактики международной социал-демократии, так и в создании организационного единства среди пролетариев различных национальностей, борющихся за свободу и социализм под игом одного и того же деспотического государства» [5].

И спустя несколько месяцев лозунг, который Ленин называет великим,— в заголовке одной из статей «Новой жизни». Опубликована она в тринадцатом номере, открывающемся передовой статьей, написанной Лениным. Статья — о глубоком смысле этого лозунга, о том, что в строжайшем, безусловном соответствии с

ним должна осуществляться деятельность всех социал-демократических партий...

Ленин определяет в своих работах политику, конкретные действия большевиков, ссылаясь, как и прежде, на «опыт борьбы рабочего класса во всех странах», сопоставляя проблемы российской революции с теми, которые в разное время решали «пролетарии-социалисты Европы и Америки»[6].

Что может дать революция крестьянству? — вопрос, с которым не считаются, важность которого не замечают даже искренние друзья крестьянства.

Ленин пишет о заблуждении, которому подвержены многие в западных странах,— о «социализации» земли без социализации капитала, о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства. Опасность такой ошибки подтверждается опытом борьбы международного рабочего класса, ошибки, которую зарубежные пролетарии-социалисты в конце концов признали.

Какими должны быть Советы? — и вокруг этого вопроса идет борьба.

Уже через несколько часов после возвращения в Россию Ленин подтвердил то, о чем писал из Швейцарии. Он заявил на заседании Петербургского комитета: Советам не следует подменять партию, но должны работать они под ее руководством. И призывает со страниц «Новой жизни»: «Вспомните пример таких стран, как Англия, где классовая борьба пролетариата с буржуазией идет везде и шла всегда, причем пролетариат все же оставался разрозненным, его избранники подкупались буржуазией, его сознание развращалось идеологами капитала, его сила распылялась отпадением аристократии рабочих от рабочей массы. Вспомните все это, товарищи рабочие, и вы придете к убеждению, что только социал-демократический пролетариат есть пролетариат, сознавший свои *классовые* задачи. Долой беспартийность! Беспартийность всегда и везде была орудием и лозунгом буржуазии»[7].

Ленин развивает эту мысль в двух номерах «Новой жизни», в статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность». Он утверждает, что буржуазия не может не тяготеть к беспартийности, ибо «отсутствие партий среди борющихся за свободу буржуазного общества означает отсутствие новой борьбы против этого самого буржуазного общества». А ведущий «беспартийную» борьбу за свободу не сознает буржуазного характера этой свободы. «Беспартийность,— заявляет Ленин,— есть равнодушие к борьбе партий»[8]. И снова ссылается на опыт Запада: «Кто равнодушен в современной Европе к господству буржуазии, тот молчаливо поддерживает буржуазию»[9].

А о том, что меньше теперь «в современной Европе» равнодушных, что всколыхнула их российская революционная волна, говорят не только недавние встречи посланца Ленина с немецкими, австрийскими, французскими социал-демократами. О том свидетельствует широкое движение пролетариев Германии за всеобщее избирательное право и другие демократические права. Подтверждает волна собраний и митингов солидарности с участниками Всероссийской октябрьской политической стачки во Франции, в многонациональной Австро-Венгрии.

Об этом отовсюду сообщают и те, с кем еще в Женеве условился Владимир Ильич о сотрудничестве в большевистской газете. «Самоотверженная борьба русского революционного пролетариата передается, как электрический ток, пролетариату других стран...— приходит к заключению «Новая жизнь».— Стачки и демонстрации распространяются, как пожар, из одного государства в другое...» [10]

Агенты охранки не могут обнаружить соблюдающего строжайшую конспирацию Ленина. Но через своих петербургских знакомых его все же отыскивает американский публицист, убежденный социалист Вильям Уоллинг. Он сочувствует русской революции. Намерен рассказать соотечественникам правду о поразивших мир событиях в России. И хочет, конечно, услышать, что думает о них лидер большевиков.

Уоллинг сообщит в своей книге, которую в 1908 году издаст в Нью-Йорке: «Я встретился с человеком, который сейчас, вероятно, самый популярный вождь в России. Это — Ленин. Он понимает, что капиталисты других стран сознательно делают все, чтобы помешать революции в России, любой ценой не дать ей развиваться, так как чувствуют, что самый ее характер, то, во что она выльется, окажет воздействие на их собственные правительства. Все суждения Ленина основаны на глубоком знании экономической и политической ситуации не только в России, но и в других странах» [11].

Подходит к концу 1905 год...

Вместе с Надеждой Константиновной Владимир Ильич нелегально покидает Петербург. Он отправляется в глубь Финляндии. В ее крупнейший пролетарский центр, где немало фабрик, заводов, где есть крепкая социал-демократическая организация. Туда, откуда еще шесть лет назад начальник жандармского управления доносил: «Таммерфорс — город, полный фабричного, крайне беспокойного рабочего люда, постоянно волнуемого разными наезжими агитаторами, а потому крайне разнузданного и дерзкого» [12].

Сюда прибывает 41 делегат от 26 организаций. И в одном из залов городского Рабочего дома открывается конференция боль-

шевиков. В условиях, когда революция набирает силы, предстоит заслушать товарищей из разных мест России, обсудить организационный отчет Центрального Комитета, доклады о текущем моменте, об объединении РСДРП и реорганизации партии, об аграрном вопросе, об отношении к Государственной думе.

Руководит конференцией Ленин. «С каким подъемом она прошла! — много лет спустя с волнением вспомнит Крупская.— Это был самый разгар революции... Раз вечером мы были на финском массовом собрании, происходившем при свете факелов, и торжественность этого собрания соответствовала целиком настроению делегатов» [13].

А однажды в зал входят финны. Их четверо — Юрье Мякелин — редактор социал-демократической газеты «Кансан Лехти», Матти Вуолукка, Лео Лаукки, Тимо Корпимаа. Делегация представляет социал-демократов Финляндии. Она приветствует русских революционеров и высказывает надежду, что с их приходом к власти Финляндия обретет независимость.

И здесь, в Таммерфорсе, Ленин начинает день с чтения газет. В них — новости все более волнующие. Они свидетельствуют, что напряжение в России растет с каждым часом. И вот, наконец: «У Ленина сияют глаза, только что газеты,— вспомнит П. Куделли,— принесли известие, что московские рабочие дерутся на баррикадах» [14].

Конференция спешно завершает работу: надо быть там, где идут бои, немедленно разъехаться по местам.

Внизу делегатов ждут финские рабочие. Они просят спеть на прощание революционные песни. Что — «Марсельезу», «Варшавянку»? Нет — «Интернационал», предлагает Ленин. Владимир Ильич, убежден делегат К. Старцев, этим «подчеркнул для финских рабочих идею интернациональной общности социал-демократического движения...» [15].

Куоккала, где вскоре Ленин будет укрываться от преследований царизма,— всего в сорока километрах от Петербурга. Но и это — Финляндия. Ограничена тут власть царской полиции, глава которой «полагал бы необходимым» подвергнуть Ленина «безусловному содержанию под стражей» [16].

Крупская расскажет спустя много лет: «Неуютная большая дача «Ваза» давно уже служила пристанищем для революционеров... Ильичу отвели комнату в сторонке, где он строчил свои статьи и брошюры и куда к нему приезжали и цекисты, и пекисты, и приезжие из провинции. Ильич из Куоккалы руководил фактически всей работой большевиков» [17].

Из Куоккалы, уже после поражения в Москве вооруженного

восстания, обращается Владимир Ильич к социал-демократам с самыми злободневными вопросами:

— Каково положение демократической революции в России: разбита ли она или мы переживаем лишь временное затишье?.. Или революционное движение в общем и целом идет не на убыль, а продолжает подниматься, подготовляя новый взрыв, копя в затишье новые силы, обещая за первым неудачным восстанием второе, имеющее несравненно больше шансов на успех? [18]

Нельзя отделываться от этих вопросов общими фразами, пустыми абстракциями. Ленин ссылается на Маркса, на то, как оценивал он перспективы революции 1848 года после ее подавления.

«Такая ссылка,— заявляет Владимир Ильич,— тем более может быть полезна, что у нас наблюдается ряд признаков такого же и даже еще более резкого разделения буржуазии на реакционную и революционную,— разделения, отсутствовавшего, напр., в великой французской революции. В сущности говоря, и поставленные нами выше коренные вопросы о положении русской революции можно формулировать, применительно к аналогии с Германией (разумеется, в том условном и ограниченном смысле, в каком только и допустима вообще историческая аналогия), такими словами: 1847 или 1849 год? Переживаем ли мы (как Германия в 1847 году, когда созывалась и была созвана немецкая госуд. дума, так назыв. соединенный ландтаг) концы высшего подъема революции, или мы переживаем (как Германия в 1849 году) концы окончательного истощения революции и начало серых будней куцей конституции?» [19]

Ежедневно доставляют Ленину газеты. И однажды он обнаруживает в них статью Каутского. Конечно, в русском переводе та появилась не без цензурных искажений, но ясно, что не уходит Каутский от трудных вопросов. Он ставит их в упор, сопоставляет поражение рабочих в Москве с июньским 1848 года поражением парижских рабочих, исследует объективные данные, которые помогут решить вопрос, потерпела ли русская революция окончательное поражение.

«Он не поет отходной восстанию...— убеждается Владимир Ильич.— Он не брюзжит по поводу неудачи... Он исследует, как пролетариат *учится* восстанию» [20]. Владимир Ильич делает из статьи выписку об уроках московского восстания; о том, как будет, по мнению Каутского, развиваться русская революция: «...Если в настоящее время нельзя еще определенно предсказать грядущих форм борьбы, то все признаки свидетельствуют о том, что мы необходимо должны ждать дальнейших битв, что теперешн-

нее мрачное (унхеймлихе) спокойствие есть лишь затишье перед бурей» [21].

Владимир Ильич считает, что Каутский правильно оценивает перспективы нынешней демократической революции в России. Он отводит его взглядам несколько страниц в статье «Русская революция и задачи пролетариата», публикуемой в новом нелегальном органе большевиков — «Партийных известиях». Ленин разбирает в статье основные вопросы, которые предстоит обсудить на IV (Объединительном) съезде РСДРП. Он призывает большевиков отстаивать на съезде свою тактическую платформу: признать демократическую революцию продолжающейся, поставить на первый план задачу завершения ее, развивать и применять на деле лозунг восстания, провозгласить гражданскую войну и клеймить беспощадно всякие конституционные иллюзии.

Но где провести этот съезд? В России — исключено. Удобнее всего в Стокгольме.

Под именем доктора Вебера Ленин отправляется в Гельсингфорс. Оттуда при содействии финских товарищей легче будет наладить связь со шведскими социал-демократами, договориться о помощи в проведении съезда.

Он останавливается на Вуоримиехенкату, в комнате, снимаемой молодыми финскими социал-демократами Северe Аланне и Вяйне Хаккила...

С. Аланне: «Этот скромный и очень нетребовательный «Вебер» вскоре произвел на нас сильное впечатление своим глубоким знанием людей и необыкновенной способностью возбуждать доверие и восхищение. Очень скоро мы, два молодых социалиста, поняли, что этот человек знал больше о социализме, чем мы, вместе взятые. Но несмотря на это, он вел себя с нами, как равный, и никогда не подчеркивал, что стоит гораздо выше нас как по своим знаниям, так и по способностям» [22].

В. Хаккила: «Нам сказали, что из России приедет один партийный товарищ, которому необходимо подготовить безопасное жилье, так как жандармы его особенно сильно преследуют... Не прошло и нескольких дней, как мы обнаружили, что у нас не совсем обычный гость. Разговаривая с ним, мы заметили, что он был превосходно осведомлен о политических событиях Европы и, более того, удивительно хорошо знал также и финляндские дела» [23]...

И снова, апрельским днем, под чужим именем, появляется в Стокгольме Ленин.

Шведские социал-демократы отводят русским Народный дом. Лидер социал-демократической партии Швеции Брантинг выступает перед делегатами с приветственной речью. Но, ссылаясь на

условия строжайшей конспирации, в которых проходит съезд, старается не допустить его участников к шведским пролетариям.

Сердечнее принимает российских революционеров левая оппозиция социал-демократической партии. И через них удается все же делегатам побеседовать с рабочими Стокгольма.

Шестнадцать дней заседает съезд. Еще до открытия назвали его объединительным, ибо предстоят решительные схватки с самодержавием. И перед ними революционные силы России должны быть объединены под знаменем марксизма.

Но крупнейшие большевистские организации понесли уже тяжелые потери. Не всем удалось прислать в Стокгольм своих делегатов. Поэтому значительно больше на съезде меньшевиков, с которыми ведут большевики незатухающие сражения.

И тут меньшевистские речи наводят Владимира Ильича на мысли о Бернштейне. Не случайно ведь зовет он его «немецким меньшевиком» [24]. Оппортунизм Бернштейна ничем, по существу, не отличается от оппортунизма тех, с кем большевики ведут в Стокгольме жаркие споры. Это он в начале года чернил на страницах «Социалистише Монатсхефте» русскую революцию, обрушился на порожденную ею «революционную романтику» в германском рабочем классе.

Ленин напоминает делегатам, что вся громадная масса либерально-буржуазных газет, вплоть до октябристского «Слова» *, самым усердным образом — так, как делает это печать и в отношении Бернштейна,— расхваливает теперь Плеханова!

Тот отрицает эти упреки:

— Бернштейна хвалила буржуазия не за то, за что она хвалит меня. Бернштейна хвалили за то, что он сдавал буржуазии наше теоретическое оружие — марксизм. А меня хвалят за тактику. Ситуация не та [25].

Ленин отметает «доводы» Плеханова:

— Не за теорию только хвалила Бернштейна буржуазия, и даже собственно вовсе не за теорию. Буржуазии плевать на все теории. Буржуазия хвалила немецких с.-д. правого крыла за то, что они указывали иную *тактику*. За тактику хвалили их. За тактику реформистов в отличие от тактики революционной. За признание главной или почти единственной борьбой — борьбы легальной, парламентской, реформистской. За стремление превратить социал-демократию в партию демократически-социальных реформ. Вот за что хвалили Бернштейна. Его хвалили буржуа за *притуп-*

---

* Газета «Союза 17 октября» — контрреволюционной партии промышленной буржуазии и крупных помещиков.

ление противоречий между трудом и капиталом в эпоху накануне социалистической революции [26].

Пройдет всего лишь месяц. В «Невской газете» — ежедневном легальном органе меньшевиков — появится статья Л. М. «Либеральные похвалы». Л. М.— это Л. Мартов. Он сделает еще одну попытку доказать, что буржуазия хвалит правых социал-демократов, как истинных социал-демократов. А ругает левых социал-демократов только потому, что боится анархистов. В большевистской «Волне» Ленин высмеивает эту «прямую насмешку над истиной» [27]. Неужели автор статьи, повторит он сказанное в Стокгольме, не знает, что буржуазия хвалила бернштейнианцев в Германии и мильеранистов во Франции за их оппортунизм, за притупление ими противоречий в острой борьбе? Неужели именно их склонен тот считать истинными социал-демократами?

И здесь, на съезде, на разных с меньшевиками позициях стоит Ленин и в оценке возможностей социал-демократического движения на Западе.

Он решительно заявляет:

— У нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе, и в этом отношении не надо упускать из виду, что классическая буржуазная революция в Европе, именно великая французская революция XVIII века, происходила совсем не при такой международной обстановке, при какой происходит русская революция. Франция конца XVIII века была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией.

Ленин напоминает, как энергично пролетарский Запад откликнулся на недавние события в России:

— Если такие сравнительно ничтожные явления, как обещание свободы в России царем 17-го октября, дали уже большой толчок движению пролетариата в Западной Европе,— если достаточно было австрийским рабочим получить телеграмму из Петербурга о пресловутом конституционном манифесте, чтобы заставить их сразу выйти на улицу, чтобы привести к ряду демонстраций и военных столкновений в крупнейших промышленных городах Австрии, то можно представить себе, как поведет себя социалистический международный пролетариат, если вести из России принесут ему не обещание свободы, а действительное осуществление ее [28].

Ленин пишет о том и в «Обращении к партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции «большевиков». Оглашает его тут же, в Народном доме, на совещании

делегатов-большевиков от Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода, Баку, Харькова, Уфы, других городов. Они собрались еще раз, прежде чем покинуть Швецию.

В «Обращении» говорится о будущем великой российской революции, о ее международном значении, о том, что полная победа народного восстания не только освободит Россию от всех старых пут, но и откроет эпоху социалистических революций на Западе.

В «Обращении» подводятся итоги IV (Объединительного) съезда. Сообщается, что перед грозными, решающими событиями великой российской революции организационно слились обе части партии — большевистская и меньшевистская. Объединились с нею и национальные социал-демократические партии России. Это большое достижение. Но меньшевики воспользовались своим численным преимуществом на съезде и вопреки протестам большевиков провели ряд ошибочных решений. Ленин призывает не замалчивать того досадного факта, что съезд не выполнил всех стоявших перед ним задач.

Пока заседают посланцы российской социал-демократии, ни о самом съезде, ни о том, что проходил он в самом центре Стокгольма, в шведской прессе нет ни строчки. Молчит даже «Социал-демократен», из номера в номер с симпатией пишущий о борьбе пролетарских масс России против царизма. Лишь сутки спустя после закрытия съезда публикует газета небольшую заметку:

«Форвертс» сообщает: состоялся IV съезд русской социал-демократической партии. Он проводился за границей, и его заседания проходили закрыто. Мы не можем сообщить что-либо подробнее, только скажем, что представители социал-демократических союзов Польши и Латвии, а также социал-демократической партии Литвы участвовали в его работе. Прежде всего пытались достигнуть единства, что считается самым важным для социал-демократических партий России».

Под заметкой, в целях конспирации, сделана пометка: «Где-то в Швейцарии» [29]. Так отводятся подозрения от Стокгольма, где еще находятся делегаты съезда. Местные власти даже не подозревают, кто на самом деле в течение шестнадцати дней собирался в Народном доме.

Только через четыре недели, 9 июня, сообщает «Социал-демократен» шведам некоторые подробности о съезде, подчеркивая, что «он был посвящен вопросам тактики в предстоящей всемирной борьбе» [30]. Сообщает и то, что вызывает бурю в буржуазной прессе, растерянность в правительственных кругах: съезд Российской социал-демократической рабочей партии собирался, оказывается, не «где-то в Швейцарии», а в самом центре Стокгольма.

«ЛУЧШАЯ ПОЛИТИКА — ОТКРЫТАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЛИТИКА»

В конце лета на дачу в Куоккале, куда снова вынужден перебраться Ленин, приезжает Роза Люксембург.

После четырех месяцев тюремного заключения, ежедневных отметок и допросов в варшавском жандармском управлении она самовольно покинула Польшу, нелегально появилась в Петербурге. И здесь встретилась с русскими товарищами. Установила связи с Центральным Комитетом РСДРП, в которую совсем недавно, на съезде в Стокгольме, вошла Социал-демократия Королевства Польского и Литвы.

Почти месяц назад уже виделся Ленин с Люксембург. Было это на Крестовском острове, в доме театрального антрепренера А. Родэ. Здесь собирались руководящие партийные работники-большевики. Обсуждалась тактика партии в обстановке, сложившейся после разгрома I Государственной думы и поражения восстаний в Свеаборге и Кронштадте. Когда меньшевики стали приспосабливаться к потребностям кадетской политики.

О том, что они вносят в ряды рабочей партии путаницу и колебания, своими действиями позорят РСДРП, Люксембург писала Каутскому еще до поездки в Петербург. И здесь, в российской столице, нашла она немало тому подтверждений. Убедилась, что в меньшевистской среде царили теперь «растерянность, дезорганизация и прежде всего путаница в понятиях и тактике» [1].

И вот новая встреча на даче в Куоккале. Беседа с Лениным для нее особенно важна. Ведь Люксембург собирает сейчас материалы о русской революции, которая, писала она Каутскому, без сомнения «велика и могуча» [2]. Еще в июле 1905 года она с восторгом отзывалась о революции в России и в другом письме — к Г. Роланд-Гольст: «Революция развивается по всем правилам, и очень радостно видеть это, понимать и содействовать этому». Она высказывала тогда пожелание, чтобы «все свежие духовные силы всех стран теперь сообща работали для русской революции» с целью удовлетворить возникший в массах «настоящий голод по просвещению, по классовому сознанию». Р. Люксембург стремилась уже тогда «внести хотя бы маленькую крупицу своего вклада» [3].

Она беседует с Лениным о том, что ее особенно волнует: о ближайших задачах и перспективах русской революции; о том, что поучительно в ней для западноевропейского пролетариата; о неизбежности в будущем вооруженных восстаний и в других странах.

«Мое пребывание здесь,— сообщит Люксембург из Куоккала,— для меня очень полезно: в общении с людьми я знакомлюсь с дви-

жением так, как этого нельзя сделать, пользуясь одной только литературой. В таком общении многого можно достигнуть» [4].

Не эта ли беседа с Люксембург всплывет в памяти Владимира Ильича через четырнадцать с лишним лет? В тот холодный октябрьский день 1920 года, когда он будет писать заметку «К истории вопроса о диктатуре». В ней коснется Ленин и давних споров о Советах, о проблемах пролетарской диктатуры — «коренном вопросе современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах» [5]. Большинству деятелей социал-демократических и социалистических партий Запада, которые не смогли в 1905—1906 годах понять международное значение опыта первой народной революции в России, противопоставит Ленин тогда Розу Люксембург, сразу оценившую «значение этого практического опыта...» [6].

И снова узнаем от Крупской: «К Ильичу каждый день приезжал специальный человек с материалами, газетами, письмами. Ильич, просмотрев присланное, садился сейчас же писать статью и отправлял ее с тем же посланным» [7].

7 (20) декабря 1906 года. «Пролетарий» — новый центральный большевистский орган. Его издание Ленин наладил в наиболее безопасном месте, в Выборге. Девятый номер газеты выходит со статьей Владимира Ильича «Кризис меньшевизма». Ленин сообщает о новой, крайне поучительной брошюре, которую привезли ему в Куоккалу. О брошюре Ю. Ларина, с полным на то основанием называвшего себя ответственным представителем меньшевизма и проявившего неприличное для социал-демократа невежество в истории. За плохими примерами Америки и Польши он просмотрел особые формы борьбы российских пролетариев. Ларин чисто по-кадетски противопоставлял «порывы русского варварства европейской планомерности» [8].

Сколько реакционного недомыслия содержит эта только что отпечатанная в Москве брошюра! Ее автор восторженно лепечет, что европейская социал-демократия есть «партия объективно-планомерного политического действия» [9]. «Он не замечает,— высмеивает его Ленин,— что восторгается особенно узким *«действием»*, которым вынуждены были ограничиваться европейцы в эпохи отсутствия непосредственно-революционной борьбы. Он не замечает, что восторгается планомерностью *подзаконной* борьбы и поносит стихийность борьбы *за силу и власть*, определяющие пределы *«подзаконного»*. Он сравнивает стихийное восстание русских в декабре 1905 г. не с «планомерными» восстаниями немцев в 1849 г., французов в 1871 г., а с планомерностью роста немецких профессиональных союзов. Он сравнивает стихийную и неудачную общую стачку русских в декабре 1905 г. не с «планомерной» *и не-*

удачной общей стачкой бельгийцев в 1902 году, а с планомерной речью Бебеля или Вандервельда в рейхстаге» [10].

. Автор брошюры ратует не за партию-авангард, а за партию-арьергард и призывает в нее тех, кто «тяжеле на подъем», с тем чтобы подорвать «почву под политической авантюрой». «Бывали поражения революции и в Европе, бывали июньские дни в 1848, майские в 1871 годах, но социал-демократов, коммунистов, которые бы видели свою задачу в том, чтобы объявлять «авантюрой» выступления масс в революции,— негодует Ленин,— этого еще не бывало» [11].

Ленин обнаруживает в конце брошюры перевод устава бельгийской рабочей партии. Вот, дескать, убедительный аргумент в пользу созыва рабочего съезда, отвергаемого большевиками на том основании, что этот съезд затемнит якобы различие точек зрения пролетария и мелкого хозяйчика! «Добрый Ларин,— с иронией замечает Ленин,— забыл перевести в Россию промышленные условия и историю Бельгии. *После* ряда буржуазных революций, *после* десятилетий борьбы с мелкобуржуазным квазисоциализмом Прудона, *при* гигантском, едва ли не высшем в свете, развитии промышленного капитализма,— рабочий съезд и рабочая партия в Бельгии были переходом от непролетарского социализма к пролетарскому» [12].

10 (23) декабря. Товарищ из Петербурга доставляет «Нейе Цайт». Тот номер теоретического журнала Германской социал-демократической партии, в котором помещена заключительная глава брошюры Каутского. Глава эта — о движущих силах и перспективах русской революции. «Ознакомиться с ней,— убеждается Владимир Ильич,— безусловно необходимо всем социал-демократам...». Ибо «Каутский замечательно логично рассматривает *основы* всей с.-д. тактики в буржуазной российской революции» [13].

А коли так, надо сообщить о новой работе Каутского в «Пролетарии». И Владимир Ильич пишет о ней статью. Обстоятельно рассказывает, как, отвергнув оппортунистические взгляды на характер и перспективы русской революции, лидер немецких социал-демократов решает коренные вопросы тактики пролетариата, как оценивает он особенности революции в России. «То, на что мы претендовали,— отстаивание позиции революционной социал-демократии против оппортунизма, отнюдь не создание какого-то «оригинального» большевистского направления,— Каутский подтвердил вполне,— отмечает Ленин,— и это подтверждение тем ценнее, что оно дано изложением *существа дела,* а не простым генеральским «одобрением» той или иной фракции» [14].

Но пройдет совсем немного времени, и отступит Каутский от нынешних своих взглядов. Он признается в письме Плеханову:

«В скорое возобновление русской революции я не верю, разве если бы присоединились совершенно неожиданные обстоятельства»[15]. И возражая тем, кто стоит на подобных позициях, Ленин категорически заявит, «что буржуазная революция в России не закончена», что «Россия идет к *революционному* кризису»[16].

Позднее 27 декабря 1906 года (9 января 1907). В Петербурге в издательстве «Новая дума» должна выйти брошюра Вильгельма Либкнехта «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений!». Она представляет для России особый интерес сейчас, накануне выборов во II Думу. И Ленин указывает на это в предисловии, которое пишет к русскому изданию.

Он обращает внимание на поучительные рассуждения Либкнехта, остающиеся необычайно злободневными, если перевести их на язык русской политики, и в конце 1906 года, на то, как расценивал Либкнехт хотя бы предательство либерализма. Об этом оппортунисты считают теперь бестактным даже упоминать. «Когда ему говорили о борьбе либеральной буржуазии с реакцией,— сообщает русскому читателю Ленин,— он отвечал разбором того, *как* она боролась. И он показывал — в предлагаемой брошюре и во многих других статьях — что немецкие либералы (совсем как наши кадеты) «предают свободу», что они сближаются с «юнкерами (помещиками) и духовенством», что они не сумели быть революционными в революционную эпоху»[17].

Ленин призывает рабочих: внимательно читайте брошюру Вильгельма Либкнехта. Построже проверяйте тех, кто толкает вас на гибельные для пролетариата, для дела свободы соглашения с кадетами...

Он шлет с дачи «Ваза» статью за статьей. Многие — о созываемой в скором времени новой, II Думе, идущей на смену той, которую минувшим летом распустили царские власти.

— Какова тактика революционной социал-демократии России в нынешней избирательной кампании? — на Западе это интересует многих.

И о том интервью Ленина сотруднику «Юманите» Этьену Авенару.

— Уже давно,— сообщает Ленин французскому журналисту,— либеральные газеты живо обсуждали вопрос об избирательной тактике. Они боялись, что социалисты будут действовать независимо от них и организуют массы, без и против них, вокруг революционного знамени. Они громили большевиков, которые последовательно квалифицировались как «сектанты, догматики, бланкисты, анархисты и пр.», но они хотели провести кампанию совместно с другими революционными партиями, установить с ними общий избирательный список. В их руках находятся самые больше

газеты Петербурга: им легко было заставить себя услышать. Большевики же имели в своем распоряжении только свой нелегальный орган «Пролетарий» [18].

Через «Юманите» Ленин намерен развенчать в глазах французских социалистов предательскую, оппортунистическую тактику меньшевиков в избирательной кампании. Разъяснить им, что эта тактика вытекает из неверия меньшевиков в силы рабочего класса, крестьянских масс. Сообщить, что в нынешней обстановке большевики отказались от бойкота Думы, что они намерены использовать и эту арену борьбы.

Еще не так давно «Юманите» приветствовала российскую революцию. Не раз выражала она солидарность французского народа «с русской нацией, творящей свой 89 год» [19]. И, получив «Интервью гражданина Ленина» [20], сразу же опубликует его под рубрикой «В России»...

Интервью Этьену Авенару Ленин дает в те самые дни, когда Каутский и Люксембург предлагают ему сотрудничать в «Форвертс» и «Нейе Цайт». С дачи «Ваза» в Штутгарт в редакцию теоретического журнала уходит пакет с рукописью его статьи «Выборы в Думу и тактика русской социал-демократии». Ленин сообщает в ней о сопутствующих выборам варварских полицейских репрессиях, о полном отсутствии в России свободы печати и собраний, произвольных арестах и высылках, военно-полевых судах. Он пишет и о том, как даже при таких обстоятельствах «стало возможным, что новая Дума вышла гораздо оппозиционней и революционней, чем первая...» [21]

Однажды с прибывшим товарищем Владимир Ильич отправляет в Петербург предисловие к русскому переводу писем К. Маркса и Ф. Энгельса, их друзей и соратников И. Беккера, И. Дицгена, Ф. Зорге и других. Он обращает внимание на то, как творцы «Коммунистического манифеста» определяли задачи борющегося пролетариата применительно к различным этапам национального рабочего движения разных стран. Прослеживает, как оценивали Маркс и Энгельс два течения в социализме — сектантское в англо-американском и реформистское в немецком, как боролись они и против того, и против другого. «В настоящее время,— подчеркивает Ленин,— когда международное рабочее движение проявляет симптомы глубокого брожения и шатания, когда крайности оппортунизма, «парламентского идиотизма» и филистерского реформизма вызвали обратные крайности революционного синдикализма,— в настоящее время общая линия «поправок» Маркса и Энгельса к англо-американскому и немецкому социализму приобретает исключительную важность» [22].

Владимир Ильич выделяет в переписке то, что особенно важно

с точки зрения современных задач рабочей партии в России. Но предостерегает от простого и прямого приложения к российским условиям того, что высказали Маркс и Энгельс в адрес пролетарского движения других стран.

Ленин говорит об уроках, которые должны извлечь для себя из публикуемых писем социал-демократы России. Их преподает, утверждает он, не только то или иное место из переписки величайших людей XIX века, а весь дух, все содержание товарищеской, прямой, чуждой дипломатии критики международного опыта пролетариата.

Уже наступила весна 1907 года.

Опять Владимир Ильич в пути. Через Або ранним утром добирается он до шведской столицы. Оттуда — через пролив в Копенгаген.

Здесь собирается V съезд РСДРП. Необходимость его созыва назрела в условиях спада революции, так как меньшевистский Центральный Комитет, по основным вопросам тактики занимающий оппортунистические позиции, стремится уверить народные массы, что завоевание свободы возможно без вооруженного восстания. «В течение субботы и воскресенья,— сообщает «Берлингске Тиденде»,— в город прибыло около 200 делегатов» [23]. И неожиданно узнают, что отказали им в гостеприимстве местные власти. Под давлением царского правительства запретили социал-демократам России проводить тут свой съезд. «Вчера утром,— информирует 7 мая газета «Социал-демократен»,— господин Альберти * передал через начальника полиции русским, чтобы они немедленно покинули Данию, иначе будут арестованы и высланы в Россию» [24].

Разрешить съезд у себя категорически отказывается также шведское правительство. Отрицательный ответ приходит и из Христиании от властей Норвегии.

У рабочих и социал-демократов скандинавских стран это вызывает глубокое возмущение...

Петер Кнудсен, один из лидеров датской социал-демократии: «Мы сожалеем, что ваш съезд не мог состояться в Копенгагене, и протестуем против того, что наше правительство, высылая делегатов съезда и угрожая отправить их силою в Россию, помешало исполнению вашего желания» [25].

Карл Брантинг, лидер Социал-демократической партии Швеции: «Правительства скандинавских государств, запретив конгресс российской социал-демократии на их территории, обнаружили позорную слабость против притязаний царизма, клонящихся к подавлению свободы. Поведение датского правительства должно

---

* Министр юстиции Дании.

быть осуждено особенно строго всеми честными людьми всех трех государств. Мы считаем своим долгом выразить вам наше возмущение по поводу того, что шведское правительство в известной степени тоже приняло полицейские меры против конгресса. Будьте уверены, что шведский народ ни при чем в этом возмутительном поведении официальной Швеции» [26].

Магнус Нильсен, секретарь Норвежской рабочей партии: «Собрание норвежских социалистов извещает российский социал-демократический съезд, что они протестуют против норвежского правительства, не разрешившего съезду состояться в Норвегии, и шлют съезду свои сердечные пожелания успеха в предстоящей работе...» [27]

Но, несмотря на протесты, запреты остаются в силе и в Дании, и в Швеции, и в Норвегии.

Телеграфом срочно запрашивается представитель рабочей партии в английском правительстве Бернс. После долгих ожиданий приходит дипломатичный ответ, что «английское правительство дает приют всем политическим эмигрантам и не интересуется тем, чем заняты эти эмигранты в Англии, если они не совершают ничего незаконного, запрещенного английским правительством» [28].

Так снова оказывается Ленин в Лондоне, на тех самых улицах, которые знакомы ему еще с давней поры, когда здесь, на берегах Темзы, выходила «Искра».

В Уайтчепеле — одном из беднейших районов Ист-Энда — в социалистическом клубе идет регистрация делегатов. А заседать съезд будет на улице Саутгейт-Род, в районе Излингтон, в церкви Братства, внешне ничем не отличающейся от десятков других зданий британской столицы. Судя по английским газетам, убеждается Владимир Ильич, одновременный приезд сотен русских революционеров не прошел в Лондоне незамеченным. Корреспондент «Морнинг Пост» сообщает, что они произвели на него большое впечатление, и называет их представителями «вершины русской мысли» [29]. «Дейли Миррор» обращает внимание на то, что лишь немногие из них имеют при себе хоть какой-то, достойный внимания, багаж. Сообщает газета и о составе делегатов, большинство которых представляет, по ее словам, «честный рабочий класс». А «Дейли Ньюс» публикует настораживающую телеграмму агентства Рейтер: «Из России в Англию послано значительное количество агентов тайной полиции для слежки за действиями социал-демократов» [30].

Но не только русские шпики следят за делегатами. По просьбе царского посла в Лондоне Бенкендорфа к ним приставлены также опытнейшие агенты Скотланд-Ярда. «Для англичан,— сообщает Лядов,— мы были, конечно, сборищем отчаянных террористов,

которые в любой момент могут бросать бомбы, иначе они не представляли себе нашей революции. Поэтому понятно, что за каждым из нас была установлена самая тщательная слежка» [31].

С самого утра церковь Братства осаждают репортеры. Их не допускают на заседания. И они заполняют блокноты самыми невероятными небылицами. Вроде того, что делегатка, иваново-вознесенская ткачиха — ее портрет появляется в газетах,— не более и не менее, как дочь генерал-губернатора, к тому же «самая страшная в России террористка», за свою короткую жизнь убившая якобы многих губернаторов, других высших чиновников.

То, что газеты сопровождают свои россказни снимками делегатов, вызывает их справедливый гнев. Президиум съезда передает через агентство Рейтер, а «Морнинг Пост» публикует официальный протест. «В России,— говорится в нем,— за одну только принадлежность к социалистической организации человека осуждают на каторжные работы. Поэтому мы надеемся, что английская пресса не будет выступать как союзник русских полицейских агентов» [32].

А в зале церкви, где совершается обычно служба, уже работает съезд.

Сколько раз поднимается на кафедру Владимир Ильич... Говорит горячо. Звучат его речи твердо. В них — веские положения, доказательства того, что должен рабочий класс идти своим путем, быть вождем общенародной борьбы против самодержавия.

— Из опыта других партий,— заявляет Ленин,— мы должны брать не то, что́ принижает нас до уровня того или другого периода серых, рутинных будней. Мы должны брать то, что поднимает нас до общих вопросов, до задач всей революционной борьбы пролетариата в целом. Мы должны учиться у лучших, а не у худших образцов [33].

Вопрос об отношении к буржуазным партиям — один из центральных. Ведь в основе нынешних политических расхождений между большевиками и меньшевиками — различный подход к непролетарским партиям, различная оценка роли либеральной буржуазии и крестьянства в демократической революции, различные взгляды на революционное прошлое Запада.

Уверенно разбивает Ленин «аргументы» своих оппонентов.

Церетели:

— 48-й год научил нас не только тому, что не созрели еще условия для социализма, но и тому, что за свободу нельзя бороться без того или иного союза с буржуазной демократией [34].

Ленин:

— Этот вывод т. Церетели есть чистейший ревизионизм. Напротив, и революция 1848 года и последующий исторический опыт

научил международную социал-демократию как раз обратному, именно: что буржуазная демократия все более становится против пролетариата, что борьба за свободу ведется только там последовательно, где пролетариат руководит ею. Не союзам с буржуазной демократией учит 1848 год, а необходимости высвобождать последние по степени развития слои народных масс из-под влияния буржуазной демократии, неспособной бороться даже за демократию [35].

На одном из заседаний Ленин обращается к делегатам:

— Предлагаю выразить благодарность представителям английской С.-д. федерации за услуги по устройству съезда [36].

Они наблюдают за работой съезда с галереи, оттуда, где размещаются обычно певчие.

Зельде Каган-Коутс доводилось бывать на английских партийных съездах. И на них, вспоминает она, разыгрывались серьезные, яростные споры. Но при всех разногласиях делегаты почти неизменно сохраняли хладнокровие. Если кто-либо и позволял себе острое словцо, он, повинуясь указанию председательствующего, немедленно приносил извинения.

Иное дело, убеждается Каган-Коутс,— съезд русских социал-демократов. Ее поражает страстность выступлений делегатов. И в перерыве Каган-Коутс говорит об этом.

За ее спиной раздается смех. Она оборачивается. Перед нею — Ленин.

— Это верно,— соглашается Владимир Ильич,— ругаемся мы жестоко, не по-парламентски. Но ведь в вашем парламенте ораторы отстаивают не принципы, а свои личные интересы, кто кого перещеголяет в ораторском искусстве. Потому-то они такие вежливые. Мы же боремся за принципы, от которых зависит счастье нашей страны, да и не только ее, от них зависят судьбы всего человечества [37].

Здесь же на галерее, рядом с Каган-Коутс,— Гарри Квелч.

Совсем, кажется, недавно, когда печаталась в Лондоне «Искра», встречался с ним Владимир Ильич. О многом тогда переговорили они в его крошечном кабинетике редактора «Джастис». Всем, чем мог, помогал ему этот энергичный деятель английской социал-демократии.

Председательствующий на заседании Ленин предоставляет Квелчу слово.

Тот поднимается на кафедру. Говорит от имени английских социал-демократов:

— Не только словами, но, как братья, на деле готовы мы помогать вам в вашем великом деле. Правда, сейчас мы не ведем той борьбы за свободу, которая ведется вами, но вспомните, что было

время, когда мы, когда рабочий класс Англии вел такую же борьбу... Мы уверяем вас не только в сочувствии, но и в готовности помогать вам в вашей великой работе... и теперь, и всегда мы будем помогать вам бороться против стремления западноевропейских капиталистов оказать финансовую поддержку русскому самодержавию, этому очагу мировой реакции... [38]

Уже близится к концу работа съезда. Отвергнута капитулянтская тактика меньшевиков. Приняты большевистские резолюции об отношении к непролетарским партиям, об использовании Государственной думы для разоблачения самодержавия и пропаганды революционной программы российской социал-демократии, об отношениях между партией и профсоюзами. Избран новый Центральный Комитет, в котором большинство теперь — сторонники ленинской линии.

Этот съезд станет последним совместным съездом большевиков и меньшевиков. Оставаясь в одной партии, большевики поведут непримиримую борьбу с меньшевиками как с предателями революции. Позднее Владимир Ильич укажет, что «в результате применения правильной тактики меньшевизм все более распадался и распадается у нас, изолируя упорно оппортунистических вождей и переводя в наш лагерь лучших рабочих, лучшие элементы от мелкобуржуазной демократии» [39].

Перед самым закрытием съезда английские либеральные деятели дают банкет в честь русских социал-демократов. Идет на него и Владимир Ильич. И жалеет, что принял приглашение, оказавшись среди одетых по-бальному дам и кавалеров, с любопытством разглядывающих революционеров из далекой России.

— Скорей бы начинали,— с нетерпением ждет он торжественной части.

И пользуется первой же возможностью, чтобы без всякой дипломатии сказать этим «либералам» то, что думает о них.

Вот как передает это в своих записках Лядов: «Он говорил приблизительно так: мы знаем, что вы наши классовые враги, что вы не можете понять нашей пролетарской революции. Но вы, как буржуи и капиталисты, должны быть заинтересованы в победе нашей революции над царизмом, потому что эта победа даст вам возможность в более культурную свободную Россию ввозить гораздо больше товаров, чем сейчас. Вот поэтому в ваших интересах поддержать нашу партию, которая одна может довести революцию до конца...» [40]

Еще несколько дней проведет в Лондоне Ленин. Ему надо поработать в библиотеке Британского музея...

«МЫ ИДЕМ ОДНИМ ПУТЕМ»

Владимир Ильич снова укрывается в Финляндии. А чины департамента полиции, охранного отделения, заграничной агентуры ищут его повсюду...

Не знают они, что вскоре, оставив на время Финляндию, Ленин опять тайком отправляется за границу.

Уже оттуда он пишет Горькому на Капри: «Не упускайте случая посмотреть *за работой* международных социалистов,— это совсем, совсем не то, что общее знакомство и калякание. Следующий конгресс только через три года... Одним словом, приезжайте непременно» [1].

Владимир Ильич зовет Горького в Штутгарт. Здесь созван Международный социалистический конгресс. И Ленин в составе делегации РСДРП.

Впервые участвует Ленин в международном конгрессе. Впервые встречается с теми, кого знает многие годы, с кем давно ведет ожесточенные споры или чьи взгляды поддерживает в своих статьях, книгах, на страницах редактируемых им газет.

И Ленина в Штутгарте впервые видят многие из тех, кто давно наслышан о вожде русских большевиков.

— Взгляни хорошенько на этого человека,— Роза Люксембург обращает внимание Клары Цеткин на оживленно беседующего Владимира Ильича.— Это — Ленин.

Цеткин не выпускает Ленина из поля зрения. Видит, с каким вниманием следит тот за дебатами. В его самообладании и спокойствии отмечает внутреннюю сосредоточенность, энергию.

Спустя много лет, в горестные январские дни 1924 года, вспомнит Цеткин эту первую свою встречу с Владимиром Ильичем на Штутгартском конгрессе: «От его острого взгляда и ясного ума, казалось, не могло ускользнуть ничто, заслуживающее внимания. Мне бросилась в глаза тогда на собрании — как впрочем и всегда впоследствии — самая характерная черта Ленина — простота и сердечность, естественность во всех его отношениях ко всем товарищам. Я говорю «естественность», так как я вынесла вполне определенное впечатление, что этот человек не может вести себя иначе, чем он себя ведет. Его отношение к товарищам — естественное выражение всего его внутреннего существа» [2].

Восемь дней в зале «Лидерхалле» заседает конгресс. Ленин сообщит вскоре о нем в «Пролетарии»: «Состоявшийся в августе текущего года международный социалистический конгресс в Штутгарте отличался необычайным многолюдством и полнотой представительства. Все пять частей света послали делегатов, общее число

которых было 886. Но помимо грандиозной демонстрации международного единства пролетарской борьбы конгресс сыграл выдающуюся роль в деле определения тактики социалистических партий» [3].

Для Ленина это — напряженные дни. Он — на всех заседаниях Международного социалистического бюро, на всех пленарных заседаниях конгресса. Он работает в комиссии по подготовке резолюции о милитаризме и международных конфликтах. Но не ограничивается этим. «18 августа,— сообщается в перехваченном в Петербурге письме из Штутгарта,— местный с.-д. районный комитет устраивает здесь небывалый по грандиозности митинг... Будут 6 трибун, и на каждой по 3 оратора. Будут Бебель, Зингер, Вандервельде, Гайндман и Ленин» [4].

Ленин не выступает на конгрессе. И все же оказывает огромное влияние на то, что происходит здесь в эти восемь августовских дней.

Он видит в зале «Лидерхалле», как идейно разобщены лидеры II Интернационала, как ловко жонглируют они революционной фразой, прикрывая ею ржавчину ревизионизма. И парализует самые явные оппортунистические решения.

Так происходит с проектом резолюции, предложенным Г. Ван Колем. Скатившийся к реформизму и оппортунизму голландский социалист признает, оказывается, «право» цивилизованных народов угнетать народы нецивилизованные, а Бернштейн и Давид его поддерживают, высказываются в пользу признания «социалистической колониальной политики» [5].

Вместе с Розой Люксембург Ленин проводит совещание большевиков, польских и левых германских социал-демократов. Он вырабатывает с ними поправку, точнее — подготовляет новый первый абзац резолюции. В нем утверждается, что «капиталистическая колониальная политика в силу самой своей сущности ведет к порабощению, принудительному труду или к истреблению туземного населения колониальных областей»; что «цивилизаторская миссия, на которую ссылается капиталистическое общество, служит лишь прикрытием завоевательных и эксплуататорских вожделений» [6].

Проект Ван Коля терпит поражение. «Это голосование по колониальному вопросу,— констатирует Ленин,— имеет очень важное значение». Ибо «особенно наглядно разоблачил здесь себя социалистический оппортунизм, пасующий перед буржуазным обольщением» [7].

Так происходит и с проектами резолюции о милитаризме и международных конфликтах. Их — четыре. Отличаются они друг от друга принципиальными оценками. Но даже тот, который пред-

лагает Бебель, убеждается Владимир Ильич, не содержит никакого указания на активные задачи пролетариата.

Ленин договаривается с Люксембург, каких следует добиваться поправок, и ставит под ними свою подпись.

Милитаризм определяется в этих поправках как главное орудие классового угнетения. В них выдвигается задача антимилитаристской агитации среди молодежи, борьбы социал-демократии не только против возникновения или за скорейшее прекращение уже начавшихся войн, но и за использование порождаемых ими кризисов в целях революции.

Поправки удается отстоять на заседаниях подкомиссии. В комиссии по подготовке резолюции о милитаризме и международных конфликтах их активно поддерживают представители Швеции, Голландии, Англии, Румынии. А на заключительном заседании конгресса принимается решение, выдержанное в духе революционного марксизма. «В результате всей этой переработки,— с удовлетворением отмечает Ленин,— вышла резолюция, правда, непомерно длинная, но зато действительно богатая мыслями и точно указывающая задачи пролетариата. В этой резолюции строгость ортодоксального, т. е. единственно научного, марксистского анализа соединилась с рекомендацией рабочим партиям самых решительных и революционных мер борьбы» [8].

Идут последние часы работы конгресса. Оглашается обращение, предложенное делегатами Англии, Австрии, Бельгии, Голландии, Италии, Соединенных Штатов Америки, Франции. «Конгресс констатирует,— говорится в нем,— что русская революция с самого своего начала стала могучим фактором в международной борьбе между трудом и капиталом, и шлет свой братский привет героям-борцам и революционному пролетариату городов и деревень в России с пожеланием успехов в их героической борьбе» [9].

Председательствующий Пауль Зингер — один из вождей германской социал-демократии — обращается к делегатам:

— Принимая во внимание много раз уже выраженные пролетариатом всего мира чувства симпатии к русским братьям, мы, я думаю, и сегодня без прений можем высказать, что мы восхищаемся нашими русскими товарищами как передовыми борцами не только за русскую свободу, но и за освобождение всего мирового пролетариата и от всего сердца желаем им успеха [10].

И поднимается весь зал. Приветствует русских делегатов...

Поезд увозит Владимира Ильича из Штутгарта.

Его сосед по купе — Феликс Кон, польский социал-демократ.

Они обмениваются впечатлениями о только что закончившемся конгрессе.

Нет у Владимира Ильича никаких иллюзий насчет того, как

с хорошей резолюцией о милитаризме и международных конфликтах, как с другими решениями обойдутся лидеры II Интернационала. Опасается, что те не будут их осуществлять.

Уже в Куоккале, на даче «Ваза», куда возвращается Ленин, он пишет: «В общем и целом, Штутгартский съезд рельефно сопоставил по целому ряду крупнейших вопросов оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии и дал решение этих вопросов в духе революционного марксизма. Резолюции этого съезда, освещенные дебатами на съезде, должны стать постоянным спутником всякого пропагандиста и агитатора. Единство тактики и единство революционной борьбы пролетариев всех стран сильно двинет вперед дело, сделанное в Штутгарте» [11].

Владимир Ильич озабочен тем, чтобы узнали массы о штутгартских решениях. РСДРП непременно должна претворять их в жизнь.

Он редактирует русский перевод резолюций и публикует их в ближайшем же номере «Пролетария», сопровождая своей статьей. В ней освещаются «главные спорные пункты и характер дебатов на конгрессе» [12].

Ленин выступает с отчетом о конгрессе на заседании Центрального Комитета РСДРП.

Ему присылают русский перевод статьи Клары Цеткин «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», в которой «резюмировано громадное идейное содержание съездовских прений и резолюций». И сделано это «замечательно правильно и замечательно талантливо» [13].

Владимир Ильич не только редактирует статью. Он снабжает ее пятью обширными примечаниями, уточняя, разъясняя в них то, что написала Цеткин. С этими примечаниями и появится статья в большевистском сборнике «Зарницы».

Пишет Ленин о конгрессе и для большевистского издания «Календарь для всех на 1908 год», в котором обстоятельно освещает рассмотренные в Штутгарте проблемы. И приходит к заключению: «Армия пролетариата крепнет во всех странах. Ее сознательность, сплоченность и решимость растут не по дням, а по часам. И капитализм успешно заботится об учащении кризисов, которыми воспользуется эта армия для разрушения капитализма» [14].

За Лениным по-прежнему охотится охранка. А он между тем тайком появляется в Териоках. Из перехваченного письма в департаменте полиции узнают: «На днях состоялась Петербургская общегородская конференция, на которой тов. Ленин сделал доклад о международном социалистическом конгрессе в Штутгарте» [15].

Повсюду ищут Ленина. А на дачу «Ваза», с верными людьми, доставляют ему из столицы газеты, письма. Привозят пакеты и от

Луначарского. В них — рукопись брошюры об отношении социалистических партий пролетариата к профессиональным союзам, той самой брошюры, о которой договорился Владимир Ильич с ним в Штутгарте.

Оттуда, в дни работы конгресса, Луначарский писал жене: «Я буду представителем РСДРП по вопросу о синдикализме в международной комиссии. С Лениным вполне договорился на бельгийском типе, т. е. на усилении соц[иалистической] агит[ации] в рядах профессиональных союзов, на включении согласных на то синдикатов в партию на равных правах с чисто партийными организациями, на установлении организационной связи между центральными учреждениями обеих частей раб[очего] движения на равных правах. Ленин согласен также относительно необходимости подчеркнуть, что борьба синдик[атов] не сводится к борьбе за улучшение быта в пределах капиталистического общества, но что они сыграют решающую роль под углом зрения самой социальной революции» [16].

Но когда писал Луначарский брошюру, отошел он от согласованных с Лениным позиций. И не прошло это мимо внимания Владимира Ильича.

«Преинтересная и отлично написанная вещь,— сообщает Луначарскому Ленин.— Одно только: неосторожностей много внешних, так сказать, т. е. таких, к которым *придираться* будут всякие эсеры, меньшевики, синдикалисты etc. Мы совещались коллективно, ретушировать или в предисловии оговорить? Решили последнее, ибо ретушировать жаль; это значило бы слишком много нарушить цельность изложения» [17].

Владимир Ильич напишет предисловие, когда получит последнюю часть брошюры. А пока — несколько замечаний.

Следует *«отгораживаться специально* против лжетолкователей, ибо имя им легион» [18]. Нужно критиковать, например, Бебеля, хотя и относится к нему Владимир Ильич с величайшим уважением. Ведь совсем недавно, на съезде Германской социал-демократической партии в Эссене, Бебель обрушился на К. Либкнехта и Р. Люксембург за то, что на Штутгартском конгрессе те вступили в блок с большевиками. «Вы правы, отметив, что Бебель неправ был в Эссене и в вопросе о милитаризме, и в вопросе о колониальной политике (вернее, о характере борьбы радикалов в Штутгарте по этому пункту),— считает Владимир Ильич.— Но надо оговорить при этом, что это ошибки человека,— с которым мы идем одним путем и которые исправимы только на этом, марксистском, социал-демократическом пути» [19].

Нельзя ни в коем случае допустить, чтобы эти ошибки использовались врагами марксизма! Тем, кто будет злорадствовать по по-

воду критических оценок слабостей и ошибок Бебеля, Ленин заявит:

— Орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться![20]

И еще один настоятельный совет Луначарскому: «...*все* Ваши мысли можно и должно излагать всегда так, чтобы критика направлялась не на ортодоксию, не на немцев вообще, а на *оппортунизм*». Только в этом случае даже недобросовестным и невнимательным читателям, даже «лжетолкователям» станет ясен сделанный автором вывод: «большевизм, учась не только у немцев, но и *на* немцах (это Ваше требование тысячу раз верное!), сумеет взять *все живое* у синдикализма, *чтобы убить русский синдикализм и оппортунизм*»[21].

Да, да — учиться «на немцах»! И не только в той области, которой касается сейчас Ленин. Если во время революции русские социал-демократы научились «говорить по-французски», то в пору реакции должны научиться «говорить по-немецки». Нужно действовать последовательно, упорно, осмотрительно, вести борьбу против принципиальных ошибок лидеров германской социал-демократии, «искать примеров в истории», прибегать «к опыту немецких социал-демократов при исключительном законе»[22].

Ленин напишет об этом позднее. Но это имеет сейчас в виду, заявляя в письме Луначарскому о необходимости «с революционной, а не педантски-кадетской точки зрения» опровергать «синдикализм, несущий с собой тьму путаницы...»[23].

Письмо адресовано в Италию, где живет Луначарский. Пишет ему Владимир Ильич в один из осенних дней, когда уже опасно оставаться в Куоккале. И предстоит ему покинуть дачу «Ваза».

Владимир Ильич переезжает в глубь Финляндии. В дачное местечко Оулункюля (Оглбью), вблизи Гельсингфорса. Поселяется у сестер Винстен. По многу часов не отрывается от стола, работая над книгой об аграрной программе социал-демократии в первой русской революции. Он зовет воспользоваться «периодами временного затишья в массовом действии... чтобы критически изучить опыт великой революции, проверить его, очистить от шлаков, передать его массам как руководство для грядущей борьбы»[24]. Обдумывая аграрную программу российской социал-демократии, внимательно изучать и западный опыт, не перенося на российскую почву то, что годится, скажем, для одной лишь Германии. Ибо не учитывать этого — значит «не уметь думать над задачами конкретных с.-д. партий в особые периоды их исторического развития»[25].

А охота за Лениным не прекращается — ищут его по всей Финляндии. И Центральный Комитет принимает решение: Ленин должен опять эмигрировать.

Уже из Швейцарии он напишет вскоре Луначарскому:
«Грустно, черт побери, снова вернуться в проклятую Женеву, да ничего не поделаешь! После разгрома Финляндии ничего не осталось, как перенести «Пролетарий» за границу» [26].

«УЖЕ НЕ ФИНЛЯНДИЯ, А ЖЕНЕВА...»

«Глубокоуважаемый товарищ!
С господином Бёрьессоном я договорился. Но, к сожалению, он не может обеспечить для нас получение всех писем и пакетов. Извините меня, пожалуйста, что поэтому я обращаюсь к Вам еще раз с просьбой подыскать для нас *еще одного* члена партии, который мог бы *еженедельно* получать в Стокгольме посылки с письмами и книгами и пересылать дальше (в Финляндию и обратно в Женеву).
Во вторник я собираюсь ехать в Берлин.
С наилучшими приветами.
Ваш ***И. Фрей***» [1].
К письму — постскриптум:
«Я приду к Вам в понедельник в 4 часа дня. Если для Вас это неудобно, позвоните, пожалуйста, по телефону в Отель Мальмстен» [2].
Появился тут мистер Фрей темным декабрьским вечером. Здесь, видимо, и пишет это письмо, адресованное кому-то из стокгольмских товарищей. В нем сообщается, в частности, о состоявшейся уже встрече, возможно в расположенной неподалеку конторе книготорговой фирмы «Бьёрк и Бёрьессон»...
Кто же он — этот мистер Фрей?
Почти через шестьдесят лет старый адвокат Хуго Линдберг вспомнит:
— Я гостил во время зимних каникул у лидера младосоциалистов Хинке Бергегрена. Я был студентом юридического факультета университета и живо интересовался политикой. Мои симпатии были на стороне младосоциалистов. Они стояли левее официального руководства социал-демократической партии, критиковали Брантинга, призывали рабочих к активным действиям в борьбе за свои права. Так вот однажды в декабре 1907 года на квартире Бергегрена я познакомился с мистером Фреем. Я знал, что он был русским и считался одним из вождей революции в России. Но я не мог даже себе представить тогда, что впоследствии он станет великим человеком — Лениным...
Он расстается вскоре со Стокгольмом. И 7 января сообщает: «Сегодня прикатили мы с Н. К. в Женеву» [3].

Надежда Константиновна хорошо запомнит этот день: «Неприютно выглядела Женева. Не было ни снежинки, но дул холодный резкий ветер — биза. Продавались открытки с изображением замерзшей на лету воды, около решеток набережной Женевского озера. Город выглядел мертвым, пустынным» [4].

Начинается вторая эмиграция Владимира Ильича.

Еще не так давно, укрываясь на даче «Ваза», он наставлял оттуда одного из своих корреспондентов: «Я думаю, что Вы таких подлых условий, как заграничная эмигрантщина, еще не видали. Надо быть там *очень* осторожным. Не в том смысле, чтобы я отсоветовал военные действия против оппортунистов. Напротив, воевать там очень надо и очень придется» [5].

Писал Владимир Ильич и о том, что самое важное иметь в эмиграции «дело, свое дело» [6].

В его нынешней эмиграции это «свое дело» первостепенной важности — газета «Пролетарий». Сначала официально считалась она органом Московского и Петербургского комитетов РСДРП. Затем прибавились к ним Московский окружной, Пермский, Курский и Казанский комитеты, но фактически всегда был «Пролетарий» центральным органом партии большевиков. Более года редактируемая Лениным газета выходила в Выборге. «После разгрома Финляндии ничего не осталось, как перенести «Пролетарий» за границу» [7],— сообщает Владимир Ильич из Женевы Луначарскому.

Теперь уже из Женевы редактируемая Лениным газета будет бороться за сохранение и укрепление Российской социал-демократической рабочей партии, с отступниками от революционных лозунгов, за то, чтобы придерживалась партия победившей на V съезде большевистской политической линии. Из Женевы будет Владимир Ильич сплачивать преследуемые царскими властями местные организации, направлять их на подготовку сил для новой революции.

По существу, еще в Стокгольме занимался Ленин делами «Пролетария». Договаривался со шведскими товарищами и о том, как издаваемая за границей газета при их помощи будет попадать в Россию.

Всего лишь третий день Владимир Ильич в Женеве. А уже пишет отсюда о «Пролетарии»: «...надо спешить и возни с новым устройством масса» [8]. Он отыскивает сохранившийся с 1905 года шрифт, раздобывает тонкую бумагу, связывается с наборщиком, набиравшим в свое время «Вперед». И, конечно, налаживает пути, помимо шведского и финляндского, по которым пойдет в Россию газета. Привлекает для этого обосновавшихся в разных странах товарищей.

Обращается Владимир Ильич и к Горькому:

«...Насчет перевозки «Пролетария» это Вы на свою голову написали. Теперь уже от нас легко не отвертитесь! М. Ф — не сейчас же кучу поручений приходится дать...» [9]

М. Ф.— жена Горького Андреева.

Давно уже служение искусству она соединила со служением революции. Будучи актрисой Московского художественного театра, выполняла поручения революционного подполья.

Сейчас Андреева на Капри. У нее завязались дружеские отношения с итальянцами. Нельзя ли эти связи использовать для транспортировки газеты?

Ленин поручает Марии Федоровне «найти непременно секретаря союза пароходных служащих и рабочих (должен быть такой союз!) на пароходах, поддерживающих сообщение с Россией». Разыскав же секретаря союза, «узнать от него, *откуда* и *куда* ходят пароходы; *как часто»*, с тем «чтобы непременно устроил нам *перевозку еженедельно»*. Но при этом оговорить: «Человека должен найти нам *аккуратного*...» Выяснить: «Необходим ли им адрес в России (скажем, в Одессе) для доставки газеты или они могли бы *временно* держать небольшие количества у какого-нибудь итальянского трактирщика в Одессе?» [10]

Пройдет немного времени, и по пути, налаженному Горьким и Андреевой, в черноморские порты России пойдут пакеты с «Пролетарием». Но о том проведает итальянская полиция. Майским днем 1908 года на две посылки, адресованные в Геную, в аптеку на площади Комменда, Ионассону, наложат секвестр. И Горький немедленно напишет редактору социалистической газеты «Аванти!»: «От лица моих товарищей — издателей газеты «Пролетарий» — и по их просьбе, я обращаюсь к Вам, как к социалисту и депутату, и прошу Вас — будьте добры информировать меня, чем вызван указанный секвестр...» [11]

«Аванти!» опубликует письмо Горького. И на него вынужден будет откликнуться сам итальянский премьер. Он уведомит, что генуэзский аптекарь может получить на таможне присланные ему пакеты.

Но все это последует за письмом Ленина Андреевой. Уходит оно на Капри 15 января.

А накануне Владимир Ильич уведомил Камиля Гюисманса: «Моим адресом уже является не Финляндия, а, к сожалению, Женева: Vl. Oulianoff, rue des Ponts 17 (chez Küpfer), Genève...» [12]

Отсюда, из Женевы, будет выполнять он теперь обязанности представителя РСДРП в Международном социалистическом бюро. Из дома № 17 на улице де-Де Пон, где Ульяновы снимают неуют-

ную и холодную комнату, завязывается переписка с Италией, Бельгией, Германией, Англией...

Ленин обращается к находящемуся в Берлине Лео Тышке — члену Главного правления Социал-демократии Королевства Польского и Литвы: «Непременно ответьте *немедленно,* разрешаете ли напечатать по-русски в *«Пролетарии»* посланную Вам мною статью (с оговоркой, что писана для «Przegląd Socjaldemokratyczny») и *когда.* У нас *страшный кризис* в материалах для *«Пролетария»,* и я с великим нетерпением жду Вашего ответа» [13].

Эту статью — «К оценке русской революции» — Ленин только что отправил в Краков, в редакцию журнала польской социал-демократии.

Не раз писал он об интеллигентско-обывательской усталости мелкобуржуазных попутчиков завершившейся поражением революции. Писал о стремлении оппортунистов поставить крест на основных положениях программы социал-демократов. И вновь обрушивается сейчас на тех представителей интеллигенции, полуобразованного мещанства, совсем необразованной мелкой буржуазии, кто преисполнен ненависти к марксизму с его непреклонным убеждением в революционной миссии пролетариата. Владимир Ильич критикует тех, кто отвергает приемы борьбы, методы действия, тактику, «которые *на деле* испытаны *совсем недавно* в *практике* русской революции» [14]. Ленин разоблачает тех, кто в период разгула черносотенной реакции «трусливо приспособляется к новым владыкам жизни, пристраивается к новым калифам на час, отрекается от старого, старается забыть его, уверяет себя и других, что никто не думает уже теперь в России делать революцию по Марксу, никто не помышляет о «диктатуре пролетариата» *и так далее»* [15].

Обобщая уроки первой народной революции эпохи империализма, Ленин анализирует соотношение классовых сил в России, сопоставляет с тем, что происходило в Западной Европе, когда старая власть одерживала там победу над восставшим народом.

И на Западе поражение революции вызвало уныние и распад среди широких кругов так называемого «образованного» общества. «Но среди буржуазных партий, боровшихся на деле за свободу, игравших сколько-нибудь заметную роль в действительно революционных событиях,— приходит к заключению Владимир Ильич,— всегда замечались иллюзии, обратные тем, которые царят сейчас среди интеллигентского мещанства в России. То были иллюзии неизбежной, немедленной *и* полной победы «свободы, равенства и братства», иллюзии насчет не буржуазной, а общечеловеческой республики, республики, водворявшей мир на земле

и в человецех благоволение. То были иллюзии насчет отсутствия классовой розни внутри угнетенного монархией и средневековым порядком народа, насчет невозможности методами насилия победить «идею», насчет абсолютной противоположности отжившего феодализма и нового свободного, демократического, республиканского порядка, буржуазность которого не сознавалась вовсе или сознавалась до последней степени смутно» [16].

Вот почему в странах Западной Европы представителям пролетариата, стоявшим после поражения революции на точке зрения научного социализма, приходилось бороться против иллюзий буржуазных республиканцев, против идеалистического понимания традиций, сущности революции.

Иное положение в России, где усилились анархизм, антиполитическое бунтарство. Но и среди мрака реакции, шатаний, распада не угасает «сознательность социалистического пролетариата, идущего рука об руку с международной армией социалистического переворота в Европе». Рабочий класс призван сберечь традиции революционной борьбы, призван развить их, укрепить, внедрить «в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения» [17].

На столе Владимира Ильича — второе издание брошюры Каутского «Социальная революция». Он перечитывает отчеркнутые ранее строки. Хоть и отличается Каутский осторожностью суждений, вновь убеждается Ленин, не исключает тот еще в близком будущем победы российской социал-демократии, считая, однако, что она может быть «лишь делом союза... пролетариата и крестьянства» [18]. Каутский признает, что одержанная в России победа неизбежно даст могучий толчок пролетарской революции в Западной Европе.

Ленин выписывает из брошюры признание Каутского: «Я не могу уже теперь с той определенностью, как в 1902 году, утверждать, что вооруженные восстания и баррикадные битвы не будут играть в грядущих революциях решающей роли. Против этого свидетельствует слишком явно опыт московской уличной борьбы, когда горстка людей в течение недели держалась против целой армии... Конечно, этот относительный успех баррикадной борьбы был возможен лишь потому, что городское население энергично поддерживало революционеров, а войска были совершенно деморализованы. Но кто может с определенностью утверждать, что нечто подобное невозможно в Западной Европе?» [19]

Это заключение Каутского Владимир Ильич приводит в своей статье. Уроки русской революции, подчеркивает он, вынудили «осторожного исследователя» изменить свои давние взгляды на

роль уличных сражений в революциях будущего, отдать должнсе декабрьской вооруженной борьбе 1905 года.

Статья Ленина предназначена для апрельской книжки краковского журнала. Владимир Ильич сообщает читателям: она написана для польских товарищей. «Не зная, к сожалению, польского языка, я знаком с польскими условиями только понаслышке»,— предупреждает Ленин. Хотя на самом деле он знает их превосходно и обращает внимание на имевшие место в Польше бессмысленные, вызывающие справедливый отпор уклонения от революционной тактики. Привились там извращенные анархические тенденции. И «целая партия» — Владимир Ильич имеет в виду реформистскую Польскую социалистическую партию — «свернула себе шею на бессильной партизанщине, терроре и фейерверочных вспышках» [20]. В конце концов она раскололась на ППС-«левицу» и шовинистическую ППС-«правицу».

«...Нашу работу,— заявляет польским товарищам Владимир Ильич,— мы должны вести так, чтобы она была вся проникнута общим *социалистическим* духом и содержанием, какие бы тяжелые испытания ни готовило нам будущее» [21].

ПРАВДУ ГОВОРИТ «ПРОЛЕТАРИЙ»

Ульяновы все еще живут на улице де-Де-Пон, в той неуютной холодной комнате, которую, едва приехав в Женеву, сняли у госпожи Купфер.

Отсюда почти каждое утро Владимир Ильич отправляется в самую старую часть города. На нем — серое пальто, светло-коричневая мягкая шляпа, под мышкой — большая, набитая книгами сумка.

Он идет на тихую Гран-рю. Здесь, в доме № 11 — библиотека «Общества любителей чтения». Ленин был членом этого общества в первую свою эмиграцию. И сейчас вступил в него снова.

Библиотека у общества большая. И условия для работы превосходные. Владимир Ильич предпочитает заниматься в так называемом «зале с глобусом», где почти всегда он один. Может брать с полок любую книгу, читать газеты и журналы на разных языках.

Он просматривает ежедневно массу газет, отыскивает статьи, корреспонденции, короткие сообщения. Они свидетельствуют, что назревают повсюду революционные бои, что в ведущих странах Европы растут силы рабочего класса. И делает выписки, заметки...

Не раз встречает Владимир Ильич в английских газетах имя Ричарда Белла, профсоюзного деятеля, которого петербургская буржуазная газета «Современный мир» назвала «душой всего

железнодорожного рабочего движения». Его якобы «спокойная, обдуманная и выдержанная»[1] тактика позволила ликвидировать «конфликт» с директорами компаний.

Так ли это на самом деле? То, о чем пишет английская пресса, убеждает Владимира Ильича в обратном.

«Конфликт» возник еще несколько лет назад. Все это время профсоюзы британских железнодорожников требовали повышения заработной платы. Но железнодорожные компании неизменно отвечали отказом. И в ноябре прошлого, 1907 года большинство членов профсоюзов решили бастовать.

Тогда вмешалось правительство и призвало создать «примирительные комитеты». От одной из сторон и вошел в них Ричард Белл — секретарь Соединенного общества железнодорожных служащих. Не получив согласия членов союза, он своей подписью скрепил имеющий действие на целых семь лет унизительный договор с директорами компаний.

Как же в самой Англии расценили то, что сотворил этот «вождь» британских железнодорожников?

«Опять продали!» — так Джеймс Бернет — секретарь Шотландского окружного совета Социал-демократической федерации Англии — озаглавил в «Джастис» статью о соглашении. С болью, с гневом пишет Бернет: «Три недели тому назад Соединенное общество железнодорожных служащих было одним из самых могущественных тред-юнионов в Англии; теперь оно сведено на уровень общества взаимопомощи... И перемена эта произошла не потому, что железнодорожники боролись и потерпели поражение, а потому, что их вожди умышленно или по тупоумию своему продали их капиталистам до борьбы»[2].

«Джастис» называет соглашение нелепым, осуждает его как акт, подрывающий самую суть тред-юнионизма, считает, что оно ни в коем случае не должно связывать рабочих.

— Но, может быть, это «увлечение» «слишком революционных» эсдеков? — размышляет Владимир Ильич над тем, что прочел о договоре в социал-демократической газете.

Он перелистывает другой еженедельник — «Лейбор Лидер». Это — орган умеренной Независимой рабочей партии, которая и называть себя не хочет социалистической. Но и в нем — статьи «Позорный мир», «Большая капитуляция», письма самих железнодорожников, гневные, возмущенные, отвергающие расточаемые Беллу похвалы, требующие призвать его к ответу. Авторы их расценивают подписанное им соглашение как «самое презренное, какое только было в истории тред-юнионизма», «осудившее рабочих на семилетнюю каторгу»[3].

Не этих ли рабочих имеет в виду «Современный мир», утверж-

В. И. Ленин. 1891 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАБОТНИКЪ

№№ 1 и 2.

НЕПЕРІОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

Съ портретомъ Фридриха Энгельса.

Изданіе „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ".

ЖЕНЕВА

Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ"

1896

Берлин. Дом на Франкфуртераллее, в котором 3 августа 1895 г. В. И. Ленин присутствовал на собрании немецких социал-демократов.

В этом сборнике была опубликована статья В. И. Ленина о Фридрихе Энгельсе.

В. И. Ленин. 1900 г.

Н. К. Крупская. 1903 г.

Лейпциг. Типография социал-демократа Германа Рау, где набирался и печатался № 1 «Искры».

Штутгарт. На этой улице в типографии Иоганна Дитца набирались материалы для журнала русских марксистов «Заря».

Лондон, Кларкенвилл-грин, дом 37-а. Здесь печаталась ленинская «Искра».

Могила К. Маркса на Хайгетском кладбище.

Читальный зал Британского музея, в котором работал В. И. Ленин.

Что дѣлать?

Наболѣвшіе вопросы нашего движенія

Н. ЛЕНИНА.

Цѣна 1 руб.

STUTTGART

Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)

Книга В. И. Ленина «Что делать?», изданная в Штутгарте.

l'Huma

JOURNAL SOCIALISTE QUOTIDIEN

5°

JEAN JAURÈS

EN RUSSIE

DANS LE PARTI SOCIAL-DEMOCRATE

Une interview du citoyen Lénine. — La tactique suivie pendant la campagne électorale. — Majoritaires et minoritaires.

Газета французских социалистов «L'Humanite», в которой опубликовано интервью В. И. Ленина.

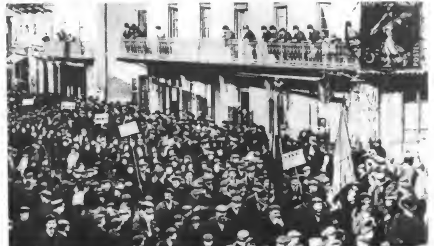
Штутгарт. Зал «Лидерхалл», где участвовал Ленин в работе Международного социалистического конгресса.

Статья о Штутгартском конгрессе была опубликована в этом издании.

В. И. Ленин. 1910 г.

Улица Антуана Шантэна в Париже, на которой обосновалась с начала 1909 года типография РСДРП.

Демонстрация рабочих в Париже.

Стена коммунаров на кладбище Пер-Лашез.

Дворец в Копенгагене, где в 1910 году проходил Международный социалистический конгресс.

Резолюция Копенгагенского конгресса, под которой поставил свою подпись Ленин.

Париж. Зал «Альказар», где неоднократно читал рефераты В. И. Ленин.

Дом каменщика Я. Флорчека на рабочей окраине Кракова, в котором поселились Ульяновы.

5 сентября 1915 г. в Циммервальде в этом доме открылась первая Международная социалистическая конференция.

Internationale Flugblätter (I. F.) Nr. 1

November 1915 — Preis 10 Cts

Die

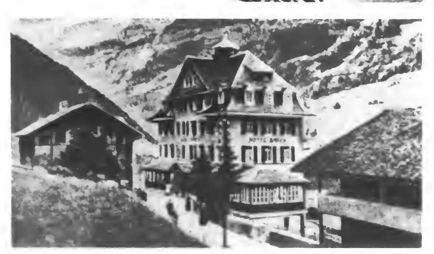
Zimmerwalder Linke über die Aufgaben der Arbeiterklasse

Zur Einführung

Брошюра, которая от имени Циммервальдской левой вышла в ноябре 1915 г. на немецком языке.

Берн. Народный дом. Здесь В. И. Ленин огласил «Прощальное письмо к швейцарским рабочим».

В горном посслке Кинтале в апреле 1916 г. состоялась вторая Международная социалистическая конференция.

В. И. Ленин. 1916 г.

POLITIKEN

Ryska revolutionärerna i Stockholm.

«Русские революционеры — в Стокгольме»,— сообщила шведская газета «Политикен».

Ленин в Стокгольме в сопровождении шведских социал-демократов.

дая, что «Белл завоевал безусловное доверие ассоциации железнодорожных служащих, члены которой готовы, без колебания, всюду последовать за ним»? [4] Не злосчастное ли соглашение, обрекшее рабочих на семилетнюю каторгу, расценивается журналом как величайшее благо нейтральности профсоюзов?

— И в «Джастис», и в «Лейбор Лидер»,— убежден Владимир Ильич,— удивились бы, узнав, что хвалители Белла пишут, не встречая возражений, в одном журнале с видными меньшевиками...

В полупустом читальном зале Ленин продумывает статью, подсказанную этим «Седаном британского тред-юнионистского движения», как назвал соглашение «Лейбор Лидер». Он вернется в статье к вопросу, которого касался уже не раз, о том, что работу в профессиональных союзах следует вести не в духе их нейтральности, а возможно более тесного сближения с социал-демократической партией.

Быстро, без помарок пишет Владимир Ильич: «Высокая степень развития классовых противоречий, обострение их в последнее время во всех странах, многолетний опыт Германии,— где политика нейтральности усилила оппортунизм в профессиональных союзах, нисколько не помешав возникновению особых христианских и либеральных союзов,— расширение той особой области пролетарской борьбы, которая требует совместного и единодушного действия и союзов и политической партии (массовая стачка и вооруженное восстание в русской революции, как прообраз вероятных форм пролетарской революции на Западе),— все это отняло окончательную почву у теории нейтральности» [5].

Отстаивать ее еще можно было в начальный период социал-демократического и профессионального рабочего движения. Но не теперь! С точки зрения международной социал-демократии это совсем уже не уместно. Наглядный пример тому — только что подписанное в Англии соглашение с железнодорожными компаниями. Рабочие, среди которых царил «невиданный энтузиазм», которыми владело «желание борьбы», отданы «нейтральными» профсоюзами на милость капиталу. Вот эти действия профсоюзов и заслужили похвалы всей английской буржуазии, всей капиталистической прессы — от радикальной «Рейнольдс Ньюс» до консервативной «Таймс». «И Плеханов будет продолжать теперь проповедовать «нейтральность», а не тесное сближение союзов с социалистической партией?»,— негодует Владимир Ильич.

Ленин предназначает свою статью для двадцать второго номера «Пролетария». А двадцать первый вышел с резолюцией о профсоюзах Центрального Комитета РСДРП. В ней — призыв организовать внутри профсоюзных организаций партийные груп-

пы, воссоздавать нелегальные профячейки и профсоюзы, если их легальное существование запрещено властями, разъяснять боевые задачи профессиональных организаций пролетариата.

Ленин ссылается на принятую Центральным Комитетом резолюцию. Но тут же отсылает читателей «Пролетария» и к другому решению, принятому в Штутгарте на международном конгрессе. Призывая к единению между социал-демократической партией и профессиональными союзами, он имеет в виду не одну лишь Россию. Повсюду «среди пролетарских партий вопрос о нейтральности не обещает вызывать теперь особенно больших споров» [6].

Двадцать второй номер «Пролетария» выходит мартовским утром 1908 года.

В эту весеннюю пору газеты много пишут о Карле Марксе. Органы самых разных направлений, особенно либеральные и «демократические» буржуазные, откликаются на 25-летие со дня его смерти. Читая статьи «объективных» и «беспристрастных» историков, «политиканствующих тактиков» и «идейных черносотенцев», Владимир Ильич невольно вспоминает перефразированное тургеневским героем двустишие Гёте: «Кто хочет знать своего врага, тот должен идти в страну этого врага». Иначе говоря: знакомиться с его обычаями и нравами, с тем, как он действует, рассуждает.

Перед Владимиром Ильичем — «Франкфуртер Цайтунг». В большой передовой статье одна из самых распространенных, самых «демократических» буржуазных газет Германии сразу берет быка за рога. «Само собою понятно,— пишет газета,— что социал-демократическая пресса в этот день в многочисленных статьях чествовала своего учителя. Но даже в одной влиятельной национал-либеральной газете Маркс был признан, хотя и с обычными оговорками, великим человеком. Да, конечно, он был велик, но он был великим развратителем» [7].

— Вот она та разновидность идейного черносотенства, которая называется европейским либерализмом! — возмущается Ленин.

«Либералы» из «Франкфуртер Цайтунг» отвергают учение Маркса, утверждая, что оно принесло «неисчислимый вред», что оно «антинаучно». И его якобы главная вредная идея — классовая борьба. В этом все зло! Маркс, стремится убедить своих читателей немецкая газета, «разорвал народ на части, ибо он молотком вбил в голову своим людям, что нет ничего общего между ними и остальными людьми, что они враги не на живот, а на смерть». Газету не устраивают даже те, кто подвергает ревизии учение Маркса. Она настаивает: «С половинчатостью тут ничего не поделаешь...»

— Верно, господа либералы! — восклицает Ленин.— И случается же вам иногда нечаянно правду сказать! [8].

Затем он раскрывает парижскую консервативную «Журналь де Деба Политик э Литерэр». И эта газета главным злом Маркса считает то, что он «ненавидел буржуазию», что стоял на классовых позициях. Подумать только — Маркс «проповедовал рабочим классам не временные конфликты, сопровождаемые перемириями, а священную войну, войну истребления, экспроприации, войну за обетованную землю коллективизма»!

Ленин убежден: не мешает марксистам бросить взгляд на то, что пишут в разных странах о Марксе, о его учении влиятельные политические органы. Он публикует в «Пролетарии» обзор этих высказываний и делает заключение: «Хорошо пишут буржуазные газеты, когда что-нибудь их настоящим образом заденет за живое. И веселее становится жить, когда видишь, как складывается и упрочивается идейное единство либеральных врагов пролетариата во всем мире — ибо это единство есть один из залогов объединения миллионов международного пролетариата, который завоюет себе, во что бы то ни стало, свою обетованную землю» [9].

Когда в типографии на бульваре де-ла-Клюз печатается номер «Пролетария» с ленинским обзором, Владимир Ильич работает уже над другой статьей — «Марксизм и ревизионизм». Предназначается она для сборника, посвященного Марксу. И поскольку выйдет он в России, подпишет Владимир Ильич статью одним из давних своих псевдонимов — Вл. Ильин.

В связи с тем, что распространение марксистского учения в рабочем классе вызывает усиление нападок на марксизм со стороны всех враждебных ему теорий, Ленин обращает внимание на опасные формы борьбы, применяемые ревизионистами, пытающимися под видом поправок и пересмотра учения Маркса подорвать его изнутри. Раскрывает суть ревизионистских воззрений, показывает, что это — повторение обветшалых, устаревших догм буржуазной идеологии, одна из ее разновидностей.

Таковы, например, поправки к Марксу «бывшего ортодоксального марксиста» Эдуарда Бернштейна. Или то, что отстаивает в своей программе так называемого «революционного синдикализма» итальянец Артуро Лабриола, что проповедует французский анархо-синдикалист Юбер Лагардель.

Ленин утверждает, что появление ревизионизма обусловливается в современном обществе его классовыми корнями, и приводит читателя к заключению, что ревизионизм есть международное явление. «Для всякого сколько-нибудь сведущего и думающего социалиста,— заявляет он,— не может быть ни малейших сомнений в том, что отношение ортодоксов и бернштейнианцев в

Германии, гедистов и жоресистов (теперь в особенности бруссистов) во Франции, Социал-демократической федерации и Независимой рабочей партии в Англии, Брукера и Вандервельда в Бельгии, интегралистов и реформистов в Италии, большевиков и меньшевиков в России повсюду в существе своем однородно, несмотря на гигантское разнообразие национальных условий и исторических моментов в современном состоянии всех этих стран» [10].

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом — лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, который, вопреки всем шатаниям, всем слабостям мещанства, идет вперед, к полной победе своего дела...

В один из весенних дней, когда Владимир Ильич работает над статьей для петербургского сборника, на улице Террасьер, в клубе «Международного рабочего союза», собираются немцы, швейцарцы, австрийцы, шведы, датчане, итальянцы, русские. Они приходят на интернациональный митинг, посвященный сразу трем годовщинам — 25-летию со дня смерти К. Маркса, 60-летию мартовской революции 1848 года, дню Парижской коммуны. На митинге от имени РСДРП выступает Ленин.

«Я не могу точно вспомнить, на каком языке Ленин делал доклад, так как рядом со мной сидели товарищи, которые мне переводили,— читаем в записках немецкого революционера Роберта Зиверта.— В докладе Ленин ссылался на принципиальные замечания Карла Маркса в его работах о мартовской революции и Парижской коммуне» [11].

Зиверта дополняет русский социал-демократ А. Дивильковский: «С легкой руки германской социал-демократии Парижскую коммуну считали скорее за образец, как не надо делать рабочую революцию. А Ленин в простых и сильных словах, наоборот, ставит ее в образец того, как впервые в истории рабочие показали настоящую манеру делать эту революцию. Тут не было ни показной учености Мартова, ни эффектной театральности Троцкого. Казалось, один из коммунистов 1871 года звал на баррикаду просто, но смело» [12].

Здесь, на улице Террасьер, Ленин заявляет:

— Как ни велики жертвы Коммуны, они искупаются значением ее для общепролетарской борьбы: она всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны, она рассеяла патриотические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции [13].

С трибуны интернационального митинга перед участниками социал-демократического движения разных стран Ленин повто-

ряет то, что утверждал уже не раз: не могут пролетарские массы забыть уроки Коммуны; они будут учитывать их постоянно; так, как это сделали уже в России, в дни декабрьского восстания.

— Несмотря на все различие в целях и задачах, поставленных перед русской революцией, сравнительно с французской 1871 года,— говорит Владимир Ильич,— русский пролетариат должен был прибегнуть к тому же способу борьбы, которому начало дала Парижская Коммуна,— к гражданской войне. Помня ее уроки, он знал, что пролетариат не должен пренебрегать мирными орудиями борьбы — они служат его повседневным, будничным интересам, они необходимы в периоды подготовки революций — но никогда не должен он забывать и того, что классовая борьба при известных условиях выливается в формы вооруженной борьбы и гражданской войны; бывают моменты, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках. Впервые показал это французский пролетариат в Коммуне и блестяще подтвердил русский пролетариат в декабрьском восстании.

Хоть и поражением окончились эти два грандиозных восстания, Ленин полон оптимизма:

— Будет новое восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов пролетариата, из которого с полной победой выйдет социалистический пролетариат [14].

Оптимизм не покидает его ни на день. И тогда, когда здесь, в Женеве, выступает он с рефератом «Оценка русской революции и ее вероятное будущее».

«Большой зал был переполнен,— вспоминает Иван Чонос, член Болгарской рабочей социал-демократической партии «тесняков».— Присутствовали и мы, несколько болгар, во главе с товарищем Александром Атанасовым из г. Лом (впоследствии адвокат в Русе), убитым в 1926 году фашистскими бандитами».

В России после поражения революции свирепствует реакция, многими овладело уныние. И немало деятелей буржуазно-либеральной, мелкобуржуазной интеллигенции скатилось там на путь ренегатства. А Ленин, поражен Чонос, говорит о перспективах развития революции!

Чонос расскажет позднее: «Для нас, болгар, мысли, которые развивал Ленин, были новыми, совершенно незнакомыми. Исключительное впечатление произвела его огромная вера в силы русской революции, несмотря на временное торжество реакции. Значительный интерес вызвали сделанный Лениным глубокий анализ великого классового поединка между русским пролетариатом и царизмом, и та аргументация, которой Ленин подкреплял свои мысли» [15].

То, что говорит в этот вечер Ленин, подробно записывает Атанасов. О реферате вождя российских большевиков он сообщает членам созданной в Женеве из «тесных» социалистов просветительской группы, а затем отправляет свои записи в Болгарию Димитру Благоеву...

«ЗАКАЛИТ МИЛЛИОНЫ И ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ»

Редакция «Пролетария» разместилась на удаленной от центра рабочей окраине, на улице Каруж, с которой давно уже связана кипучая деятельность женевской большевистской группы.

Здесь в доме № 3, рядом с площадью Плен де Пленпале, 14 февраля 1908 года собрались редакторы большевистской газеты.

Речь пошла о заметке, появившейся в последнем, двадцатом номере «Нейе Цайт». Безвестный переводчик статьи А. Богданова об австрийском физике и философе, одном из основателей эмпириокритицизма Эрнсте Махе сопроводил ее в немецком журнале предисловием: «В русской социал-демократии обнаруживается, к сожалению, сильная тенденция сделать то или иное отношение к Маху вопросом фракционного деления в партии. Очень серьезные тактические разногласия большевиков и меньшевиков обостряются спором по вопросу, совершенно, по нашему мнению, с этими разногласиями не связанному, именно: согласуется ли марксизм в теоретико-познавательном отношении с учением Спинозы и Гольбаха, или Маха и Авенариуса?» [1]

— Глупая выходка,— возмущается Ленин.

Он отвергает философские течения, направленные против материалистического мировоззрения, те, что осмеивают революционное движение, призывают к отходу от политики, прославляют религиозную мистику.

Он убежден, что реакционная сущность новейших разновидностей идеализма должна быть разоблачена во что бы то ни стало. Но не следует допускать «обострения конфликта», ни в коем случае не доводить до нового раскола в партии. Философские споры не помеха «делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии», не помеха «насущному, практически и политически необходимому делу революционных с.-д. в России» [2]. И, утверждая обратное, «Нейе Цайт» дезориентирует своего читателя.

Ленин пишет о том на Капри, Горькому. Сообщает, что участники совещания редакции «Пролетария» согласились с его оценкой предисловия «Нейе Цайт» к статье Богданова. Он информи-

рует Горького: «...Писавший сие предисловие дурак или дура нас сплотил. Мы сразу сошлись на том, что заявление о нашей нейтральности безусловно необходимо теперь в первом же номере *«Пролетария»*... Заявление составили, единогласно утвердили, завтра оно выходит в № 21 *«Пролетария»*...[3]

Газета публикует написанное Лениным, одобренное редакторами заявление. Но Владимир Ильич не ограничивается этим. Он переводит заявление на немецкий язык и отправляет его в Штутгарт, в редакцию «Нейе Цайт».

Мартовская книжка журнала германских социал-демократов выходит с заявлением «Пролетария»: «В действительности этот философский спор фракционным не является и, по мнению редакции, быть не должен; всякая попытка представить эти разногласия, как фракционные, ошибочна в корне. В среде той и другой фракции есть сторонники обоих философских направлений»[4].

Однако не следует в этом философском споре замазывать разногласий, не нужно откладывать сражения с теми, кто проповедует соединение научного социализма с религией, не уходить от неизбежной схватки. И в женевских библиотеках Ленин обстоятельно изучает Эрнста Маха, читает «по целым дням распроклятых махистов»[5]. Внимательно знакомится с вышедшей пять лет назад в Штутгарте книгой немецкого рабочего-философа Иосифа Дицгена «Мелкие философские работы». Обращается к старому номеру «Нейе Цайт», чтобы перечитать работу Энгельса «Об историческом материализме»...

Одержав над русской революцией временную победу, реакция в России не ограничивается тем, что подвергает жестоким преследованиям пролетарские массы, что беспощадно обрушивается на ушедшие в подполье большевистские организации. Она стремится разоружить рабочее движение идейно. И чтобы сокрушить буржуазных идеологов, развенчать тех, кто извращает революционную теорию пролетариата, кто ведет наступление против материализма, работает сейчас Ленин над новой своей книгой. Он намерен ответить в ней на все коренные философские вопросы, отстоять марксистскую философию, развить и обосновать принцип ее партийности, дать развернутую критику буржуазной идеологии и философского ревизионизма.

Мы узнаем от Крупской: «Ильичу надо было достать некоторые материалы, которых не было в Женеве, да и склочная эмигрантская атмосфера здорово мешала Ильичу работать, поэтому он поехал в Лондон, чтобы поработать там в Британском музее и докончить начатую работу»[6].

Ленин штудирует «Трактат об основах человеческого познания» «старого идеалиста»[7] Джорджа Беркли.

— Откровенно рассуждал, простовато рассуждал епископ Беркли! — убеждается Владимир Ильич.— В наше время те же мысли об «экономном» удалении «материи» из философии облекают в гораздо более хитрую и запутанную «новой» терминологией форму, чтобы эти мысли сочтены были наивными людьми за «новейшую» философию! [8]

Ленин делает выписки из «Трактата о человеческой природе» агностика Давида Юма. Знакомится с выступлением на съезде английских естествоиспытателей ректора Лондонского университета Артура Риккера, с новейшими работами близкого к «неореализму» философа-идеалиста Нормана Смита, «спиритуалистического мониста» Джемса Уорда. Ленину приносят только что опубликованные в Лондоне «Очерки биографические и химические» знаменитого химика Уильяма Рамсэя, последнюю монографию члена Лондонского королевского общества Джозефа Томсона...

Почти месяц изо дня в день, по многу часов просиживает Владимир Ильич в Ридинг-Руме, чтобы разобраться, на чем же свихнулись те, кто под видом марксизма преподносит нечто невероятно сбивчивое, путаное, реакционное. И уже вернувшись в Женеву, сообщает сестре: «Поработал я много над махистами и думаю, что все их (и «эмпириомонизма» тоже) невыразимые пошлости разобрал» [9].

Владимир Ильич пишет «Материализм и эмпириокритицизм» — книгу, которой суждено стать энциклопедией современной материалистической философии.

«Кто сколько-нибудь знаком с философской литературой, тот должен знать, что едва ли найдется хоть один современный профессор философии (а также теологии), который бы не занимался прямо или косвенно опровержением материализма,— так начинает он свой труд.— Сотни и тысячи раз объявляли материализм опровергнутым и в сто первый, в тысяча первый раз продолжают опровергать его поныне. Наши ревизионисты все занимаются опровержением материализма...» [10]

Ленин имеет в виду не только тех, кто отрекается от диалектического материализма в России, но и представителей типичного философского ревизионизма в западной социал-демократии. Он вступает в полемику с Фридрихом Адлером, этим наивным австрийским приват-доцентом, стремящимся дополнить Маркса махизмом. Касается взглядов Шарля Раппопорта — французского социалиста, которого за ревизию марксистской философии критикует Лафарг. Отвергает концепции сложившегося в Германской социал-демократической партии оппортунистического течения К. Хёхберга, Э. Бернштейна, К. Шрамма...

Еще с весны снимают Ульяновы двухкомнатную квартиру на третьем этаже дома по улице Марше. Здесь продолжает Владимир Ильич работу над своей философской книгой. Но как ни торопится ее написать, каждый день отрывается от рукописи и отправляется в библиотеку «Общества любителей чтения», в университетскую библиотеку или на бульвар де-ла-Клюз — в библиотеку РСДРП, куда поступают газеты и журналы из многих стран, на шестнадцати языках. Из европейской печати черпает он материал для своих статей, без которых не выходит почти ни один номер «Пролетария»...

Газеты свидетельствуют: борьба пролетарских масс обостряется во всех индустриально развитых капиталистических странах. И Ленин пишет о том в статье «Горючий материал в мировой политике». Что в США и Англии усилилось движение против империалистических трестов. В Австрии, Германии, отчасти в скандинавских странах классовая борьба активизируется в пору избирательной кампании. В Италии и Франции она проявляется в особенно бурных, резких, частью прямо революционных взрывах. И каждая из этих стран вносит в общий поток международного революционного движения свой ценный, оригинальный опыт.

Каждый день из газет Ленин узнает о новых «донесениях», «заявлениях» дипломатов. О торжественных приемах, на которых министры и «коронованные манекены» с бокалами шампанского в руках «укрепляют мир».

А на самом деле?

Те же газеты не скупятся на сообщения о том, как правительства бряцают друг перед другом оружием, как все беспощаднее подавляют они в своих странах антимилитаристское движение. И в интересах господствующих классов, чтобы отвлечь пролетариат от его собственных классовых задач, культивируют националистические предрассудки.

Эту связь между милитаризмом и капитализмом социалисты установили давно. О том шла речь на международных социалистических конгрессах в Париже, Брюсселе, Цюрихе, Штутгарте.

Но достаточно ли одного признания? Определяет ли оно антимилитаристскую тактику социалистов? Решает ли, как бороться против войны?

На эти вопросы Ленин отвечает в статье «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии». Он публикует ее в тридцать третьем номере «Пролетария», разоблачая ошибочные позиции социал-демократов в борьбе с милитаризмом, приносящие огромный вред революционному движению на Западе.

Ленин пишет о трусости одного из лидеров оппортунистиче-

ского крыла социал-демократической партии Германии, идеолога реформизма и ревизионизма Георга Фольмара, другого лидера этой же партии Густава Носке, их единомышленников. Они отвергают необходимость антимилитаристской деятельности, призывают социал-демократов в случае войны «не отставать от буржуазных партий и вскинуть ружья на плечи» [11].

Пишет он и об анархистском фразерстве Гюстава Эрве, статьи которого читает в основанной этим французским социалистом газете «Ла Гер Сосьяль». Владимир Ильич хорошо помнит его хвастливую речь на конгрессе в Штутгарте — с демагогическими выкриками, с недостойными выпадами в адрес германских социал-демократов. Эта речь произвела на многих отталкивающее впечатление. В ней отстаивалась теоретически нелепая, вздорная платформа: поскольку нет у пролетариата отечества, а все и всякие войны — в интересах капиталистов, следовательно, тот должен бороться против каждой войны.

«Таковы две «крайние» позиции в этом вопросе в рядах западных социалистов,— информирует Ленин читателей «Пролетария».— «Как солнце в малой капле вод» в них отражаются те две болезни, которые все еще вредят деятельности социалистического пролетариата на Западе...» [12]

Но есть и «важный исторический опыт» [13] антимилитаристской агитации — в той же Франции, где пропагандирует свои анархистские воззрения Эрве, в Швейцарии, Бельгии, Австрии, других странах. Об этом тоже пишет Ленин, подчеркивая, что такая деятельность социал-демократов крайне необходима, практически целесообразна и плодотворна...

Тридцать третий номер «Пролетария» выходит 5 августа.

А спустя четыре дня Владимир Ильич пишет сестре Марии:

«Посылаю тебе карточку тех мест, откуда я сейчас возвратился. Ездил в горы погулять. Дурная погода помешала пробыть там подольше. Но все же погулял превосходно. Теперь надеюсь кончить, наконец, месяца в полтора непомерно затянувшуюся мою работу» [14].

Эта «непомерно затянувшаяся», по мнению Владимира Ильича, работа — книга «Материализм и эмпириокритицизм». Только несколько дней выкраивает он на отдых. И снова засаживается за свой главный философский труд, призванный показать реакционную сущность махистской ревизии философских основ марксизма, показать, что и международный оппортунизм неразрывен с философским идеализмом...

Но, как ни торопится Ленин завершить книгу, опять вынужден он покинуть Женеву и на сей раз отправиться в Брюссель.

10 октября здесь собираются журналисты-социалисты. Обсуж-

дается вопрос, которому Ленин всегда придавал большое значение,— о развитии сношений между периодическими органами социалистических партий. «Русским социал-демократам, живущим за границей,— напишет он через несколько дней,— следовало бы воспользоваться этой международной конференцией для более правильной постановки корреспонденций в иностранные социалистические органы». Владимир Ильич обратит внимание недавно учрежденного Заграничного бюро Центрального Комитета РСДРП: «Дело осведомления наших иностранных товарищей о российской социал-демократии поставлено далеко не удовлетворительно, и вопрос об урегулировании этого дела, об издании *партийного* бюллетеня на трех языках за границей следовало бы немедленно серьезно обсудить и сделать все возможное для практического осуществления такого плана» [15].

Вечером он приходит в Народный дом на международный митинг, где делегаты Германии, Австрии, Англии, Турции, Болгарии говорят о конфликтах между странами, о борьбе пролетарских масс за сохранение мира. Вместе со всеми Ленин голосует за резолюцию о решимости пролетариата «отстаивать мир между нациями и бороться изо всех сил против капиталистического милитаризма, разоряющего и угнетающего все народы» [16].

А на следующий день — заседание Международного социалистического бюро, первое после Штутгартского конгресса, которого ждал Ленин уже давно. О нем писал Горькому еще весной в ответ на приглашение приехать на Капри: «Поездка наша все оттягивается: сейчас главное препятствие — отсутствие вестей из Брюсселя. Мне написали оттуда друзья, что ждут туда меня на заседание Бюро (Международного социалистического)... А Брюсселя пропустить нельзя» [17].

Ожесточенный спор вызывает первый же вынесенный на обсуждение вопрос: допустить или не допустить английскую Рабочую партию во II Интернационал? Отвечает ли она положениям его устава?

— Да, допустить,— настаивает Каутский.

Он предлагает резолюцию: «Принимая во внимание прежние решения международных конгрессов, допускающие все организации, которые стоят на почве пролетарской классовой борьбы и признают политическую борьбу, Международное бюро объявляет, что английская «Рабочая партия» допускается на международные социалистические конгрессы, так как она, не признавая прямо (ausdrücklich) пролетарской классовой борьбы, ведет ее, тем не менее, на деле и становится на почву ее самой своей организацией, которая независима от буржуазных партий» [18].

Каутскому возражает Гайндман, представляющий Социал-де-

мократическую федерацию. Возражают гедистка Анжела Руссель, болгарский «тесняк» Стефан Аврамов, поддерживают французский социалист Эдуар Вальян, Виктор Адлер, германский социал-демократ Герман Молькенбур...

«Я взял слово, чтобы присоединиться к первой части резолюции Каутского,— рассказывает Ленин.— Невозможно отказать в допущении «Рабочей партии», т. е. парламентского представительства тред-юнионов, раз конгрессы допустили уже раньше все тред-юнионы вообще, даже передававшие свое представительство буржуазным парламентариям. Но неправильна, сказал я, вторая часть резолюции Каутского, ибо *на деле* «Рабочая партия» не является действительно независимой от либералов и не ведет вполне самостоятельной классовой политики. Я предложил поэтому поправку...» [19]

Ленин пытается исправить формулировку Каутского словами: «...так как она («Рабочая партия») представляет собой первый шаг действительно пролетарских организаций Англии к сознательной классовой политике и к *социалистической* рабочей партии» [20].

Он видит смысл своей поправки в том, чтобы активизировать английское рабочее движение, поддержать сотни тысяч английских рабочих, «безусловно уважающих решения Интернационала, но не ставших еще вполне социалистами, задуматься лишний раз над тем, почему их признают сделавшими только *первый* шаг, и каковы должны быть *дальнейшие* шаги по этому пути» [21].

Но ленинская поправка отклоняется. И в том, что целиком одобряется проект резолюции Каутского, Владимир Ильич видит уступку оппортунизму.

Понимает ли это сам Каутский? Ленин еще надеется, что тот осознает свою ошибку. Особенно важно поэтому, чтобы пресса разных стран осветила его дискуссию с Каутским на заседании Международного социалистического бюро.

Уже в Женеве Владимир Ильич отыскивает в газетах корреспонденции из Брюсселя. И убеждается, что «Лейбор Лидер» даже не упомянул о поправке Ленина. Что «Юманите» передало ее неточно, а другие газеты ее или опустили или исказили...

Он немедленно пишет Гюисмансу: «Вероятно, будет опубликован официальный отчет о конференции Международного социалистического бюро, состоявшейся 11 октября 1908 года. Во всех социалистических газетах, напечатавших сообщение об этом заседании Бюро... плохо понят, а иногда даже совершенно искажен смысл моей поправки к резолюции Каутского. Текст моей поправки, хотя я его представил в Бюро, нигде не фигурирует. Поэтому я боюсь, что в официальном сообщении могут повторить-

ся те же неточности. Будьте добры, дорогой товарищ, позаботиться о том, чтобы *сам текст* моей поправки был напечатан в официальном отчете» [22].

Письмо приходит в Брюссель, когда в Женеве печатается тридцать седьмой номер «Пролетария». В нем — три статьи Ленина, в том числе о заседании Международного социалистического бюро. И то, что упустили или исказили другие газеты, «Пролетарий» излагает подробно. Знакомит с сутью спора между Лениным и Каутским, с тем, как оценивает Владимир Ильич рост политической сознательности, классовой самостоятельности пролетарских масс Англии.

«Что теперь в Англии быстро растет социализм в рабочем классе,— заявляет он,— что социализм становится в этой стране *опять* массовым движением, что социальная революция надвигается в Великобритании,— этого могут не видеть только слепые люди» [23]. И Интернационал поступил бы, разумеется, неправильно, не выразив своего сочувствия этому громадному шагу вперед массового движения английского рабочего класса, не поощрив начавшийся в колыбели капитализма великий поворот. «Но из этого вовсе не следует,— считает Ленин,— чтобы «Рабочую партию» можно было теперь уже признать на деле независимой от буржуазии партией, ведущей классовую борьбу, социалистической и т. д.» [24].

Пройдет немного времени, и лондонская «Джастис» сообщит: «В недавно вышедшем номере «Пролетария» — органа так называемой фракции «большинства» русской социал-демократической партии, содержится статья Ленина о последнем заседании МСБ, часть которой, относящаяся к дискуссии о допущении РП к международным конгрессам, вероятно, представит интерес для читателей «Джастис» [25].

Под заголовком «Взгляд иностранца на Британскую рабочую партию» газета Социал-демократической федерации опубликует сокращенный текст статьи Ленина. Впервые широким массам английских социал-демократов станет известно, что думает о проблемах социализма в Великобритании руководитель большевиков России.

Это произойдет в конце ноября.

А сейчас, в один из последних октябрьских дней, из Брюсселя в Женеву, на улицу Марэше, Владимиру Ильичу пишут:

«Мой дорогой Ленин,

не беспокойтесь; я тщательно сохранил подлинник Вашего текста, который в точности соответствует Вашему сообщению, только что мне присланному.

С братским приветом *К. Гюисманс*» [26].

«Подлинник Вашего текста» — текст поправки к резолюции Каутского. Когда выйдет официальный отчет Международного социалистического бюро, он будет в нем воспроизведен в точном соответствии с указаниями Ленина...

На календаре сегодня — 27 октября. День для Владимира Ильича радостный: перед ним лежит увесистая стопка исписанных листов — только что завершенный философский труд «Материализм и эмпириокритицизм».

В этом труде Ленин не только отстаивает диалектико-материалистическое учение Маркса и Энгельса, но и развивает его применительно к новой исторической обстановке. В нем ставятся и решаются сложнейшие проблемы марксистской философии, анализируются новейшие открытия в области естествознания, раскрывается специфический характер закономерностей общественной жизни, их отличие от законов развития природы. Книге Ленина суждено будет сыграть выдающуюся роль в идейном вооружении большевиков, в теоретическом обосновании принципов пролетарской партии нового типа, в сплочении и укреплении ее рядов.

Книгу отпечатают в России в конце весны 1909 года. «Издана прекрасно» [27],— напишет Владимир Ильич 21 мая сестре. А за три дня до того, едва получив томики своего труда, отправит книгу в Берлин, Розе Люксембург.

Ленин придает большое значение тому, чтобы о его философском труде узнали не только в России, чтобы социалистам и в других странах стало известно о книге, направленной против махистской ревизии марксизма.

И он обратится к Люксембург: «Если можно, очень просил бы дать для «Neue Zeit» пометку об этой книге...» [28]

Для Ленина особенно важно, чтобы о ней сообщил центральный теоретический орган германской социал-демократии. Ведь редактирующий его Каутский стремится примирить в журнале неокантианство и махизм с диалектическим материализмом. Ведь этот «самый выдержанный и знающий орган,— писал как-то Владимир Ильич Горькому,— равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков» [29].

Люксембург выполнит просьбу Ленина. Сообщение о выходе в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» будет опубликовано в журнале германских социал-демократов...

«МОЙ АДРЕС ТЕПЕРЬ: ПАРИЖ...»

13 декабря Владимир Ильич сообщает Гюисмансу: «Завтра я уезжаю в Париж, где отныне обоснуюсь... Через 3—4 дня Вы получите мой адрес» [1].

Шесть дней спустя, уже с берегов Сены, снова пишет он Гюисмансу: «Все мое время заполнено делами. Вся наша организация находится в настоящее время (наконец-то!) в Париже... Мой адрес теперь: Mr. Wl. Oulianoff. 24. Rue Beaunier, 24. Paris (XIV)» [2].

Что побудило Ленина расстаться с Женевой, переехать в город, где был он до этого лишь проездом или жил лишь короткое время? Что побудило поселиться тут надолго, с семьей?

«Приводились,— узнаем от Крупской,— разные доводы: 1) можно будет принять участие во французском движении, 2) Париж большой город — там будет меньше слежки. Последний аргумент убедил Ильича» [3].

Париж, действительно, город большой. Когда перебирается сюда Ленин, его население превышало два с половиной миллиона. Он освящен кровью своих героев. Тех, кто на его улицах сражался за политическую свободу. Здесь все напоминает о подвигах и жертвах, о величии народа, не раз выступавшего за справедливость.

Владимир Ильич отмечал накал борьбы французских рабочих. Совсем недавно в Женеве он узнал из газет о событиях в Вельнев-Сан-Жорж, под Парижем. О том, что драгуны стреляли там в забастовщиков. «Это было не простое избиение,— выписал он из «Юманите»,— это был кусочек сражения» [4]. Там сделано было все, чтобы превратить мирную, невооруженную демонстрацию в побоище, чтобы спровоцировать рабочих на отпор. И они вынуждены были воздвигнуть баррикады. Тогда-то буржуазные газеты и накинулись с бешеной злобой на рабочих, обрушились на них за то, что те собирались якобы начать социалистическую революцию.

Ленин заявил, узнав обо всем этом: «Да, французский пролетариат и самые крайние буржуазные республиканцы окончательно размещаются теперь по разным сторонам баррикады. Рабочий класс Франции много крови пролил, завоевывая и защищая республику, и в настоящее время, на почве вполне упрочившихся республиканских порядков, решительная борьба собственников и трудящихся надвигается все быстрее» [5].

Ленин писал тогда в «Пролетарии» об обострении классовой борьбы во Франции. Она проявляется в революционных взрывах, когда с внезапной силой выходит наружу затаенная ненависть пролетариата к его угнетателям.

Но никогда не закрывал Владимир Ильич глаза на то, что во

Франции расцвел оппортунизм. Завоевания французского пролетариата породили опасные иллюзии, что для отстаивания интересов рабочих достаточны якобы рамки буржуазной демократии.

Отовсюду, куда бы ни заносила Ленина судьба, он внимательно следил за тем, как росло самосознание парижских рабочих, за сложной, ожесточенной борьбой французских сторонников и противников марксизма. И рождала у него эта борьба то чувство горячей симпатии, то острую горечь.

Издавна привлекал Париж русских революционеров. Устремились они сюда и после поражения первой в России революции. Бежали с царской каторги, от репрессий, от политических преследований.

«Париж,— сообщит вскоре отсюда Владимир Ильич,— самый большой эмигрантский центр, где читаются постоянно публичные рефераты *всех* фракций, происходят дискуссии, ведутся разнообразные кружки, имеются 2—3 недурных русских библиотеки, имеются десятки долго действовавших в партии с.-д. организаторов и т. д. В Париже выходят 3 с.-д. русские газеты. Одним словом, для всякого, кто хоть капельку знаком с заграницей, ясно, как ясен ясный божий день: тот, кто едет учиться социал-демократизму в Париж, едет учиться действительно социал-демократизму» [6].

В первые январские дни 1909 года в одном из залов ресторана Пиньярра на улице Алезиа собирается общероссийская конференция РСДРП. Ленин выступает с основным докладом — «О современном моменте и задачах партии». И в проекте резолюции, характеризуя современное политическое положение, заявляет: «Общее обострение на мировом рынке, объясняющееся, главным образом, изменениями промышленного положения Западной Европы в сторону кризиса, перешедшего в 1908 году в форму депрессии, и революционными движениями на Востоке, знаменующими собою создание национальных капиталистических государств, усиливает конкуренцию, ведет к учащению международных столкновений, обостряя этим классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом и делая общую международную обстановку все более революционной» [7].

Неделю, днем и вечером, заседает конференция. Идут страстные споры об «охранении» целостности и единства партии, о самой решительной идейной и организационной борьбе с меньшевиками и отзовистами. А раскрыв «Форвертс», обнаруживает Владимир Ильич в газете анонимную статью, превратно излагающую суть споров, разногласий среди русских социал-демократов.

Он пишет протест в правление Германской социал-демократической рабочей партии. От имени Центрального Комитета РСДРП

Ленин решительно заявляет: «Такой вид полемики вызывает особенное раздражение и озлобление, затрудняя в то же время выяснение действительного положения дела и разногласий в нашей партии перед немецкими товарищами» [8].

Это письмо Ленин отправляет с улицы Бонье, где поселились Ульяновы. Сюда приходят к нему такие же, как и он, политические эмигранты, товарищи, нелегально прибывающие из России.

Февральским днем неожиданно появляется Марцели (П. Эйдукявичус) — член ЦК социал-демократической партии Литвы. Его послали за границу из Вильно. Те самые кожевники, о которых во втором номере «Социал-демократа», с февраля выходящего в Париже, сообщалось: «Кожевники в дни свободы добились 8-часового рабочего дня и некоторого самоуправления на фабриках. Теперь хозяева решили отнять у них все это и, кроме того, понизить заработок на 30%... Все кожевники, за исключением стариков, решили бороться хоть до весны... Можно рассчитывать на победу, хотя борьба очень тяжела: зима, холод, голод и болезни дают себя чувствовать все больше и больше. Только помощь, материальная и моральная поддержка рабочих других ремесел и других стран, международного пролетариата, может облегчить нам тяжелую долю в борьбе с капиталом» [9].

Чтобы получить помощь, Марцели побывал уже у Карла Легина — германского правого социал-демократа, главы Международного секретариата профсоюзов. Но тот отнесся к нему недоверчиво. И Владимир Ильич немедленно вступает в переписку с Брюсселем...

Ленин — Гюисмансу: «Я знаю товарища Марцели, и он просит меня теперь, чтобы Международное бюро сообщило товарищу Легину, что товарищ Марцели действительно уполномочен кожевниками Вильны и что деньги, собранные для бастующих, должны быть посланы по адресу, указанному товарищем Марцели товарищу Легину» [10].

Гюисманс — Легину: «Я получил от товарища Ленина, делегата социал-демократической партии России, сообщение, копию которого прилагаю. Я передал также копию товарищу Бергман, но я ответил Ленину, что призыв о поддержке следует направить только в Международный секретариат профсоюзов. Возможно, кожевникам Германии... удастся что-то сделать для русских товарищей» [11].

И одновременно — Ленину: «Я отправил копию Вашего сообщения относительно кожевников Вильно секретарю нашего профсоюзного центра. К сожалению, наши кожевники еще очень слабы, и кризис свирепствует здесь так же, как и повсюду.

Я также направил копию письма в Берлин, Легину — международному секретарю профсоюзов» [12].

Ленин — Гюисмансу: «Большое спасибо за отправку моего письма товарищу Легину. Теперь это дело окончательно улажено» [13].

Связям с Международным социалистическим бюро Ленин придает первостепенное значение. Через его секретаря добивается, чтобы информированы были социалистические партии о состоянии дел в российском рабочем движении, о положении в РСДРП. С этой целью привлекает французского социалиста Шарля Раппопорта к редактированию перевода программы РСДРП, к подготовке ее издания, предпринимаемого бюро.

Не так давно в Брюссель из России эмигрировал большевик И. Попов. И теперь есть там у Ленина верный помощник.

«На меня,— вспоминает тот,— были возложены секретарские обязанности, то есть осведомлять Владимира Ильича (как официального представителя партии в Интернационале) о положении дел в Интернационале, о намерениях, о предложениях Исполнительного комитета и влиятельных лидеров крупнейших социалистических партий в тех вопросах, которые прямо или косвенно касались или могли касаться, влияли или могли влиять на сложное положение и на ход ожесточеннейшей фракционной борьбы внутри российской партии... Его руководство было повседневным. Иногда в один и тот же день от него или Надежды Константиновны приходило несколько писем или телеграмм, открыток. Указания Владимира Ильича были самого разнообразного рода. Иногда это было точнейшее предписание, что и как я должен сказать председателю или секретарю II Интернационала. И тогда требовалось без каких-либо отклонений передать именно данную формулировку; часто в таких случаях Владимир Ильич писал формулировки по-французски. Иногда же указывалась только цель, которую мне надо было добиться, а способы предоставлялось найти сообразно обстоятельствам» [14].

В течение дня Ленина не застать на улице Бонье. Его можно отыскать в русской библиотеке-читальне на авеню де Гобелен, в одном из кафе — «О Манийёр», «О пюи руж» или «Дю Льон», где собирается обычно большевистская группа. Бывает он и в небольшом кирпичном домике во дворе дома № 100 по авеню д'Орлеан, куда перебралась типография «Пролетария». Появляется Владимир Ильич и в маленьком ветхом домике Рабочего клуба русских политэмигрантов, который посещают, впрочем, не одни лишь русские. Можно застать и там, где выступает он с рефератами — и в небольших аудиториях, и в самых больших залах Латинского квартала.

18 марта, как всегда в этот памятный день, выступает Ленин с докладом о Парижской коммуне. И, как всегда, говорит не только о героизме коммунаров, дает глубокий анализ причин пораже-

ния Коммуны. И чувствуется в нем, свидетельствует присутствующий на собрании Б. Горев, «*активный политик*, для которого опыт прошлого — материал, подлежащий учету и использованию в будущем...» [15].

К «опыту прошлого» — не только Франции, всей Западной Европы — он обращается и в «Пролетарии», и в «Социал-демократе», где фактически является редактором.

Давно уже со страниц российской печати не сходит вопрос о «левении» торгово-промышленной буржуазии. На все лады трубят газеты о пресловутом «возрождении», об «обновлении» либерализма.

Утверждают это и меньшевики, считая, что теперь буржуазия становится якобы движущей силой революции и поэтому пролетарские массы должны ее всячески поддерживать.

Меньшевистская тактика, пишет в сорок четвертом номере «Пролетария» Ленин,— фальсификация марксизма. Это — стремление «марксистскими» словечками прикрыть свой собственный переход от марксизма к либерализму.

И вновь обращается к истории Западной Европы. Та подтверждает, что и во Франции после 1789 года, и в Германии после 1848 года буржуазия, несомненно, становилась контрреволюционной силой, в то время как не исчезала почва для ее «левения», для следующей буржуазной революции. И, несмотря на свою контрреволюционность, французская буржуазия «левела» в 1830 году, немецкая — в 1863—1864 годах. Пролетариат же не выступал самостоятельно. И в Германии «левение» буржуазии не приводило поэтому к революции, а лишь «к дальнейшим шагам превращения монархии в буржуазную монархию». А во Франции, «поскольку пролетариат выступал самостоятельно и завоевывал в союзе с революционными слоями буржуазии политическую власть, свергая старую власть (как было во Франции не раз в XIX веке), постольку «левение» буржуазии оказывалось прологом новой буржуазной революции» [16].

Это, утверждает Ленин, азбука истории. Ее забыли, ее извращают меньшевики, проявляя «полнейшее непонимание исторической диалектики и уроков XIX века» [17]. «Азбука истории» позволяет, между тем, прийти к заключению: «Возможна буржуазная революция без единой полной победы пролетариата, и в результате — медленное превращение старой монархии в буржуазную и буржуазно-империалистскую (пример: Германия). Возможна буржуазная революция с рядом самостоятельных выступлений пролетариата, дающих и полные победы и тяжелые поражения, а в результате — буржуазную республику (пример: Франция)» [18].

Шестьсот афиш, расклеенных по всему Парижу, извещают, что

вечером 21 мая 1909 года в зале на улице Бретань, 49, Ленин прочтет реферат «Религия и рабочая партия».

А пять дней спустя выходит сорок пятый номер «Пролетария». В нем — статья Владимира Ильича, в которой освещается тот же, что и в реферате, «чрезвычайно важный и злободневный как раз в настоящее время вопрос» [19]. Он позволяет политические партии России и Запада охарактеризовать с позиций их отношения к церкви, к религии.

«Социал-демократия,— пишет Ленин,— безусловно обязана выступить с изложением своего отношения к религии. Социал-демократия строит все свое миросозерцание на научном социализме, т. е. марксизме. Философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, является диалектический материализм, вполне воспринявший исторические традиции материализма XVIII века во Франции и Фейербаха (1-ая половина XIX века) в Германии,— материализма безусловно атеистического, решительно враждебного всякой религии» [20].

Ленин обращается к недалекому прошлому международной социал-демократии. Из Эрфуртской программы извлекает ее знаменитый пункт, объявляющий религию частным делом. Он вошел в плоть и кровь германской социал-демократии, стал ее тактикой. Позднее этот пункт породил оппортунистические взгляды, сводившиеся к тому, что религия якобы частное дело по отношению к социал-демократической партии. Против этого решительно выступил Энгельс. И Ленин излагает его заявление, сделанное почти два десятилетия назад: «Социал-демократия считает религию частным делом *по отношению к государству,* а отнюдь не по отношению к себе, не по отношению к марксизму, не по отношению к рабочей партии» [21].

Так, указывает Ленин, поправил Энгельс оппортунизм немецких социал-демократов. И поправил сравнительно мягко. Во сто раз более резкое осуждение заслужило бы у него «перенимание русскими оппортунистами этого немецкого извращения» [22].

То, что публикует в «Пролетарии» Ленин, перекликается с тем, что пишет он для «Социал-демократа». Как и в других руководимых им газетах, иностранная информация занимает в «Социал-демократе» значительное место. Ленин стремится, чтобы и в этом партийном органе широко освещалось международное рабочее и социалистическое движение, последовательно разоблачались ревизионизм и реформизм лидеров II Интернационала, сообщалось о борьбе марксистов всех стран с оппортунистами.

И материалы «Иностранной жизни» — в каждом номере «Социал-демократа». В третьем — об английской социалистической партии, которая, «подобно социалистическим партиям других

стран... распадается в данный момент на глубоко расходящиеся между собой направления»[23]. В четвертом — статья Каутского к юбилею «Форвертс», в которой, в частности, говорится о связях германской социал-демократии с русским революционным движением. В пятом — о развитии турецкой революции...

В один из майских дней 1909 года, когда выходит пятый номер «Социал-демократа», Ленин узнает из газет: российский самодержец отправляется в поездку по Европе. Царский визит в Швецию, Италию, Англию, Францию, приходит он к заключению, не обычный акт официальной дипломатии. Поездка предпринята, чтобы продемонстрировать единство международной реакции, сплоченность черносотенной контрреволюции в России с буржуазными правительствами европейских стран, царя — с теми, кто бросился на помощь ему в революции 1905 года, кто поддержал его своими миллиардными займами, приложил все усилия для восстановления «порядка» в России.

Владимир Ильич немедленно обращается в Исполнительный комитет Международного социалистического бюро: «Шведские социалисты уже сочли необходимым по этому поводу выступить, и от их имени наш товарищ Брантинг заявил в шведском парламенте — в форме запроса правительству — энергичный протест, проникнутый духом международной социалистической солидарности».

Ленин убежден, что и в других странах социал-демократы не останутся безучастными к тому, что вызвало протест в Швеции: «Необходимо только призвать их к срочным действиям... Исполнительный комитет и Межпарламентская комиссия могли бы взять на себя инициативу обращения к примыкающим партиям, равно как к соответствующим парламентским группам, указав им на роль царя Николая II в зверствах режима, в отношении которого он является не только представителем, но и активным и преступным вдохновителем»[24].

По настоянию Ленина Международное социалистическое бюро обращается ко всем рабочим Европы. Оно зовет протестовать против визита российского императора.

И срывается торжественное празднество международной реакции.

В Швеции Николая II чествуют в королевском дворце. А лидер социал-демократов, сообщает в «Пролетарии» Ленин, «протестует против опозорения его страны визитом палача»[25].

В Италии российского монарха встречают король, придворные, министры, полицейские. Но и тут деятели социалистической партии, профессиональных союзов, рабочие заявляют о своей ненависти, своем презрении к Николаю Погромщику, к Николаю Ве-

шателю. И «антицарская демонстрация,— отмечает «Социал-демократ»,— выходит грандиозная и тем более поучительная, что идет она из народных низов и отличается тем большей искренностью» [26].

Парижские власти готовят российскому монарху торжественную встречу. Но с парламентской трибуны против приезда Николая II выступает Жан Жорес. Он говорит о «корабле-призраке, носящем царя-убийцу и подкрадывающемся к европейским берегам, не осмеливаясь высадить на сушу своего пассажира» [27]. И в Шербурге — портовом городе, куда должен причалить «корабль-призрак»,— состоится грандиозный митинг протеста.

Никогда в чопорном, чинном британском парламенте не разыгрывался скандал, подобный тому, который вызывает весть об ожидаемом приезде «коронованного убийцы» в Англию.

— Царь,— заявляет депутат от Ирландии,— представляет правительственную систему, которая позорит цивилизованную Европу.

— Это зверь бесчеловечный,— утверждает другой оратор.

— Мы солидарны с членами второй Думы, которых правительство послало на каторгу, а не с членами третьей Думы, недавно гостившими в Англии,— гремит голос депутата от Рабочей партии.

Каждый день Владимир Ильич — в Национальной библиотеке. В газетах разных направлений он отыскивает сейчас статьи, корреспонденции о вояже царя. И отмечает с удовлетворением: неистовствует от бешенства буржуазная, «солидная» пресса Англии, Франции, Италии. Не знает, какими ругательствами обрушиться на социалистов, клеймящих повсюду «высокого гостя». Как заткнуть рот парламентским представителям пролетариата, пресечь митинги протеста...

— Празднество сорвано,— торжествует Ленин.

«...*Сорвано,*— подчеркивает он в «Пролетарии»,— единодушным и мужественным протестом социалистического пролетариата всех европейских стран» [28]. Протестом против царского самодержавия, во имя русской революции и ее лозунгов социалистов от Петербурга до Парижа и от Стокгольма до Рима.

«Социал-демократ» пишет в связи с этим: «Пролетариат России — если бы имел в настоящий момент малейшую возможность открытых выступлений — несомненно устроил бы грандиозную манифестацию солидарности с международным пролетариатом, протестующим против поездки в Европу коронованного палача. Манифестация в таких размерах для нас сейчас невозможна. Но она все же возможна в размерах и формах, и сейчас рабочим России доступных... *Пусть на собраниях, на митингах, в резолюциях, в открытых письмах, в адресах с собиранием подписей на фабриках и заводах, в листках, газетах и пр. сознательные рабочие выскажут солидарность с международным социалистическим пролетариатом,*

пусть выскажут чувства, одушевляющие их в связи с выступлением рабочих всех стран против русского царя, пусть пошлют от имени возможно более широких пролетарских масс привет западноевропейским братьям и проклятие капиталистическому миру...»[29]

«СОРВАТЬ МАСКУ С ЛИЦЕМЕРОВ»

Ленин выступает в эмигрантской библиотеке на авеню де Гобелен. Он говорит о двух «флюсах», которые есть сейчас у партии,— о «флюсе справа» и «флюсе слева» — ликвидаторах и отзовистах.

Ликвидаторы отрицают революционную классовую борьбу трудящихся масс, гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции. Они отвергают необходимость нелегальной социал-демократической партии, выступают против ее программы, тактики, используя для этого легальную печать, легальные рабочие организации.

Отзовисты, по словам Ленина,— «ликвидаторы наизнанку». Их революционная фразеология — всего лишь прикрытие. Они выступают против работы в Думе, в легальных рабочих организациях, стремясь тем самым изолировать массы от партии.

Она сумеет окрепнуть лишь в том случае, говорит Владимир Ильич, если вскроет эти «флюсы», избавится от них.

После реферата Владимир Ильич выходит из библиотеки с появившейся не так давно в Париже Серафимой Гопнер.

— Встречаетесь ли вы с руководителями Французской социалистической партии? — спрашивает бежавшая из России от полиции большевичка.

— Нет,— отвечает Ленин.— У меня нет с ними общего языка.

— И не участвуете в их теоретических дискуссиях?

— Общественные науки надо изучать в Германии. Во Франции высоко поставлено естествознание...

Нет у лидеров французских социалистов твердых принципов. Не раз отмечал Владимир Ильич, что меняют они свои взгляды в зависимости от аудитории, перед которой выступают.

В эти дни Францию лихорадит.

«Здесь, как ты знаешь, вероятно, из газет, почтовая забастовка»[1],— пишет Владимир Ильич сестре в Москву. О «хорошем пролетарском деле»[2] упоминает он и в следующем письме. А в четвертом номере «Социал-демократа» публикует пространную корреспонденцию Шарля Раппопорта. Она сообщает русскому читателю: «Стачечная волна разливается по всей Франции. Нормальная жизнь прекращается. Биржа приуныла. Правительство теряет голову. Палата депутатов тоже... Никогда я не видел во Франции такой стачки». Сообщает и о том, что «социалисты и не пытались

овладеть движением, предпочитая предоставить его себе самому», что в «палате социалистические депутаты во время самой стачки недостаточно энергично боролись с большинством и правительством». Раппопорт объясняет это «общими условиями французской социалистической жизни» [3].

А «общие условия» — оппортунизм во французском социалистическом движении. Через много лет, говоря о стачке почтарей, Крупская вспомнит с возмущением: «Весь город был взволнован, а партия стояла в стороне: это-де дело профессиональных союзов, а не наше. Нам, россиянам, это разделение труда, это самоустранение партии от участия в экономической борьбе казалось прямо чудовищным» [4].

Внимательно наблюдает Ленин и за предвыборной кампанией. Убеждается, что все тонет в личной склоке, во взаимных разоблачениях, в словесных перепалках политические вопросы отодвигаются на задний план.

На одном из собраний он слушает Жореса. На другом — старого коммунара Вайяна. Слушает и рядовых ораторов, рабочим говорящих одно, торговцам и чиновникам — другое.

— Вот она, парламентская-то машина! — возмущается Владимир Ильич.

Поддерживать отношения с теми, чьи взгляды он не разделяет? Нет! Иное дело — побыть среди простых французов. Он и сейчас питает к ним те же чувства, в которых признается зимой 1916 года:

— Я верю в французский революционный пролетариат [5].

Вот почему по совету Владимира Ильича русские большевики, живущие в Париже, изучают французский язык, знакомятся с историей революционного движения Франции, других западноевропейских стран, посещают рабочие собрания, участвуют в профессиональном движении.

Нередко туда, где собираются французские рабочие, приходит и Ленин.

«...Ходили смотреть стотысячную демонстрацию» [6],— сообщает Надежда Константиновна матери Владимира Ильича.

В этот воскресный октябрьский день 1909 года манифестанты заполнили многие улицы, площади, бульвары Парижа. «Владимир Ильич,— вспомнит Д. Мануильский,— шел вместе с рабочими, скандируя лозунги. Глаза его юношески сверкали, и, когда полиция сделала попытку загородить дорогу демонстрантам, Владимир Ильич взялся за руки с другими рабочими, чтобы помешать полиции рассеять демонстрантов, предотвратить избиение» [7].

Нередко встречается в эту пору Ленин с Шарлем Раппопортом. И через него связывается с Полем Лафаргом. Можно ли не навестить старого борца, с которым он виделся, беседовал четыр-

падцать лет назад? И который ему ближе всех французских социалистов?

Лафарг с женой Лаурой, дочерью Маркса, живет в Дравейле, предместье Парижа, в живописной местности, лежащей между Сеной и Сэнарским лесом.

Владимир Ильич отправляется туда с Надеждой Константиновной. Садовая дорожка приводит их к двухэтажному дому, где их уже ждут.

Лафарг помнит русского гостя. В их первую встречу он был еще совсем молодым, только вступил на путь революционной борьбы.

Немало воды утекло с той поры, но не угас интерес Лафарга к России. И он, и Лаура с восторгом встретили первую русскую революцию. Они предсказали, что «Россия с ее доблестным пролетариатом, мужчинами и женщинами, которые так мужественно борются, вступает в новую эру» [8].

Более чем вероятно, что сейчас, как и четырнадцать лет назад, в их первую встречу, расспрашивает Лафарг Ленина о России, ее рабочих и социал-демократах. Беседуют они и о многом другом, что волнует обоих. «Владимир,— свидетельствует Крупская,— стал разговаривать с Лафаргом о своей философской книжке» [9].

Эта «философская книжка» — «Материализм и эмпириокритицизм». В ней Ленин привел отрывок из работы Лафарга «Материализм Маркса и идеализм Канта», позволивший высмеять софизм «вещи в себе» Пиррона, Юма, Канта. И Владимир Ильич рассказывает об ожесточенной борьбе, которую ведет с последователями Маха и Авенариуса, со всяческими проявлениями идеализма...

Живут теперь Ульяновы на тихой улочке Мари-Роз, в том же районе, где снимали предыдущую квартиру. Многим известен нынешний адрес Ульяновых. Известен и Горькому. Он приезжает к Владимиру Ильичу с Капри. Беседа идет о возможности создания нового издательства, о Думе, кадетах, о войне.

— Вероятно, не одной, но целого ряда войн,— убежден Владимир Ильич.

Еще весной 1908 года, когда гостил у Горького на Капри, призывал он своих собеседников:

— Помните: европейская война неизбежна.

Еще тогда он предсказывал с тревогой:

— Наступит небывалое истребление народов, главным образом, пролетариата.

Но и тогда не покидала его уверенность:

— В конце концов рабочий класс одержит победу. Помните это!..

Медленно шагает Ленин по тесной комнатке, размышляя о том, что и сейчас его особенно волнует:

— Война будет. Неизбежно. Капиталистический мир достиг состояния гнилостного брожения, уже и сейчас люди начинают отравляться ядами шовинизма, национализма. Я думаю, что мы еще увидим общеевропейскую войну. Пролетариат? Едва ли пролетариат найдет в себе силу предотвратить кровавую склоку. Как это можно сделать? Общеевропейской забастовкой рабочих? Для этого они недостаточно организованы, сознательны. Такая забастовка была бы началом гражданской войны, мы, реальные политики, не можем рассчитывать на это.

Он останавливается. И продолжает:

— Пролетариат, конечно, пострадает ужасно — такова, пока, его судьба. Но враги его обессилят друг друга. Это тоже неизбежно.

Владимир Ильич подходит к Горькому. Ленин говорит негромко, но с большой силой:

— Нет, вы подумайте: чего ради сытые гонят голодных на бойню друг против друга? Можете вы назвать преступление более идиотское и отвратительное? Страшно дорого заплатят за это рабочие, но в конце концов выиграют они. Это — воля истории...[10]

Осенью 1908 года Ленин писал в «Пролетарии» об опасности придвинувшейся совсем близко европейской войны.

В ту пору мировую прессу заполонили сообщения о балканских событиях. Английские газеты писали о давно задуманных захватнических планах Германии. Немецкие — о не менее агрессивных намерениях Англии. На все лады обсуждались последствия революции в Турции. Возможности аннексии Боснии и Герцеговины. И Ленин обратил внимание на буржуазное лицемерие «современных реакционных правительств Европы и современной реакционной европейской буржуазии»[11]. На позицию европейских буржуазных партий, именующих себя демократическими, прогрессивными, либеральными, радикальными, но ничем не доказавших своего отрицательного отношения «к контрреволюционной коалиции европейских держав *против* растущего демократизма в Азии»[12].

Ленин заявил тогда: «Все усилия наших правительств, вся проповедь «больших» европейских газет сводятся к тому, чтобы замазать этот факт, чтобы сбить с толку общественное мнение, чтобы прикрыть лицемерными речами и дипломатическими фокус-покусами *контрреволюционную коалицию* так называемых цивилизованных наций Европы против наименее цивилизованных и наиболее рвущихся к демократизму наций Азии. И вся суть политики пролетариата в данный момент состоит в том, чтобы сорвать маску с буржуазных лицемеров, чтобы обнаружить перед глазами самых широких народных масс реакционность европейских правительств,

которые из боязни пролетарской борьбы у себя дома играют и помогают играть роль жандарма по отношению к революции в Азии» [13].

И Ленин сорвал маску с тех, кто стремится «урвать кус», расширить за чужой счет свои владения и свои колонии. Призвал не верить словам дипломатов, воротил внешней политики европейских государств. Самым отвратительным лицемерием, самым гнусным предательством действительных интересов прогресса, свободы является также болтовня либеральных буржуа. Они затемняют демократическое сознание народных масс, замалчивают заговор реакционных правительств, одобряют систему колониального грабежа и вмешательства держав в дела Балканского полуострова.

Ленин провозгласил со страниц «Пролетария»:

— Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чуждое население, за новые привилегии, за новые рынки, проливы и т. п.!

Он обратился с призывом ко всем социал-демократам. И напомнил: «Нет на свете другого защитника мира и свободы, кроме международного революционного пролетариата» [14].

Перебираясь из Женевы на берега Сены, Владимир Ильич надеялся: «Париж большой город — там будет меньше слежки».

Но не оправдались его надежды... С первых дней жизни в Париже он стал объектом особого внимания заграничной агентуры русской политической полиции.

Департамент полиции — начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений:

«В департаменте полиции получены сведения о том, что между 6—8 ноября текущего года в Брюсселе состоятся заседания «Интернационального социалистического бюро», на каковых заседаниях, помимо рассмотрения местных вопросов о предполагаемом слиянии голландских социал-демократических фракций, предстоит разрешение вопроса об «Интернациональном съезде», намеченном на 1910 год в городе Копенгагене; на упомянутом съезде будет присутствовать в качестве делегата от Российской социал-демократической рабочей партии известный деятель последней Ленин...» [15]

В канун отъезда Владимир Ильич пишет матери: «Я еду завтра в Брюссель — пробуду там несколько дней» [16]. И 7 ноября он уже на заседании Международного социалистического бюро.

«Приняв резолюции сочувствия шведским рабочим, организовавшим одну из величайших всеобщих стачек последнего времени, и рабочим Испании, геройски боровшимся с военной авантюрой их правительства, а также резолюции протеста против зверств

и убийств царизма в России, правительств в Испании, в Румынии и в Мексике,— сообщит Владимир Ильич,— Международное социалистическое бюро перешло к главному вопросу своего дальнейшего порядка дня — к вопросу о расколе в Голландии» [17].

Давно среди голландских социал-демократов идет борьба между оппортунистами и марксистами. Не прекращается опа между сторонниками наделения землей сельских рабочих и противниками этого пункта в партийной программе. Нет мира и между теми, кто приспособляется к религиозно настроенной части голландских рабочих, отстаивает выдачу государственных средств на преподавание в школах основ религии, и теми, кто горячо борется против этого. Идет борьба марксистов против оппортунистов, добивающихся, чтобы признание программы социал-демократической партии не распространялось на признание философских взглядов Маркса.

В майском номере в большой статье о положении в социал-демократии Голландии «Социал-демократ» отметил: «Марксисты, будучи в меньшинстве, не собирались нарушать единство партии до тех пор, пока свобода критики давала им возможность влиять постепенно на взгляды членов партии... Когда эта возможность стала небезнадежна, ревизионисты захотели искусственно помешать ее осуществлению лишением марксистов права критики» [18].

Борьба привела к расколу, к образованию новой, пока еще малочисленной, марксистской партии. И на заседании Международного социалистического бюро обсуждается: допустить или пе допустить марксистов-голландцев в Интернационал?

Пауль Зингер, один из вождей германской социал-демократии, последовательный противник оппортунизма высказывается за признание Интернационалом марксистской голландской партии. Противоположную позицию занимает австрийский лидер Виктор Адлер.

И слово берет Ленин.

— Как Зингер, так и Адлер,— заявляет он,— исходили из ряда фактов, которые я здесь еще раз хочу уточнить.

Владимир Ильич обобщает сказанное на заседании:

— Во-первых, что раскол является совершившимся фактом, с которым приходится считаться. Во-вторых, что согласно заявлению самого Адлера социал-демократическая партия является социалистической партией. В-третьих, что она имеет бесспорное право участия в международных конгрессах... В-четвертых, товарищ Адлер предложил произвести распределение голосов на международных конгрессах между обеими партиями в голландской секции Копенгагенского конгресса...

Ленин настаивает:

— На этом заседании нужно добиться единодушного решения по упомянутым четырем вопросам [19].

Но верх берут сторонники оппортунизма. Ленин разделяет утверждение «Лейпцигер Фольксцайтунг», что достойно сожаления принятое Международным социалистическим бюро решение. Он соглашается с «Бремер Бюргерцайтунг», что проект резолюции Адлера прошел лишь «благодаря поддержке оппортунистической мешанины» [20].

И снова Ленин в Париже...

Заграничная агентура — департаменту полиции:

«Имею честь доложить вашему превосходительству, что в субботу 4 декабря н. ст. в Париже на очередном собрании 2-й Парижской группы содействия РСДРП Ленин прочел доклад о последнем заседании Международного социалистического бюро (донесение мое № 573), в коем он принимал участие в качестве представителя русской социал-демократии, коснувшись главным образом принципиальной стороны тех восьми вопросов, которые намечены бюро к обсуждению на предстоящем летом 1910 г. в Копенгагене Интернациональном социалистическом конгрессе...» [21]

ПОД СВОДАМИ СТАРОГО ДВОРЦА

Письмо приходит в Копенгаген, М. Кобецкому — большевику, через которого переправляют в Россию «Пролетарий», «Социал-демократ».

Пишет ему Ленин: «Я бы хотел воспользоваться конгрессом в Копенгагене, чтобы поработать в Копенгагенской библиотеке. Вы очень обязали бы меня, если бы сообщили мне:

1) Открыта ли в сентябре все время Копенгагенская библиотека (национальная или университетская; не знаю, какая лучше; мне нужны материалы о сельском хозяйстве в Дании)...» [1]

Дания интересует Владимира Ильича давно, как и другие малые страны Европы, проблемы которых важны не только для них, но и для всего международного рабочего движения.

Еще десять лет назад начал Владимир Ильич изучать развитие капитализма и классовой борьбы в этой «идеальной стране» [2], как называют Данию противники марксизма. И уже тогда в тетрадь с записями по аграрному вопросу занес сводные материалы о датских земледельческих хозяйствах. Он намерен был использовать их в статье «Крестьянство и социал-демократия». И хотя статью не написал, набросал все же ее подробный план. Девятый пункт его гласил:

«Кооперации. Общая постановка вопроса.
Рокиньи, Гольц, Бухенбергер, Haggard.

Статистические данные: *немецкие* и *русские* (общественная аренда). *Дания*» [3].

Ленин подчеркнул *Дания,* предполагая задержать внимание читателя на этой стране.

А осенью 1907 года он работал над новыми главами своего труда «Аграрный вопрос и «критики Маркса». И на сей раз уже осуществил задуманное. Одну из глав — «Идеальная страна» с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе» — целиком посвятил земледельческим отношениям и порядкам в Дании, считая, что представляют эти отношения «особенно много интереса для экономиста» [4].

Владимир Ильич проанализировал обширные статистические данные. Как разошлись подлинные факты с тем, что утверждают немецкие антимарксисты, в частности Давид! В Дании громадное большинство земель находится в руках крупных землевладельцев. Как и в других европейских странах, и тут масса мелких хозяйств играет в сельскохозяйственном производстве ничтожную роль. Вопреки утверждениям ревизионистов, как показала статистика, «в основе датского сельского хозяйства лежит крупное и среднее *капиталистическое* земледелие». Что же касается разговоров о «крестьянской стране», о «мелкой культуре», то это — «сплошная буржуазная апологетика, извращение фактов разными титулованными и нетитулованными идеологами капитала» [5].

Они заявляют, что нет в Дании никакой концентрации капитала, нет там классовой борьбы. В действительности же не обошли ее законы развития капитализма. И в маленькой Дании растет концентрация сельскохозяйственного производства. А мелкие хозяйства вытесняются крупными. И громадное большинство сельского населения живет в нищете. «...Подробное ознакомление с аграрным строем Дании,— пришел к заключению Владимир Ильич,— представляет двоякий интерес. Мы увидим на примере целой страны, каковы приемы ревизионизма в аграрном вопросе и каковы действительные основные черты капиталистических аграрных порядков в «идеальной» капиталистической стране» [6].

С тех пор, как написал он эти строки, его интерес к Дании не угас. И потому запросил Кобецкого о Королевской публичной библиотеке. Воспользовавшись поездкой в Копенгаген, он намерен в ней поработать, познакомиться с новейшей литературой о сельском хозяйстве страны.

Владимир Ильич приезжает сюда августовским утром 1910 года. Останавливается в большом доме на оживленной улице Вестерброгаде, у рабочего судостроительной верфи. В снятой для него крошечной комнатке — два метра на четыре. За окном видна облезлая стена.

Через двадцать с лишним лет хозяйка квартиры расскажет о своем жильце на страницах «Политикен»:

— Я хорошо помню, что ходил он в большой соломенной шляпе. Вел себя тихо и дружелюбно, сам покупал себе ветчину и яйца. У нас было двое маленьких детей, к которым он очень хорошо относился. Раза два он подходил к люльке, в которой лежал мой младший ребенок, которому было около месяца, играл с ним и улыбался ему. В остальном нам было мало что известно о нем тогда, мы не знали, как его зовут и кем он, собственно, является. Но я помню, как однажды я сказала мужу: «Он много прошел в своей жизни!»

Восьмой конгресс II Интернационала работает в старом Дворце концертов, в просторном зале, вмещающем 900 делегатов из 23 стран и сотню представителей печати. Зал украшен социалистическими лозунгами, зовущими к сплочению сил, к солидарности.

К этому звали и демонстранты. Ленин был с ними в день открытия конгресса, в те часы, когда они заполнили все центральные улицы Копенгагена.

Эту грандиозную манифестацию пролетарских масс Дании описывает И. Майский, приехавший на конгресс от русской прессы:

«Лес красных знамен. Красные гвоздики в петлицах у мужчин, красные бутоньерки у женщин на груди. Тысячи молодых девушек в красных шапочках... Больше часа дробный топот рабочих батальонов оглашает улицы Копенгагена, и наконец весь кортеж вступает в большой пригородный парк Зондермаркен. Здесь демонстрантов уже ожидает громадная толпа. Все смешивается и сливается в исполинское море голов. Народу не меньше ста тысяч...» [7]

На алых полотнищах, реявших над людским морем, Ленин читает: «Да здравствует международный пролетариат!», «Да здравствует международное братство трудящихся в борьбе против капитализма!»

О сплочении пролетарских масс и идет речь во Дворце концертов. И на пленарных заседаниях, и в комиссиях, и в той, в которой Ленин вместе с Луначарским представляют Россию.

Эта комиссия — кооперативная. Ей предстоит, сообщает бюллетень Международного социалистического бюро, решить, должны ли кооперативы быть независимыми от политических организаций, нейтральными, или должны быть связанными с партией, входить в нее.

Вопросу о кооперации — одному из важнейших в повестке дня конгресса, большевики придают первостепенное значение. Ведь экономическая организация масс, их экономическая борьба, утверждалось в первом же номере «Социал-демократа»,— неотлож-

ная задача РСДРП. Со страниц газеты Центральный Комитет призвал развивать кооперативное движение в социал-демократическом духе. Еще до отъезда в Копенгаген Ленин познакомился с тремя проектами резолюций по кооперативному вопросу.

С бельгийским, предостерегающим рабочих-социалистов от тех, кто видит в кооперативах нечто самодовлеющее, средство, способное разрешить чуть ли не все социальные проблемы. Но указывающим все же на выгоды кооперативов. Выражающим пожелание, чтобы между социалистическими партиями и кооперативами устанавливались «органические, все более и более тесные связи» [8].

Познакомился Владимир Ильич и с проектом большинства Французской социалистической партии, составленным в духе Жана Жореса. Кооперативы признаются в нем в качестве «необходимого элемента социального преобразования» и должны быть нейтральными, ни в коем случае не несущими обязательств по отношению к социалистическим партиям.

Третий проект, внимательно изученный Лениным,— гедистский, предложенный меньшинством французских социалистов. Он предостерегает от кооперативных иллюзий и призывает в то же время социалистические партии к содействию пролетарским кооперативам. Проект призывает к сплочению внутри них социалистов, с тем чтобы успешнее можно было разъяснять массам их задачу: завоевать политическую власть, превратить средства производства в общую собственность.

Три проекта обсуждает комиссия. И Ленин приходит к заключению: «Совершенно очевидно, что здесь намечаются две основные линии: одна — линия пролетарской классовой борьбы, признание за кооперативами ценности для этой борьбы, как ее орудия, как одного из подсобных средств ее, и определение условий, при которых кооперативы играли бы действительно такую роль, а не оставались простыми торговыми предприятиями. Другая линия — мелкобуржуазная, затемняющая вопрос о роли кооперативов в классовой борьбе пролетариата, раздвигающая значение кооперативов за пределы этой борьбы (т. е. смешивающая пролетарские и хозяйские взгляды на кооперативы), определяющая цели кооперативов такими общими фразами, которые приемлемы и для буржуазного реформатора, этого идеолога прогрессивных хозяев и хозяйчиков» [9].

Идут ожесточенные споры. И сталкиваются в них противоположные течения. Одно — Жореса и лидера всеобщего объединения германских профсоюзов — реформиста Адольфа Эльма. Другое — бельгийское. Хотя и бельгийцами, убеждается Ленин, владеет «больше инстинкт действительно пролетарской постановки коопе-

ративного дела, чем отчетливое понимание враждебности и непримиримости пролетарской и мелкобуржуазной точки зрения на вопрос» [10].

Не так просто отстаивать здесь Ленину собственную позицию. Трудности усугубляются еще тем, что свирепствует в России реакция, что партия вынуждена уйти в подполье, профессиональные же союзы действуют там в полулегальных условиях. И без того сложное положение еще более обостряет нанесенный в спину предательский удар.

Раскрыв только что доставленный в Копенгаген номер газеты «Форвертс», Владимир Ильич обнаруживает в нем статью о РСДРП. Центральный орган германских социал-демократов сообщает, что статья — от ее «русского корреспондента». И хотя не называется его имя, у Ленина нет сомнений: автор ее — Троцкий.

Еще до конгресса Ленин и Плеханов объединили свои усилия в борьбе против ликвидаторов. Согласовали они и общую линию против Троцкого. И сейчас вместе с представителем Социал-демократии Королевства Польского и Литвы А. Варским они обращаются в правление Социал-демократической партии Германии, пишут с возмущением: «В разгар работы Международного конгресса, на котором все охвачены стремлением сохранять социалистическое единство, со всею осторожностью обсуждать внутренние споры партий в отдельных странах, по возможности избегать вмешательства в эти споры, пропагандировать силу, величие и моральный престиж социал-демократии во всех странах,— в это самое время в Центральном органе Германской партии вдруг появляется без какого-либо повода, без всякой видимой надобности статья с невероятными нападками на русскую социал-демократию» [11].

Негодование вызывает беззастенчивость автора анонимной статьи, стремление подвергнуть критике все социал-демократическое движение России, представить его перед заграницей в самых мрачных красках. Опубликовав подобную статью, немецкая газета, заявляют Ленин, Плеханов и Варский, нарушила принципы интернациональной солидарности и братства по отношению к русской социал-демократии.

«Анонимная» статья Троцкого еще более осложняет положение ее делегации. Но Ленин продолжает борьбу за революционные взгляды на кооперативное движение, не отступает перед новыми трудностями. Он предлагает собственный проект резолюции. В нем утверждается, что «пролетарские кооперативы получают все более важное значение в массовой экономической и политической борьбе, оказывая помощь при стачках, локаутах, преследованиях и т. п.». Ленин указывает на их роль и тогда, когда «они органи-

зуют массы рабочего класса, обучают его самостоятельному ведению дел и организации консума, подготовляя его в этой области к роли организатора экономической жизни в будущем социалистическом обществе»[12]. Ленин призывает рабочих всех стран всячески содействовать развитию пролетарской потребительской кооперации, пропагандировать в кооперативных организациях идеи классовой борьбы и социализма, стремиться к более полному сближению всех форм рабочего движения.

Владимир Ильич ведет борьбу и в комиссии, и в подкомиссии. Конечно, маловероятно, чтобы в данной ситуации его проект резолюции был принят. И все же он не складывает оружия. Добивается, чтобы колеблющиеся согласились с его точкой зрения.

Он внимательно следит за выступлениями. Отыскав у противника слабое место, наносит стремительные удары не только сам, но и с помощью друзей, единомышленников. Владимир Ильич убеждает выступать то Розу Люксембург, то голландца Флоренциуса Вибо, недавно примкнувшего к марксистской социал-демократической рабочей партии, то Эммануила Вурма — одного из редакторов «Нейе Цайт».

И вот составлен окончательный текст резолюции, который выносится на пленум конгресса.

Ленин совещается с Жюлем Гедом: следует ли и там продолжать борьбу из-за новых поправок? Голосовать ли теперь за резолюцию?

— Недостатки ее,— считает Гед,— состоят в *допущении* одной ревизионистской фразы, которая не заменяет собой определения цели социализма, а стоит *рядом* с таким определением,— и в одном *недостаточно сильном* выражении той мысли, что рабочие кооперативы должны помогать рабочей классовой борьбе. Такие недостатки следовало постараться исправить, но поднимать из-за них борьбу на пленуме нет основания.

Ленин соглашается со старым французским социалистом: «...Мы должны сказать,— не скрывая ни от себя, ни от рабочих недостатков резолюции,— что Интернационал дал правильное в основных чертах определение задач пролетарских кооперативов»[13]. Вместе со статьей Ленина «Вопрос о кооперативах» эту резолюцию вскоре опубликует «Социал-демократ».

Весь день находится во Дворце концертов Владимир Ильич. И все же выкраивает время, чтобы побывать в Королевской публичной библиотеке, о которой запрашивал Кобецкого. Позднее использует он выписанные в библиотеке материалы в своей статье для «Правды» «Капитализм и народное потребление», в брошюре «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии»...

Он приходит в библиотеку днем, в перерыве между заседания-

ми. И через час-другой из красного кирпичного здания спешит в дом за черной ажурной оградой — туда, где работает конгресс.

После предыдущего — Штутгартского — конгресса международная напряженность продолжает расти. Все отчетливее обрисовываются контуры группировок, намеренных столкнуться в борьбе за передел мира. И не раз после тех августовских дней разоблачал Ленин расчеты милитаристов, их планы организации мировой бойни. Не раз после конгресса в Штутгарте высказывался за то, чтобы энергичнее велась антимилитаристская пропаганда.

Он радовался каждому новому выступлению рабочих против угрозы войны. А вести о них шли к нему отовсюду: из Испании, где в июле 1909 года вспыхнула всеобщая забастовка; из Киля — о демонстрации в защиту мира; из Белграда, где в январе нынешнего 1910 года тридцать два делегата первой балканской социал-демократической конференции осудили происки империалистических держав, реакционную политику балканских монархических династий...

Милитаризм, меры борьбы с ним — об этом идет разговор и здесь, в Копенгагене.

Нередко апеллируют делегаты к решениям Штутгартского конгресса, на котором Ленин сформулировал основные принципы международной пролетарской тактики по отношению к империалистическим войнам. Апеллируют к резолюции «Милитаризм и международные конфликты», зафиксировавшей ленинскую позицию, отвергающую и оппортунистическую пассивность, и «революционную» фразу. И в результате на пленарном заседании принимается антивоенная резолюция. Вновь, как и в Штутгарте, она подтверждает: рабочий класс несет на своих плечах самое тяжелое бремя войны; пролетариат и его представители в парламентах должны бороться всеми силами против вооружений и ассигнований на эти цели. Резолюция призывает: если война все же вспыхнет, использовать все возможности для ее прекращения, использовать вызванный войной политический и экономический кризис для выступления народных масс, свержения капиталистического строя.

Не только на заседаниях конгресса — и в кулуарах идут весь день споры.

Как-то в коридоре среди группы делегатов один из руководителей датских социалистов, Ф. Боргбьерг, хвалит достигнутые в его стране социальные условия:

— У нас в некоторых областях уже социализм!..

С веселой искоркой в глазах Владимир Ильич просит уточнить, какие области имеет тот в виду.

— Ну вот, например, коммунальный трамвай в Копенгагене,— поясняет датчанин.

Стоящий тут же Карл Либкнехт мягко замечает:

— Это вовсе не то, что мы понимаем под социализмом...

Боргбьерг его прерывает. С восторгом отстаивает он «новую», «удобную» форму социализма.

Ленин убеждается: ничем не переубедить этого поглощенного собственным красноречием человека...

Но знакомится Владимир Ильич в Копенгагене и с другим датским социалистом, Герсоном Триром, руководителем революционного крыла социал-демократической партии, последовательно борющимся против реформистской политики «гражданского мира». Тот был близок с Энгельсом, переписывался с ним. Г. Трира считает Ленин одним из умнейших людей среди тех, с кем доводилось ему встречаться.

Владимир Ильич запишет позднее: «En passant. * Прив[атное] собр[ание] лев[ых] И[нтернациона]ла в Коп[енгагене]» [14]. И в другом месте — в плане своей брошюры «Европейская война и европейский социализм»: «Левое совещание 1910 г. в Копенгагене» [15]. Проводится оно по инициативе Ленина. Участвуют в нем левые социалисты Ж. Гед, Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, А. Браун, Д. Благоев, Г. Плеханов и другие. Обсуждаются пути сплочения революционных элементов для борьбы с усиливающимся международным оппортунизмом...

Проходит немного времени, и Ленин выступает в «Социал-демократе» со статьей о конгрессе. Он посвящает ее лишь одному обсуждавшемуся в Копенгагене вопросу — кооперативам и предупреждает, что намерен ограничиться «характеристикой тех направлений социалистической мысли, которые боролись здесь между собою» [16]. Изложив то, к чему удалось прийти в Копенгагене, заявляет, что каждый член партии, каждый сознательный рабочий должен руководствоваться принятой резолюцией, вести всю свою деятельность в ее духе.

Ленин пишет об одной резолюции, а имеет в виду и другие решения Копенгагенского конгресса, которые намерен отстаивать в борьбе с ревизионизмом, зная, что «эта борьба придет неизбежно» [17].

В мае 1913 года... Раскрыв третий выпуск журнала чешских сепаратистов «Чехославянский Социал-Демократ», Владимир Ильич обратит внимание на статью «Поворот к лучшему». Это «лучшее» усмотрят те в одной из статей петербургского журнала меньшевиков-ликвидаторов, открыто ставшего на сторону «течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат» [18].

---

* Между прочим *(фр.)*.

И Ленин сразу же напишет статью «Сепаратисты в России и сепаратисты в Австрии». Он напомнит, что вопрос о сепаратизме в международном рабочем движении особенно остро встал на конгрессе в Копенгагене. Здесь подавляющим большинством — 222 голосами против пяти и семи воздержавшихся — подтверждена была необходимость единства профессионального движения в каждом государстве, осуждено стремление к сепаратизму. Его сторонниками выступили тогда чехи в Австрии, разрушившие прежнее единство чешских и немецких рабочих. К сожалению, они не изменили своих позиций. И, чувствуя себя одинокими в пролетарском Интернационале, нашли в конце концов единомышленников. «...Все сознательные рабочие России,— призовет через «Правду» Владимир Ильич,— должны внимательно подумать над этим фактом: единогласно осужденные Интернационалом, чешские сепаратисты хватаются за полы ликвидаторов и бундовцев» [19]. Он подчеркнет, что интересам и задачам рабочего движения отвечает только полное единство рабочих всех наций.

В те майские дни Ленин подготовит проект платформы к IV съезду Социал-демократии Латышского края, чтобы помочь латышским большевикам в их борьбе против ликвидаторского руководства. Снова обратит он внимание на осужденных в Копенгагене чешских сепаратистов, подвергнет резкой критике позицию «главного австрийского теоретика по национальному вопросу» [20], одного из лидеров II Интернационала Отто Бауэра. И подтвердит: «Единство снизу, полное единство и слияние на местах рабочих с.-д. всех национальностей во всех рабочих организациях — вот наш лозунг» [21].

В ноябре 1914 года... Уже будет полыхать мировая война. Ленин признает тогда с горечью: «Оппортунисты сорвали решения Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленною проповедью гражданской войны и социальной революции» [22].

Он вспомнит острые дискуссии в Копенгагене, яростное стремление оппортунистов подменить революционную тактику в отношении империалистических войн бессодержательными пацифистскими лозунгами. Подтвердятся его давние опасения, что хорошая в целом резолюция по вопросам милитаризма и войны будет предана ими забвению.

С чувством глубочайшей горечи напишет Ленин о тех «социалистах», кто в тяжкие дни войны примет сторону «патриотической» буржуазной клики, кто будет способствовать разъединению рабочих, натравливанию их друг на друга...

Находясь в Копенгагене, не знал Ленин, что, воспользовавшись его отсутствием, Троцкий совершил еще один постыдный акт. На сей раз — против болгарских «тесняков», которых еще летом, будучи в Болгарии, попытался примирить с «широкими» социалистами. Убедившись в тщетности своей затеи, он оклеветал теперь «тесняков» в «Социал-демократе».

Уже в Париже Владимиру Ильичу сообщают, что выступление Троцкого возмутило болгарских товарищей. Что Благоев опубликовал в газете «Работнически вестник» резкий протест. И не ограничился этим, а переслал свою статью в «Социал-демократ».

«Троцкий,— заявляет Благоев,— говорит о расколах в нашей партии. В сущности, в нашей партии расколов не было, а было нечто совсем другое... рабочее движение отделилось от мелкой буржуазии, социализм — от буржуазного радикализма». И то, что Троцкий называет «расколом» и бегством из партии «ценных социалистических элементов», является не чем иным, как бегством «интеллигентов-сверхчеловеков, которые почувствовали себя стесненными в рабочей организации и авантюризм и карьеризм которых не мог найти удовлетворения в ее рядах». Благоев категорически отвергает призывы Троцкого к объединению с «широкими». Это «нанесло бы непоправимый вред рабочему движению в Болгарии. Предлагать такое объединение значило бы умышленно предлагать деморализовать рабочее движение» [1].

Как быть со статьей Благоева? Спор об этом идет на заседании редакции «Социал-демократа». На том самом, где ликвидаторская часть редакции, к негодованию Ленина, оперирует в своих выступлениях самыми худшими сплетнями самых худших антипартийных элементов, а Мартов «под прикрытием *«ограждения»* от отзовистского шантажа» преподносят «не что иное, как *ликвидаторское содействие* отзовистским выходкам худшего сорта» [2].

Председательствующий на заседании В. Ледер сообщает в Главное правление Социал-демократии Королевства Польского и Литвы: «Статья Благоева очень интересная. Благоев дает в ней «по морде» Троцкому за его стремление к объединению всех фракций всего света... Дискуссия происходила о том, послать ли Троцкому статью перед опубликованием или нет... Ленин выступил против посылки...» [3]

Ленин разделяет негодование Благоева, поддерживает «тесняков» и решительно настаивает на публикации статьи. Ее печатают в январском номере «Социал-демократа», под заголовком «Со-

циализм на Балканах» стоит недвусмысленное: «По поводу статьи Троцкого».

Не намерен Ленин оставлять без критического разбора и другие «нелепости и извращения» в последних печатных выступлениях противников большевизма, особенно в тех, что адресованы социал-демократам стран Запада. Владимир Ильич сообщает о том, в своих письмах...

30 сентября 1910 г. «Мартову и Троцкому я хочу ответить в *«Neue Zeit»*. Написал уже Каутскому и спросил его, поместит ли и какой размер» [4].

7 октября. «Обидно чрезвычайно, что даже Kautsky und Wurm * не видят пошлости и гнусности таких статей, как Мартова и Троцкого. Попробую написать Каутскому хоть частное письмо, чтобы выяснить дело» [5].

9 октября. «Я намеревался ответить на статьи Мартова и Троцкого большой статьей о существе дела в *«Neue Zeit»*. Но вышло иначе... Товарищ Карский **, еще прежде чем я написал Каутскому и Вурму о своем намерении, дал для «Neue Zeit» статью против Мартова... Но я не могу, однако, оставить без ответа невероятнейшие нелепости и извращения Мартова и Троцкого» [6].

14 ноября. «Мы с Плехановым уже в Копенгагене протестовали энергично против преподлой статьи Троцкого в «Vorwärts». А какую еще гнусность напечатал он в *«Neue Zeit»* про исторический смысл борьбы среди русских социал-демократов!» [7]

И Мартов, и Троцкий ввели в заблуждение прежде всего немецкого читателя. И опровергнуть «пошлости и гнусности», «невероятнейшие нелепости и извращения» следует, конечно, в том же журнале германских социал-демократов, который позволил этим «гнусностям» и «нелепостям» появиться на свет.

«...Посылаю Вам бандеролью свою статью против Мартова и Троцкого — не для печати, но чтобы попросить Вашего совета,— пишет Владимир Ильич в Берлин, Каутскому.— Карский уже ответил Мартову. Вы хотели оставить за мной статью против Троцкого. Вы увидите, однако, из моей статьи, что мне очень трудно писать против Троцкого, не затрагивая Мартова. Может быть, Вы посоветуете мне, как сделать из нее статью для «Neue Zeit» [8].

Каутский не склонен, однако, печатать сейчас статью Ленина. И, догадываясь, видимо, об этом, Владимир Ильич отправляет запрос в Лейпциг: «Пожалуйста, посоветуйте: возможно ли и целесообразно ли поместить эту статью в *«Leipziger Volkszeitung»?»* [9]

Только весной 1911 года получает наконец Ленин возмож-

---

* Э. Вурм — один из редакторов журнала «Нейе Цайт».

** Ю. Мархлевский.

ность ответить Мартову и Троцкому. Но, увы, и не в «Нейе Цайт», и не в «Лейпцигер Фолькецайтунг». Лишь со страниц «Дискуссионного листка» — приложения к «Социал-демократу» может заявить Ленин: «Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные *либеральные взгляды»* [10].

Ленин придает большое значение тому, чтобы знали на Западе: еще из Копенгагена он, а также Плеханов и Варский протестовали против того, как изображает Троцкий в немецкой печати дела российской социал-демократии, как искажает он сущность большевизма, русской революции. Пусть и на Западе, призывает Владимир Ильич, социал-демократы теперь сами судят, чью тенденцию представляет на самом деле Троцкий — «общепартийную» или «обще*анти*партийную» [11], на чьих позициях стоит, когда обманывает рядовых социалистов других стран...

Каждое утро Ленин внимательно просматривает социалистическую прессу. И в «Форвертс» вновь обнаруживает «ликвидаторские статьи» [12] Троцкого. В органе Бельгийской рабочей партии «Ле Пёпл» читает Луначарского, дающего бельгийским товарищам превратное представление о течениях в РСДРП. В газете германских ревизионистов «Социалистише Монатсхефте» отчеркивает опус некоего Стрельцова, открыто взявшего под свою защиту ликвидаторов. «Да, правильное представление получит немецкий читатель,— возмущается Владимир Ильич,— если историю русской революции он будет изучать по Череванину *, а современное положение и тактическую борьбу внутри нашей партии — по Стрельцову и Троцкому!..» [13]

Он всегда стремился к тому, чтобы не оказывались в подобном положении русские пролетарии. Те, для кого издавались за границей «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Социал-демократ». Газеты, не скупившиеся по настоянию Ленина на иностранную информацию. Отводившие ей много места, знакомившие с истинным положением в международном рабочем движении, с тем, что на самом деле происходит в социал-демократических партиях Европы.

Такой же хочет видеть Ленин и рождающуюся сейчас в Питере новую большевистскую газету — «Звезду».

«Послали сегодня ряд вещичек,— сообщает он в Петербург Н. Полетаеву.— ...Пожалуйста, передайте поскорее нашему редактору, спешно» [14]. Одна из этих «вещичек» — статья Владимира Ильича «Разногласия в европейском рабочем движении». А «спешно» потому, что предназначена она для первого номера.

Он выходит в Петербурге 16(29) декабря 1910 года. И выхо-

* Н. Череванин — один из лидеров меньшевиков, крайний ликвидатор.

дит со статьей Ленина, знакомящей читателей с основными разногласиями в современном рабочем движении Европы и Америки. Подвергающей критике оппортунизм, реформизм, анархо-синдикализм, анархо-социализм — эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики.

«...Нельзя,— заявляет Ленин,— объяснять этих отступлений ни случайностями, ни ошибками отдельных лиц или групп, ни даже влиянием национальных особенностей или традиций и т. п. Должны быть коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран и постоянно порождающие эти отступления» [15].

Об этих «коренных причинах» и пишет Владимир Ильич. Он знакомит читателей с выводами, считая их вполне правильными, к которым пришел голландский профессор, один из основателей газеты левого крыла Голландской социал-демократической рабочей партии «Де Трибюн» Антони Паннекук.

Выводы голландского социал-демократа, сообщает Ленин, делаются исключительно на примерах западноевропейской истории, преимущественно Германии и Франции, но порой кажется, что имеет в виду Паннекук и Россию. И нет в том ничего странного. «...Это зависит лишь от того,— замечает Владимир Ильич,— что основные тенденции, порождающие определенные отступления от марксистской тактики, проявляются и у нас, несмотря на громадные культурные, бытовые и историко-экономические отличия России от Запада» [16].

Ленин пишет о разногласиях относительно тактики внутри пролетарской среды, предостерегает от ревизионизма в рабочем движении, от того, что способно довести до прямого раскола. Он приводит читателя к заключению: «Опыт рабочего движения различных стран помогает уяснить на конкретных вопросах практики сущность марксистской тактики, помогает более молодым странам яснее различать истинное классовое значение отступлений от марксизма и успешнее бороться с этими отступлениями» [17].

Ленин утверждал это всегда. Заявляет о том и сейчас. И в тех статьях, которые шлет в Петербург, в «Звезду», которые пишет для «Рабочей газеты», созданной в Париже после Копенгагенского конгресса, в статьях, которые сам приносит в типографию на авеню д'Орлеан, где печатается «Социал-демократ».

Его внимание сосредоточено сейчас на Магдебургском съезде германских социал-демократов. Газеты, убедился он, заинтересовались лишь внешней стороной борьбы на нем ревизионистов с марксистами, лишь драматическими эпизодами съезда. И пренебрегли значением этой борьбы, идейно-политическими корнями расхождений, тем, что только и позволяет правильно оценить

два мира идей, две классовые тенденции внутри партии. «...С одной стороны, точка зрения пролетарской классовой борьбы,— пишет Ленин,— которая может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, но которая *неизбежно* приводит к развязке, к прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушенным. С другой стороны, точка зрения реформиста, мелкого буржуа, который за деревьями не видит леса, за мишурой конституционной законности не видит ожесточенной классовой борьбы, в захолустье какого-нибудь маленького государства забывает великие исторические вопросы современности» [18].

С каким злорадством еще до съезда «Социалистише Монатсхефте» — главный орган немецких оппортунистов — писал о разногласиях между Люксембург и Каутским в оценке текущего момента. О том, что Каутский отвергает то, что отстаивает Люксембург: массовую политическую стачку за отмену прусской «трехклассной» избирательной системы, за всеобщее избирательное право. Сколько приложено было усилий, чтобы разжечь эти разногласия! Сторону Каутского тотчас же принял Виктор Адлер. Его позиции отстаивал видный деятель французского социалистического движения Александр Брак. За Каутского, против Люксембург высказались Плеханов, Троцкий, Мартов.

Внимательно следя за полемикой между Люксембург и Каутским, решительно поддерживая Люксембург и германских левых, Ленин ждал, что Каутский в конце концов отступит. И тем самым докажет, что не повернул окончательно вправо.

В Магдебурге, на партейтаге, убеждается Ленин и пишет о том в «Социал-демократе», особенно ясна стала вся мизерность приемов оппортунистов разных стран. Поступившие к нему в Париж материалы показывают, что там шла совместная упорная борьба социал-демократов против всего, «что накопилось в великой революционной армии ненадежного, слабого, зараженного буржуазной законностью, отупевшего от благоговейного преклонения перед этой законностью, перед всей ограниченностью *одной* из эпох рабовладения, т. е. одной из эпох буржуазного господства» [19]. И верх на съезде взяла точка зрения Люксембург. Отвергнуты были доводы Каутского, в резолюции признавалась массовая стачка как средство борьбы.

Рано, оказывается, злорадствовала «Социалистише Монатсхефте». Ленин советует Горькому раздобыть «этот образцовый журнал оппортунистов», в котором господа вроде немецкого ревизиониста Макса Шиппеля и Эдуарда Бернштейна давно уже нападают на интернационалистскую политику революционной социалдемократии. «Наверное, и у Вас в Италии такие оппортунисты

есть...» — не сомневается Ленин. И дописывает с сожалением: «...марксистов только нет в Италии...» [20]

Наступает мартовский день, который всегда отмечает Владимир Ильич. В этот день вот уже много лет подряд он выступает на митинге или собрании. О нем вспомнит П. Лепешинский: «Был один день в году, когда страсти партийной борьбы умолкали и на Ильича обращались все взоры, как на общепризнанного властителя дум в деле оценки исторического события, вспоминаемого в этот день. 18 марта в годовщину восстания парижского пролетариата в 1871 г. вся эмигрантская братия считала для себя величайшей честью послушать на традиционном митинге вдохновенную речь Владимира Ильича о Парижской Коммуне» [21].

Нынешняя дата Ленину особенно дорога: минуло сорок лет, как провозглашена была Коммуна.

Он выступает на большом митинге в помещении Всеобщей конфедерации труда, говорит об ошибках Коммуны, заверяет присутствующих, что «когда пролетариат России завоюет власть, он этих ошибок не повторит» [22].

Уже у себя дома, на Мари-Роз, Ленин пишет: «По установившемуся обычаю французский пролетариат митингами и демонстрациями почтил память деятелей революции 18 марта 1871 года; а в конце мая он снова понесет венки на могилы расстрелянных коммунаров, жертв страшной «майской недели», и на их могилах снова поклянется бороться, не покладая рук, вплоть до полного торжества их идей, до полного исполнения завещанного ими дела» [23].

Ленин пишет о международном значении Коммуны, о том, что боролись коммунары за освобождение всех униженных и оскорбленных, за освобождение всего трудящегося человечества. И поэтому снискала Коммуна симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат.

Номер «Рабочей газеты» со статьей «Памяти Коммуны» выходит 28 апреля. Ленин заявляет в ней, что «гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата». Он «всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды», и дело Коммуны — «это дело всесветного пролетариата» [24].

И снова поднимается на трибуну. Идет первомайский митинг в зале Альказар.

— Последние годы,— говорит Владимир Ильич,— несмотря на частичные поражения рабочего движения, уклонение его в сторону реформизма, выдвигают неизбежность близкого революционного подъема, знаменующего собою социальную революцию. Упорные слухи о войне между Англией и Германией, Россией и Кита-

ем говорят о готовящемся международном конфликте. Увеличение расходов на вооружение, непрекращающийся рост милитаризма делают этот конфликт неизбежным, несмотря на всю трусость буржуазии перед красным призраком...

Ленин предсказывает:

— Приближается момент, когда социал-демократия от подготовительной организационной работы, приспособленной к условиям парламентского режима, перейдет к деятельности, рассчитанной на революционное выступление рабочих масс.

О речи Ленина сообщает «Парижский вестник»: «К таким же оптимистическим выводам приходит оратор, говоря о положении вещей в России...» [25]

Еще осенью прошлого года в Париж поступили первые вести о бурных студенческих сходках в России, о грандиозной манифестации в Петербурге, о том, что «к шествию присоединилось много рабочих» [26]. И Владимир Ильич пришел к заключению:

— После трех лет самого бесшабашного разгула контрреволюции *народные массы*, больше всего угнетенные, придавленные, забитые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова просыпаются и начинают приниматься за борьбу [27].

Ленин говорит об этом в Париже, пишет в реферате, который читает в Цюрихе после заседания Международного социалистического бюро. Заявляет он об этом перед обширными аудиториями в Берне, Женеве, а позднее — в Брюсселе, Антверпене, Льеже, Лондоне...

Сюда, однако, он прибыл не только для чтения реферата. «Сижу в Британском музее и с увлечением читаю брошюры Швейцера 60-х годов: прелесть, как подтверждается взгляд на него, как на оппортуниста в вопросе о путях к объединению!» [28] — сообщает Владимир Ильич в Париж.

Ленин писал уже об этом яром стороннике соглашательства с правительством Бисмарка. В книге «Что делать?» упоминал о швейцеровском «королевско-прусском правительственном социализме» [29], который Маркс и Энгельс подвергли резкой критике. Он намерен теперь обстоятельнее заняться годами, когда стоял Швейцер во главе Всеобщего германского рабочего союза.

Но мало у Ленина времени. Не может задерживаться он в Лондоне. «Явно, что *не успею* сделать все необходимое для писания об этом»,— сожалеет Владимир Ильич. Он шлет поручение в Париж: «Посему прошу, не медля ни одного дня, сходить (или *верного* человека попросить сходить) в Bibliothèque Nationale и узнать, что́ там есть из литературы социалистов 60-х годов» [30].

Напряженную пору переживает сейчас Англия. Обострилась в нынешнем году классовая борьба. Вспыхнули стачки, каких не знала еще страна. И на охрану «порядка», железных дорог бросили власти войска. Невиданный размах приняло профсоюзное движение. А в Манчестере на конференции образовалась нынешней осенью Британская социалистическая партия. Ее главная цель — проведение независимой социалистической политики.

Обо всем этом узнает Ленин из газет, с которых начинает обычно день в Британском музее. Узнает и от тех, с кем встречается в Лондоне.

И в этот приезд бывает он у Ф. Ротштейна. Тот показывает ему недавно вышедшие в Лондоне мемуары основателя Социал-демократической федерации Генри Гайндмана — «Записки о полной приключений жизни». Это о нем писал весной с сожалением Владимир Ильич: «Он дал себя запугать криками буржуазной английской прессы о «немецкой опасности» и дошел до защиты того, что Англия поставлена в необходимость вооружаться для обороны, что Англии нужен сильный флот, что Вильгельм — нападающая сторона» [31]. Ленин разоблачил тогда в «Звезде» роль, которую играет сейчас Гайндман в социал-демократическом движении, его шовинистические позиции в связи с нарастанием военной угрозы.

«Записки о полной приключений жизни», убеждается Ленин, написаны Гайндманом живо. В них, без сомнения, много интересного и для характеристики английского социализма, и для оценки некоторых важнейших вопросов всего международного рабочего движения.

Этот объемистый том — почти в пятьсот страниц — Ленин берет с собой в Париж. Считает, что посвятить книге статью, даже несколько статей,— самое время. Особенно потому, что из Лондона в правокадетские «Русские ведомости» написал уже о ней ее лондонский корреспондент Дионео (И. Шкловский), дав при этом «замечательный образчик либерального освещения или, вернее, затемнения» [32] того, о чем вспоминает Гайндман.

Ленин вновь перечитывает страницы его книги о встречах с Марксом. Сколько невыразимой пошлости, мизерных сплетен оказывается в том, что выдается за «мемуары»! Анекдот, а не исторический анализ марксиста!

«...Гайндман,— пишет Ленин,— сосредоточивается больше всего и почти исключительно на *анекдотической* стороне дела: это соответствует всему остальному содержанию его книги. Автобиография Гайндмана есть биография английского буржуазного филистера, который, будучи лучшим из лучших в своем классе, пробивает себе в конце концов дорогу к социализму, никогда не от-

делываясь полностью от буржуазных традиций, буржуазных взглядов и предрассудков»[33].

Статью Ленина «Гайндман о Марксе» публикует петербургская «Звезда». Ее читатели убеждаются, что социалист-филистер пренебрег своими собственными разоблачениями британского империализма, что он вернулся к буржуазным традициям и предрассудкам...

«ЧТОБЫ ОСВЕДОМИТЬ О КОНФЕРЕНЦИИ ВСЕ ПАРТИИ...»

Двадцать пятый номер «Социал-демократа» выходит с шестью ленинскими статьями. Последняя из них — о Всероссийской партийной конференции.

Ее необходимость признало созванное в Париже совещание заграничных большевистских групп. А существуют такие группы в Антверпене, Берне, Бремене, Берлине, Женеве, Лозанне, Лейпциге, Лондоне, Нанси, Льеже, Брюсселе, Ницце, Цюрихе и других городах Европы. За нее выступило большинство местных организаций в самой России. Сейчас, когда снова на подъеме революционная борьба, особенно остро стоит вопрос об укреплении партии, о том, чтобы очистить от оппортунистов ее ряды.

Но где провести конференцию?

Ленин считает, что целесообразнее всего — в Праге. Она сравнительно близка к российской границе, через которую предстоит перебраться делегатам. Есть также основания предполагать, что в Праге нет агентов российской политической полиции.

И еще один довод, пожалуй не менее важный — это давние связи с чешскими товарищами. До сих пор с благодарностью вспоминает Владимир Ильич Франтишека Модрачека. Как охотно помогал тот «Искре»...

Еще месяц назад Ленин написал Антони Немецу — представителю чешской социал-демократии во II Интернационале: «Вы меня очень обяжете, если сможете помочь мне советом и делом в следующем обстоятельстве. Ряд организаций нашей партии намерен собрать конференцию (за границей — конечно). Число членов конференции около 20—25. Не представляется ли возможным организовать эту конференцию в Праге (продолжительностью около одной недели)?»

Он предупредил: «Самым важным для нас является возможность организовать дело *архиконспиративно*. Никто, никакая организация не должны об этом знать. (Конференция *социал-демокра-*

тическая, значит по европейским законам легальная, но большинство делегатов *не имеют паспортов* и не могут назвать своего настоящего имени)».

Если чехи готовы помочь, запрашивал Ленин, нельзя ли по возможности скорее сообщить адрес товарища, который «мог бы осуществить практически это дело»? [1]

Письмо отвез в Прагу О. Пятницкий.

Антони Немец прочел то, что написал ему лидер российских большевиков. Задумался. Снова пробежал листок.

— Позаботиться о съезде,— сказал он,— мы поручим Эмануэлю Шкатуле — редактору «Право лиду» и Яхиму Гавлене.

Гавлена, секретарь краевого исполнительного комитета Чешской социал-демократической рабочей партии, вспомнит:

— Примерно в первой половине или к концу декабря 1911 года меня вызвал к себе председатель Центрального исполнительного комитета партии депутат австрийского парламента Антони Немец и под секретом сообщил мне, что русские товарищи обратились к нашей партии с просьбой... Он сказал также, что помощь им была обещана и что мне вменяется в обязанность обеспечить все необходимое... Все нужно было организовать так, чтобы проведение конференции осталось в тайне...

Ленин приезжает в Прагу январским утром 1912 года, с делегатом из Питера поселяется у чешского рабочего.

И днем, и вечером он — в Народном доме на Гибернской улице. Здесь разместились и типография, и экспедиция чешской социал-демократической газеты «Право лиду». Здесь всегда многолюдно. И поэтому остаются незамеченными делегаты конференции, заседающие на втором этаже, в небольшой комнате с тремя окнами, из которых открывается вид на старинный город.

Яхим Гавлена — тут же, среди русских товарищей. Он расскажет:

— Председательствовал на конференции Ленин. Я убедился в этом позже, по фотографиям в печати. Но во время проведения конференции я не знал фамилий ни одного из ее участников. Ленин был душой конференции. Его речи, произносимые необыкновенно живо и горячо, принимались с воодушевлением, а его выступления в прениях встречали полное одобрение...

Ленин внимательно слушает сообщения с мест. Делает короткие записи. Порой вставляет реплики. И нет, кажется, вопроса, по которому он не выступил.

Говорит он и о Международном социалистическом бюро, о том, что в партиях II Интернационала все более обостряется борьба между революционным и реформистским течениями. Это происходит даже в германской социал-демократии, внешне единой, но в

которой на самом деле противоречия «рвутся наружу» и которая стоит перед угрозой раскола.

— Тут иллюзий строить нельзя,— предупреждает делегатов Ленин,— и чем дальше, тем больше и острее будет борьба; конечно, масса пролетариата колебаться не будет.

Владимир Ильич убежден:

— На очереди решительные выступления. Конфликт неизбежен... [2]

Это относится не только к Социал-демократической партии Германии. Конфликт — нет в том у Владимира Ильича сомнений — назревает и в других партиях. Он обращает внимание участников конференции на разногласия между чешскими и австрийскими социал-демократами, на то, что по-разному решается ими вопрос о профессиональных союзах.

— Мы были против этого раскола, находя, что нельзя с.-д. поддаваться никакой шовинистической и националистической агитации [3],— заявляет Ленин.

Большевики одерживают на конференции победу в борьбе против меньшевиков. РСДРП освобождается от тяжелого оппортунистического груза — из ее рядов исключаются меньшевики-ликвидаторы. Партия избавляется от фракционности. Она обретает подлинное единство. Решения конференции определяют большевистскую тактику в революционной борьбе российского пролетариата.

И на конференции в Праге дела русской революции Ленин тесно связывает с международным рабочим движением. Сразу же откликается он на победу германских социал-демократов при выборах в рейхстаг. Телеграфирует в Берлин: «Российская социал-демократическая рабочая партия... шлет горячий привет братской германской социал-демократии...» И «Форвертс» публикует эту телеграмму с призывом: *«Да здравствует международная, да здравствует германская социал-демократия!»* [4]

30 января — последний день работы конференции. Чешские социал-демократы устраивают русским прощальный ужин.

«Около шести часов вечера мы, несколько человек,— вспомнит Эмануэль Шкатула в журнале «Дельницка освета»,— сошлись в небольшом помещении, куда можно попасть прямо из проезда, ведущего в сад Народного дома. Здесь присутствовал также и Ленин... С первого взгляда обращали на себя внимание его жесты — стремительность и энергия, как бы являвшиеся следствием крепкого телосложения. В этой комнате мы просидели около часа, а затем перебрались в столовую Народного дома. Столы были расставлены двумя длинными рядами. Официанты спустили шторы и закрыли ставни на окнах, выходящих на Гибернскую улицу. Часам

к восьми все делегаты сидели за столами, начался ужин с официальными речами»[5].

Выступает с речью и Антони Немец. Он говорит по-немецки. Переводит его Ленин. Переводит Владимир Ильич и шутливую реплику:

— Русские любят много заседать, поговорить...

Но категорически возражает Немецу:

— Нет, нет. Это неверно! Русские мало говорят, очень мало. Все дело в том, что мы, русские революционеры, работаем в таких условиях, которые не позволяют нам часто собираться. А у нас столько неотложных вопросов!..[6]

Уже на рассвете прощаются делегаты с гостеприимными хозяевами. По одному покидают Народный дом. И исчезают на безлюдных улицах Праги...

Много дел у Ленина в Париже. И все же из Праги заезжает он сперва в Лейпциг. Прямо с вокзала направляется в старое здание редакции «Лейпцигер Фольксцайтунг».

Давно читает Владимир Ильич эту газету революционной социал-демократии, где сотрудничают Франц Меринг, Роза Люксембург, Юлиан Мархлевский. На Таухаерштрассе в кабинете редактора ждут его друзья — социал-демократические депутаты III Государственной думы. Он информирует их о решениях Пражской конференции.

И первым же поездом покидает Лейпциг. Следующая остановка в Берлине. Здесь он снова встречается с Люксембург. «Вчера прибыл Ленин,— сообщает та в письме,— и был до сегодняшнего дня четыре раза. Я с интересом с ним говорила, он умница и образованный человек»[7].

Бесстрашная Роза осмелилась разоблачить самого Германа Молькенбура — главу социал-демократической фракции рейхстага. Не предполагал, конечно, тот, что как член Международного социалистического бюро познакомится Люксембург с его письмом Гюисмансу. И станет ей известно, что руководство германской социал-демократии отказывается от участия в интернациональных антивоенных выступлениях пролетариата. Какой гнев вызвала у руководителей партии ее статья в «Лейпцигер Фольксцайтунг», решительно осуждающая тех немецких лидеров, которые убаюкивают общественное мнение, не предостерегают от опасностей, таящихся в каждой милитаристской авантюре, придерживаются порочной тактики промедлений! Один лишь Ленин выступил тогда в Международном социалистическом бюро в защиту Люксембург.

Владимир Ильич высоко ценит ее публицистический дар. Когда почти три года назад она прислала ему свою статью, направлен-

ную против отзовистов и ультиматистов в РСДРП, Ленин шутливо написал ей сюда, в Берлин: «...жаль только, что Вы *так редко* выступаете по-русски, предпочитаете богатую социал-демократическую партию немцев бедной социал-демократической партии россиян» [8].

Он не замалчивает ошибок Люксембург. Против них выступал и еще выступит. «Но несмотря на эти свои ошибки,— напишет зимой 1922 года Ленин,— она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и *полное* собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира» [9].

Ведет Ленин в Берлине переговоры и с убеленным сединой Августом Бебелем, уже тяжко больным, но по-прежнему с юношеским пылом бросающимся в бой.

Беседует Владимир Ильич и с Карлом Каутским, вызывающим у него гнев и возмущение:

— Он «суется» решать вопросы, абсолютно не будучи в состоянии разобраться в русских делах! [10]

В начале февраля Ленин в Париже, на Мари-Роз. По узкой деревянной витой лестнице с круглыми перилами он снова поднимается в свою маленькую квартиру, где ждет его на столе корреспонденция. И сразу приезжает из Финляндии А. Шотман.

Они говорят, конечно, о конференции, с которой вернулся Владимир Ильич. И, разумеется, о том, что осудили там наступление царизма на Финляндию, заклеймили в принятой делегатами ленинской резолюции:

«Конференция РСДРП, собравшись впервые после проведения русским царизмом и Думой контрреволюции законов, уничтожающих права и свободу финляндского народа, выражает свою полную солидарность с братской финляндской соц.-дем. партией, подчеркивает единство задач рабочих Финляндии и России в борьбе против русского контрреволюционного правительства и контрреволюционной буржуазии, попирающих права народа, и выражает свою твердую уверенность, что лишь совместными усилиями рабочих России и Финляндии может быть достигнуто свержение царизма и свобода русского и финляндского народов» [11].

— В Финляндии все готово к восстанию,— уверяет Шотман.— Работающая в войсках наша нелегальная организация уже готова к бою.

— Нет, выступать в данный момент еще нецелесообразно,— решительно возражает Ленин.

Он предостерегает от преждевременных, не подготовленных действий. Одним из залогов будущего успеха должна быть тесная

связь между вооруженным восстанием в армии и забастовочным движением пролетариата...

Проходит немного дней, и Ленин уже редактирует брошюру «Всероссийская конференция Рос. соц.-дем. рабочей партии 1912 года». Ее срочно набирают в кооперативной типографии «Идеал» на авеню д'Орлеан. Срочно отпечатывают. Тотчас же рассылают по многим адресам, чтобы о принятых решениях как можно быстрее узнали все социал-демократы — и в России, и в других странах.

Прежде всего отправляет Владимир Ильич брошюру в Прагу Эмануэлю Шкатуле. И в субботу 16 марта чехи уже читают в «Право Лиду» о конференции русских большевиков, не зная, разумеется, что проходила она на Гибернской, в их Народном доме. Статья, написанная на основе присланной Лениным брошюры, знакомит с программой РСДРП, с лозунгами большевиков на предстоящих выборах в IV Думу.

Ленин пересылает брошюру и в Брюссель Гюисмансу. Он прилагает к ней свой доклад Международному социалистическому бюро — извещение о конференции, о принятых на ней решениях, уведомляющее: «...Все сношения с РСДРП могут вестись только через посредство ЦК, заграничный адрес которого мы здесь даем: Владимир Ульянов, 4 Rue Marie Rose, Париж XIV (для Центрального Комитета)» [12].

Доклад Ленина рассылается с очередным циркуляром Международного социалистического бюро. 15 марта он появляется в газете «Ромыниа Мунчитоаре». 23 марта его публикует орган Бельгийской рабочей партии «Ле Пёпл». Через два дня — «Лейпцигер Фольксцайтунг». А сутки спустя — «Форвертс». Но центральный орган германской социал-демократии сопровождает доклад анонимной статьей и все, что произошло в Праге, ставит вверх ногами, извращая суть принятых там решений.

«В «Vorwärts'e» от 26 марта,— возмущается Ленин,— появилась бешеная и гнусная статья против конференции, от имени редакции. Ясно, что это Троцкий» [13].

Ленин обращается в бюро ЦК РСДРП: «В «Vorwärts'e» печатается самая наглая ложь... Пишет Троцкий и К°, немцы верят. Вообще в «Vorwärts'e» Троцкий хозяин. Иностранным отделом заведует Гильфердинг — приятель Троцкого» [14].

Владимир Ильич немедленно пишет и в «Форвертс»: «Приходится только удивляться, с какой наивностью некоторые немецкие товарищи приняли всерьез все страшные слова вроде: «узурпация», «государственный переворот» и т. д., которые пускают в ход заграничные группки русской социал-демократии, набрасываясь на конференцию русских организаций РСДРП» [15].

О многом «стыдливо» умалчивается в «напыщенной статье» анонима, многое прикрывается «пустыми, ничего не говорящими фразами». И Ленин напоминает немецким товарищам о неслыханных репрессиях, обрушившихся на российский пролетариат, о буржуазных попутчиках, примкнувших к нему в революцию 1905 года и повернувшихся затем спиной к социал-демократам. Он хочет, чтобы читателям «Форвертс» стал известен действительный ход и исход борьбы за единство партии российских социал-демократов, чтобы о событиях и коллизиях, предшествовавших исключению из нее ликвидаторов, они судили не по фальсификациям анонима. Только тогда немецкие товарищи поймут, что социал-демократическая партия должна была или сама погибнуть или совершенно избавиться от таких мелкобуржуазных течений, как ликвидаторство, отзовизм. «Никакая социал-демократическая партия в мире не создавалась — особенно в эпоху буржуазных революций — без тяжелой борьбы и ряда расколов с буржуазными попутчиками пролетариата» [16],— пишет в заключение Владимир Ильич.

Анонимная статья в «Форвертс» привлекает внимание российской охранки. Ее агент считает, что она «по всем приметам принадлежит перу Троцкого». От провокатора охранка узнает и о том, что «на эту статью Ленин написал уже обстоятельный ответ» [17]. При этом высказывается предположение, что «Форвертс» откажется его печатать.

Предположения провокатора подтверждает сама газета, которая действительно отвергает ответ анониму. Более того, она продолжает кампанию в защиту тех, кого изгнали в Праге из РСДРП. Ведь пример русских может оказаться заразительным. И непримиримая борьба большевиков способна толкнуть на подобные же действия революционные элементы в социалистических партиях других стран.

Редакция «Социал-демократа» принимает между тем решение издать статью Ленина «Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в РСДРП» отдельной брошюрой. «...Мы выпускаем этот ответ,— сообщает Владимир Ильич,— для информации немецких товарищей... Ибо «Vorwärts» был обманут анонимом и с своей стороны вводил в заблуждение немецких рабочих» [18].

В 600 адресов уйдет брошюра. Ленин отправит ее редакциям всех немецких социал-демократических газет и журналов, местным комитетам, библиотекам. Но чтобы о его ответе анониму социал-демократы Германии узнали как можно быстрее, он не дожидается, пока доставят из типографии тираж. Тотчас пересылает текст брошюры Кларе Цеткин, редактору журнала «Ди Глейхет».

Именно в эти дни из баварского города Гофе приходит к Цеткин письмо Зеппа Хана. Немецкий юноша слышал уже от нее о Ленине, о той роли, какую играет лидер российской социал-демократии в международном рабочем движении. Он помнит, что говорила Цеткин о Ленине с большим уважением, считая его вождем российского пролетариата.

— Как же расценивать теперь статью против него в «Форвертс»? — в недоумении юноша.

Вскоре Зепп Хан приезжает в Штутгарт.

«Она показала мне ответ Ленина на клеветническую статью, который редакция «Форвертса» отказалась напечатать в своей газете,— вспомнит он об этой своей встрече с Цеткин.— Все яснее и понятнее для меня становилось отношение Ленина к международному пролетариату и в особенности к вождям II Интернационала. Клара Цеткин так хорошо разъяснила мне итоги VI Всероссийской конференции в Праге, что я понял, почему был необходим политический разрыв с оппортунистами. Цеткин познакомила меня с тяжелой жизнью Ленина в ссылке, с героической борьбой, которую он вел в защиту угнетенных масс не только России, но и всего мира. После того, как по просьбе Цеткин одна из ее сотрудниц, знавшая русский язык, перевела мне подчеркнутые красным карандашом места из работы Ленина, я твердо убедился в том, что Ленина несправедливо оклеветали. После этого мое уважение к Ленину возросло, и я уже другими глазами смотрел на пережитое...» [19]

Вызванные решениями Пражской конференции опасения международного оппортунизма оправдываются уже летом 1912 года. В Реджио, на съезде итальянской социалистической партии, будет изгнана из нее группа во главе с Биссолати. Партию вынуждены будут покинуть все правые реформисты. И Ленин в связи с этим заявит: «Раскол — тяжелая, болезненная история. Но иногда он становится необходимым, и в таких случаях всякая слабость, всякая «сентиментальность»... есть преступление... И партия итальянского социалистического пролетариата, удалив из своей среды синдикалистов и правых реформистов, встала на верный путь» [20].

«СМОЖЕТ СОЕДИНИТЬСЯ С НАМИ»

Ленин пишет Гюисмансу в Брюссель, что отныне все документы Международного социалистического бюро следует адресовать ему по новому адресу: «Herrn Wl. Ulijanow, Zwierzyniec L. 218, Krakow, Oesterreich» [1].

Улица Звежинец — в рабочем предместье Кракова. А дом, в котором поселяется с семьей Ленин,— каменщика Яна Флорчека. Он социалист. Побывал даже в царской ссылке. Поэтому зовут его соседи сибиряком.

О том, чтобы из Парижа перебраться поближе к России, речь зашла еще в прошлом году. Ленин обсуждал тогда с товарищами вопрос об укреплении связи находящегося в эмиграции партийного руководства с местными организациями, с социал-демократической фракцией IV Государственной думы, с редакциями выходящих в Петербурге и Москве партийных изданий. Это стало особенно важным теперь, в условиях начавшегося после мрачного затишья оживления революционного движения.

Решено было поселиться на польских землях, входящих в состав Австро-Венгрии: ненависть поляков к царскому самодержавию обеспечит большевикам, самым яростным врагам царизма, расположение местного населения.

Удобнее всего, решил Владимир Ильич, обосноваться в Кракове. В отличие от других частей Польши, Галиция, находящаяся под властью Австро-Венгрии, пользуется относительной политической свободой. В Кракове открыты клубы левонастроенной интеллигенции. В популярных кафе Михалика, Бизанса, Дробнера проводятся нередко диспуты о путях к независимости Польши. Здесь нашли пристанище издательства революционных партий, выходят печатные органы Социал-демократии Королевства Польского и Литвы — «Червоны Штандар» и «Пшегленд социал-демократичны».

На столе Владимира Ильича теперь — «Полиглот Кунце. Пособие для быстрейшего изучения любого языка без учителя. Польский». Тут же — русско-польский словарь и план Кракова, который всегда с ним, когда бродит Ленин по улицам города.

Нередко отправляется Владимир Ильич и в окрестные деревушки. Присматривается к жизни крестьян. И говорит потом, что польские деревни ему ближе западноевропейских, а польские крестьяне скорее крестьян Западной Европы воспримут идеи социализма.

Он часто встречается с Я. Ганецким — видным деятелем польского революционного движения, делится впечатлениями от увиденного.

— Владимир Ильич,— поражается Ганецкий,— вы так недавно здесь, откуда вы успели так хорошо узнать здешние окрестности, а главное, так метко характеризовать крестьян?

Ленин смеется:

— Это мой секрет... Вы киснете все время в квартире, а я по воскресным дням разъезжаю на велосипеде по окрестностям горо-

да и знакомлюсь с крестьянством. Здешние окрестности очень красивы и интересны.

Владимир Ильич рассказывает о беседах с крестьянами, об их жалобах на чрезмерные налоги, на дороговизну.

Еще более изумляется Ганецкий:

— Помилуйте, как это вы с ними ведете беседы, ведь вы не говорите по-польски?

Ленин возражает:

— А кто это вам сказал? У меня словарь, я знаю уже много польских слов. При помощи словаря я читаю польские газеты. В загородные прогулки беру с собой в помощь словарь. Зайду к крестьянину в избу, поздороваюсь, попрошу уступить немного молока — и заведу беседу. Говорю по-польски. Если польских слов не хватает, восполняю немецкими: ведь многие из них служили в армии, значит, немного знают немецкий язык. Приходится в разговоре часто прибегать и к жестам... Одним словом, мы превосходно беседуем и друг друга понимаем... Интересный народ здешние крестьяне... Жалко, что здешняя социал-демократическая партия не обращает на них внимания, не работает среди них. А без мужика нам нигде не обойтись...

Он говорил о том полякам и до приезда в Краков.

А связи у него с ними давние.

Еще в Шушенском сблизился Владимир Ильич с Яном Проминским — тоже ссыльным, рабочим из Лодзи. «Он мало читал и не много знал, но обладал замечательно ярко выраженным классовым инстинктом» [2],— вспомнит о нем Крупская.

А потом Ленин познакомился с Розой Люксембург. Встретился с Юлианом Мархлевским, который помог ему в нелегкие дни создания «Искры», участвовал в Лондонском съезде, поддерживал большевиков. В Стокгольме впервые беседовал он с Феликсом Дзержинским, от Социал-демократии Королевства Польского и Литвы вошедшим в Центральный Комитет РСДРП. В Лонжюмо, где руководил Ленин партийной школой, его слушателем стал Эдвард Прухняк. Хоть и было тому всего лишь 22 года, хорошо известен он был польским рабочим. Как «опытного литератора, умного марксиста и прекрасного товарища» [3] характеризовал Владимир Ильич Адольфа Варского, после IV съезда РСДРП вошедшего в состав ЦК партии, входившего в редакцию «Социал-демократа». Однажды — было это весной 1909 года — Варский сообщил Главному правлению Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, что имел «с Лениным долгий разговор» [4]. Разговор шел о крестьянстве, о его роли в революционном движении.

И десять лет назад касался Владимир Ильич в своих работах проблем независимости Польши. С ними связана опубликованная

в «Искре» его статья «Национальный вопрос в нашей программе». Он рассматривал польский вопрос внимательно, с разных сторон. Реформистскую группу в польском рабочем движении подвергал убедительной критике, указывал на несостоятельность националистических установок Польской социалистической партии. Владимир Ильич обвинял ее в забвении классовой точки зрения, в том, что шовинизмом та затемняет классовую позицию. И тем самым разбивает силы польского пролетариата. О нем Ленин всегда отзывается тепло, высоко оценивая его революционный энтузиазм, геройство в освободительной борьбе...

Здесь, в Кракове, пишет Карпинскому Надежда Константиновна, есть у Владимира Ильича «поляки-друзья» [5]. Не только давние — Ганецкий, Варский. Он встречается с В. Штейном-Краевским, Ю. Лещиньским-Ленским, Ю. Уншлихтом, Г. Штейном-Каменьским. При их посредстве знакомится с положением дел в Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, от них узнает подробности раскола среди польских социал-демократов. Ленин считает, что они «создали впервые чисто пролетарскую партию в Польше, провозгласили величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе» [6]. Но потом совершили немало серьезных ошибок и от некоторых до сих пор не избавились.

Больше, чем ему было до сих пор известно, знает теперь Ленин и о печальной роли, сыгранной Главным правлением Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Оно сделало все, чтобы произошел раскол. И появились ныне «зажондовцы» *, примиренчески относящиеся к ликвидаторам, поддерживающие антибольшевистские течения в РСДРП. И есть «розламовцы» ** — те, кто опирается на варшавскую партийную организацию, кто установил контакты с большевиками, одобряет линию ЦК РСДРП.

Штаб «розламовцев» — в Кракове, в редакции «Газета роботнича».

Здесь рады приезду Ленина. Его просят разъяснить польским рабочим причины раскола, ближайшие задачи социал-демократического пролетариата России.

Ленин охотно откликается на просьбу. «Владимир Ильич,— вспомнит Крупская,— взял сторону Варшавского комитета («розламовцев»)... Владимир Ильич не считал, что дело «розламовцев» какое-то чужое дело,— оно было неразрывно связано со всей, такой острой в тот момент, внутрипартийной борьбой, и потому Владимир Ильич не мог остаться в стороне» [7].

---

* От польск. Zarząd Główny (Зажонд Глувны) — Главное правление.
** От польск. rozłam (розлам) — раскол.

Первая «краковская» статья Ленина — для «Газеты роботничей».

«Социал-демократические рабочие Польши,— пишет он,— должны критически оценить этот отход нынешнего Главного правления от РСДРП» [8]. А потому им следует знать, как против антипролетарских течений в социал-демократии борются большевики. Знать, что такое ликвидаторство, к которому примиренчески относится Ян Тышка, к чему ведут отзовисты, призывая к бойкоту III Государственной думы.

Ленин знакомит польских рабочих с принятыми в Праге решениями. Он говорит им: Главное правление уклонилось от участия в конференции, а теперь вас обманывает, в превратном свете изображает то, что произошло там на самом деле. И как следствие: «Благодаря этому обману польские рабочие лишились возможности совещаться с русскими товарищами, совместно обсуждать тактику и лозунги в столь важный момент, как революционный подъем апрельских и майских дней, а также выборы в IV Думу» [9].

«Газета роботнича» публикует статью в первом же после длительного перерыва номере, 16 июля 1912 года.

Ленин разъясняет с ее страниц: интересы польских революционных рабочих совпадают с интересами рабочих всей России. А потому «пролетариат Польши сможет и организационно соединиться с нами, с РСДРП, вопреки принципиальным колебаниям нынешнего Главного правления» [10].

К этому стремится варшавская организация. Хотя Главное правление и объявило ее распущенной, она созовет вскоре конференцию. На ней будет одобрена публикация в «Газете роботничей» статьи Ленина, разъяснившей польским рабочим общепартийные вопросы.

Но Главное правление не смирится с существованием «исключенной» из партии организации. Оно обратится в Международное социалистическое бюро, обвинит своих противников во всех смертных грехах.

И в защиту истины выступит Ленин. Он перешлет в секретариат бюро не только свое возмущенное письмо, но и официальный протест варшавской организации, за которой — большинство польского пролетариата, и потребует, чтобы этот протест разослали всем социалистическим партиям.

В ноябре в Базеле соберется конгресс II Интернационала. С его трибуны в адрес Центрального Комитета РСДРП будет брошено обвинение: не имеет он права «ввязываться» в польские дела.

И снова скажет свое слово «Газета роботнича».

Главное правление, заявит газета, кричит на всех перекрест-

ках о партийном единстве с русской социал-демократией. А когда представитель этой партии — Ленин выступил в защиту варшавской организации, оно потрясает над его головой параграфом устава и требует не касаться польских дел. Товарищ Ленин, продолжает газета, не мог столь не социал-демократически понимать организационную автономию. Он должен был протестовать как против голословных обвинений в адрес варшавской организации, так и против заявления Главного правления, что варшавская организация не принадлежит к РСДРП [11].

Ленин напишет о том и в «Социал-демократе». Теперь уже пролетариев России познакомит он с конфликтом, имеющим «большое политическое значение» [12]. Им сообщит, что исключенная из партии варшавская организация — «самая важная и сильная и, главное, самая выдержанная в революционном отношении и с 1905 года по сей день занимавшая левое крыло в польской социал-демократии» [13]. Со страниц большевистской газеты выразит он уверенность, что «недостойная грызня... скоро отойдет в прошлое», так как «исход уже наметился» и «все здоровые элементы ПСД сплачиваются», что «недалеко уже время, когда ПСД явится организацией партийных с.-д. рабочих, имеющих свои принципы и свою тактику...» [14].

На другую окраину Кракова уже переселились Ульяновы.

Владимир Ильич сообщил Гюисмансу в Брюссель: «Мой адрес в настоящее время Ulica Lubomirskiego. 47, а не Zwierzyniec» [15].

Перебрались Ульяновы с юго-запада Кракова в его северо-восточную часть. На еще не вымощенную улицу Любомирского. С садами и полями, раскинувшимися отсюда на 12—15 километров, до самой русской границы.

В квартире у них две небольшие комнаты. Обставлены они теми же некрашеными столами, простыми стульями, книжными полками. Как и везде, где поселяется Ленин, на подоконниках, столах, стульях лежат стопки книг, пачки газет, рукописи...

Тайком перебравшись через границу, в маленьких комнатках Ульяновых собираются представители нелегальных организаций Петербурга, Москвы, Юга, Урала, Кавказа, большевики — делегаты Думы. Чтобы скрыть это от полиции, участников совещания разместили у польских рабочих. «Краковские рабочие,— свидетельствует бежавший из России и редактирующий в Кракове журнал «Вензень политычны» Сергей Багоцкий,— в своей массе были настроены интернационалистски и охотно оказывали помощь русским товарищам, чего, кстати, нельзя было сказать о лидерах галицийских социал-демократов» [16].

Ленин говорит на совещании о революционном подъеме, о росте экономических и политических стачек, о том, что «Россия опять

стоит в этом отношении *впереди всех,* даже наиболее развитых, стран мира» [17].

«Впереди всех» — это в то время, когда дороговизна, гнет трестов вызывают в странах Европы «невиданное обострение экономической борьбы». И уже сдвинулись с места даже наиболее развращенные либерализмом английские рабочие, уже зреет политический кризис даже в буржуазно-юнкерской Германии. И «бешеные вооружения и политика империализма,— пишет Ленин,— делают из современной Европы такой «социальный мир», который больше всего похож на бочку с порохом. А разложение *всех* буржуазных партий и созревание пролетариата идет неуклонно вперед» [18].

Ведут большевики на улице Любомирского речь и о польской социал-демократии. Резолюция — ее пишет Ленин — выражает «глубокое сожаление по поводу раскола... чрезвычайно ослабляющего борьбу с.-д. рабочих Польши». Она констатирует, что «Главное правление польской социал-демократии, не представляя в настоящее время большинства польских с.-д. организаций польского пролетариата, прибегает к недопустимым средствам в борьбе с этим большинством...» [19].

Ко всем партийным организациям, соприкасающимся с польскими рабочими, обращен призыв участников совещания: содействовать созданию действительного единства польской социал-демократии. Об этом сразу же сообщает «Газета роботнича»...

«СРАЖЕНИЕ НАДВИГАЕТСЯ НЕМИНУЕМО»

Вернемся к июньскому дню, когда поезд доставляет Ленина в Краков.

Первый визит он наносит комиссару «императорско-королевской полиции» квартала Пулвся. «В целях выяснения личности и происхождения Владимира Ульянова» тот допрашивает чужестранца. С его слов в протокол заносится: «Состою корреспондентом русской демократической газеты «Правда», издаваемой в Петербурге...» [1]

Он пишет для нее отсюда почти каждый день. Пишет об избирательной кампании по выборам в IV Думу. Разъясняет значение организованности рабочего класса, разоблачает ликвидаторов.

Пишет Ленин и о рабочем движении в Европе. Оно все более крепнет, нарастает в этот, по мнению Владимира Ильича, «новый и несравненно более высокий, чем прежде, этап международной борьбы пролетариата»[2].

В Швейцарии.

Пришедшие в Краков газеты приносят из Цюриха весть: ра-

бочие объявили всеобщую стачку. И в этой стране обостряется борьба между трудом и капиталом. Господствовавший прежде в некоторых рабочих союзах сонный, мещанский дух исчезает. Заменяется боевым настроением сознающего свою силу организованного пролетариата. И происходят вспышки, подобные той, которая произошла сейчас в Цюрихе.

Ленин отыскивает в газетах подробности о всеобщей забастовке. Они свидетельствуют:

— Стачка удалась блестяще...

И Владимир Ильич сообщает в «Правду» о событиях одного цюрихского дня: «С раннего утра были распространены 30 000 листков на немецком и итальянском языках. Около 2000 стачечников заняли парки трамваев. Все встало. Городская жизнь замерла... В 2 часа дня состоялась величественная массовая демонстрация... Правительство и капиталисты, которые надеялись вызвать рабочих на насилия, увидели свою неудачу и теперь прямо неистовствуют от бешенства. Особым указом запрещены во всем цюрихском кантоне не только стачечные пикеты, но и собрания на открытом воздухе и демонстрации. Полиция заняла Народный дом в Цюрихе и арестовала ряд рабочих вождей. Капиталисты, мстя за всеобщую стачку, объявили трехдневный локаут» [3].

Статью Ленина заверстывают на первой полосе. В том самом шестьдесят третьем номере, который публикует сообщение Шотмана о забастовке в Финляндии, на бумажных фабриках общества «Кюмене», корреспонденции о стачке в румынском порту, о столкновении с полицией бастующих рабочих Лондона, о том, как далеко шагнуло пролетарское движение и во Франции, в Бельгии, Голландии, Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Испании...

В Англии.

12 (25) июля «Правда» выходит с сообщением из Лондона: «В квартале Воппинг бастующие рабочие подожгли вагоны на набережных. Произошло столкновение с полицией. В госпитали доставлено 25 раненых».

Два дня спустя газета пишет о забастовке лондонских докеров, о том, что переговоры с предпринимателями, на которых настояло правительство, не дали результатов и по призыву парламентского комитета тред-юнионов некоторые из них приняли решение поддержать бастующих.

«Правда» продолжает информировать, как на берегах Темзы развиваются события. Она сообщает о «настоящем бое» между стачечниками и полицией и о сотне раненых, оставшихся на месте схватки, о многотысячном митинге докерных рабочих, грузчиков, матросов. Газета высказывает надежду, что забастовка докеров

явится поворотным пунктом в стачечном движении английского пролетариата.

«Рабочее движение в Англии,— пишет «Правда»,— растет все сильнее. Стачки становятся массовыми и, кроме того, перестают быть чисто экономическими, превращаются в политические стачки».

Под статьей подпись: «П». Только сотрудникам редакции известно, что «П» — это Ленин.

Он констатирует, что за долгий срок правления — за шесть с половиной лет! — либералы и их «специалист по части одурачивания масс» — Ллойд Джордж не сумели предотвратить разворачивание массовой борьбы рабочих. Он напоминает о потрясшей недавно Британию стачке шотландских горняков. В ней участвовало около миллиона человек. Стоял во главе стачечников сам бывший горняк, глава союза горнорабочих Роберт Смайли. Он заявил, что в следующем крупном сражении требованием углекопов будет передача угольных копей в собственность государства. И, сообщая об этом в «Правду», Ленин предсказывает: «Следующее крупное сражение надвигается неминуемо» [4].

Пройдет четыре с половиной месяца. «Правда» снова обратится к событиям, связанным со стачкой горняков. Если двухсоттысячная забастовка английских железнодорожников в 1911 году, признает газета, показала «новый дух» британских рабочих, то вспыхнувшая спустя год стачка углекопов «положительно составила эпоху» [5].

На сей раз будет стоять под статьей другая подпись — «W».

Но и «W» — это Ленин.

Владимир Ильич обратит внимание на новые черты, отличавшие шестинедельную борьбу углекопов, на то, что они действовали всей массой — и организованных, и неорганизованных рабочих, что они не допустили штрейкбрехерства. Их упорство, настойчивость заставили самого премьер-министра явиться на собрание делегатов бастующих, просить их согласиться на компромисс.

Даже незначительный результат всеобщей стачки не может умалить ее значения. «...Знающие английское рабочее движение утверждают,— пишет Ленин,— что после стачки углекопов английский пролетариат *уже не тот*. Рабочие научились бороться. Они увидали тот *путь*, который приведет их к победе. Они почувствовали свою силу. Они перестали быть теми послушными овечками, которыми так долго они казались к удовольствию всех защитников и хвалителей наемного рабства» [6].

И снова в Швейцарии.

Минуло два месяца со дня всеобщей стачки в Цюрихе. Но о ней все еще пишут и в Швейцарии, и в Германии. Из газет стано-

вится Ленину известно, что в ту июньскую пору политические лидеры швейцарских рабочих не просто отступились от забастовщиков. Они «дошли в своем оппортунизме,— убеждается Владимир Ильич,— до прямой *измены партии*» [7]. Макс Эрисман, Пауль Пфлюгер, Иоганн Фогельзангер, Эмиль Клёти — социал-демократы! — проголосовали в магистрате против стачечных пикетов, за то, чтобы «для охранения порядка» на помощь полиции призваны были войска и участники забастовки были подвергнуты наказанию.

Напомнив о том, что писал он в шестьдесят третьем номере «Правды», напомнив, что «стачка была решена *вопреки* вождям политических организаций» [8], Ленин сообщает в Петербург о предательстве обывателей «в должности социал-демократических членов городской управы» [9].

И вновь «Правда» выходит со статьей «В Швейцарии».

«Нельзя удивляться тому,— пишет Владимир Ильич,— что анархо-синдикалисты имеют известный успех в Швейцарии, если им приходится критиковать перед рабочими такую социалистическую партию, которая терпит в своих рядах подобных оппортунистов-изменников. Измена Эрисмана и К⁰ именно потому имеет крупное международное значение, что она *наглядно* показывает нам, *откуда* и *каким образом* грозит рабочему движению опасность *внутреннего* разложения» [10].

Ленин предостерегает: «Сознательные рабочие на этом печальном примере могут видеть, к чему *должно* привести распространение оппортунизма в рабочей партии» [11].

Как и прежде, связь Владимира Ильича с другими странами в руках Надежды Константиновны. Ее записная книжка в дерматиновом переплете заполнена адресами болгарских «тесняков», голландских «трибунистов», левых социал-демократов Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, Финляндии, Франции. По одним идут из Кракова письма. Другие используются для пересылки из России нелегальной корреспонденции. Третьи служат для официальных сношений Центрального Комитета РСДРП с европейскими социалистическими партиями и группами.

Это — заветная книжка.

Она связывает Краков с Прагой: «Редакция «Право Лиду», Прага II, Йоахим Гавлена, Гыбернска 7, телефон номер 2122»; «Антонин Бруха, Прага II, Гыбернска 7, Народный дом»; «Антон Немец, Мысликовагассе, 1959, Прага»...

В ней полтора десятка берлинских адресов: редакции «Форвертс» на Линденштрассе, 69; секретаря социал-демократической фракции рейхстага Макса Грунвальда; проживающей на Линденштрассе Розы Люксембург; депутата рейхстага Оскара Кона; члена ЦК Социал-демократической партии Германии Л. Цица...

Еще больше адресов в Париже: на бульварах Араго, Распайль и Брюн, улицах Паскаля, Бобилло, Валь-де-Грас, Бонье, Барро, Даньер, Давиель, Роли, Тольбиак, Газан...

Немало их в Скандинавии: «Г-н Смед, Г. Больганн, Эльсдирсгаде, 28. Копенгаген К.»; «Г-н Герсон Трир М. К., Нерреброгаде, 18а, Копенгаген»; «З. Хёглунд, Упландсгатан, 7, Стокгольм»...

Адреса с лаконичными пометками: «наборщик», «фабрикант сигар», «рантье»... С указанием, что работает адресат в архиве или книжном издательстве, типографии или переплетной мастерской, библиотеке или табачном магазине...

Багоцкий, живущий рядом, посещает Ульяновых часто. И убеждается, что переписка достигла уже сотен писем в месяц. «Только незначительное число писем из России,— подтвердит он,— посылалось непосредственно по краковскому адресу Ульяновых. Большинство же писем направлялось в разные страны...» [12] И уже оттуда пересылалось Ленину.

Просматривая всю доставляемую почту, он бóльшую часть передает Крупской. Но некоторые требуют его личного ответа...

Владимир Ильич сообщает в Париж: «Мы решили *печатать* ответ немцам для Хемница и печатать в Лейпциге» [13]. В Хемнице созывается съезд социал-демократической партии Германии. А печатается на немецком языке брошюра Ленина «К современному положению в РСДРП». Делегаты съезда получат возможность убедиться: правление их партии в отношении коренных расхождений внутри РСДРП заняло оппортунистическую позицию, центральный же ее орган «Форвертс» дает место потоку неслыханной клеветы на РСДРП.

Ленин запрашивает «насчет статьи Паннекука», того самого Антони Паннекука, о котором почти два года назад он писал в петербургской «Звезде». Голландский социалист связан сейчас с германскими левыми социал-демократами, активно сотрудничает в их органах. И надо отыскать его статью в «Нейе Цайт». «Крайне желательно,— настаивает Владимир Ильич,— сблизиться с левыми (Паннекуком особенно...) и агитировать среди них за *принципиальный* отпор Каутскому» [14]. Он отыскивает одновременно и последнюю, архиоппортунистическую статью самого Каутского.

Пришло письмо из Женевы. Ленина просят написать о только что закрывшемся XIX Международном конгрессе мира. «Про участие социалистов — и про оппортунистический характер его — слыхал, но только *слыхал*» [15],— отвечает Владимир Ильич. Но чтобы высказаться конкретно по такому сложному вопросу, надо познакомиться с его отчетами «хотя по одному съезду». Пока же он может лишь сказать: «Несомненно, что общий рост оппортунизма и «уравновешение» его сил с революционной социал-демократией

в крупных странах рабочего движения (Германии) должно сказаться и здесь. Пусть Бебель дипломатничает с оппортунистами — *ежели* это надо (???),— а нам сие не пристало» [16].

В первой, утренней почте — газеты, журналы. В них нередко то, на что отреагировать следует немедленно.

Сегодня, отложив «Новое время», Ленин сразу же пишет, что эта «влиятельная» газета поддерживает политику шовинизма в захвате чужих земель. Дескать, «Австрия оторвала кусок (Боснию и Герцеговину), Италия оторвала кусок (Триполи), теперь наш черед поживиться...» [17] Вот что представляет собой на самом деле провозглашаемая русскими националистами «святая борьба за независимость» балканских народов! Это не что иное, как «лишь фраза для обмана простачков». Положение на Балканах — в центре внимания международного рабочего класса, всех социал-демократических партий. «Расчет националистов,— заявляет Владимир Ильич,— откровенен и бесстыден до последней степени» [18]. Они хладнокровнейшим образом толкают народы на бойню, делая это ради прибыли кучки купцов и промышленников.

Статьей «Азартная игра» — об игре «кровью миллионов, посылаемых то здесь, то там на бойню ради захвата чужих земель и грабежа слабых соседей» [19],— 4 (17) октября 1912 года открывается сто тридцать четвертый номер «Правды».

А на следующий день из Брюсселя в Краков доставляют воззвание Международного социалистического бюро против войны. Владимир Ильич читает его в переводе Крупской. Вносит редакционную правку. Надписывает заголовок: «Интернационал против войны, или: Международное бюро рабочих партий против войны». И с пометкой: «Это — важный документ: циркуляр Международного социалистического бюро против войны. Можно поставить: письмо из Брюсселя» [20] — отправляет в Петербург, в редакцию «Правды».

Полученное от Ленина воззвание заверстывают в ближайший номер. И по всей России читают в «Правде»: «Вместе с нашими балканскими товарищами мы протестуем против вооруженного насилия и боремся за разоружение. Мы протестуем против лицемерия держав, выступающих под личиной миротворцев и покровителей балканских государств и в то же время угнетающих подвластные им национальности и страны. Наши балканские товарищи не имеют достаточного влияния, чтобы потребовать мира, поэтому мы рассчитываем на содействие всех больших социалистических партий».

Воззвание завершается лозунгом: «Война — войне!» [21]

Война между тем уже разразилась.

Утром 9 октября 1912 года открыла боевые действия Черно-

гория. Восемь дней спустя вступили в войну Сербия и Болгария. На следующий день войну Турции объявила Греция...

Владимир Ильич пишет воззвание Центрального Комитета РСДРП. Оно обращено ко всем рабочим, ко всем гражданам России.

Ленин бьет тревогу:

— Грозит общеевропейская война.

Вот чего стоят заверения тех, кто ратует якобы лишь за «свободу славян»: «Готовятся к войне, вопреки всем лживым правительственным опровержениям, Россия и Австрия. Наглеет Италия в своей политике грабежа турецких земель. Биржевая паника в Вене и Берлине, в Париже и Лондоне показывает, что капиталисты всей Европы не видят возможности сохранить европейский мир» [22].

На деле идет речь не о «свободе славян». «...На деле,— пишет Владимир Ильич,— Россия хочет урвать кусок Турции в Азии и захватить Босфор. Австрия точит зубы на Салоники, Италия на Албанию, Англия на Аравию, Германия на Анатолию» [23].

Ленин предупреждает:

— Кризис разгорается.

В войну уже втянуты сотни тысяч, миллионы людей. С ее резким осуждением выступили передовые рабочие, социалисты балканских стран. Они возлагают свои надежды не на интриги буржуазных дипломатов, а на развитие сознательности, демократизма. И их поддерживают социалисты всей Западной Европы. Поддерживает и партия большевиков.

Она провозглашает: «Только революционное низвержение царизма может обеспечить свободное развитие и России и всей Восточной Европы. Только победа федеративной республики на Балканах наряду с победой республики в России в состоянии избавить сотни миллионов людей от бедствий войны и от мучений гнета и эксплуатации в так называемые «мирные» времена» [24].

Воззвание отпечатывают листовкой. Его переводят на немецкий язык. Ленин отправляет перевод Гюисмансу. «Будьте любезны,— просит он,— сообщить текст этого манифеста секретарям представленных в Бюро партий и социалистической прессе» [25]. Написанное Лениным воззвание Центрального Комитета РСДРП публикуют вскоре «Форвертс» и «Лейпцигер Фольксцайтунг», бельгийская газета «Ле Пёпл», французский, немецкий, английский периодические бюллетени Международного социалистического бюро. В разных странах, на разных языках читают страстные ленинские строки:

«Балканский кризис есть одно из звеньев той цепи событий, которая с начала XX века ведет повсюду к обострению классовых и

международных противоречий, к войнам и революциям. Русско-японская война, революция в России, ряд революций в Азии, обострение соперничества и вражды между европейскими государствами, угроза миру из-за Марокко, грабительский поход Италии на Триполи — такова подготовка теперешнего кризиса.

Войны со всеми их бедствиями порождает капитализм, который порабощает миллионы трудящихся, обостряет борьбу между нациями и превращает рабов капитала в пушечное мясо. Только всемирная социалистическая армия революционного пролетариата в состоянии положить конец этому угнетению и порабощению масс, этим бойням рабов ради интересов рабовладельцев» [26].

В эти дни приходит шестой номер «Нейе Цайт». В нем — статья Каутского «Война и Интернационал». Ленин убеждается, что тот «рассуждает чисто оппортунистически» [27]. Было бы ошибкой, считает, оказывается, Каутский, если бы рабочие стали организовывать против войны политические забастовки. И это сейчас, когда волна антивоенных демонстраций, митингов протеста, забастовок охватила все крупные города Европы!

Владимир Ильич с возмущением пишет Плеханову: «У Каутского выходит *зарок* именно от *революционной* массовой стачки. Это недопустимо и с русской точки зрения (100 000 политических стачечников *теперь* в Питере с революционными митингами и сочувствием *восстанию* матросов!) и с общеевропейской» [28].

От Гюисманса узнает Ленин о созыве в Базеле чрезвычайного конгресса II Интернационала «для обсуждения вопроса, представляющего исключительный интерес ввиду того, что Европа находится под угрозой всеобщей катастрофы...» [29] И Владимир Ильич принимает меры, чтобы все депутаты-большевики IV Государственной думы поставили свои подписи под телеграммой конгрессу, выражающей протест против войны. Он советует товарищу, которому поручено представлять в Базеле РСДРП: «...Соберите *все* манифесты против войны, достаньте «Neue Zeit», последний номер (№ 6, 8. XI), где Каутский рассуждает чисто оппортунистически...» [30] Отмалчиваться не следует! Надо поддержать подъем антимилитаристского движения народных масс, не дать ему заглохнуть. Тем более что статья в «Нейе Цайт», утверждает в другом письме Ленин, выражает позицию не одного лишь Каутского. Это «явно официальное мнение немцев, австрийцев и др.» [31] — немецких, австрийских и прочих шовинистов.

Теперь, когда приходят газеты, Владимир Ильич прежде всего отыскивает сообщения с Балкан. Он уже давно убедился: от рабочих всего мира скрывают воюющие стороны то, что там происходит. Корреспондентов обманывают, не подпускают к полям сражений. Но в «Дейли Кроникл» Владимир Ильич неожиданно

наталкивается на свидетельство очевидца, находившегося с турецкой армией в битве у Люле-Бургасе. Он видел беспорядочное бегство голодных, измученных, обезумевших людей. И Ленин откликается на эту корреспонденцию статьей об ужасах войны.

Ее публикует «Правда».

А через несколько дней Ленин присылает в Петербург статью о социальном значении сербско-болгарских побед. Он указывает в ней пути решения назревших на Балканах исторических задач. «...Рабочая демократия,— заявляет Ленин,— одна только отстаивает действительное и полное освобождение балканских народов. Только доведенное до конца экономическое и политическое освобождение *крестьян* всех балканских народностей может уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения» [32].

Владимир Ильич работает сейчас над тезисами первого выступления рабочего депутата в IV Государственной думе. Он придает ему особенное значение. Ведь рабочие ждут этого выступления. Следует поэтому отразить в нем главное, поднять волнующие всех пролетариев вопросы.

Таким вопросом и является сейчас балканская война. «Эту, самую злободневную тему,— пишет Владимир Ильич для рабочего депутата,— обойти невозможно».

И уточняет:

«Она подразделяется на следующие вопросы:

а) Балканская война. Лозунг балканской федеративной республики должен быть провозглашен и русским рабочим депутатом. Против славяно-турецкой вражды. *За* свободу и равноправие *всех* народов на Балканах.

б) Против вмешательства в балканскую войну других держав. Обязательно присоединение к той демонстрации в пользу мира, которая произошла в Базеле, на международном социалистическом конгрессе. Война войне! Против всякого вмешательства! За мир! Таковы лозунги рабочих» [33].

Не только тезисы — и проект декларации социал-демократической фракции пишет Ленин. Она должна заявить в этой декларации, что присоединяет свой голос к голосу рабочих всех стран, выразивших на Базельском конгрессе решительный протест против войны. Фракция должна провозгласить с думской трибуны:

— Рабочие требуют мира. Рабочие протестуют против какого бы то ни было вмешательства в балканские дела. Только полная свобода и самостоятельность балканских народов, только федеративная республика балканская в состоянии обеспечить наилучший выход из теперешнего кризиса и действительное разрешение национального вопроса путем признания полного равноправия и

безусловного права на политическое самоопределение за всеми без исключения национальностями [34].

И, следуя наставлениям Ленина, большевики заявляют на заседании Государственной думы: Мы вместе со всеми балканскими социалистами с негодованием отвергаем политику династических и хищнических интересов балканских реакционеров.

Они сообщают, что РСДРП приветствует «усилия пролетариев всех балканских государств прекратить кровопролитие и разрешить балканский вопрос путем создания балканской федеративной демократической республики» [35].

«ПОДЧЕРКИВАЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ ЕДИНСТВА...»

Газета «Напшуд», центральный орган Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии, извещает: «В пятницу 18 текущего месяца в 7.30 вечера в зале Народного университета (ул. Шевская, 16) состоится лекция тов. Ленина на тему: «Рабочее движение в России и социал-демократия» [1].

Народный университет носит имя Адама Мицкевича. Это культурно-просветительный центр Кракова. Здесь с лекциями выступают и буржуазные либералы, и марксисты.

Не раз засиживался Владимир Ильич в библиотеке университета. А нынешним апрельским вечером 1913 года «один из самых выдающихся вождей русской социал-демократии», как называет Ленина «Напшуд», приходит сюда лектором. И послушать его собираются краковские студенты, рабочие, интеллигенция, деятели Польской социалистической партии.

«В небольшом зале на 200—300 человек,— расскажет корреспондент газеты «Нова культура»,— мы разместились на простых лавках... Тема доклада была очень интересной, ибо из России ежедневно приходили страшные известия о разгуле реакции, распоясавшейся после 1908 года...» [2]

Корреспондента газеты дополнит пришедший на лекцию Ленина учитель Л. Лешко: «Он говорил по-русски. Многие из присутствующих знали этот язык, но и не знающие русского понимали его замечательно. Скупой, выразительный жест подчеркивал пластику и образность слова. Понемногу он разогревался, голос звучал сильнее, безошибочная диалектика разила, как острие шпаги,— он захватил и очаровал аудиторию» [3].

В набитом до отказа зале пристроился и осведомитель варшавской охранки. Он доносит вскоре о лекции «лидера русских большевиков Ленина», о том, что «между ним и редактором «Пржедсвита» *, Василевским, завязалась горячая полемика по поводу во-

* «Пржедсвит» — теоретический орган Польской социалистической партии.

оруженного восстания в Царстве Польском» [4], что подробный отчет о лекции помещен в «Напшуде».

А эту газету читают не только в Кракове. Она попадает и в ту часть Польши, которая захвачена Германией. Нелегально доставляют ее в Варшаву. И уже не сотни — тысячи поляков узнают о том, что говорил галичанам Ленин — «вождь так называемого «большевистского», т. е. наиболее радикального, непримиримого направления в русской социал-демократии» [5].

«Напшуд» пишет: «Характеризуя рабочее движение в России, докладчик отмечает большое значение, которое оно имеет также и для стран Запада, ибо несомненно, что в период социалистических революций и там будут происходить явления, подобные тем, какие имели место в России» [6].

В газетном отчете упоминается «вопрос одного из присутствующих». Задал его Леон Василевский:

— Как смотрит Ленин на национальный вопрос?

И Ленин ответил:

— Российская социал-демократия полностью признает право каждой нации на «самоопределение», на решение своей судьбы...[7]

«Вместе с тем,— сообщает «Напшуд»,— тов. Ленин подчеркивает необходимость полного единства революционной армии пролетариата различных национальностей в борьбе за полную демократизацию страны. Лишь на этой основе является возможным разрешение национального вопроса...» [8]

Отсюда, из Кракова, с кафедры Народного университета вступил Ленин в спор с Карлом Реннером, отверг отстаиваемую лидером австрийских социал-демократов буржуазно-националистическую теорию «культурно-национальной автономии».

— Мы должны,— заявил Ленин,— остерегаться всякой национальной борьбы внутри социал-демократии, которая свела бы на нет великую задачу революционной борьбы...

Он напомнил о том, что произошло в Австрии шестнадцать лет назад. Тогда на Вимбергском съезде ликвидировали единую партию и создали федеративный союз национальных «социал-демократических групп»: немецкой, чешской, польской, русинской, итальянской, южнославянской, связанных между собой лишь общим съездом и Центральным правлением.

— Национальная борьба в Австрии,— подчеркнул Ленин,— должна служить нам предостережением...

С этим предостережением он обратился и к польским социал-демократам. По существу, Ленин выступил против идеологии и практики ППС-фракции, против реформизма и национализма, все более проникавших в польское рабочее движение.

Почти три недели минуло с того вечера. Три напряженных не-

дели Владимир Ильич был занят множеством самых неотложных дел.

А сейчас на конверте его письма, уходящего в Вологду, уже не краковский почтовый штемпель. Владимир Ильич сообщает сестре Марии Ильиничне: «На днях переехали мы (отчасти по случаю Надиной болезни — базедовой болезни, которая меня немало тревожит) на лето в горы, в деревню Поронин, в 7 km от Закопане. Это около гор Татр*, в 6—8 часах железной дороги от Кракова к югу — сообщение и с Россией и с Европой через Краков»[9].

Они поселились не в самом Поронине. Сняли крестьянский дом в километре от него — в крошечной гуральской деревушке Белый Дунаец. И отсюда с дорожной сумкой на плече на стареньком велосипеде отправляется Владимир Ильич каждый день за корреспонденцией.

Первый поезд из Кракова приходит в 6 часов 15 минут утра. А в восемь Ленин уже ждет открытия почты.

До сих пор была ее жизнь спокойной. И вдруг пошли отовсюду газеты, журналы, письма. Начальник отделения Станислав Радкевич поражен:

— И все это одному господину Ульянову!

— Кто же этот господин Ульянов? — спрашивает у мужа Мечислава Радкевич.

— О, это известный русский социалист,— отвечает тот.

— Показал бы ты мне его.

— Хорошо, покажу, как только он зайдет в нашу контору.

И на следующий день подводит ее к окну:

— Вот тот, с бородкой и в шляпе,— Ульянов...

Он сидит на лежащих у почты бревнах. На коленях у него только что полученная корреспонденция. Быстро просматривает ее Владимир Ильич, мысленно отмечает то, к чему вернется в своей мансарде — рабочем кабинете с деревянными полками, заполненными привезенными из Кракова комплектами газет, книгами, журналами, брошюрами.

Отсюда, из Белого Дунайца, июньским днем пишет Ленин в Брюссель Гюисмансу: «Уже некоторое время казначеем социал-демократической фракции IV Думы состоит Муранов. Он публикует в с.-петербургских социал-демократических газетах отчеты о суммах, полученных фракцией. Согласно газетам, русские рабочие производят с начала всеобщей стачки в Бельгии сборы «для бельгийских рабочих»[10].

* Владимир Ильич делает в письме поясняющую сноску: «Татры — горы прикарпатские, высотой до 2600 метров. Швейцария да и только!»

Об этой стачке бельгийских рабочих, потребовавших изменения конституции, выступивших за всеобщее и равное избирательное право, Ленин опубликовал в «Правде» статью. Не раз уже подчеркивалось в газете, что рабочие выступления, где бы они ни были, привлекают пристальное внимание во всех странах, что победа пролетариата в любой стране есть вместе с тем победа всего международного рабочего класса.

По убеждению Ленина, всеобщая стачка бельгийских рабочих пробила известную брешь «в старом, непримиримом, неподатливом и упрямом клерикальном (черносотенно-поповском) «порядке вещей» [11]. Она показала, как велики энтузиазм бельгийского рабочего класса, его способность к стойкой борьбе.

И все же она завершилась полупобедой. В чем же «причины *малой* удачи стачки»?

Ленин обвинил в том оппортунистов и реформистов бельгийской социал-демократии, чьи колебания, чья оглядка на либералов ослабили размах всей пролетарской борьбы. Он указал на слабость рабочей организации, социал-демократической партии. «Рабочая партия в Бельгии,— заявил Ленин,— есть союз политически организованных с политически неорганизованными рабочими, с «чистыми» кооператорами, профессионалистами и т. д. Это — крупный недостаток движения рабочих в Бельгии...» [12] И он призвал настойчиво вести социалистическую пропаганду, больше работать над сплочением крепкой, принципиально выдержанной, верной социализму партийной организации.

Сейчас, когда обращается Владимир Ильич к Гюисмансу, выписывает он из газеты колонкой поступления «для бельгийских рабочих». «...В №№ 101, 102, 109, 116 газеты «Правда»,— сообщает в Брюссель,— имеются отчеты за подписью Муранова, который получил для бельгийских рабочих около 500 рублей, собранных русскими рабочими во всех концах России» [13]. Он убежден, что и полторы тысячи франков, которые получил уже оттуда Гюисманс, также были предназначены бельгийским товарищам.

Почти весь день Владимир Ильич за столом. А в хорошую погоду, захватив рукопись, свежие газеты, книги, нередко располагается неподалеку от дома, на холме, с которого открывается широкий вид на горную цепь Татр.

— Этот вид,— заверяет Владимир Ильич,— не только не рассеивает внимания, но помогает сосредоточиться.

В полукилометре от Ульяновых поселился на лето Багоцкий. И от него мы узнаем: «Электрического освещения в то время в Поронине не было. Работать при свете маленькой керосиновой лампы было трудно. Поэтому Владимир Ильич старался закончить работу засветло. Часов около семи он отвозил письма на вокзал...» [14]

Письма — это и те статьи, которые пишет для «Правды» Ленин.

Однажды на конверте пришедшего из Бостона письма записывает он для памяти отправленное из Поронина. По этой записи десятилетия спустя будет установлено: между 9 мая и 21 июня 1913 года «Правда» опубликовала 47 названных в перечне статей.

Значительная часть посланного в Петербург — о событиях на Западе, хоть и находится Владимир Ильич в сравнительной отдаленности от его центров. Материал для этих статей почерпнут из французских, английских, германских, швейцарских, австрийских газет. Из тех самых газет, за которыми он каждое утро ездит в Поронин, о которых пишет отсюда в Вологду сестре: «Газет имеем много, и работать можно» [15].

15 мая. Он узнает из газет о встрече в Берне французских и немецких парламентариев, о том, что вели они там разговор об отношении европейской буржуазии к войне. И единогласно приняли резолюцию, осуждающую шовинизм. В ней указывается, что подавляющее большинство французского и немецкого народов хотят мира, требуют решения международных конфликтов путем третейских судов.

Ленин признает: конференция в Берне— внушительная демонстрация в пользу мира. Но предостерегает: не следует доверяться прекраснодушным речам буржуазных депутатов, которые не осудили увеличения вооружений в Германии.

«Нет,— пишет в «Правду» Ленин.— Европейская буржуазия судорожно цепляется за военщину и реакцию из страха перед рабочим движением. Ничтожное число мелкобуржуазных демократов бессильно твердо желать мира и еще более бессильно обеспечить его. Власть — в руках банков, картелей и крупного капитала вообще. Единственная гарантия мира — организованное, сознательное движение рабочего класса» [16].

18 мая. Нынешней весной в «Правде» Ленин уже обращал внимание читателей на крайний оппортунизм рабочей фракции британского парламента. Значительное число депутатов от Рабочей партии предпочли уклониться от голосования за предложение о сокращении ассигнований морскому министерству, а некоторые даже отдали свои голоса правительству. «Вот — наглядный пример *измены* социализму, *измены* рабочему делу...» [17] — гневно писал тогда Владимир Ильич, призывая русских рабочих на чужих ошибках учиться пониманию всей гибельности оппортунизма, либеральной рабочей политики.

Но сейчас приходят газеты с отчетами о только что закрывшемся съезде Британской социалистической партии. И Ленин убеждается, что борьба интернационалистов против шовинисти-

ского требования «сильного флота», проводившегося Гайндманом, наконец-то завершилась победой. Подавляющим большинством голосов съезд принял резолюцию, обязывавшую партию выполнять решения конгрессов в Штутгарте и Базеле, бороться со всеми видами милитаризма.

«Правда» публикует статью Ленина о съезде в Блекпуле. «Пусть злобствует и фиглярствует буржуазная печать по поводу внутренней борьбы среди с.-д.,— пишет Владимир Ильич.— Социал-демократы не считают себя святыми; они знают, что пролетариат нередко заражается той или иной грязной болезнью от окружающей его буржуазии,— это неизбежно в грязном, омерзительном капиталистическом обществе. Но с.-д. умеют лечить свою партию прямой и безбоязненной критикой. И они вылечат ее наверняка и в Англии» [18].

29 мая. И снова внимание Ленина привлекают сообщения английской прессы. Газеты, особенно рабочие, пишут о горячке вооружений, давно охватившей и «общество», и правительство. Приводят конкретные данные, называют колоссальные цифры ассигнований на военные нужды.

— Разумеется,— иронизирует Ленин,— все это делается исключительно в интересах мира, в интересах родины, цивилизации и т. д.

Он пишет статью «Вооружения и капитализм», разоблачая в ней буржуазных политиков. Они составляют тесную международную шайку, подстрекающую народы к гонке вооружений, внушающую им, что вооружение, дескать,— национальный долг. Ленин разоблачает и консервативных, и либеральных министров, и членов палаты, в чьи карманы льется золотой дождь. Ведь почти все они имеют непосредственное отношение к фирмам, изготовляющим вооружение.

Но, может быть, Англия — досадное исключение?

«То же самое,— утверждает Ленин,— происходит, разумеется, во всех капиталистических странах. Правительства — приказчики класса капиталистов. Приказчикам платят хорошо. Приказчики — сами пайщики. А овечек стригут вместе под шумок речей о «патриотизме»...» [19]

30 мая. То, что Ленин писал накануне, подтверждается газетами, пришедшими сегодня утром. Очередную статью, которую он отправит в Петербург вечерним поездом, Владимир Ильич начинает с сообщения: «Бюджетная комиссия немецкого рейхстага приняла в первом чтении военный законопроект. Нет сомнения, что ему обеспечено принятие. Правительство юнкеров — этих братьев наших Пуришкевича и Маркова — дружно «работает» вместе с германской буржуазией над новым угнетением народа, а заодно и

над увеличением прибылей гг. фабрикантов орудий истребления»[20].

Но среди немецких рабочих растет возмущение. Ленин выписывает из газеты резолюцию собрания социал-демократов 1-го вюртембергского избирательного округа Штутгарта и включает ее в свою статью. Пусть через «Правду» узнают русские пролетарии: рядовые немецкие социал-демократы недовольны тем, как их посланцы в рейхстаге борются против военного законопроекта; они требуют от правления партии приступить к организации массовых стачек против роста вооружений.

Ленин приходит к заключению: «Сознание необходимости более решительной, наступательной, массовой борьбы рабочих медленно, но неуклонно растет среди германской социал-демократии. Если оппортунисты, которых много в парламентской фракции и среди чиновников рабочего движения, противятся такой борьбе, то в рабочих массах она встречает все больше сочувствия»[21].

12 июня. Не раз писал уже Ленин о Гюставе Эрве, том самом Эрве, который известен не только во Франции, но и во всей Европе как защитник полуанархистских взглядов на антимилитаризм. Не раз вскрывал Ленин мелкобуржуазный характер эрвеизма. И сегодня вновь убеждается: этот «бойкий интеллигентик»[22], всегда отличавшийся замечательной бесхарактерностью, «испугался» нынешней реакционной волны шовинизма, национализма, империализма. Для спасения республики во Франции он видит лишь один выход — блок с радикалами.

Как реагируют на это в самой Франции?

«...Кроме крайних оппортунистов,— убеждается Владимир Ильич,— французские социалисты высмеивают бесхарактерного Эрве и решительно протестуют против блока»[23].

А как расценивает его Ленин?

Он заявляет:

«Единственно серьезная опора демократии и республики во Франции (как и везде) — это массы, массы рабочих, а за ними и мелких крестьян, а не парламентские дельцы, фигляры, карьеристы и авантюристы буржуазных партий, которые сегодня объявляют себя «радикалами-социалистами», чтобы завтра (из-за министерского местечка или из-за выгодного дельца в виде какой-нибудь концессии или должности в синдикате миллионеров и т. п.) продать и демократию и родину (как продавали Францию Бисмарку французские буржуа в 1871 году из страха перед восстанием парижских рабочих против наемного рабства)»[24].

19 июня. В доставленном сегодня двадцать четвертом номере «Лейбор Лидер» — еженедельнике Независимой рабочей партии Англии внимание Ленина привлекает перечень — на целую стра-

ницу! — министров и бывших министров, епископов и членов парламента, владельцев больших газет, финансистов и банкиров.

Чем объяснить, что их объединили в одном длиннейшем списке?

Оказывается, все они — пайщики или директора акционерных компаний, торгующих главным образом военным снаряжением. И опубликованные о них сведения фактически разоблачают связи финансовых «операций» с высшей политикой. «Эти разоблачения,— пишет Ленин,— заслуживают внимания рабочих всех стран, ибо вскрывается здесь самая основа управления государством в капиталистическом обществе» [25].

Когда «Правда» напечатает статью Ленина «Буржуазные дельцы-финансисты и политики», он будет уже в Швейцарии.

Владимир Ильич привез Надежду Константиновну, здоровье которой вызывает тревогу, в Берн, к прославленному Кохеру. Но знаменитость сразу принять не может. И Ленин не теряет времени. Налаживает отсюда сотрудничество с «Правдой».

С Гезельшафтштрассе, где снял Владимир Ильич скромную и дешевую комнату, каждый день ходит он в Национальную библиотеку на Архивштрассе. То, что пишут газеты, подтверждает: острее, чем когда-либо, стоит сейчас национальный вопрос. С подъемом революционного движения, с нарастанием угрозы войны повсюду усилилась националистическая пропаганда. Буржуазия стремится расколоть рабочий класс, подорвать, ослабить его интернациональное единство. И хорошо бы прочесть теперь несколько рефератов, разъяснив в них взгляды большевиков на национальный вопрос, на колониальную политику империалистических держав.

На почтовых листках набрасывает Владимир Ильич тезисы. Излагает в них программу большевистской партии по национальному вопросу. Комментируя ее параграф о самоопределении наций, он подчеркивает, что такой параграф для социал-демократической партии России «*абсолютно* необходим». В силу хотя бы того, «что во всей восточной Европе (Австрия и Балканы) и в Азии — т. е. в пограничных с Россией странах — либо не закончено, либо только еще начато буржуазно-демократическое преобразование государств, везде в мире ведшее, в большей или меньшей степени, к созданию самостоятельных национальных государств или государств с наиболее близким и взаимно-родственным национальным составом» [26].

Состояние Надежды Константиновны позволяет Владимиру Ильичу на несколько дней покинуть Берн. И 9 июля Ленин — в Цюрихе. В зале ресторана «Цур линде» он читает реферат «Социал-демократия и национальный вопрос».

Ленин заявляет:

— Нет большего несчастья для нации, как покорить себе другую нацию.

Он выступает против угнетения слабых национальностей. Взволнованно, страстно говорит о том, что писал и в тезисах,— о праве наций на самоопределение.

После реферата Владимир Ильич встречается с членами местной большевистской секции. Многие из них связаны с швейцарскими рабочими. Не один год вместе с ними трудятся на заводах и фабриках. Входят в одни и те же профессиональные союзы. И все же недоволен Ленин: недостаточно активно участвуют цюрихские большевики в швейцарском рабочем движении; стоят в стороне и от Швейцарской социал-демократической партии. А ведь входят в нее те самые рабочие, с которыми русские большевики работают на соседних станках.

Ленин настаивает:

— Нам следует учесть особенности настоящего момента. Надвигающаяся война безусловно вызовет активное сопротивление сознательной и организованной части пролетариата во всех странах. Надо к этому готовиться и помочь швейцарским рабочим занять в борьбе против войны революционную позицию.

Мы узнаем от Р. Харитоновой: «В. И. Ленин подробно охарактеризовал задачи рабочего движения в Швейцарии и нашу роль в нем. Эта встреча с В. И. Лениным всколыхнула нашу секцию. Каждый из нас как будто ожил для дела, к которому звал нас Ленин. Мы все включились в деятельность местных рабочих организаций» [27].

Поздно вечером выезжает Ленин в Женеву. И здесь читает тот же, что и в Цюрихе, реферат.

Потом выступает в Лозанне, Берне...

Надежда Константиновна уже в клинике Кохера. Полдня проводит Ленин там. А вторую половину? «Остальное время,— вспомнит Крупская,— ходил в библиотеки, много читал... делал выниски по интересовавшим его вопросам» [28].

И так до самого дня отъезда...

«ВОЙНА ВОЙНЕ!.. ЗА МИР!..»

Ульяновы возвращаются в Белый Дунаец дождливым августовским утром.

А через несколько дней приходит сообщение: умер Август Бебель. Не стало человека, которого считает Владимир Ильич самым талантливым организатором и тактиком, самым влиятельным сре-

ди рабочих, наиболее любимым пролетарскими массами руководителем германских социал-демократов.

Он тотчас же телеграфирует в Берлин, правлению Социал-демократической партии Германии: «Разделяем вашу скорбь по поводу утраты виднейшего вождя международной революционной социал-демократии» [1]. И пишет статью о нем.

Первой же почтой статья о Бебеле уходит в Петербург. Ее публикует «Северная правда» — под таким названием выходит сейчас запрещенная властями «Правда». «Период подготовки и собирания сил рабочего класса,— утверждает в этой статье Ленин,— составляет во всех странах необходимый этап в развитии всемирной освободительной борьбы пролетариата» [2].

Да, собирание сил. И во всех странах...

Из газет, которые каждое утро получает Владимир Ильич, узнает он о стачке дублинских трамвайщиков, об их требовании восстановить на работе уволенных, о том, что к стачечникам присоединились докеры, железнодорожники, возчики, строители. Сопровождается стачка демонстрациями, митингами, на ее подавление брошены войска, полиция.

Об этом сразу же сообщает Владимир Ильич в Россию: «Полиция прямо-таки бешенствует, пьяные полицейские избивают мирных рабочих, врываются в дома, истязают стариков, женщин и детей. Сотни раненых (свыше 400) и *двое убитых* рабочих — таковы жертвы этой войны. Все выдающиеся рабочие вожди арестованы. Сажают в тюрьму за самую мирную речь. Город похож на военный лагерь».

Две большевистские газеты — петербургская «Северная правда» и московская «Наш путь» — публикуют ленинскую статью «Классовая война в Дублине». Статью о том, как «национальный гнет и католическая реакция превратили пролетариев этой несчастной страны в нищих, крестьян — в заскорузлых, темных и тупых рабов поповщины, буржуазию — в прикрытую националистическим фразерством фалангу капиталистов, деспотов над рабочими...» [3]. И о том, как не на живот, а на смерть ведет националистическая ирландская буржуазия войну с рабочим движением.

Владимир Ильич уже давно внимательно следит за тем, как пробуждается классовое самосознание ирландского пролетариата. Он констатирует сейчас, что выступили там даже неквалифицированные рабочие, сумев объединиться в крепкий профессиональный союз, что произошло в католической Ирландии дотоле невиданное: «Стали организовываться даже женщины...» [4]

То, что происходит в Ирландии, позволяет прийти к заключению: «Страна, для которой характерны были фигуры жирного, упитанного католического попа да нищего, голодного, ободранного

рабочего, который даже в воскресенье ходит в лохмотьях, ибо ему не на что купить праздничное платье,— эта задавленная двойным и тройным, национальным, гнетом страна стала превращаться в страну организованной армии пролетариата»[5].

Ленин не выпускает ирландские события из поля зрения. И вслед за первой статьей шлет в Петербург и Москву еще одну. Она о том, что последовало в Дублине после полицейского побоища, о мужестве ирландских рабочих, снова вышедших на улицы, и солидарности с ними пролетариев Лондона. Как и дублинские их товарищи, на массовом митинге потребовали они свободы союзов.

Итак — собирание сил. Оно, по мнению Ленина, необходимый этап в развитии освободительной борьбы международного пролетариата, из богатейшего опыта которого извлекает Владимир Ильич все ценное, поучительное для российского революционного движения.

Уже глубокой осенью здесь, в Поронине, с той же целью консолидации сил, собираются члены ЦК, представители партийных организаций Петербурга, Москвы, Центрально-промышленной области, Екатеринослава, Харькова, Костромы, Киева, Урала, большевики-депутаты IV Государственной думы. Узнав от Ленина о предстоящем совещании, Ганецкий сообщает Варшавскому комитету: «Будут обсуждаться очень важные дела и всеми мерами желательно, чтобы кто-то из вас при этом был... Для нас это имеет ту хорошую сторону, что мы могли бы обсудить целый ряд вопросов»[6]. И приезжают сюда делегаты от польских левых социал-демократов.

Девять дней совещаются в Поронине большевики России. Ленин выступает с несколькими докладами. В одном из них он предсказывает близость мировой войны, она будет длиться годы, принесет народам не поддающиеся описанию жертвы и страдания и приблизит социальную революцию.

В перерывах между заседаниями Ленин работает над проектами резолюций — о задачах агитации в настоящий момент и по организационному вопросу, о стачечном движении, партийной печати, о думской работе социал-демократов, о работе в легальных организациях.

Особенно тщательно продумывает Владимир Ильич резолюцию по национальному вопросу. Этот вопрос сейчас приобрел особое значение из-за разгула черносотенного шовинизма, роста националистических тенденций среди либеральной буржуазии. Создавалась серьезная угроза интернациональному единству рабочего движения, которое всегда отстаивали большевики. Еще в «Проекте программы Российской социал-демократической рабочей партии» выдвинул Ленин лозунг о праве наций на самоопределение. Он от-

стоял его на II съезде РСДРП, а затем постоянно возвращался к нему в своих статьях и книгах, подчеркивая, что национальный вопрос — один из самых животрепещущих вопросов социалистической революции, что борьба с национальным угнетением — составная часть борьбы против милитаризма, против подготовки к войне.

Ленин набрасывает предостерегающие строки: «Пример Польши и Финляндии в 1905 г. показывает *сближение* помещичьих и буржуазно-националистических партий с *монархией* Николая II,— показывает обман рабочих Польши и Финляндии националистической буржуазией своей страны,— показывает, что рабочие, предпочитавшие политическое (и идейное) сближение с *своей* буржуазией *единству* с пролетариатом других наций, совершили бы измену и социализму, и демократии, *и своей родине*» [7].

Этих строк нет в окончательном тексте ленинской резолюции. Но зовет она к тому же, что и запись о Польше и Финляндии в сделанном Владимиром Ильичем наброске,— к рабочей солидарности. Спустя некоторое время с упоминания о принятой в Поронине резолюции начнет Ленин в «Социал-демократе» статью «О национальной программе РСДРП». Излагая большевистскую позицию, он отметит в связи с этим, что «социал-демократия в России складывается, целиком опираясь на опыт старших стран, т. е. Европы, и на теоретическом выражении этого опыта, именно марксизме» [8].

На совещании в Поронине определяется путь, по которому должна идти партия в период нарастания новой революции. Его участники договариваются, как следует действовать в нынешнюю переходную эпоху, оставаясь в то же время верными старому революционному знамени...

Почти две недели живут еще Ульяновы в Белом Дунайце. Затем возвращаются в Краков. Снова поселяются они в районе Весела, на улице Любомирского.

«Вся наша жизнь была заполнена партийными заботами и делами...» [9] — вспомнит об этой поре Крупская. По-прежнему совмещаются они у Ленина с «заботами и делами» международной социал-демократии.

Сложнее теперь, чем было это в парижские годы, участвовать ему в работе Международного социалистического бюро. «Краков,— поясняет он Гюисмансу,— слишком далеко от Брюсселя». И все же настаивает: «В срочных случаях очень прошу Вас писать по моему нынешнему адресу» [10].

Сейчас сессия бюро созывается в Лондоне. Она обсудит несколько вопросов. В том числе, по инициативе Каутского, вопрос об объединении «всех фракций социал-демократии России». «Это вмешательство Международного социалистического бюро в рус-

ские дела,— вспомнит Крупская,— очень волновало Ильича, который ждал от этого вмешательства лишь тормоза для все усиливающегося влияния большевиков в России» [11].

По поручению Ленина РСДРП на лондонской сессии представляет М. Литвинов. И от него узнает Владимир Ильич, что, обосновывая свою резолюцию по «русскому вопросу», Каутский заявил: Старая социал-демократическая партия в России исчезла.

Литвинов сообщает: «В его речи звучали скептические нотки...» [12].

Неслыханное заявление Каутского возмущает Ленина. Он пишет Инессе Арманд в Париж: «№ «Vorwärts», где Каутский сказал поганую фразу, что партии нет (*die alte Partei sei verschwunden* буквально) — № 333, 18.XII.1913. Надо его достать (rue de Bretagne. 49 или в другом месте) и организовать кампанию протеста. Мы *за* обмен мнений, *за* резолюцию МСБ — **это NB** — но абсолютно против подлой фразы Каутского. Бить его за сие нещадно, оговаривая, что мы *за* Aussprache (обмен мнений) etc.» [13].

— Но как мог тот договориться до столь чудовищной вещи? — задумывается Владимир Ильич.

Ленин приходит к заключению, которым поделится с Давидом Вайнкопом, одним из основателей Социал-демократической партии Голландии:

— В отношении всех других стран он изучает историю движения, критикует документы, старается понять *истинный смысл* разногласий, политическое значение расколов. В отношении России для Каутского не существует истории. Сегодня он повторяет то, что слышал от Розы Люксембург, вчера повторял то, что слышал от Троцкого, Рязанова и других литераторов, которые представляют только свои собственные «благие пожелания», завтра станет повторять то, что соблаговолят ему рассказать другие русские студенты или эмигранты и т. д. [14]

Не может быть сомнений в том, что «Каутский своей фразой о «смерти» старой партии показал не только незнакомство с фактами русского рабочего движения, но и разоблачил, какого рода влияние оказывают на заграничных наших товарищей ликвидаторские заграничные шептуны» [15].

Эти «шептуны» — те, кому охотно предоставляют свои страницы немецкие социал-демократические издания, предпочитая непристойную брань против сторонников Ленина публикации документов, анализу идей, изложению фактических данных. «Пожалеем немецких вождей,— призывает Ленин,— что они (умея собирать и изучать данные, когда они заняты теорией) не стыдятся выслушивать и повторять сказки ликвидаторских осведомителей» [16].

Ленин озабочен тем, чтобы о работе сессии Международного социалистического бюро, о принятом на нем решении по «русским делам» узнали сознательные рабочие всей России. «Сознательный рабочий,— заявляет он,— чувствует и сознает себя не только членом *русской* марксистской семьи,— он понимает, что он является также членом *международной* семьи марксистов. Он имеет обязанности и по отношению к рабочему Интернационалу. Он должен считаться с мнением и пожеланиями последнего. Он ни на минуту не должен отрываться от международной армии рабочих» [17].

Еще до начала сессии Ленин поручил Литвинову: без промедления информировать «Правду» обо всем, что происходит на заседаниях бюро. И тот сообщал из Лондона: «Корреспонденция в «Правду» о вчерашнем заседании отослана сегодня Г-ром *»; «В «Правду» напишем сегодня вечером»; «Поручил Г[ерме]ру вести точные записи... Корреспонденцию в «Правду» о сегодняшнем заседании он обещал завтра послать...» [18]

«Правда» опубликовала подробный рассказ о заседаниях Международного социалистического бюро. Опубликовала и посвященные им статьи Ленина, которые переслал он в Питер с условной пометкой «ККК». Что, согласно решению ЦК, означает: «присылаемые статьи... помещаются немедленно и без изменений» [19]. Ленин призывает в них всех рабочих обсудить на своих собраниях, в кружках решение бюро, принять свои резолюции, прислать их в «Правду». «...Надо,— настаивает он,— чтобы Интернационал знал мнение русских рабочих, пролетарских организаций, действующих в России, а не только оторванных заграничных кружков». И заверяет русских пролетариев: **«К вашему голосу прислушаются сознательные рабочие всех стран»** [20].

Ленин принимает энергичные меры, чтобы правда о «русских делах» проникла в зарубежную прессу, чтобы узнала ее международная социал-демократия. С этой целью он немедленно откликается на статью «русского корреспондента» «Лейпцигер Фольксцайтунг» — весьма далекую от объективности. В искаженном свете трактует она раскол в социал-демократической фракции Думы, вводит в заблуждение немецкого читателя. Ленин пишет «краткое опровержение для того, чтобы германские рабочие и германская братская партия были правильно информированы...» [21].

«Опровержение», с большим, правда, опозданием, «Лейпцигер Фольксцайтунг» напечатает.

С этой же целью пишет Ленин в Амстердам. «Германская со-

---

* Видимо, речь идет о Гермере — большевике, который находился в Лондоне.

циал-демократическая пресса,— сообщает он Давиду Вайнкопу,— нас бойкотирует, в особенности «Vorwärts»...»[22] А «Бремер Бюргерцайтунг» находит место лишь для статей о русских делах никого не представляющих эмигрантов и не принимает статей от корреспондентов существующих в России организаций. Даже основатель газеты левого крыла Голландской социал-демократической рабочей партии Антони Паннекук «не желает понять того, что нужно печатать статьи двух социал-демократических течений России, а не статьи Радека, представляющего только свое личное невежество и свои фантазии и *не желающего* сообщать *точные факты*»[23]...

Как ни загружен Владимир Ильич, он обязательно выкраивает время, чтобы познакомиться с новой литературой — той, что выходит за пределами России.

«Вся комната полна книгами...»[24] — вспомнит И. Уншлихт, описывая краковскую квартиру Ульяновых. Ими забиты полки. Они — на подоконниках, громоздятся на стульях.

Лежат книги — новинки — и на столе, за которым работает Владимир Ильич.

До поздна светится окно в комнате Ленина.

Он пишет сестре: «Только что закончил чтением четыре тома переписки Маркса с Энгельсом. Хочу писать о ней в «Просвещении». Много интересного»[25].

Всего два месяца назад в Штутгарте у Дитца вышли эти тома. Впервые (правда, с большими сокращениями) собраны в них 1386 писем Маркса и Энгельса, написанные друг другу. Внимательно проштудировал Ленин переписку. Сделал в книгах множество пометок. Почти три сотни писем законспектировал. К конспекту составил даже тематический указатель: он вскоре поможет ему, когда приступит Владимир Ильич к статье, о которой упомянул в письме к сестре. «Чем чаще в наше время,— отметит он,— приходится наблюдать, как рабочее движение разных стран страдает от оппортунизма вследствие застоя и гниения буржуазии, вследствие поглощения внимания рабочих вождей мелочами дня и т. д.,— тем ценнее богатейший материал переписки, показывающий глубочайшее понимание *коренных* преобразовательных целей пролетариата и необыкновенно гибкое определение данных задач тактики, с точки зрения этих революционных целей и без малейших уступок оппортунизму или революционной фразе»[26].

Резкой критике подвергнет Ленин редакторскую работу Бернштейна, его предисловия к переписке за отдельные периоды. Они неудовлетворительны во всех отношениях, в том числе с идейной стороны. И ничего иного от такого редактора немыслимо было ждать. «Бернштейну,— заявит Владимир Ильич,— нельзя было

браться,— после его печально-знаменитой «эволюции» к крайне оппортунистическим взглядам — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом» [27].

Между тем наступил 1914 год.

Ранним январским утром Ленин покидает Краков. Он отправляется в Брюссель, на IV съезд Социал-демократии Латышского края.

В Брюсселе Владимир Ильич встречается с Поповым. По-прежнему выполняет он секретарские обязанности в представительстве российской социал-демократии при II Интернационале. И давно убедился, что его лидеры плетут интриги против большевиков.

— Затеваются очень скверные вещи, Владимир Ильич,— предупреждает Попов.— Мы стоим перед тяжелым ударом. Против нас готовится небывалый концентрированный заговор по всей линии в масштабах всего II Интернационала. Буквально каждый день сюда являются разные патентованные авторитеты из разных фракций с рецептами объединения и с планами «укрощения» Ленина.

Владимир Ильич Ленин перестает шагать по комнате, останавливается перед Поповым.

— Не надо смешивать политиканство с политикой,— замечает он.— Наша сила не в закулисных ходах, а в нашей собственной реальной силе. Весь этот блок, все эти объединившиеся против нас фракции, о которых вы говорите, не больше как штабы без армий. Это нули! Нули, нули и нули. Совершенно голые нули...

Ленин отправляется с Поповым в Народный дом. В зале его нижнего этажа всегда можно застать работников бельгийской Рабочей партии, профессиональных союзов, кооперативов. В верхних этажах размещаются центральные органы рабочего движения и Исполнительный Комитет Интернационала.

Здесь, в Народном доме, Владимир Ильич встречается с Эмилем Вандервельде — председателем Международного социалистического бюро. Он знает — тот занимает во всем крайне оппортунистические позиции.

— Никаких компромиссных сделок ни искать, ни предлагать, ни обсуждать мы не будем,— заявляет Ленин,— никаких идейных уступок мы не сделаем. Поэтому нам совершенно не нужны никакие предварительные закулисные сговоры ни с нашими противниками, ни с теми, кто взял на себя посредничество.

— И, значит, со мною? — спрашивает Вандервельде.

— Да, и с вами, если вы видите вашу цель только в том, чтобы добиться от людей, стоящих за укрепление нашей партии и дер-

жащих курс на вторую революцию, и от людей, считающих революцию в России законченной, добиться от тех и других полюбовного принятия какой-нибудь формально единой бумажной резолюции...

Уже после съезда Социал-демократии Латышского края прибывает Ленин в Льеж. Потом останавливается в Лейпциге, в снятой для него комнате на Элизенштрассе, у переплетчика Курта Рёмера.

И в Льеже, и в Лейпциге Ленин читает реферат «Национальный вопрос», в котором подвергает критике идеалистическую теорию нации «путаного» Отто Бауэра, обвиняет его в полном забвении пролетарского интернационализма. Владимир Ильич решительно отвергает утверждения одного из лидеров австрийской социал-демократии, что национальное государство якобы есть больший национализм, чем культурно-национальная автономия. «Наивное и смешное заблуждение! — возмущается Ленин.— Национальное государство — правило в опыте мировой истории. Культурно-национальная автономия выдумка плохоньких интеллигентов, нигде не осуществленная» [28].

И он обращается к «опыту мировой истории». Знакомит слушателей с эпохой буржуазно-демократических революций XIX века — в Италии, Германии. «На Западе Европы,— гласят его тезисы,— она кончилась. *На Востоке только началась и в Азии...*» [29]

А перед отъездом из Лейпцига Ленин долго беседует с немецким рабочим Куртом Рёмером. Говорит Владимир Ильич и о том, что может начаться война. «При этом,— вспомнит впоследствии Рёмер,— он высказал совершенно новые для меня мысли, которых я никогда не слышал от наших социал-демократических вождей. Ленин был очень озабочен, и я вспоминаю его слова о том, что, если война разразится, задача русских социал-демократов будет состоять в том, чтобы свергнуть царизм» [30].

Морозным февральским днем возвращается Ленин в Краков.

«...Я уже здорово привык к обиходу краковской жизни...» [31] — пишет он в Вологду Марии Ильиничне. Владимир Ильич интересуется рабочим движением всей Галиции. Убеждается, что и здесь обостряется борьба пролетарских масс против эксплуататоров. И хоть запрещает полиция эмигрантам посещать собрания, нередко нарушает он этот запрет. Тайком ходит на рабочие сходки, участвует в рабочих манифестациях...

Однажды отправляется Владимир Ильич на улицу св. Кшижа. Здесь, в доме № 7, размещается общество «Спуйня». Это студенческая организация, входящая в общество прогрессивной молодежи с отделениями в Вене, Париже, Лозанне и других городах.

Группируются вокруг «Спуйни» преимущественно члены Социал-демократии Королевства Польского и Литвы и ППС-левицы. Но приходят на собрания общества не только студенты. Посещают их краковчане левых взглядов, политические эмигранты.

В обширном зале читает Ленин реферат «Российская социал-демократия и национальный вопрос».

«Я первый раз видел Владимира Ильича, выступающим на большом собрании, и потому это его выступление особенно запечатлелось в моей памяти,— рассказывает Багоцкий.— Владимир Ильич начал доклад тем же спокойным тоном, каким обычно говорил дома. Не повышая голоса, без каких-либо ораторских приемов, он сразу же ввел слушателей в сущность намеченной темы... Со свойственной ему краткостью и ясностью изложения мыслей он обрисовал роль пролетариата в революционном движении... Подчеркнул необходимость согласованной борьбы пролетариата всех национальностей... Развил свою точку зрения на право всех наций на самоопределение вплоть до образования ими национальных государств» [32].

Реферат вызывает оживленную дискуссию. Длится она три вечера. Ленин стремится помочь польским социалистам, прежде всего социал-демократам, изжить ошибки в национальном вопросе, стать на большевистские позиции, повести за собой широкие народные массы. «Но, к сожалению,— пишет находящаяся в зале С. Дзержинская,— как пэпээсовцы, так и польские социал-демократы — и сторонники Главного правления, и «розламовцы» — продолжали оставаться на своих ошибочных позициях» [33].

В эту весеннюю пору угроза новой войны ощутимее, чем когда-либо.

Еще полтора года назад Ленин предупреждал: «Грозит общеевропейская война» [34].

Все это время он использовал для антивоенной агитации. Уже тогда выдвинул Ленин лозунг: «Война войне!.. За мир!..» [35]

Он разъяснял, что «миллионы и миллиарды, выколачиваемые из рабочих и крестьян», идут на гонку вооружений.

— Кому это выгодно? — ставил Ленин вопрос, волнующий пролетариев всех стран.

Не столь важно, кто отстаивает милитаристскую политику империалистических держав. «...Ибо для защиты всяких взглядов при современной благородной системе капитализма,— давно убедился Владимир Ильич,— любой богач всегда сможет «нанять» или купить, или привлечь любое число адвокатов, писателей, даже депутатов, профессоров, попов и так далее».

Важно, кому выгодно отстаивать эту политику? Кому выгодно вести «бешеную скачку с препятствиями из-за вооружений»? Кому

выгодно кричать, вопить на тысячи ладов о патриотизме, культуре, родине, мире, прогрессе — «и все это ради оправдания новых затрат десятков и сотен миллионов рублей на всяческие орудия истребления...» [36].

— Не верьте фразам,— призывал Ленин,— посмотрите лучше, *кому выгодно!*

Он назвал «пушечных королей», которым военные заказы приносят колоссальные прибыли: «Армстронг в Англии, Крупп в Германии, Крезо во Франции, Кокериль в Бельгии, а сколько их во всех «цивилизованных» странах? А тьма тем поставщиков?» [37] Им прежде всего предъявил Ленин обвинение в том, что нависла над Европой угроза мирового побоища...

В кафе Яниковского на бульваре Плянты Владимир Ильич встречается с Альфредом Майкосеном. Польский журналист хочет узнать, как вождь русских большевиков относится к приближающейся войне.

— Вы жаждете конфликта? — спрашивает Майкосен.

— Нет, я не хочу его,— категорически заявляет Ленин.— Почему я должен был бы его хотеть? Я делаю все и буду делать до конца, что будет в моих силах, чтобы препятствовать мобилизации и войне. Я не хочу, чтобы миллионы пролетариев должны были истреблять друг друга, расплачиваясь за безумие капитализма. В отношении этого не может быть недопонимания.

Владимир Ильич разъясняет журналисту:

— Объективно предвидеть войну, стремиться в случае развязывания этого бедствия использовать его как можно лучше — это одно. Хотеть войны и работать для нее — это нечто совершенно иное.

Об этом же пишет направляемая отсюда Лениным «Правда».

Она бьет тревогу: «Каждую минуту можно ожидать войны... Как голодные волки, смотрят капиталистические клики, не удастся ли где-нибудь урвать шерсти клок, будь то Марокко, Триполи, Персия или Турция».

Она зовет к бдительности: «Пролетариат обязан следить за этими аппетитами и в должную минуту громогласно заявить: «Рабочий класс не хочет войны» [38].

На него Ленин возлагает самые большие надежды. Еще шесть лет назад, помнит он, состоялся антивоенный митинг в Берлине. Почти пять тысяч рабочих заполнили тогда крупнейший зал немецкой столицы. А многие тысячи, не попав в него, толпились на примыкавших к зданию улицах. В тот вечер вместе с немецкими рабочими на трибуну поднимались и посланцы английских пролетариев. И немцы, и англичане заявляли, что решение вопроса о войне, о мире — в руках рабочего класса. «Пусть же сплотятся

рабочие для борьбы с военщиной, для обеспечения мира!»[39] — призвал в те дни Ленин в статье «Мирная демонстрация английских и немецких рабочих».

Владимир Ильич повторяет этот призыв не раз. Как и прежде, внимательно следит он теперь за развитием в разных странах антимилитаристского движения. За тем, как наряду с милитаристской пропагандой оппортунистических лидеров западной социал-демократии растут повсюду антивоенные настроения, политическая сознательность масс...

Июльским утром, раскрыв только что доставленные в Поронин газеты, Ленин узнает: в Сараево, в Сербии, националистами убит наследник престола Австро-Венгрии эрцгерцог Франц-Фердинанд... Теперь тучи войны сгущаются с каждым днем. Тревожная атмосфера царит повсюду. Все сложнее поддерживать связь с Россией. Значительно дольше идут оттуда письма, газеты. Не далек день, убежден Владимир Ильич, когда русская корреспонденция вообще перестанет приходить сюда.

В «Форвертс» отыскивает он адреса Вильгельма Янсона и Отто Штица. Газета представляет их как «немецких членов партии, живущих в Стокгольме». Тому и другому пишет Ленин:

«Наша связь с С.-Петербургом обычным путем (через Варшаву) стала сейчас невозможна.

Я прошу Вас поэтому дать нам несколько хороших конспиративных адресов или один хороший конспиративный адрес в Стокгольме. Адрес должен принадлежать надежному и *очень аккуратному* товарищу. Желательно было бы получить *постоянный* адрес. Мы можем объясняться на немецком, французском или английском языках.

Этот товарищ должен будет наклеивать шведские марки на получаемые от нас письма и отправлять их в Финляндию (или С.-Петербург). Также посылать получаемые из Финляндии (или России) письма *(с конвертами)* по нашему адресу... Если будут телеграммы, то сообщать их по телеграфу»[40].

Письмо уходит в Стокгольм 25 июля 1914 года.

«НЕЛЬЗЯ ТЕРПЕТЬ!!»

Уже считанные часы остаются до начала мировой войны. И только сейчас, чтобы поговорить «о ее предотвращении», созывает, наконец, Вандервельде Международное социалистическое бюро.

Оно заседает два дня — с утра и до позднего вечера. Лидеры II Интернационала Э. Вандервельде, Г. Гаазе, Р. Люксембург, Г. и

Ф. Адлеры, Ж. Жорес, Ж. Гед, К. Каутский, Э. Вайян, К. Гюисманс, П. Трульстра, Д. Кейр-Гарди и другие обсуждают обстановку, сложившуюся после выстрела в Сараево.

Большинство еще надеется: все обойдется австро-сербским конфликтом, не вспыхнет сейчас мировая война. А представители Германии, Франции, Англии, игнорируя факты, рассчитывают на миролюбие своих правительств. Настаивающая на решительных действиях Роза Люксембург не может добиться от Международного социалистического бюро широкой программы антивоенных акций, чтобы установить единство действий пролетариата всех стран. Но по ее предложению бюро все же приветствует «революционную позицию российского пролетариата», призывает его «стойко продолжать свою героическую борьбу против царизма, которая представляет собой наиболее эффективную гарантию против угрозы мировой войны» [1].

После заседания до отказа заполняется Королевский цирк Брюсселя.

Первым на многотысячном митинге выступает Гуго Гаазе, три года назад избранный председателем правления Германской социал-демократической партии.

— Когда наступит непосредственная угроза войны,— провозглашает он,— германская социал-демократия не остановится перед применением самых крайних средств...

Бурная овация прерывает оратора. И, выдержав паузу, он завершает в наступившей тишине:

— Да, самых крайних средств... Вплоть до всеобщей стачки!..

Никто не может, конечно, предположить, что всего через несколько дней Гаазе огласит в немецком рейхстаге декларацию о поддержке германской социал-демократией кредитов на войну. Никто еще не знает, что на деле он проявит себя лакейской душой, доктринером, трусом, безвольным пособником буржуазии — таким, каким охарактеризует его позднее Ленин.

Владимир Ильич сейчас далеко от Брюсселя. Но не раз произносится тут его имя.

— Как сложатся дела в России, что думает об этом Ленин? — спрашивает Попова перед выходом на трибуну Жорес.

— Почему не приехал Ленин? — осаждают Попова другие члены Международного социалистического бюро.

— Вы, конечно, осведомлены, где сейчас Ленин? — подходит к нему Вандервельде.— Нам нужно знать, что будет теперь в России. Кто скажет нам об этом?

— У вас сейчас на бюро немало гостей — представителей различных течений русского социализма,— напоминает Попов.

— Вы издеваетесь...— Вандервельде предпочитает умалчивать

о своих симпатиях к меньшевикам.— Кто за ними идет в России? Я это знаю. Недаром же я ездил в Россию. Только один Ленин мог бы сейчас сказать нам, какую действительно позицию займет русский рабочий класс...

Как и прошлым летом, живет Владимир Ильич в Белом Дунайце, в том же домике Терезы Скупень. И здесь узнает он, что Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии, что Германия объявила войну России, а два дня спустя — Франция, что Англия вступила в войну с Германией.

«Хотя давно уже все пахло войной,— вспомнит Крупская,— но когда война была объявлена, это как-то ошарашило всех... Местное гуральское (горное) население совершенно было подавлено, когда началась мобилизация. С кем война, из-за чего война — никто ничего не понимал, никакого воодушевления не было, шли, как на убой. Наша хозяйка, владелица дачи, крестьянка, была совершенно убита горем — у нее взяли на войну мужа. Ксендз с амвона старался разжечь патриотические чувства» [2].

Владимир Ильич следит за тем, как развиваются события.

Он не сомневается: война будет очень упорная, у обеих сторон много военных и людских ресурсов. Капиталисты вынудят свои правительства вести войну до полного истощения одной из сторон.

Ленин убеждается: немецкая социал-демократическая пресса сразу же провозгласила лозунг «защиты отечества», она поддерживает войну во имя «демократии и свободы», стремится уверить рабочих, что обстоятельства «оказались сильнее, чем наша воля».

Ленин ждет, что скажут в рейхстаге германские социал-демократы. Их точка зрения на разразившуюся войну может в значительной степени определить позиции социалистов других стран. Ибо социал-демократическая партия Германии — самая крупная, самая влиятельная партия II Интернационала.

Утром 5 августа Багоцкий встречает поезд из Кракова. Тут же на платформе быстро просматривает краковские газеты. Отыскивает сообщение, которое так ждет Владимир Ильич. Багоцкий не может поверить своим глазам: на заседании германского рейхстага военный бюджет принят единогласно!

Он спешит к Ленину. Рассказывает ему об этом.

— Не может быть! — восклицает Владимир Ильич.— Вы, вероятно, неправильно поняли польский текст телеграммы.

Но Надежда Константиновна подтверждает точность перевода. Действительно, лидеры немецкой социал-демократии изменили международному рабочему движению.

— Это конец II Интернационала,— говорит Ленин.— С сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом...

Позднее он подтвердит это в «Социал-демократе», обрушившись против тех, кого назвал бы Маркс «убогими *контрреволюционными* болтунами»[3]. «...Если подобные «социал-демократы»,— заявит Ленин,— желают быть в большинстве и составлять официальный «Интернационал» (=союз для интернационального оправдания национального шовинизма), то не лучше ли отказаться от запачканного и униженного ими названия «социал-демократов» и вернуться к старому марксистскому названию коммунистов?»[4]

Ленин напишет о том спустя четыре месяца.

А сейчас, в один из августовских дней, Владимиру Ильичу доставляют вырезку из «Форвертс». И он узнает о том, что предшествовало чудовищному предательству. Узнает о совещании собравшейся накануне социал-демократической фракции рейхстага с президиумом партии. На этом совещании 78 его участников высказались за одобрение военных кредитов и лишь 14 проголосовали против, а в рейхстаге условились вотировать кредиты единогласно.

Владимир Ильич читает написанную Давидом декларацию. Ее огласил в рейхстаге Гаазе, позабыв, что лишь несколько дней назад в Брюсселе на митинге клялся бороться против войны.

«Нам грозят ужасы вражеского вторжения,— заявил, оказывается, в рейхстаге Гаазе.— Не за или против войны мы должны сегодня голосовать, а *по вопросу о средствах, необходимых для обороны страны.*

Теперь мы должны подумать о миллионах соотечественников, которые без вины втянуты в этот гибельный водоворот... *Мы шлем горячие пожелания призванным под знамена нашим братьям без различия партий...* Мы теперь сделаем то, о чем всегда говорили, что *в час опасности мы не оставим свое отечество в беде*»[5].

Красным карандашом отчеркивает Ленин в декларации то, что свидетельствует о цинизме лидеров германских социал-демократов, об их отказе от принципов пролетарского интернационализма, их верноподданничестве, единстве с юнкерством, буржуазией.

— Они способны на все,— убежден Владимир Ильич.— Мы еще не то увидим!

Поведение вождей германской социал-демократии он оценивает одним словом: «Подлость!»

В эти дни с ним встречается польский социал-демократ В. Краевский. Он видит, что Ленин стремится «навсегда закрепить в своей памяти омерзительный образ разнузданной империалистической вакханалии». Стремится познать «всю свирепую кровожадность буржуазии, всю глубину предательства социал-шовинистов»[6].

То, что произойдет вскоре, подтверждает справедливость ленинского вывода о позорном крахе II Интернационала. В Австро-

Венгрии, где застает Ульяновых война, лидеры социал-демократии не голосуют, правда, за военные кредиты, но только потому, что... распущен парламент. Однако солидарны австрийские социалисты со своими немецкими единомышленниками. И Фридрих Аустерлиц — главный редактор «Арбейтер Цайтунг» — заявляет с восторгом: «Никогда ни одна партия не действовала лучше и возвышеннее, чем германская социал-демократия, показавшая себя столь достойной настоящего чрезвычайно серьезного момента»[7].

Позиция лидеров французских социалистов также ничем не отличается от позиции немецких социал-демократов. И они голосуют за военные кредиты, за введение осадного положения, за установление строжайшей цензуры. Они, сообщают из Парижа в редакцию «Социал-демократа», отказались от борьбы с буржуазией. Французские социалисты выступят со своим манифестом, в котором заявят о необходимости установления «национального единства»[8].

К тому же зовут трудящихся и лидеры Бельгийской рабочей партии. Они ратуют за единство всех классов перед лицом германской агрессии. И чтобы продемонстрировать единство, лидер партии Вандервельде входит в состав королевского правительства.

— Что же было делать бельгийским социалистам, как не защищать отечество? — недоумевают те.

В «Социал-демократе» Ленин даст на этот вопрос исчерпывающий ответ:

— Если они не могли совершить социального переворота вместе с французами и т. д., им надо было подчиниться большинству нации в данный момент и идти на войну. Но, подчиняясь воле класса рабовладельцев, надо было на них свалить ответственность, не голосовать кредитов, послать Вандервельде не в министерские поездки к эксплуататорам, а в организаторы (вместе с революционными социал-демократами *всех* стран) нелегальной революционной пропаганды «социалистического переворота» и гражданской войны; надо было и в армии вести эту работу (опыт показал, что возможно даже «братанье» рабочих-солдат в траншеях воюющих армий!). Болтать о диалектике и марксизме и не уметь соединить необходимое (если оно на время необходимо) подчинение большинству с революционной работой при всяких условиях есть издевательство над рабочими, насмешка над социализмом.

Рабочим массам — оглушенным войной, забитым, разъединенным военным положением — не высказать сейчас свободно свое отношение к войне. Но ведь есть эти возможности у руководителей социал-демократии! Особенно у парламентариев, в том числе и у бельгийских.

Ленин считает, что в первый же день войны истинный бельгийский социалист должен был заявить:

— Граждане Бельгии! Нашу страну постигло великое несчастье, его вызвала буржуазия *всех* стран и Бельгии в том числе. Вы не хотите свергнуть этой буржуазии, не верите в апелляцию к социалистам Германии? Мы в меньшинстве, я подчиняюсь вам и иду на войну, но я и на войне буду проповедовать, буду готовить гражданскую войну пролетариев всех стран, ибо вне этого нет спасения крестьянам и рабочим Бельгии и других стран! [9]

Да, конечно, не поздоровилось бы за такую речь бельгийскому депутату. И не только бельгийскому. Посадили бы его в тюрьму, а не в министерское кресло. Но он остался бы социалистом. Не был бы он предателем. И солдаты-рабочие говорили бы о нем теперь в траншеях, как о своем вожде...

Открыто шовинистическую позицию, видно из газет, занимают и лейбористы. И они голосуют в парламенте за военные кредиты. И они ратуют за разрешение «споров и недоразумений» не арбитражем — пулеметами. А лидеры социалистических партий нейтральных стран — Швейцарии, Швеции, Норвегии, Дании, Нидерландов (для «охраны нейтралитета»!) вотировали так называемые мобилизационные кредиты.

Нередко слышит Владимир Ильич:

— Война продлится не дольше трех — шести месяцев.

И он старается переубедить тех, кто недооценивает масштабы мировой войны:

— Да подумайте только! Ведь это борьба величайших империалистических государств, борьба не на живот, а на смерть. Могут ли они признать себя побежденными, не исчерпав всех средств? Раньше каких-нибудь трех лет эта война, наверное, не кончится...

А обстановка в Поронине становится с каждым днем все более напряженной. По ложному доносу Ленина арестовывают. Это вызывает возмущение многих представителей польской интеллигенции. Его освобождения требует известный закопанский медик и общественный деятель Анджей Храмс. О том же телеграфирует властям директор закопанского санатория доктор Казимеж Длуский. Ленину пытаются помочь писатель Владислав Оркан, поэт Ян Каспрович, адвокат из Нового Сонча Герш Сыроп. Петицию к австрийским властям препровождает Стефан Жеромский...

В борьбу за немедленное освобождение Ленина включается и депутат австро-венгерского парламента Виктор Адлер.

Он обращается по этому поводу к министру внутренних дел.

— Уверены ли вы, что Ульянов — враг царского правительства? — спрашивает министр.

— О да! — восклицает Адлер.— Более заклятый враг, чем ваше превосходительство...

Нажим со стороны Адлера и львовского депутата Диаманда завершается освобождением Ленина.

Ульяновы покидают Галицию.

«Ехали мы из Кракова до швейцарской границы целую неделю,— узнаем из воспоминаний Крупской.— Долго стояли на станциях, пропуская военные поезда. Наблюдали шовинистическую агитацию, которую вели монахини и группировавшийся около них женский актив. На вокзалах они раздавали солдатам какие-то образки, молитвы и т. п. Ходила по вокзалам вылощенная военщина. Вагоны были испещрены разными надписями — директивами, что делать с французами, англичанами, русскими: «Jedem Russ ein Schuss!» (каждого русского пристрели!)» [10].

Чтобы въехать в Швейцарию, необходимо поручительство. И Ленин с семьей задерживается в Вене. Телеграфирует в Швейцарию. Дожидается, пока приходит оттуда сообщение: за Ульяновых поручился Герман Грейлих — старейший швейцарский социал-демократ.

Сентябрьским днем приезжают Ульяновы в Берн.

Они поселяются на Доннербюльвег. И едва обосновавшись, Владимир Ильич пишет тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне». Он пишет с позиций большевистской партии — единственной партии, выступившей против империалистической войны. Ленин утверждает в них: «Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны» [11].

Ленин называет нынешнее поведение лидеров немецкой социал-демократии прямой изменой социализму. Он осуждает поведение и бельгийских, и французских лидеров, «которые предали социализм, вступая в буржуазные министерства» [12]. Он заявляет о крахе II Интернационала, о том, что основная причина его — фактическое преобладание в нем мелкобуржуазного оппортунизма.

Пройдет немного времени. И то, что утверждает сейчас Ленин, вынуждены будут признать и левые немецкие социал-демократы, и умеренная швейцарская пресса. Трусливой уверткой назовет тогда Ленин попытки Каутского затушевать крах II Интернационала, оказавшегося в плену у буржуазии.

Ленин заявит со страниц «Социал-демократа»: «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм

и да здравствует очищенный не только от «перебежчиков»... но и от оппортунизма III Интернационал».

Иначе говоря — раз и навсегда размежеваться с оппортунистической верхушкой II Интернационала, изгнать социал-шовинистических предателей из марксистских организаций.

Владимир Ильич провозгласит: «II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс... III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!» [13]

Об этом Ленин напишет 1 ноября 1914 года в тридцать третьем номере «Социал-демократа». А сейчас, работая над тезисами о войне, он развенчивает софизмы, которыми буржуазные партии и правительства соперничающих наций одурачивают массы и которые охотно повторяют оппортунисты.

В предместье Берна, в привольном Бремгартенском лесу, собирается местная большевистская группа. Держа в руках исписанные накануне листки, излагает Ленин свои мысли о войне. Говорит о необходимости направить оружие против буржуазных правительств, против буржуазных партий всех стран. Зовет к беспощадной борьбе с шовинизмом, «патриотизмом» мещан и буржуа.

Ленинские тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» становятся резолюцией созванного в Бремгартенском лесу совещания. Их переписывают и от имени группы членов РСДРП отправляют в Россию, Женеву, Лозанну, Париж, Лондон, другие города Европы. А спустя три недели через швейцарских социал-демократов Ленин пересылает тезисы в Лугано — участникам итало-швейцарской социалистической конференции. С удовлетворением сообщает он, выступая с рефератом в Лозанне, что многие из этих тезисов вошли в луганскую резолюцию об отношении к войне, признающую, что нынешняя катастрофа — результат империалистической политики великих держав. Эта резолюция приведена в нелегальной листовке «Война и Интернационал», которая будет распространяться в России.

В Берне Владимир Ильич каждое утро отправляется на Кесслергассе — в городскую и университетскую библиотеки, на Архивштрассе — в Национальную библиотеку. Внимательно просматривает поступающую сюда прессу разных стран. Делает множество выписок из «Юманите», «Аванти!», «Форвертс», «Нейе Цайт». Комментирует прочитанное: «Совершенно невыносимо читать немецкие и французские («L'Humanité»!!) социалистические

газеты!! — возмущается он.— Крайний «шовинизм»! Я боюсь, что современный кризис заставил многих, слишком многих социалистов потерять голову (если можно так выразиться) и что в конечном итоге в этом необычайном «позоре» европейского социализма виноват оппортунизм» [14].

Немецкий социал-шовинизм находится в прямой связи с довоенным оппортунизмом в европейской социал-демократии. «В общем и целом, если брать течения и направления,— заявит Владимир Ильич позднее,— нельзя не признать, что именно оппортунистическое крыло европейского социализма предало социализм и ушло к шовинизму» [15].

Ленин рвется в бой.

Сразу же по приезде в Берн запрашивает он живущего в Женеве В. Карпинского: «Можно ли теперь издать листок и т. п.? по-русски? с особыми предосторожностями или как прежде (против войны, конечно, и против националистов нового типа, от Гаазе до Вандервельда и Геда — все сподличали!)» [16].

А вскоре пишет Владимир Ильич и о предстоящих рефератах: «La critique * и моя anticritique ** может быть лучше составят предмет беседы? Два слова все же: нельзя формалистически защищать подлый шовинизм немцев. Были плохие резолюции, были недурные, были заявления обоих видов. Но всему же есть мера! *И она превзойдена.* Нельзя терпеть, нельзя дипломатиичать, надо восстать против позорного шовинизма изо всех сил!!» [17]

Владимир Ильич отправляется в Лозанну. Нет, пока еще не со своим рефератом, а послушать Плеханова. Но говорит тот с оборонческих позиций. И не может молчать Ленин. Поднимается после него на трибуну, чтобы заявить:

— Плеханов вполне правильно критиковал германских социалистов за их поддержку кайзера и войны. Но защищать подобные же действия французских патриотов, оправдывать участие их в правительстве, принимать всерьез мошеннические выдумки о нападающей и обороняющейся стороне — недостойно революционного марксиста...

Ленин вскрывает империалистический характер мировой войны, заявляет, что покончить с ней можно, лишь превратив ее в гражданскую войну пролетариата против буржуазии.

Он сообщает из Лозанны в Женеву: «Сегодня я говорил здесь на реферате Плеханова... Собираюсь читать здесь реферат во вторник» [18].

---

* Критика.
** Антикритика.

Ленин выступает в Народном доме. Тема реферата — «Пролетариат и война».

— *Настоящая война,*— говорит он,— *империалистическая,* и в этом ее основной характер... Только рассматривая эту войну в ее отличительной исторической обстановке, как это обязательно для марксиста, мы можем выяснить свое отношение к ней. Иначе мы будем оперировать старыми понятиями, аргументами, приложенными к иной, к старой обстановке [19].

Ленин анализирует позиции, занятые сейчас социалистами разных стран. С возмущением говорит он о «Форвертс» — центральном органе немецких социал-демократов, который отрекся от классовой борьбы, обещал не касаться ее до конца войны, короче говоря — «покончил с собой» [20]. И это при наличии штутгартской резолюции, подтвержденной, дополненной в Копенгагене, Базеле!

— В этой резолюции,— напоминает Владимир Ильич то, что забыли лидеры западной социал-демократии,— ясно указаны способы борьбы социалистов с тенденциями, тянущими к войне, и их обязанности по отношению к уже разразившейся войне. Эти обязанности определяются примерами русской революции и Парижской Коммуны. Ленин призывает:

— Раз война началась, уйти от нее немыслимо. Надо идти и делать свое дело социалиста. На войне люди думают и задумываются, пожалуй, еще более, чем «дома». Нужно идти туда и организовывать там пролетариат для конечной цели, так как утопия думать, что пролетариат пройдет к ней мирным путем. Нельзя из капитализма перейти к социализму, не ломая национальных рамок, как нельзя было из феодализма перейти к капитализму без национальных идей [21]...

В цюрихском зале «Айнтрахт» Ленин читает реферат «Война и социал-демократия».

«Когда я пришел в клуб,— вспомнит член правления швейцарского союза строительных рабочих Роберт Зиверт,— зал был уже полон, там было более 500 человек. В докладе, который Ленин делал на немецком языке, он развил основные мысли, изложенные им в его «Тезисах о войне». Свое выступление он закончил ставшим позже знаменитым лозунгом: Превратить империалистическую войну в войну гражданскую!» [22]

В переполненном зале социал-демократы разных стран. И сторонники, и противники того, что сказал сейчас Ленин. И два дня идет тут ожесточенный спор. Разглагольствуя о «призвании нации», Роберт Альберт, бывший редактор бреславльской газеты «Тагвахт», высказывается за одобрение военных кредитов. С. Грумбах, входящий в Исполком II Интернационала, отстаивает позицию французских социал-патриотов.

Ленин вторично поднимается на кафедру. Он обрушивается на защитников империалистической войны, подвергает уничтожающей критике тех, кто здесь, в зале «Айнтрахт», выступал с позиций социал-предательства.

О реферате, о дискуссии сообщают «Арбейтер Цайтунг» и «Форвертс». Уже в Берне Ленин знакомится с появившимися в этих газетах корреспонденциями. Он убеждается, что «Форвертс» дает совершенно неверное представление о реферате. «...Смысл моих рассуждений,— пишет Владимир Ильич в Берлин и Вену, в редакции обеих газет,— совершенно извращается, если ни одним словом не упомянуть о том, что я говорил о крахе II Интернационала, об оппортунизме и против позиции немецкой и австрийской социал-демократии» [23]. Ведь девять десятых двухчасового реферата были посвящены этой критике, то есть тому, о чем умолчала «Форвертс».

И по настоянию Ленина «Форвертс» вынуждена сообщить: Ленин действительно подверг критике германскую и австрийскую социал-демократию; он заявил в реферате о крахе II Интернационала...

«ДОКАЗЫВАТЬ НЕОБХОДИМОСТЬ МАССОВЫХ ДЕЙСТВИЙ»

Ленин пишет из Берна в Стокгольм: «Оппортунисты — зло явное. «Центр» немецкий с Каутским во главе — зло прикрытое, дипломатически подкрашенное, засоряющее глаза, ум и совесть рабочих, опасное всего более. Наша задача теперь — безусловная и открытая борьба с оппортунизмом международным и с его прикрывателями (Каутский)... Надо изо всех сил поддержать теперь законную ненависть сознательных рабочих к поганому поведению немцев и сделать из этой ненависти политический вывод *против* оппортунизма и всякой поблажки ему. Это — международная задача. Лежит она на нас, больше некому. Отступать от нее нельзя. Неверен лозунг «простого» возобновления Интернационала (ибо опасность гнилой примирительной резолюции по линии Каутский — Вандервельд очень и очень велика!). Неверен лозунг «мира» — лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну» [1].

Это — тактика большевиков.

Ленин излагает ее в манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». Начавшаяся война — империалистическая, несправедливая, грабительская со стороны обеих воюющих группировок. Содержание, смысл ее — Ленин утверждал это еще в тезисах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» — захват чужих земель, покорение и разорение кон-

курирующей нации, отвлечение трудящихся России, Германии, Англии и других стран от внутренних политических кризисов, разъединение и националистическое одурачивание рабочих, истребление их авангарда, а следовательно — ослабление революционного движения.

Манифест выдвигает лозунги, призванные сплотить рабочих разных стран в борьбе за пролетарский интернационализм, за свои социалистические убеждения. Он развенчивает совершивших неслыханное предательство вождей II Интернационала: «Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско» [2].

Манифест публикует газета «Социал-демократ». Но с ним должны познакомиться не только в России. «...Я попрошу Вас перевести эти документы на французский, послать газете «Sentinelle»[3],— обращается Владимир Ильич к находящейся в Лез-Аване И. Арманд. «Если Коллонтай на нашей стороне,— пишет Владимир Ильич в Стокгольм,— пусть поможет «двинуть» этот манифест на других языках. Познакомьтесь с *Höglund*'ом, молодой шведский социал-демократ, вождь «оппозиции», прочтите ему наш манифест (сошлитесь на меня: мы познакомились в Копенгагене). Попробуйте, не будет ли тут *идейной* близости...» [4].

Просьбу Ленина передают Коллонтай. Она делает в своем дневнике запись: «Вчера провела вечер с «молодыми» (норвежский «Союз молодежи»). Перевела им тезисы Ленина (ноябрьские). Дискутировали. Разъясняла».

Разъясняла Коллонтай действительное содержание современной войны с позиций доставленного ей ленинского манифеста: «Чем больше вчитываешься в этот важный глубокий документ, тем положения Ленина яснее открывают путь. Это не просто «анализ», это тактика, это действие. Это политическая программа. Прежде всего во всех странах разрыв со всеми социал-патриотами. Разрыв решительный и безжалостный. Затем направить усилия рабочего класса в каждой стране, и прежде всего в странах воюющих, против собственной буржуазии. «Не сотрудничество классов», как сейчас, а именно острейшая, беспощадная, открытая классовая борьба. Баррикады в ответ на войну.

Это мне по душе... Это то, что чувствовалось, когда мы говорили с Карлом Либкнехтом и не сумели оформить мысль, найти лозунг» [5].

Ленин отправляет манифест в Брюссель руководству Международного социалистического бюро. Посылает в социалистические газеты Англии, Германии, Франции, Швеции, Швейцарии. «...Уда-

лось поместить 13 ноября сокращенное изложение манифеста в швейцарской газете «La Sentinelle» («Часовой»), выходившей на французском языке...— вспомнит Крупская.— Ильич торжествовал» [6]. Под заголовком «Социал-демократия и война» манифест печатает румынская «Лупта зилника». Отрывки публикуют болгарский «Работнически вестник», газета голландских левых социал-демократов «Де Трибюн», орган шведских левых «Социал-демократен».

Появляется манифест и в лондонской «Джастис». В каком, однако, виде!

Ему предпослано редакционное заявление, уведомляющее читателей, что «Центральный Комитет Русской социал-демократической рабочей партии опубликовал длинный манифест» и что из него «взяты следующие выдержки» [7]. Во главе газеты стоит теперь ярый социал-шовинист Х. Ли, к тому же фальсификатор. Он выхолостил из манифеста все, что не отвечает точке зрения британских шовинистов, убрал, конечно, ясную, сжатую, глубокую характеристику «действительного содержания, значения, смысла современной войны»[8]. Х. Ли грубо извратил отношение большевиков ко II Интернационалу, лишил читателей «Джастис» возможности услышать страстный призыв Ленина «открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран»[9]. От английских рабочих социал-шовинист скрыл ленинский лозунг о превращении империалистической войны в гражданскую против буржуазии как «своей», так и «чужих» стран.

Этот лозунг революционного пролетариата отстаивал Ленин, выступая с рефератами в Лозанне, Женеве, Цюрихе, Кларане. Уже тогда он вызвал ярость у противников большевистской тактики. В штыки встречают его оппортунисты и после опубликования манифеста.

— Превратить мировую войну в войну гражданскую было бы безумием! — негодует немецкий социал-шовинист Эдуард Давид.

— Практический вопрос один: победа или поражение собственной страны,— поддерживает его Каутский.

— Да, если забыть о социализме и классовой борьбе, это будет верно,— решительно возражает Ленин.— Но если не забывать о социализме, это не верно: есть другой *практический* вопрос. Погибать ли в войне между рабовладельцами, оставаясь слепым и беспомощным рабом, или погибать за «попытки братанья» между рабами в целях свержения рабства? Вот каков *на деле* «практический» вопрос [10].

Пройдет немного времени. В Берн съедутся представители ЦК РСДРП, газеты «Социал-демократ», заграничных секций пар-

тии из Парижа, Цюриха, Лозанны, Женевы, Лондона. Ленин выступит перед ними с докладом, в котором разовьет положения манифеста «Война и российская социал-демократия».

На этой конференции и после нее дискуссию вызовет вопрос о лозунге «Соединенных Штатов Европы». Его решено будет отложить, обсудить в печати. И Ленин опубликует в «Социал-демократе» статью «О лозунге Соединенных Штатов Европы». Он не только разъяснит в ней неправильность этого лозунга. Ленин сформулирует рожденное нынешними условиями положение о невозможности одновременной победы социалистической революции во всех странах и о возможности победы социализма первоначально в одной или нескольких странах. Позднее новую теорию социалистической революции, раскрывающую перед международным рабочим классом ясную перспективу борьбы, он разовьет в статье «Военная программа пролетарской революции». Владимир Ильич напишет ее осенью 1916 года. Для печати в органах шведских, швейцарских и норвежских социал-демократов. Но только через год, в органе Международного союза социалистических организаций молодежи, будет напечатан немецкий текст этой статьи, зовущей пролетариат каждой страны к активному сопротивлению войне. Нацеливающей пролетарские массы на решительные революционные действия...

А сейчас отсюда, из Берна, восстанавливает Владимир Ильич прерванные войной связи. Пишет в Берлин и Вену, Стокгольм, Женеву, Копенгаген, Константинополь, Париж, Цюрих, Амстердам...

Одно из писем адресовано Джачинто Серрати. Однако обращается Ленин не только к нему, но и к другим руководителям Итальянской социалистической партии.

Почти через два десятилетия Серрати вспомнит: «В сентябре 1914 г., когда пожар войны охватил уже бо́льшую часть Европы, а военная пропаганда делала все возрастающие успехи в еще нейтральных странах, я получил письмо *, состоявшее из нескольких листков, исписанных мелким и ровным почерком, без полей и без поправок, быстрой и уверенной рукой. На письме была подпись: Ленин. Оно призывало социалистов всего мира решиться на энергичное, позитивное, немедленное выступление против войны. В письме было сформулировано предложение ответить на войну революционным выступлением пролетариата, как это безрезультатно пытались сделать на съездах и совещаниях II Интернационала его руководители, которые в большинстве своем перешли в Священный союз и встали на сторону тех, кто проповедовал войну» [11].

* По всей вероятности, это письмо утеряно.

В письмах, идущих в разные страны, обращается Ленин с просьбами. Дает все новые и новые поручения:

«В Лозанне надо наладить собирание *всех* французских швейцарских газет с социалистическими отзывами о войне, о немецких и французских социалистах и т. д. ...Надо собирать документы изо всех сил!!» [12];

«...попросите достать нам *«Sozialistische Monatshefte»* (все номера после войны)...» [13] — выходящий в Берлине главный орган немецких оппортунистов и один из органов международного ревизионизма;

«Сема видает «Vorwärts», кажись? Не будет ли он добр присылать нам *выписки* (краткие) самого интересного? Например, о конфликте редакции «Vorwärts» с Центральным комитетом профессиональных союзов?.. о победе оппортунистов в Швеции и т. п.? Только *самые* важные вести *в двух словах,* чтобы следить за поведением «Vorwärts»?» [14]...

С Доннербюльвег переезжают Ульяновы на примыкающую к лесу маленькую, чистенькую, тихую улочку Дистельвег, сняв у старой гладильщицы две меблированные комнаты.

Чуть свет Владимир Ильич уже за рабочим столом. То, что пишут отовсюду товарищи, что сообщают газеты разных стран — и те, что приходят в бернские библиотеки, и те, что присылают по просьбе Владимира Ильича Литвинов — из Англии, Накоряков — из Нью-Йорка, Благоев — из Болгарии, Коллонтай — из Швеции и Норвегии,— источник информации о положении в социал-демократии, об активизации интернационалистов, выступающих против империалистической войны. В статьях для «Социал-демократа» Ленин углубляет, развивает тактику международной революционной социал-демократии, требуя решительного размежевания с социал-шовинистами, идейного и организационного разрыва с ними, разоблачая маневры оппортунистов.

Живущему в Стокгольме товарищу Ленин указывает на одного из них: «Каутский всех лицемернее, всех отвратительнее и всех вреднее!» И ненавидит он его, презирает сейчас «хуже всех» за «поганенькое, дрянненькое и самодовольное лицемерие». В чем оно выражается? «Интернационализм в том и состоит,— изволите видеть,— в гневе Ленин от постыднейших утверждений немецкого лидера,— чтобы рабочие каждой страны стреляли в рабочих другой под видом «защиты отечества»»!!! [15]. Он соглашается с Розой Люксембург, давно обращавшей внимание на то, что у Каутского «прислужничество теоретика», иначе говоря — лакейство перед оппортунизмом. Он предостерегает: «Нет на свете теперь *ничего* более вредного и опасного для *идейной* самостоятельности пролетариата, как это поганое самодовольство и мерзкое лицемерие Ка-

утского, желающего все затушевать и замазать, успокоить софизмами и якобы ученым многоглаголанием разбуженную совесть рабочих» [16].

Ленин возмущен и поведением Питера Трульстра — деятеля голландского рабочего движения, ставшего социал-шовинистом. «Он — архиоппортунист и агент интриг самого подлого центра самых подлых оппортунистов — немецких социал-демократов...» — убедился уже Владимир Ильич [17]. Как права была Роланд-Гольст, сказавшая как-то ему об этом «социалисте»: «ein hundsgemeiner Kerl»! * Нет у Владимира Ильича сомнений в справедливости ее слов. О, Трульстра, как оппортунист, «половчее «добренького» старичка Каутского!» [18]

Не раз обращает Владимир Ильич внимание на то, что «*единство* с оппортунистами означает теперь *на деле* подчинение рабочего класса «своей» национальной буржуазии, союз с ней для угнетения чужих наций и для борьбы за великодержавные привилегии, будучи *расколом* революционного пролетариата всех стран» [19]. Он настаивает на выступлении левых, во-первых, «с общей *идейной* декларацией», в которой обязаны осудить социал-шовинистов и оппортунистов. Во-вторых, «с программой революционных действий (сказать ли: гражданская война или революционные массовые действия — не так уже важно)». И, в-третьих, против «защиты отечества» и других подобных лозунгов. Ленин убежден, что «идейная декларация «левых» от имени нескольких стран имела бы *гигантское* значение...» [20]

Недавно, в одном из писем, подчеркивал Владимир Ильич: более, чем когда-либо, нужна теперь рабочим правда. Да, вся правда, даже самая горькая. Правда, а не отвратительное дипломатничанье. И он настойчиво, терпеливо разъясняет, как велика сейчас ответственность истинных социал-демократов за судьбы международного социализма. Добивается ясных, четких заявлений против империализма, против империалистической войны, за ее превращение в войну гражданскую.

Он узнает: созывается съезд Шведской социал-демократической партии. Главным вопросом выносится на него вопрос об отношении к войне. Поэтому обязательно следует выступить на нем. Сделать это должен живущий в Стокгольме А. Шляпников — связной между Русским и Заграничным бюро ЦК РСДРП. Пусть он передаст «братской партии шведских рабочих» приветствие, пожелание «всякого успеха в духе революционной интернациональной социал-демократии».

Конечно, не будет от этого в восторге стоящий на оппортуни-

---

* Подлый парень, негодяй.

стических позициях Карл Брантинг. Но разве надо «нравиться» оппортунистам!? Ленин наставляет Шляпникова: «Если Вам дадут 10—12 минут и *свободу* слова, тогда следует сказать *против* немецкого (и другого) оппортунизма...» [21]

И на съезде оглашается приветствие от ЦК РСДРП. В нем — призыв к борьбе против империалистической войны. Оно осуждает лидеров германской социал-демократии, социалистических партий других стран.

Как и предвидел Владимир Ильич, не нравится это Брантингу. Выражает он сожаление по поводу пункта приветствия русских, который осуждает социал-шовинистов. Ленин же доволен: выступление «на шведском конгрессе вышло *чудесно*» [22].

А из Лондона приходит сообщение от Литвинова: там созывается конференция социалистов стран Антанты. И хотя большевики на нее не приглашены, Ленин принимает решение обратиться с декларацией ЦК РСДРП к участникам и этой конференции.

Владимир Ильич пишет проект декларации. Безусловным долгом социалистов, считает он, должно быть немедленное выполнение резолюции Базельского конгресса II Интернационала. Следует призвать «рабочих всех воюющих стран к энергичной классовой борьбе, как экономической, так и политической, против буржуазии своей страны, буржуазии, наживающей неслыханные прибыли на военных поставках и пользующейся поддержкой военных властей для затыкания рта рабочим и усиления гнета над ними» [23].

Литвинов приходит в отель «Вестминстер», где собралось почти пятьдесят делегатов. Как установит заграничная агентура российского департамента полиции, у него — «мандат от Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии, в частности от отсутствовавшего Ленина» [24].

Представитель РСДРП добивается, чтобы ему дали слово. И начинает зачитывать декларацию ЦК РСДРП, в основе которой — присланный ему ленинский проект:

— Мы думаем, что прежде чем входить в какое-либо обсуждение вопроса о восстановлении Интернационала, прежде чем пытаться восстановлять международную связь между социалистическими рабочими, наш социалистический долг заставляет нас требовать: 1) чтобы Вандервельде, Гед и Самба немедленно вышли из буржуазных министерств Бельгии и Франции...

Председательствующий Вандервельде прерывает Литвинова и лишает его слова.

Но раньше чем покинуть зал заседаний, Литвинов передает текст декларации президиуму, не надеясь на то, что этот текст будет опубликован английской прессой. Через несколько дней он сообщает Ленину: «Мой уход решили, очевидно, замалчивать, но

все газеты отметили непримиримость русских социал-демократов» [25].

О непримиримости большевиков должны знать рабочие, рядовые социал-демократы во всех странах, тем более что все очевиднее проявляют они стремление к миру.

Правда, антивоенные выступления революционных социал-демократов пока крайне редки, но известия о них уже доходят до Ленина. Он писал в ноябре 1914 года в Стокгольм: «У немцев шевелятся *левые*...» [26] Отмечал в манифесте ЦК РСДРП: «...голоса социалистов против шовинизма большинства с.-д. партий раздаются и в Англии и во Франции...» [27] Выступая в Лозанне с рефератом, упомянул о выполнении своего долга сербскими социалистами. А со страниц «Социал-демократа» назвал имена тех, кто выступает с открытыми протестами против социал-шовинизма,— Ф. Меринга, А. Паннекука, К. Либкнехта. Ленин сообщил, что из среды революционных социал-демократов раздаются протесты и «ряда безымянных голосов в Германии и в немецкой Швейцарии». Что в Италии «революционные социал-демократы («социалистическая партия») с «Avanti!» во главе борется с шовинизмом и разоблачает буржуазно-корыстный характер призывов к войне, встречая поддержку огромного большинства передовых рабочих» [28].

Переписываясь с большевиками-эмигрантами, с левыми социал-демократами, Ленин призывает их сплачивать во всех странах тех, кто стоит на интернационалистских позициях.

— Не беда, что нас единицы,— говорит он как-то,— с нами будут миллионы.

Л. Сталь сообщает ему: внутри Французской социалистической партии ею создана «группа борьбы за мир и против шовинизма», распространяющая антивоенные листовки и прокламации. «Наша левая группа,— информирует она Ленина,— уже согласилась с лозунгом «гражданской войны». Мы устраиваем периодические собрания и пропагандируем их». И в другом письме: «Многие ранее ошибавшиеся начинают понимать все ошибки вообще и огромную ошибку в частности — вхождение социалистов в министерство». С. Гоннер сообщает Ленину о том, как разоблачает она шовинизм лидеров Французской социалистической партии, как разъясняет рядовым французам ленинские идеи о войне. «Французские камарады,— узнает он из ее письма,— все накопившееся негодование обрушивают на две вещи: 1) игнорирование вождями воли партии; 2) националистическая политика центров» [29].

Изо дня в день подробно информирует Ленина Коллонтай о своих выступлениях на митингах и собраниях социал-демократов скандинавских стран, о связях с местной прессой, местными левыми социал-демократами. Она пишет, в частности, из Христиа-

нии: «Здесь есть прекрасное левое крыло и вообще партия настроена радикальнее других... Через месяц они начинают кампанию против милитаризма по всей стране. Наш долг — помочь им по мере сил». Сообщает и об интернационалистах Дании: «Намерения у них прекрасные, дух радикальный, но часто нет почвы и ясности линии» [30].

Коллонтай, безусловно, права. Ведь левые социал-демократы Скандинавии отрицают необходимость вооружения народа. Еще в 1910 году спорил Ленин по этому поводу с Карлом Хёглундом — лидером левого крыла шведской социал-демократии.

Возмущается Владимир Ильич и сейчас:

— Как можно допустить, чтобы революционный класс накануне социальной революции был *против* вооружения народа? Это не борьба с милитаризмом, а трусливое стремление уйти в сторонку от великих вопросов капиталистического мира. Как можно «признавать» классовую борьбу, не понимая неизбежность ее превращения в известные моменты в гражданскую войну? [31]

С этим должны согласиться и социалистки всех стран, когда тут, в Берне, соберутся они на свою международную конференцию.

О том — написанный Владимиром Ильичем проект резолюции.

С ним отправляется на конференцию делегация Центрального Комитета. Ее цель — призвать женщин-социалисток объявить войну всякой империалистической войне, разъяснить работницам, что достигнуть этого можно лишь путем революционного движения масс, усиления классовой борьбы.

По поручению Владимира Ильича выступает на конференции Инесса Арманд. Она высказывает ленинские мысли, когда говорит, что мира можно добиться только революцией, что только социализм принесет избавление от войн...

Проходит несколько дней. В Берн съезжаются делегаты другой международной конференции. На сей раз — социалистической молодежи.

В Народном доме собираются посланцы Германии, Польши, Голландии, Болгарии, Италии, Норвегии, Швеции, Дании, Швейцарии, России. У двух русских делегатов — представителей Центрального Комитета РСДРП — мандаты, выписанные Лениным. После совещания с ним приходит сюда и делегат Польши. У болгарина в заготовленном тексте выступления — ленинские поправки об отношении молодежи к социал-шовинизму, пацифизму, «гражданскому миру» [32].

Ленин внимательно следит за ходом конференции. Он убеждается: как и на женской конференции, сейчас в Народном доме столкнулись две точки зрения. Тех, кто не видит краха II Интер-

национала, и тех, кто трезво расценивает зло, причиняемое оппортунистами международному социал-демократическому движению. Поэтому, считает Ленин, надо поддержать тех, кто вырвался из-под влияния оппортунистов. Нужно также открыть глаза тем молодым революционерам, которые уверовали в непогрешимость руководителей социал-демократических партий.

С Инессой Арманд — она и тут представляет большевиков — Владимир Ильич обсуждает, что та должна заявить на молодежной конференции. В черновом наброске ее выступления — идеи Ленина о двух направлениях в международном рабочем движении.

Ленинские идеи и в большевистском проекте резолюции по важнейшему вопросу — «Война и задачи социалистических организаций молодежи».

Его оглашают на конференции. И хотя не поддерживают делегаты программу большевиков, многих она заставляет задуматься. А посланец Голландии увозит этот документ с собой. И составленный при участии Ленина проект резолюции публикуется в ближайшем же номере голландского органа «Де йонге социалист». С его страниц звучит теперь призыв большевиков: «Если рабочая молодежь вместе со всем пролетариатом хочет сократить период страданий, связанный с эпохой империализма, то она должна свое «желание мира» превратить в борьбу за социализм» [33].

ЦИММЕРВАЛЬД — КИНТАЛЬ

Владимир Ильич сейчас весь в заботах о первой Международной социалистической конференции. Он переписывается с ее предполагаемыми участниками, организаторами. Добивается сплочения левых социалистов всех стран под знаменем пролетарского интернационализма...

Д. Вайнкопу в Зволле (Голландия).

Из Зеренберга, пансионата «Мариенталь» у подножия Ротхорна, где отдыхают Ульяновы, пишет Владимир Ильич в Голландию Д. Вайнкопу. Он убежден, «что грязные душонки типа Бернштейна — Каутского» попытаются использовать предстоящую конференцию для очередного обмана масс. И призывает «расстроить маневр этих пассивных (и лицемерных) «радикалов».

Вайнкоп — лидер голландских трибунистов, которых относит Ленин «к лучшим революционным и интернационалистским элементам международной социал-демократии» [1]. Владимир Ильич предлагает ему совместно выработать революционную платформу левых. «Мы должны,— обращается он к Вайнкопу,— кое-что сделать: выработать программу революции,— разоблачить идиотский и лицемерный лозунг мира, обличать, опровергать его,— говорить

с рабочими начистоту,— чтобы сказать *правду* (без подлого дипломатничания авторитетов II Интернационала)» [2].

Вайнкоп согласен с Владимиром Ильичем: трибунисты полностью разделяют его точку зрения па каутскианскую политику. Он пишет из Амстердама «дорогому товарищу Ленину»: «Мы должны сформулировать принципиальную и практическую программу революции и разоблачить пассивный радикализм вместе с его лживой программой мира... Мы должны бороться против войны и капитализма как революционеры *всеми* средствами, и в случае, если рабочие отнесутся к этому серьезно, то это по необходимости приведет к гражданской войне, которую мы, конечно, как классовую борьбу, предпочитаем борьбе между народами... Мы, как и Вы, хотим действовать активно-революционно и побудить пролетариат к революционным выступлениям против войны и капитализма» [3].

А. Коллонтай в Христианию.

Ленин пишет: «Крайне важно привлечь левых шведов *(Хёглунда)* и норвежцев... Нашу позицию Вы знаете из «Социал-демократа»... В интернациональных делах мы *не* будем за сближение с Haase-Bernstein-Kautsky...» [4]

И ей объясняет Владимир Ильич, что «левые должны выступить с общей *идейной* декларацией», должны осудить социал-шовинистов и оппортунистов, изложить свою программу революционных действий. Просит «снестись с Хёглундом», выяснить, «согласны ли они на такой базе (из-за частностей, понятно, мы не разойдемся) готовить *общую* декларацию...». Предупреждает: «Спешить с этим надо сугубо» [5].

Письмо отыскивает Коллонтай в местечке Хольменколлен под Христианией. «Вернулась поздно домой: письмо от Ленина...— записывает она в тетрадке — своем норвежском дневнике.— Ленин... просит [привлечь и] подтолкнуть левых скандинавов. Значит, намечается большая работа. Помочь выявлению левого интернационала — необходимо...» [6]

И опять — Д. Вайнкопу: «...Я прочел ваши резолюции...» — сообщает Ленин, имея в виду присланные ему Вайнкопом резолюции недавнего конгресса «трибунистов» в Утрехте. «...Между нами безусловно существует принципиальная солидарность».

А из этого следует, что к предстоящей конференции надо выработать совместные тезисы или резолюции. «...Важно,— подчеркивает Ленин,— чтобы мы ясно, популярно формулировали революционную тактику, уточнили империалистический характер войны, защитили марксизм от фальсификации Каутского, Плеханова и K^0» [7].

И снова — А. Коллонтай.

Приходит «Декларация Норвежского социал-демократического

союза молодежи для второго предварительного совещания интернационалистов в Берне». Познакомившись с нею, доволен Владимир Ильич: целиком поддерживают норвежцы предложения Центрального Комитета РСДРП. И в этом, конечно, немалая заслуга Коллонтай.

Он пишет ей: «Дорогая А. М.! Очень рады мы были заявлению норвежцев и Вашим заботам о шведах. Дьявольски важно было бы совместное интернациональное выступление *левых* марксистов! (Принципиальное заявление — главное и, пока, единственно возможное.)...

Еще раз привет и поздравление за норвежскую декларацию!» [8]

Каждое письмо Ленина — толчок к еще более энергичным действиям. «Было горячее время: готовили норвежцев к конференции Циммервальда,— записывает Коллонтай в дневнике 24 августа.— Много пересылок и прочее. Дискуссии по отдельным пунктам со шведскими и норвежскими товарищами, но в общем — единомыслие...» [9]

С удовлетворением встречает Владимир Ильич вести о тех, кто не на словах, а на деле — интернационалисты. Он пишет, что читал с радостью «Ди Лихтштрален» — ежемесячник группы левых социал-демократов Германии и отпечатанный в Дюссельдорфе журнал «Ди Интернационале». С еще большей радостью узнал о распространении в Германии нелегальных революционных воззваний. Это свидетельствует о том, убежден Ленин, что жив среди немецких рабочих дух социализма, есть в Германии люди, способные отстаивать революционный марксизм.

Ленин отправил уже в типографию рукопись брошюры, над которой работал в последнее время. Почти в каждом письме упоминает он о ней: «Как идет набор и когда надеетесь выпустить?» [10]; «О брошюре извещайте иногда открыткой...» [11]; «Мы должны приложить *все* усилия к тому, чтобы выпустить нашу брошюру (по-немецки) до 5.IX.» [12].

Ленин торопит с изданием брошюры «Социализм и война», чтобы можно было повезти ее с собой в Циммервальд.

В этом горном поселке, в десяти километрах от Берна, 5 сентября 1915 года созывается конференция.

Автобус с делегатами отправляется туда ранним утром. По дороге встречают они Ленина. За спиной у него рюкзак, в руках альпинистская палка.

Поселяется Владимир Ильич с делегатами в маленькой гостинице. И сразу раздает всем только что отпечатанную на немецком языке брошюру. Она начинается словами: «Социалисты всегда осуждали войны между народами...»

Брошюра должна напомнить участникам конференции: отношение большевиков к войне принципиально иное, чем буржуазных пацифистов и анархистов. Большевики понимают неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны. Они понимают, что невозможно уничтожить войны без победы социализма. И в то же время признают законность, прогрессивность, необходимость гражданских войн, «т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии» [13].

Перед самым открытием конференции по инициативе Ленина созывается частное совещание. В небольшом зале — представительница немецкой группы «Интернационал» Берта Тальгеймер, политический редактор «Форвертс» Эрнст Мейер, один из руководителей левого крыла синдикалистского движения во Франции Альфонс Мергейм, секретарь французского синдиката бондарей Альбер Бурдерон. Здесь и левые социалисты, с которыми переписывался Ленин, и некоторые центристски настроенные делегаты из Германии и Франции.

Владимир Ильич приносит с собой листки, исписанные по-немецки и по-французски. Это тезисы доклада, с которым выступает он на совещании, обличая социал-предателей, защищающих капитализм, требующих гражданского мира с буржуазией. Ленин разоблачает тех, кто попирает решения довоенных международных социалистических конгрессов.

На следующий день открывается конференция.

Одиннадцать стран — Россия, Польша, Италия, Болгария, Румыния, Германия, Франция, Голландия, Швеция, Норвегия, Швейцария — представлены в Циммервальде. Восемь делегатов, возглавляемых Лениным, вносят согласованный проект резолюции, Он характеризует войну как грабительскую, ведущуюся в интересах буржуазии. В нем резко осуждаются социал-шовинисты, категорически отвергается их лозунг «защиты отечества» в несправедливой войне. В основе этого проекта — главные положения манифеста ЦК РСДРП.

Разгорается ожесточенная полемика.

«...Тотчас же,— свидетельствует итальянский делегат Серрати,— обнаружились разногласия между теми, кто хотел ограничиться простым пацифистским заявлением (а они были в большинстве!), и теми, кто, будучи убежден в империалистическом характере войны, предлагал начать уже тогда любыми способами революционную борьбу пролетариата против империалистической буржуазии. Ленин возглавлял последних» [14].

На словах немецкие делегаты — за неизбежность революционных битв.

— И все же о таких вещах, как братание в траншеях, политические стачки, уличные демонстрации, гражданская война, не надо кричать на весь мир,— настаивают они в то же время.— Это делают, но об этом не говорят.

— Это — ребячество, это — вспышкопускательство,— вторят им другие.

Ленин разоблачает непоследовательность немецких делегатов.

— Вы поступаете по дурному примеру Каутского...— заявляет он,— на словах признание грядущей революции, на деле — отказ от того, чтобы говорить массам прямо о ней, звать к ней, намечать самые конкретные средства борьбы, которые масса испытывает, узаконяет в ходе революции... Наш безусловный долг разъяснять массам необходимость революции, звать к ней, создавать соответствующие организации, не бояться говорить самым конкретным образом о различных приемах насильственной борьбы и об ее «технике» [15].

Французские делегаты тоже убеждены, что Европа на пороге революции.

— Но мы,— говорят они,— пришли сюда не затем, чтобы «давать формулу III Интернационала», это во-первых; а во-вторых, французский рабочий «не верит никому и ни во что»; он развращен и пресыщен анархистской и эрвеистской фразой.

— Первый довод неразумен,— отвергает его Владимир Ильич,— ибо в общем компромиссном манифесте все же «дана формула» III Интернационала, только непоследовательная, недоговоренная, недодуманная. Второй довод очень важен, как серьезный фактический довод, учет особого положения Франции — не в смысле обороны отечества и нашествия неприятеля, а в смысле «больных мест» французского рабочего движения [16].

С Лениным спорит один из итальянцев:

— Ваша тактика является либо слишком поздно (ибо война уже начата), либо слишком рано (ибо война еще не породила условий революции); и притом вы предлагаете «изменение программы» Интернационала, ибо всегда вся наша пропаганда велась «против насилия».

И это возражение отвергает Владимир Ильич. Отвечает цитатой из Жюля Геда: никогда ни один влиятельный вождь II Интернационала не отрицал применения насилия и непосредственно революционных приемов борьбы вообще.

Он внимательно слушает Василя Коларова. Тот рассказывает о том, как Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесняков) разоблачила попытки оппортунистов увлечь ее на позиции социал-патриотизма. Делится опытом антивоенной работы своей партии во время балканской войны.

Спустя немного дней в «Социал-демократе» Ленин подведет итоги Циммервальдской конференции: «Идейная борьба на конференции шла между сплоченной группой интернационалистов, революционных марксистов и колеблющимися почти-каутскианцами, составлявшими правый фланг конференции. Сплочение указанной группы — один из самых важных фактов и один из самых больших успехов конференции. После целого года войны *единственным* течением в Интернационале, которое выступало с вполне определенной резолюцией,— а также с основанным на ней проектом манифеста,— и объединило последовательных марксистов России, Польши, Латышского края, Германии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Голландии, оказалось течение, представленное нашей партией» [17].

В эти сентябрьские дни 1915 года родилась международная группа революционных марксистов — Циммервальдская левая. Возглавил ее Ленин.

Он придает большое значение сплочению группы, разоблачает попытки Роберта Гримма — руководителя созданной в Циммервальде Интернациональной социалистической комиссии — по существу, нового Международного социалистического бюро — скрыть и суть разногласий на конференции, и то, что способствовало рождению Циммервальдского объединения. Владимир Ильич стремится как можно скорее издать в разных странах на разных языках брошюру «Циммервальдская левая о задачах рабочего класса».

Ленин шлет о том письма.

В Нью-Йорк: «Мы издаем здесь на днях (по-немецки, а затем *надеемся* пустить по-французски и, если удастся извернуться с деньгами, по-итальянски) маленькую брошюрку от имени *Циммервальдской левой*. Под этим именем мы хотели бы пустить возможно шире в международное обращение нашу левую группу в Циммервальде (ЦК+P.S.D.+латыши+шведы+норвежцы+1 немец+1 швейцарец) с ее *проектом резолюции* и *манифеста* (напечатано в № 45—46 «Социал-Демократа»)... Надеемся на Вас, что Вы издадите это в Америке *и по-английски*... Это должно быть первое выступление *ядра левых* социал-демократов *всех* стран, имеющих ясный, точный, полный *ответ* на вопрос, что делать и куда идти» [18].

В Цюрих: «Насчет перевода «Internationale Flugblätter» № 1 на итальянский, я думаю, наша общая приятельница Вам поможет... По-моему, теперь в первую голову надо перевести на итальянский... Если издателя не найти, тогда мы постараемся сами издать...» [19]

В Париж: «Коллонтай шлет *хорошие* вести из Америки, *издает* «Internationale Flugblätter» [20].

Коллонтай приглашена в Соединенные Штаты немецкой секцией Социалистической партии Америки. Цель ее поездки — чтение рефератов о социалистическом и рабочем движении в Европе. И перед самой поездкой за океан Ленин прислал ей брошюру «Социализм и война». «Ждала я брошюру эту с громадным нетерпением и радостью,— написала тогда Коллонтай Владимиру Ильичу.— Ведь все-таки в основе моей поездки в Америку лежит стремление возможно шире распространить те взгляды, которые с особенной выпуклостью и яркостью сумели оформить Вы и которые охватывают собою основу позиций революционеров-интернационалистов» [21].

И вот — *«хорошие* вести из Америки», которые шлет Владимиру Ильичу Коллонтай. О встречах с теми, кто и тут стоит на интернационалистских позициях, о докладах, прочитанных в Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анжелесе, десятках других городов, о спорах с противниками Ленина и дружеских беседах с его сторонниками. *«Хорошие* вести» о завязавшихся тут связях с секретарем немецкой федерации Социалистической партии Людвигом Лоре, издателем социалистической литературы Чарлзом Керром, лидером рабочего движения Юджином Дебсом, с редакциями газет «Нью Ревью», «Эпил ту Ризн», «Милуоки Лидер». Коллонтай сообщает, как она использует эти связи для выполнения поручений Ленина и, в частности, для издания на английском языке брошюры «Циммервальдская левая о задачах рабочего класса».

Но Ленин не намерен ограничиваться изданием одной лишь этой «циммервальдской» брошюры. Он просит М. Харитонова — секретаря большевистской секции в Цюрихе: «...надо наладить издания, брошюры, приложения к швейцарским газетам, конкретизирующие понятие «revolutionäre Aktionen» * и все это тайком ввозить в Германию» [22].

Не так давно начал Ленин работать над книгой об империализме. Этого требуют интересы революционной борьбы мирового пролетариата. Не выяснив до конца экономической и политической сущности империализма, убежден Владимир Ильич, нельзя ничего понять в современной политике, нельзя правильно оценить нынешнюю войну.

Весь день теперь Владимир Ильич в библиотеке. В его тетрадях — выписки из только что вышедшего в Амстердаме труда голландского социал-демократа Германа Гортера «Империализм, мировая война и социал-демократия». Снова знакомится он с работами английского экономиста Джона Гобсона, читает изданное в

* «Революционные действия».

Вене сочинение австрийского марксиста Рудольфа Гильфердинга «Финансовый капитал», книгу Эд. Майера «Техника и культура»...

Февральским днем 1916 года, прервав работу над книгой, приходит Владимир Ильич в Народный дом. Сегодня тут митинг. Организован он Интернациональной социалистической комиссией.

Большой зал заполнился задолго до начала. Чтобы вместить желающих послушать виднейших деятелей международной социал-демократии, приходится открыть раздвижные двери, ведущие в столовую.

Председательствует Роберт Гримм. Он предоставляет слово бородатому португальцу. И тот знакомит собравшихся с положением на Пиренейском полуострове. Итальянец Дж. Модильяни говорит о любви как о самом высоком в жизни и о ревности как ее противоположном полюсе — с тем, чтобы противопоставить патриотизм шовинизму. Выступает румын, защищающий позиции нейтралитета для международного социализма в мировой войне.

Очередной оратор — Ульянов от Российской социал-демократической рабочей партии.

Он бегло говорит на немецком языке, ни разу не повышая голоса. «Да это было и не нужно,— вспомнит Альберт Смолан — активный участник шведского и немецкого рабочего движения,— ибо свыше тысячи сидевших и стоявших в зале людей слушали его с напряженным вниманием. Мы сразу заметили, что он отличался от других как манерой держаться, так и тем, что говорил. Все в нем было естественно, без выкрутасов и наигранности, которыми отличались некоторые среднеевропейские и скандинавские лидеры» [23].

— Вот уже более полутора лет,— говорит Ленин,— свирепствует европейская война. И с каждым дальнейшим месяцем, с каждым дальнейшим днем войны для рабочих масс становится все яснее, что Циммервальдский манифест сказал правду, когда он сказал, что фразы о «защите отечества» и тому подобное являются не чем иным, как обманом со стороны капиталистов. С каждым днем становится яснее, что это *война капиталистов, крупных разбойников*, которые спорят друг с другом о том, кто из них получит больше добычи, ограбит больше стран, подавит и поработит больше наций [24].

От того же Альберта Смолана мы узнаем: речь Ленина оказала глубокое влияние на участников митинга. Особенно на таких, как сам Смолан, молодых членов Интернационального союза. «Ни один из наших «испытанных» вождей,— подтверждает он,— не говорил до сих пор так открыто и конкретно о предстоящих задачах движения» [25].

Уже на следующее утро «Бернер Тагвахт» выходит с речью

Ленина. С нею знакомятся теперь те, кому вчера не удалось попасть в Народный дом. Под заголовком «Война и обязанности рабочего класса» речь публикует румынская «Лупта Зилника».

Снова, уже с газетных полос, звучит голос Ленина, предсказывающего то, что должно произойти в самое ближайшее время в странах Европы: «Растущее недовольство масс, растущее брожение, стачки, демонстрации, протесты против войны,— все это происходит во *всех* странах мира. *И это служит нам ручательством, что после европейской войны наступит пролетарская революция против капитализма*» [26].

Сутки спустя Ленин развивает мысль, высказанную на митинге: «Не анархистская фраза о революции, а длительная, серьезная, упорная, настойчивая, систематическая работа по созданию *повсюду* нелегальных организаций среди *рабочих*, по распространению *свободной*, т. е. нелегальной литературы, по подготовке движения *масс* против своих правительств. Вот что нужно рабочему классу всех стран!» [27]

Он пишет о том русскому социал-демократу. А французским товарищам предлагает издать перевод этого письма («полный перевод»!). Ведь еще в Циммервальде, слушая Альбера Бурдерона — лидера левого крыла в синдикалистском движении и Альфонса Мергейма — одного из руководителей Всеобщей конфедерации труда Франции, Владимир Ильич убедился в ошибочности их тактики. И Бурдерон, и Мергейм, как и некоторые другие французские лидеры, не делают ни одного шага, не произносят ни одного слова, которые могли бы привести к расколу социалистической партии или рабочих синдикатов во Франции, к расколу II Интернационала, к созданию нового, III Интернационала. И это в то время, когда не только во Франции — во всем мире раскол в рабочем и социалистическом движении неминуем. Ибо, заявляет Владимир Ильич, «налицо две непримиримых тактики и политики рабочего класса по отношению к войне», и «закрывать глаза на это смешно», а «пытаться примирить непримиримое значит осуждать всю свою работу на бессилие» [28].

Отдельной листовкой — «О задачах оппозиции во Франции» — на французском языке публикуется письмо Ленина. Он обращается к французским рабочим через головы тех, кто препятствует назревшему, насущному объединению верных интернационализму пролетариев. «Я думал, что социализм мертв,— приходит к заключению французский рабочий, прочитавший письмо Ленина,— но теперь я вижу, что он живет, и весть об этом живом социализме я понесу в массы» [29].

Ленин продолжает между тем работать над книгой об империа-

лизме. С этой целью он отправляется в Цюрих: там должна быть литература, которой нет в местных библиотеках. Но так сложатся обстоятельства, что не вернется уже Владимир Ильич в Берн.

Поселяются Ульяновы на Шпигельгассе, 14, в самой старой, густонаселенной части Цюриха. Снимают комнату у сапожника. В его скромную квартиру ведет узкая, крутая, с винтовыми поворотами, лестница, и днем освещаемая тусклой керосиновой лампочкой.

Ленин готовится ко второй Международной социалистической конференции, с тем, чтобы еще теснее сплотить на ней Циммервальдскую левую, ускорить разрыв с оппортунистами. Используя любую возможность, он разоблачает декларации Гюисманса, направленные к объединению социал-шовинистов воюющих коалиций, демагогические призывы Вандервельде отказаться от интернациональных связей до окончания войны.

В обширной корреспонденции, получаемой Лениным, оказывается однажды пакет из Бостона. В нем находит Владимир Ильич «Учредительное воззвание» только что созданной там Лиги социалистической пропаганды. Оно подвергает критике свернувшую с пути революционной борьбы Социалистическую партию Америки, признает фактический распад II Интернационала, невозможность возрождения его на старых основах, призывает бороться за создание нового Интернационала.

«Мы всеми силами должны добиваться того,— заявляют организаторы Лиги,— чтобы Социалистическая партия высказывалась и действовала бескомпромиссно, чтобы она выступала за революцию, демократию, за профсоюзы, объединенные по производственному принципу, за политическую борьбу в ее самом широком понимании, за единство действий обеих социалистических партий *, за подлинный интернационализм и активный антимилитаризм» [30].

Воззвание убеждает Владимира Ильича:— «Эта лига — интернационалистская, с программой, явно клонящей влево» [31].

Он поручает находящейся в США Коллонтай употребить все усилия, чтобы разузнать «как можно подробнее» о тех, кто поставил свои подписи под присланным ему воззванием. И не только разузнать — «постараться создать из них (или *и* из них, или: из кого-либо из них) один из опорных пунктов «Циммервальдской левой» в Америке» [32].

А пока сам устанавливает контакты с организаторами Лиги. Среди них — американские социалисты С. Фитцджеральд, С. Эдвардс, Дж. Уильямс, эмигрировавшие в США латышские социал-демократы Ф. Розинь, Д. Бейка, Я. Юргис, С. Бергис, К. Салнынь,

* Социалистической партии Америки и Социалистической рабочей партии Америки.

голландский революционер С. Рутгерс и другие. «Я послал им *громадное* английское письмо (и «Internationale Flugblätter» по-немецки)» [33],— сообщает Ленин в одном из писем.

Он написал в Бостон: «Мы очень обрадовались, получив вашу листовку. Ваше обращение к членам социалистической партии с призывом бороться за новый Интернационал, за подлинный революционный социализм, которому учили Маркс и Энгельс, против оппортунизма, в особенности против тех, кто стоит за участие рабочего класса в оборонительной войне, полностью соответствует позиции, которую наша партия (Российская социал-демократическая рабочая партия, *Центральный Комитет*) заняла с самого начала этой войны и которую она всегда занимала на протяжении более 10 лет».

Ленин передал американским товарищам самые искренние приветы и наилучшие пожелания успеха в совместной борьбе за пролетарский интернационализм. Но не обошел молчанием свои расхождения с организаторами Лиги социалистической пропаганды. Обратив на это их внимание, Владимир Ильич считает особенно важным «немедленно предпринять серьезные шаги с целью согласования во всех странах международной борьбы не идущих на компромисс революционных социалистов, в особенности марксистов» [34].

С этой же целью Владимир Ильич запрашивает отовсюду материалы о положении дел у интернационалистов разных стран. Он просит прислать вырезку из «Форвертс» со статьей Отто Рюле — германского левого социал-демократа, депутата рейхстага, голосовавшего в свое время против военных кредитов, выступающего за раскол с шовинистами. Просит «*как можно* скорее» [35] доставить ему статьи о голландце Германе Гортере и две статьи о рабочем движении в Австралии. Напоминает, что не послан ему номер «Бернер Тагвахт» с резолюцией собрания группы бременских социал-демократов. Проявляет интерес к новой речи Либкнехта в прусском ландтаге, в которой призвал тот «борющихся в траншеях» *«опустить оружие и обратиться против общего врага»* [36].

Ленин знает: на конференции, которую решено вскоре созвать, предстоит ожесточенная схватка левых с социал-шовинистами, центристами. Он пишет «Предложение Центрального Комитета РСДРП Второй социалистической конференции». Добиваясь, чтобы этот документ немедленно перевели на разные языки, Владимир Ильич рассылает его интернационалистам Франции, Германии, Швеции, Англии, Голландии, других стран. «Спешить надо *изо всех сил*»,— торопит он. Настаивает: «Надо, чтобы за несколько недель до конференции *все* левые и сочувствующие им видели и обсудили» [37].

Ленин утверждает в «Предложении Центрального Комитета РСДРП...» то, на что нельзя закрывать глаза: «Полгода, протекшие после Циммервальда, доказали, что *фактически* работа в духе Циммервальда — мы не говорим о пустых словах, а только о работе — во всем мире связана с углублением и расширением раскола» [38].

В горном поселке Кинталь, в столовой отеля «Берэн» заседает конференция. Борьба, как и предполагал Владимир Ильич, все более разгорается.

В центре этой борьбы Ленин.

Идут дебаты по вопросу о мире. И он стремится доказать правоту позиции левых. Представляемый Вандервельде и другими социалистами пацифизм Владимир Ильич называет буржуазным надувательством и утверждает, что лишь революционная борьба способна привести к социализму — единственной гарантии мира. С возмущением откликается он на заявление Пьера Бризона о том, что представители социалистических партий в парламентах, если этого требует ситуация, могут голосовать за военные кредиты.

— Отношение наших партий к военным кредитам,— обращается к Бризону Ленин,— одна из существенных черт, которая отличает нас от социал-патриотов и коллаборационистов. Видно, т. Бризон, что вы не прочли доклад нашего сербского товарища Кацлеровича, который находится среди нас. Его партия и он лично в парламенте выступали и голосовали против войны и военных кредитов в исключительно тяжелых для них обстоятельствах. Как известно, их страна подверглась нападению со стороны одного империалистического блока, теперь уже оккупирована; она вынуждена защищать свою независимость и самостоятельность. К тому же для этой страны еще не решен национальный вопрос. И все же они выступили против войны и военных кредитов, так как для них эта война — война империалистическая, ибо их правительство связано с одним из империалистических блоков. Тем самым они дали блестящий пример верности основным принципам международного революционного пролетариата [39].

Обсуждается вопрос об отношении к Международному социалистическому бюро. И Ленин говорит о предательстве его лидеров, растоптавших решения Штутгартского, Копенгагенского, Базельского конгрессов, о вызванном этим предательством расколе в социалистических партиях.

— Вы отрицаете раскол секций старого Интернационала,— заявляет он сторонникам созыва Международного социалистического бюро,— но этот раскол является фактом. Сегодня мы фактически имеем кризис социалистических партий всего мира. С одной стороны, Вы обращаетесь с Тома и К^0, как с жалкими субъектами и

предателями, с другой стороны, Вы говорите сегодня: о, мы хотим с ними встретиться, дискутировать и воссоздать Интернационал!.. Люди, с которыми Вы хотите воссоздать Интернационал, мертвы, они больше не существуют не буквально, а политически [40].

Здесь, в Кинтале, главное для Ленина — укрепление позиций Циммервальдской левой. Он оказывает решающее влияние на своих единомышленников: проводит совещания, встречается, беседует с делегатами, записывает их выступления, делает поправки, пометки, замечания на проектах резолюций.

Конференция подходит к концу. На последнем заседании, во втором часу ночи на 30 апреля, принимается манифест. Его опубликуют как «Обращение второй социалистической конференции к разоряемым и умерщвляемым народам».

Манифест — это победа сторонников Ленина. Он разоблачает и социал-шовинистов, и пацифистов, подтверждая, что единственное средство помешать и нынешней, и будущим войнам — завоевание политической власти рабочим классом.

Уже из Цюриха Ленин сообщает в Христианию: «В общем принят манифест — шаг вперед... Принята резолюция с критикой пацифизма и резолюция о Международном Социалистическом Бюро с резкой критикой его. В общем, это *все же*, несмотря на тьму недостатков, шаг к разрыву с социал-патриотами» [41].

И снова возвращается Ленин к рукописи своего труда об империализме. Он выйдет в Петрограде в середине 1917 года под названием «Империализм, как высшая стадия капитализма». Ленинская книга — результат громадной научной работы, напряженнейшего труда. В ней вскрывается общая связь явлений в развитии капитализма на рубеже XIX—XX веков, дается глубокий научный анализ экономической и политической сущности империализма, как высшей стадии капитализма, показывается неизбежность обострения при империализме всех противоречий, присущих капиталистическому обществу. Ленин доказывает в своем труде, что свержение капитализма, революционный переход к социализму — жизненная необходимость, что империализм есть канун социальной революции пролетариата.

«ЕВРОПА ЧРЕВАТА РЕВОЛЮЦИЕЙ»

В Цюрихе Ленин нередко встречается с С. Гольдштейном — членом Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков), одним из основателей болгарского профсоюза металлистов. Преследуемый военными властями Болгарии, тот эмигрировал из Софии в Париж, а теперь живет в Швейцарии. И здесь, в Цюрихе, работает на заводе «Орион».

— Владимир Ильич,— спрашивает однажды Гольдштейн,— как это могло получиться, что Жюль Гед стал шовинистом и теперь пропагандирует «теорию» о том, что «когда горит дом, то не спрашивают, пролетарский он или буржуазный»? Откуда взялось у Каутского тоже замаскированное шовинистическое утверждение, что «война сама себя изживет»?...

— Что о них говорить,— хмурится Ленин,— надо прямо сказать: они предатели дела пролетариата.

— Но как же, Владимир Ильич, все они завоевали авторитет марксистов-революционеров. У нас в Болгарии не так просто освободиться от их влияния. Им необходимо противопоставить настоящие революционные авторитеты!

— Ну что ж, пожалуйста, противопоставьте им авторитет нашей большевистской партии. Посылайте своим болгарским товарищам наш центральный орган — «Социал-демократ», наши брошюры по вопросам войны...

Ленина интересует настроение рабочих «Ориона».

— Вы сказали как-то,— напомнил Владимиру Ильичу болгарский тесняк,— что если швейцарские рабочие и не смогут начать революцию, то их политическая и революционная активность может отрезвляюще подействовать на восточных и западных соседей Швейцарии, отравленных шовинистическим угаром. Я беседовал с ними так, как вы мне советовали, и у них стали загораться глаза. Они даже говорили о политической забастовке, какая, например, была у бельгийцев за избирательное право. А один рабочий вспомнил о всеобщей забастовке русских рабочих в 1905 году.

— Раз так,— советует Ленин,— то вы им прежде всего скажите, что их руководитель Платтен тоже стоит за забастовку. Более молодым рабочим, которые хорошо знают Мюнценберга, сообщите, что он тоже за забастовку. Кроме того, если рабочие охотно откликаются на политические беседы, призовите их поддержать левоциммервальдские позиции. И далее, если вам это удастся, посоветуйте им связаться с французскими и немецкими рабочими, с тем чтобы они вели политическую агитацию среди своих войск. Рабочие воюющих стран должны в конечном результате добиться превращения войны империалистической в войну гражданскую и осуществления лозунга немедленного мира без аннексий и контрибуций. Поскольку швейцарским рабочим теперь ясно видно, к чему привело «примирение» пролетариата с буржуазией в Германии и Франции, они должны остерегаться собственных социал-патриотов. На съезде швейцарской социал-демократической партии необходимо призвать к ориентации на новый, революционный, III Интернационал...

При очередной встрече Ленин возвращается к волнующему его вопросу. Он настаивает:

— Знаете, пора уже отказаться от кустарной постановки политической партийной работы на вашем заводе. Во-первых, как видите, Гримм и другие центристы не переходят на революционную интернационалистскую позицию. Во-вторых, сейчас все чаще и чаще слышно о волнениях среди солдат на фронтах. Надо обязательно усилить индивидуальную пропаганду, которую вы начали, прежде всего среди рабочих, представляющих для нас особый интерес. Необходимо отыскивать на заводе наиболее влиятельных руководителей, которым массы доверяют. Их надо искать главным образом среди обыкновенных рабочих, но научившихся думать самостоятельно и имеющих представление о марксизме. Эти передовые рабочие на конференциях, созываемых по поводу предстоящего съезда швейцарской социал-демократической партии, поднимут свои голоса против партийных бонз...

Швейцарской партии Ленин придает большое значение. Ведь это партия нейтральной страны, вокруг которой бушует пожар мировой войны. И многое могут сделать швейцарские левые для сплочения международных революционных сил в их борьбе за новый Интернационал.

Мы узнаем от Эрнста Нобса — редактора цюрихской социал-демократической газеты «Фольксрехт», участника конференций в Циммервальде и Кинтале: «В период пребывания в Цюрихе Ленин вместе со своей женой Крупской регулярно посещал все общегородские, открытые для всех членов партии партсобрания в Народном доме. Он приходил рано и садился всегда на одно и то же место в одном из передних рядов возле прохода. Ленин был одним из самых внимательных слушателей» [1].

Узнаем и от часто встречающегося с Владимиром Ильичем цюрихского врача Фрица Бруйбахера: «Ленин очень внимательно следил за настроениями в рабочих организациях Цюриха. Если обсуждался важный вопрос, он непременно посещал это собрание. Так, Ленин присутствовал на собрании рабочих деревообрабатывающей промышленности, на котором обсуждался вопрос о Дне молодежи, на собраниях Рабочего союза Цюриха по военному вопросу, на собрании молодежи в Хоттингене, где Платтен говорил об отказе от воинской службы и о революционной пропаганде в армии, на собрании группы членов Унтерштрассе, где я выступал по военному вопросу» [2].

Неподалеку от Шпигельгассе, где живут Ульяновы, находится ресторан «Штюссигоф». В одной из его комнат раз в неделю собирается по утрам связанный с швейцарской социал-демократической партией кружок самообразования рабочих. И Владимир

Ильич приходит на эти собрания. Обсуждает с рабочими самые актуальные вопросы партийной политики: как вести борьбу «за власть» на общегородском цюрихском собрании социал-демократов, как бороться за резолюцию о «защите отечества» на кантональном съезде. «Ленин,— вспоминает Л. Кашер-Лихтенштейн,— воспитывал нас, молодых швейцарских социал-демократов, не только своими выступлениями, но и тесным личным общением с молодежью, с рабочими, с членами с.-д. партии. Ленин считал необходимым серьезно работать с отдельными людьми, настойчиво направлять их на путь революционного марксизма» [3].

Нередко берется теперь Ленин за перо, чтобы осветить положение в Швейцарии. Написать о ней с позиций не только пристального исследователя, но и с позиций очевидца. С каждым днем он все более убеждается, что есть в Швейцарии и действительные социал-демократы. Встречи с ними подтверждают: относительную свободу в своей стране, ее международное положение, то, что говорит Швейцария на трех языках, они намерены использовать для сплочения революционных элементов рабочих партий Европы.

«Если бы 20 000 членов швейцарской партии,— предлагает Ленин,— вносили еженедельно 2 сантима в качестве «чрезвычайного военного налога», то мы получали бы в год 20 000 франков,— более чем достаточно для того, чтоб вопреки запрещениям генеральных штабов периодически печатать и распространять на трех языках среди рабочих и солдат воюющих стран все то, что содержит правду о начинающемся возмущении рабочих, об их братании в окопах, об их надеждах на революционное использование оружия против империалистической буржуазии их «собственных» стран и т. д.» [4].

Это уже пытаются делать три лучшие швейцарские газеты, которые всегда на столе Владимира Ильича,— «Сентинель» — орган социал-демократической организации кантона Невшатель, «Фольксрехт» — ежедневная цюрихская газета, «Бернер Тагвахт» — орган Социал-демократической партии Швейцарии. Однако делают, к сожалению, еще мало.

Владимир Ильич пишет живущей сейчас в Зёренберге Инессе Арманд: «Я собираюсь выступить на съезде швейцарской партии (в субботу 4.XI) с приветственной речью» [5].

Но еще до открытия съезда, вечером 3 ноября, здесь же, в Цюрихе, Ленин созывает частное совещание левых делегатов. На нем присутствуют швейцарский социал-демократ Фриц Платтен, главный редактор газеты «Фолькрехт» Эрнст Нобс, руководитель Социал-демократической организации молодежи Швейцарии и секретарь Социалистического Интернационала молодежи Вильгельм Мюнценберг «и еще кое-кто, т. е. *все* вожди левых»,— сообщает

Владимир Ильич Арманд. Поддержав призыв Ленина, они «приняли (назначив комиссию) резолюцию о Кинтале» [6] и выразили готовность и впредь поддерживать созданное в Циммервальде международное объединение революционных социал-демократов.

Съезд собирается на Пеликанштрассе, в ресторане «Кауфлейтен».

Одному из первых предоставляют слово Ленину.

— Приветствуя от имени ЦК РСДРП съезд швейцарской социал-демократической партии,— говорит он,— я делаю это в надежде, что эта партия будет и впредь поддерживать международное объединение революционных социал-демократов, которое началось в Циммервальде и должно окончиться полным разрывом социализма с его министерскими и социал-патриотическими предателями [7].

Ленин утверждает, что этот раскол назревает во всех странах развитого капитализма. Как ополчились в Германии на Отто Рюле, посмевшего признать, что раскол неизбежен! А ведь Рюле был прав. И в Германии действительно существуют две партии: одна помогает буржуазии и правительству в ведении грабительской войны, а другая распространяет, в основном нелегально, социалистические воззвания, организует массовые демонстрации, политические забастовки.

Такое же положение сложилось и во Франции. Ленину прислали брошюру «Циммервальдские социалисты и война». Опубликовал ее созданный французскими интернационалистами «Комитет для восстановления международных связей». В ней признается, что во Франции внутри партии развились целых три направления: социалисты-националисты, вступившие в «священное единение» с классовыми врагами пролетарских масс; те, кто бессознательно льют воду на мельницу социалистов-националистов, привлекают к себе недовольные элементы, принуждают их следовать официальной политике партии; циммервальдисты, признающие, что Франция вовлечена в войну собственной империалистической политикой.

— Так же и у нас, в России, равно как и в Англии, и в нейтральных Соединенных Штатах Америки, словом, во всем мире,— говорит Ленин на съезде швейцарских социал-демократов,— создались по существу те же три направления. Борьба этих направлений определит судьбу рабочего движения на ближайшее время [8].

Разве не подтвердилось это и тут, в Цюрихе, в зале съезда, при обсуждении деятельности социал-демократической фракции в Национальном совете, финансовой реформы, отношения к решениям международной социалистической конференции в Кинтале?!

Разве не признали это в своих речах и Фриц Платтен, и Шарль Нэн, и Герман Грейлих?! И рад Ленин тому, что сочувствие большинства делегатов на стороне Платтена, зовущего к работе в духе революционной социал-демократии...

В эти дни в газетах появляется сообщение: председатель Датской социал-демократической партии Торвальд Стаунинг назначен министром. Секретарь Международного социалистического бюро Гюисманс ему немедленно телеграфирует: «Мои сердечные поздравления. Итак, мы имеем уже десять социалистических министров во всем свете. Дела идут вперед!»

— Дела идут вперед, слов нет,— с иронией откликается на телеграмму Ленин.— Второй Интернационал двигается быстро — к полному слиянию с национал-либеральной политикой [9].

Телеграмму Гюисманса Владимир Ильич обнаруживает в «Фольксштимме» — выходящем в Хемнице органе немецких крайних оппортунистов и социал-шовинистов. Даже эта газета, убеждается он, не может скрыть своего недоумения. Подумать только, секретарь Международного социалистического бюро без всяких оговорок приветствует принятие социал-демократом поста министра! В то время как до войны партийные съезды, международные конгрессы высказывались против этого!

Из бернской газеты Ленин узнает, что не все, оказывается, датские социал-демократы одобряют участие их лидера в буржуазно-монархическом правительстве, что есть среди них и осуждающие эту сделку. С каким гневом говорил о ней на недавнем съезде партии один из руководителей ее левого крыла — Герсон Трир! В знак протеста он вышел из Центрального Комитета и даже из самой партии.

«Привет товарищу Г. Триру! — обращается к нему со страниц «Социал-демократа» Ленин.— «Дела идут вперед», Гюисманс прав,— вперед к отчетливому, ясному, политически-честному, социалистически-необходимому разделению между революционными марксистами, представителями *масс* революционного пролетариата, и плехановски-потресовски-гюисмансовскими союзниками и агентами империалистской буржуазии, имеющими большинство *«вождей»,* но представляющими интересы не массы угнетенных, а меньшинства привилегированных рабочих, уходящих на сторону буржуазии» [10].

В Народном доме Цюриха, где собирается обычно местная социал-демократическая организация, готовится молодежный митинг, посвященный двенадцатой годовщине Кровавого воскресенья. Ленин соглашается выступить на нем на немецком языке.

«В Цюрихе,— узнаем от Крупской,— в это время было немало революционно настроенной молодежи из других стран — из Гер-

мании, Италии и пр., не хотевших принимать участия в империалистской войне, и Владимир Ильич хотел для этой молодежи осветить как можно полнее опыт революционной борьбы рабочих...» [11]

Ленин описывает трагические события, предшествовавшие первой русской революции, говорит о ее влиянии на судьбы народов, о размахе революционного движения в России и о новых боях в грядущей революции.

— Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе,— предупреждает Ленин.— Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистской войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение, и господствующие классы — буржуазия, и их приказчики — правительства, все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода [12].

Он на мгновение умолкает. И продолжает взволнованно:

— Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции [13].

Идет уже 1917 год...

В первый же январский день пишет Ленин: «Европа переживает революционную ситуацию» [14]. И вскоре развивает эту мысль в «Социал-демократе»: «Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс» [15].

Это тем более важно, когда растет на Западе политический кризис, сплочение революционных сил.

Давно пришел Владимир Ильич к заключению, что Интернациональная социалистическая комиссия — руководящий орган Циммервальдского объединения социалистов — все больше скатывается на позиции центризма, откровенного социал-шовинизма. Еще минувшей осенью писал он в Стокгольм, что назрел «раскол в международном масштабе», что пришло время высказаться «в пользу организационного разрыва со II Интернационалом, с Международным бюро Гюисманса, Вандервельда и К°,— в пользу построения III Интернационала». Писал Ленин о необходимости дальнейшего сближения «с людьми, стоящими па позиции Циммервальдской левой». Только они могут продолжать борьбу за новый Интернационал. И об этом должны знать всюду и «*все* сознательно-руководящие рабочие России» [16].

С этой целью по поручению Ленина в Россию отправился тогда Валериу Марку — живущий в Швейцарии румынский социал-де-

мократ. Ленин настаивал, чтобы держался тот там **«архиконспиративно»** и говорил всем: «Я-де солдат, еду в Румынию воевать, и баста!» И ни в коем случае не раскрыл, кто он на самом деле, так как задания для него самые ответственные.

Ленин просил передать Валериу Марку: «Пусть он вызовет в Питер лицо, говорящее по-французски или по-немецки (через явку), и расскажет ему *поподробнее* все заграничные новости о движении *левых*, о «Vorbote» * № *1* и № *2*, о наших спорах о разоружении... о немецкой «Arbeiterpolitik» **, об арестах в Германии, о Лонге *** и лонгетистах во Франции, об аресте Маклина **** в Англии, вообще поподробнее *все* о движении левых и интернационалистов в Европе и Америке» [17].

Обо всем этом следовало рассказать не только в Питере. И румынский социал-демократ «для той же цели» должен был отправиться затем в Москву, Киев, Одессу, чтобы и там как можно больше русских товарищей узнало об истинном положении в международном социалистическом движении.

А оно — сложное и трудное. Об этом писал Ленин во втором «Сборнике «Социал-Демократа»: «Большинство официальных социал-демократических партий Европы стоит теперь на позиции самого низменного и подлого социал-шовинизма и оппортунизма» [18].

Не так давно он делился с Францем Коричонером ***** своими взглядами на положение в социал-демократии его страны и подчеркнул: «Мы не боимся раскола. Напротив: мы признаем необходимость раскола, мы разъясняем массам, почему раскол неизбежен и необходим...» [19]

И ту же мысль Ленин высказал вскоре в обращении «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств». Он заявил, что еще глубже раскрылась теперь пропасть, на которую указывалось в Циммервальде,— «пропасть между двумя непримиримыми тенденциями, политиками, направлениями социалистической работы».

---

* Теоретический орган Циммервальдской левой, выходил на немецком языке в Берне.

** Еженедельный журнал по вопросам научного социализма, орган бременской группы левых радикалов, вошедшей позднее в Коммунистическую партию Германии.

*** Возглавлял центристско-пацифистское меньшинство Французской социалистической партии.

**** Видный деятель английского рабочего движения. Стоял на интернационалистских позициях, вел активную революционную антивоенную пропаганду.

***** Один из создателей Коммунистической партии Австрии в 1918 году.

Владимир Ильич показал, как велика «пропасть между попыткой прикрыть обнаружившийся крах официального социализма, переход его представителей на сторону буржуазии и правительств, примирить массы с этой полной изменой социализму, с одной стороны, — и, с другой стороны, между стремлением вскрыть всю глубину этого краха, разоблачить буржуазную политику «социал-патриотов», перешедших от пролетариата к буржуазии, вырвать массы из-под их влияния, создать возможность и организационную основу для действительной борьбы против войны» [20].

Ленин обратил внимание на то, что правая часть Циммервальдского объединения и во Франции, и в Германии, и в Италии скатилась после Кинталя к осужденному, к отвергнутому там социал-пацифизму. Он решительно выступил против тех, для кого слово «Циммервальд» служит лишь прикрытием социал-патриотизма, буржуазного реформизма, кто борется против основания III Интернационала. И завершил обращение призывом: «За истинный интернационализм, требующий борьбы с социал-патриотами *прежде всего* своей собственной страны! За истинную революционную тактику, невозможную при соглашениях с социал-патриотами *против* соц. и революционных рабочих!» [21].

Из России в Цюрих поступают к Владимиру Ильичу вести о приближающейся революционной буре. Тайком переправляют ему сообщения Русского бюро ЦК РСДРП о том, что политическая борьба там с каждым днем обостряется. Он пишет в эти дни в Кларан Инессе Арманд, что в России «настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что наверное будет на нашей улице праздник» [22].

Но и сейчас Ленин так же пристально, как и раньше, следит за делами международной социал-демократии. За массовым рабочим движением в странах Европы. За новыми тенденциями в мировой обстановке. И так же быстро откликается на выпады противников интернационализма. Не ослабляет борьбы за дальнейшую консолидацию левых сил...

Между 26 и 30 января. Ленин пишет статью «Двенадцать кратких тезисов о защите Г. Грейлихом защиты отечества». Это его ответ на серию статей швейцарского социал-шовиниста, только что опубликованных в «Фольксрехт». Владимир Ильич ставит в конце подпись «е». И та же цюрихская социал-демократическая газета, в двух номерах, печатает тезисы Ленина.

Со страниц «Фольксрехт» вновь подтверждает Владимир Ильич:

«...Перед швейцарским пролетариатом *только* два пути:

Первый путь. Помогать своей национальной буржуазии вооружаться, поддерживать мобилизации в целях, якобы, защиты ней-

тралитета и ежедневно подвергаться опасности быть втянутым в империалистскую войну...

Второй путь. В тесном союзе с интернационалистическими революционными меньшинствами всех великих держав вести решительную борьбу против всех «буржуазных правительств» и прежде всего — против *своего* «буржуазного правительства», не оказывать никакого «доверия» как своему буржуазному правительству вообще, так и его речам об охране нейтралитета...» [23]

31 января. Пятьдесят восьмой номер «Социал-демократа» выходит в этот день со статьей Ленина «Поворот в мировой политике». В ней наносится удар по Филиппо Турати — лидеру правого, реформистского крыла итальянской социалистической партии, против его пацифистской болтовни в «Аванти!». Перекликающейся «с пятью особенно глупыми пацифистскими статьями» Каутского, также рассуждающего «о добреньком демократическом мире» [24].

Эта болтовня, отмечает Ленин, отличается от прежней, ибо есть у нее «известная *объективная* почва». Ее «создал поворот в мировой политике *от империалистской войны*, наградившей народы величайшими бедствиями и величайшим предательством социализма господами Плехановыми, Альбертами Тома, Легинами, Шейдеманами и пр., к *империалистскому миру*, который имеет наградить народы величайшим обманом добреньких фраз, полуреформ, полууступочек и т. п.» [25]

Конец января. В «Бернер Тагвахт» Ленин читает статью ее редактора Роберта Гримма «Большинство и меньшинство в военном вопросе». И обнаруживает невероятное: чтобы отстоять свою точку зрения, один из лидеров Социал-демократической партии Швейцарии «валит в одну кучу левых интернационалистов (Либкнехт) и правых циммервальдцев или центр!!!»

На выступление Гримма Ленин откликается статьей «Мнимое или действительное болото?».

«Неужели Гримм,— поражен Владимир Ильич,— действительно рассчитывает обмануть швейцарских рабочих и убедить их, что Либкнехт и итальянская партия принадлежат к одному и тому же направлению? что между ними нет *как раз той разницы*, которая разделяет левых и центр?» [26]

5 марта. В минувшем феврале правые лидеры социал-демократии Швеции сумели сколотить на партийном съезде большинство. Им удалось поставить левое крыло вне рядов партии. И левые, являющиеся самостоятельной политической силой, объявили о созыве учредительного съезда новой партии.

Ленин узнает из газет: съезд созывается 12 мая. Для основания партии «на циммервальдских принципах». Надо предостеречь их

от этого ошибочного шага! Ибо Циммервальд обанкротился и лишь «для прикрытия гнили» служит теперь это хорошее слово.

«...Ведь шведские-то левые,— пишет Владимир Ильич 5 марта Коллонтай,— *наверное,* в большинстве искренни. Это ясно. И надо во что бы то ни стало помочь им до 12.V *заранее* понять всю пошлость социал-пацифизма и каутскианства, помочь им понять всю гнусность циммервальдского большинства, помочь им выработать себе хорошую программу и тактику для новой партии» [27].

Нет, «интернационализм» — не «моя хата с краю». В трудный, решительный для скандинавского рабочего движения момент находящиеся в Скандинавии русские большевики должны сплотиться со шведскими левыми социал-демократами. «Нельзя ли сорганизовать для этого в Христиании, Копенгагене и Стокгольме группу русских большевиков и левых, знающих по-шведски и могущих помочь?» — запрашивает Владимир Ильич Коллонтай. Он дает рекомендации: «Собрать главные документы и статьи... выработать на помощь им свои тезисы; поместить на помощь им ряд статей». И в этом же письме набрасывает то, что следует включить в «тезисы такого рода», которые должны *«помочь* шведам вести подготовку к 12.V» [28].

Проходит несколько дней.

Владимир Ильич собирается в библиотеку, когда в комнату врывается польский социал-демократ Мечислав Броньский.

— Вы ничего не знаете?! — восклицает он.— В России революция!

Владимир Ильич торопится к набережной озера, где вывешиваются газеты. В «Нойе Цюрихер Цайтунг» он отыскивает телеграммы из Петрограда. Они действительно сообщают, что в России победила революция, что самодержавие низвергнуто, а царские министры арестованы.

Произошло то, что не раз предсказывал Ленин, к чему звал в статьях «Поражение России и революционный кризис», «Несколько тезисов», «О двух линиях революции» и других, о чем говорил совсем недавно здесь, в Цюрихе, на митинге в Народном доме.

С нетерпением ждет Ленин новых сообщений из Петербурга. Они приходят сутки спустя. И сразу же пишет Владимир Ильич в Христианию А. Коллонтай: «Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(14). III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону...

Ну что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним, ни только русским. Конечно,

мы останемся против защиты отечества, против империалистской войны...

Все наши лозунги те же...

Ни за что снова по типу второго Интернационала! *Ни за что* с Каутским! Непременно *более революционная* программа и тактика...» [29]

Ленин решительно заявляет:

— Надо готовиться к отъезду в Россию!

При содействии Фрица Платтена ведутся переговоры о проезде русских политэмигрантов через Германию. 6 апреля Фриц Платтен сообщает Ленину, что после некоторых колебаний германское правительство согласилось пропустить русских через свою территорию. И представители левых социал-демократов Франции, Германии, Швейцарии, Польши подписывают декларацию, к которой присоединятся вскоре шведские и норвежские социалисты и которую опубликует шведская газета «Политикен».

В декларации говорится: «Нам, нижеподписавшимся, известны препятствия, которые правительства Согласия ставят отъезду русских интернационалистов. Нам известны условия, на которых немецкое правительство разрешило проезд в Швецию... Мы, нижеподписавшиеся интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии, Швеции и Норвегии, полагаем, что наши русские единомышленники не только вправе, но обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию. Мы желаем им наилучшего успеха в их борьбе против империалистской политики русской буржуазии,— борьбе, которая является частью нашей общей борьбы за освобождение рабочего класса, за социалистическую революцию» [30].

Владимир Ильич уже написал «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». Прежде чем опубликовать письмо, он оглашает его на собрании отъезжающих большевиков. От их имени обращается Владимир Ильич к тем, кто в нелегкие годы вынужденной эмиграции помогал и ему, и его соратникам:

«Товарищи швейцарские рабочие! Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы, члены Российской социал-демократической рабочей партии, объединенной Центральным Комитетом... шлем вам товарищеский привет и выражение глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам... Мы должны заявить, что со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистской точке зрения, мы встречали горячее сочувствие и извлекли для себя много пользы из товарищеского общения с ними... Мы посы-

лаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники» [31].

Через швейцарских рабочих Ленин обращается к пролетариату других стран Европы. Он разъясняет им характер и задачи революции в России, пишет о ее пролетариате, который «может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего *главного,* самого верного, самого надежного сотрудника, *европейского* и американского *социалистического* пролетариата».

Ленин заверяет зарубежные пролетарские массы: «Объективные условия империалистской войны служат порукой в том, что революция не ограничится *первым этапом* русской революции, что революция *не* ограничится Россией» [32].

В ясный весенний день с группой русских политэмигрантов покидает Ленин Швейцарию...

Поезд пересекает Германию...

Короткая остановка в Стокгольме...

И снова — в путь...

Впереди — Россия...

Впереди — Питер...

Впереди — Октябрь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть первая. НА ЗАРЕ

В НАЧАЛЕ ПУТИ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 271.
[2] Там же, с. 155—156.
[3] Там же, с. 287.
[4] Там же, с. 155.
[5] Там же.
[6] Там же, с. 312.
[7] Красный архив, 1934, т. 1 (62), с. 78.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 7.
[9] Там же, с. 8.
[10] Там же, с. 9.
[11] Красный архив, 1934, т. 1 (62), с. 79.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 196.
[13] Там же, с. 197.
[14] Там же, т. 2, с. 5.
[15] Там же, т. 55, с. 12.
[16] Там же, с. 13.
[17] См.: История СССР, 1960, № 2, с. 264.
[18] Там же, с. 265.

«СТАТЬ С НИМИ ПОД ОБЩЕЕ ЗНАМЯ...»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 8.
[2] Там же, т. 2, с. 5—6.
[3] Там же, с. 13.
[4] Там же, с. 14.
[5] Там же, т. 46, с. 9.
[6] Красный архив, 1934, т. 1 (62), с. 93.
[7] См.: *Шнитман А. М.* Из истории интернациональных связей В. И. Ленина с революционным рабочим движением в Болгарии (1896—1923 гг.). Мурманск, 1967, с. 17.
[8] Ден, 1896, т. IV, кн. VI, с. 560.

[9] Vorwärts, Berlin, N 40, 16. Februar, 3. Beilage.
[10] См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. М., 1961, т. 4, ч. 1, с. 212—215.
[11] Arbeiter Zeitung, 1896, 26 июня.
[12] Vorwärts, 1896, 27 июня.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 97.
[14] Там же, с. 97.
[15] Там же, 98.
[16] Там же.
[17] Листок Работника, 1896, № 1, ноябрь, с. 13.
[18] Работник. Женева, 1897, № 3 и 4, с. 170.
[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 115.
[20] Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. М., 1961, т. 4, ч. 1, с. 308.
[21] Там же, с. 309—310.
[22] См.: Analele, 1965, N 2, p. 146.
[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 108.
[24] Там же, с. 129—130.
[25] Там же, с. 59.
[26] Там же, с. 60.
[27] Там же, с. 162.
[28] Там же, т. 46, с. 25—26.
[29] Там же, т. 3, с. 47.
[30] Там же, т. 55, с. 173.
[31] Там же.
[32] Там же, т. 4, с. 165.
[33] Там же, с. 169.
[34] Там же, с. 169.
[35] Там же, с. 169—170.
[36] Там же, т. 55, с. 173.
[37] Там же, т. 23, с. 369.
[38] Там же, т. 55, с. 173.
[39] Там же, с. 176.
[40] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 32.
[41] *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958, с. 195.
[42] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 2, с. 71.
[43] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 182.
[44] Там же, с. 183.
[45] Там же, с. 189.
[46] Там же, с. 219—220.
[47] Там же, с. 192.

ПОД ЗНАМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 333.
2 Там же, с. 325.
3 Там же, с. 324.
4 Там же.
5 Там же.
6 Там же, с. 329.
7 Там же, с. 330.
8 Там же, с. 326.
9 Былое, 1926, № 1(35), с. 77—79.
10 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 189.
11 Там же, т. 4, с. 355.
12 Там же, т. 55, с. 193.
13 Там же, т. 46, с. 47.
14 Там же, т. 4, с. 373.
15 Искра № 1, декабрь 1900 г.
16 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 47.
17 Искра № 9, октябрь 1901 г.

«УСТАНОВИТЬ БОЛЕЕ ТЕСНЫЕ СВЯЗИ...»

1 См.: Новая и новейшая история, 1958, № 1, с. 118.
2 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1970, т. 1, с. 297, 300, 301, 302, 303.
3 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 94.
4 См.: Советские архивы, 1973, № 5, с. 101.
5 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 94.
6 Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг. (Далее — Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»...) М., 1969, т. 1, с. 108.
7 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 100.
8 Там же.
9 Там же, с. 101.
10 Там же.
11 Там же, с. 50.
12 Там же, с. 87.
13 Искра № 4, май 1901 г.
14 Там же.
15 Новое время, 1966, № 7, с. 6.
16 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 77.
17 Там же, с. 85.

[18] См.: Ученые записки Ленинградского педагогического института, 1966, т. 359, с. 129.
[19] Работнически Вестник, № 42, 3.VII 1903 г.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.
[21] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»..., т. 1, с. 80.
[22] Там же, с. 81.
[23] Там же.
[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 74.
[25] Там же.
[26] Искра № 6, июль 1901 г.
[27] Там же.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 124.
[33] Из истории создания партии нового типа. Доклад большевиков Международному социалистическому конгрессу в 1904 г. М., 1963, с. 49—50.

«БОРОТЬСЯ С ТЕМИ, КТО ПОВОРАЧИВАЕТ К БОЛОТУ!»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 212.
[2] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 57.
[3] Искра № 4, май 1901 г.
[4] Искра № 5, июнь 1901 г.
[5] Там же.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 14.
[7] Там же, с. 15.
[8] Там же, т. 46, с. 125.
[9] Там же, с. 127.
[10] Там же, с. 129.
[11] Там же.
[12] Там же, с. 133.
[13] Там же, с. 134.
[14] Там же, с. 129.
[15] Там же, т. 5, с. 99.
[16] Там же, с. 100.
[17] Там же, с. 335.
[18] Там же, т. 46, с. 151.
[19] Искра № 9, октябрь 1901 г.
[20] Там же, № 18, 10 марта 1902 г.
[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 170.

[22] Там же, с. 164.
[23] Там же, с. 173.
[24] Искра № 18, 10 марта 1902 г.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 24.
[28] Там же, с. 6—7.
[29] Там же, с. 7.
[30] Там же.
[31] Там же, с. 8.
[32] Там же.
[33] Там же, с. 9—10.

«МОЖЕТ ОБЕСПЕЧИТЬ НАМ ПОБЕДУ»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 115.
[2] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»..., т. 1, с. 81.
[3] Там же, с. 115.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 118.
[5] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»..., т. 1, с. 234.
[6] *Модрачек Ф.* Воспоминания о моих связях с Лениным.— Lenin v Praze. Praha, 1946, s. 26.
[7] Der Geheimbund des Zaren. Der Königsberger Prozess wegen Geheimbündelei. Hochverrat gegen Russland und Zarenbeleidigung vom 12 bis 25 juli 1904. Herausgegeben von Kurt Eisner. Berlin. 1904, S. 240, 244.
[8] Die Neue Zeit, 1903—1904, N 44, c. 547.
[9] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»..., т. 1, с. 154.
[10] Там же, с. 183.
[11] Там же, с. 216.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 372.
[13] Искра № 13, 20 декабря 1901 г.
[14] Там же, № 18, 10 марта 1902 г.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 8.
[16] Искра № 18, 10 марта 1902 г.
[17] Пролетарская революция, 1929, № 10(93), с. 109.
[18] См. там же, с. 111.
[19] Искра № 18, 10 марта 1902 г.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 8—9.
[21] Искра № 19, 1 апреля 1902 г.

«TWO NATIONS! ДВЕ НАЦИИ!»

[1] Пролетарская революция, 1924, № 3 (26), с. 136.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 241.
[3] Искра № 20, 1 мая 1902 г.
[4] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 2, с. 94.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 333.
[6] Там же, с. 440.
[7] Там же.
[8] Искра № 21, 1 июня 1902 г.
[9] Там же.
[10] См.: *Каутский К.* Эрфуртская программа, с. 166.
[11] *Энзор Р.* Современный социализм, изд. 2-е. М., с. 403.
[12] *Лафарг П.* Программа Рабочей партии. Петроград, 1917, с. 26—27.
[13] См.: *Хиллквит Морис.* История социализма в Соединенных Штатах, 1920, с. 281.
[14] Искра № 21, 1 июня 1902 г.
[15] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 59.
[16] Там же, с. 63.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 180.
[18] См.: *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. М., 1964, кн. 1. Путешествие в прошлое, с. 277.
[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 436.
[20] Там же, т. 46, с. 179.
[21] Там же.
[22] Labour Monthly, november, 1968, p. 507.
[23] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 61.
[24] Там же, с. 62.
[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 440.
[26] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 5, с. 68.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 438—439.
[28] Там же, с. 440.

«СВОЙ СВОЕМУ ПОНЕВОЛЕ БРАТ»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 295.
[2] Там же, с. 388.
[3] Там же, с. 397.
[4] Там же, с. 398.
[5] См.: *Чаплин А.* В. И. Ленин и библиотека Британского музея. Международная федерация библиотечных ассоциаций. 36-я сессия. Сентябрь 1970 г. М., 1971, с. 4—5.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 438.
[7] Там же, с. 442.

8 Там же, с. 441.
9 Там же, т. 6, с. 335.
10 Там же.
11 Там же.
12 Там же, т. 46, с. 282.
13 Там же, т. 7, с. 364.
14 Там же, с. 140.
15 Там же, т. 46, с. 282.
16 Там же, т. 7, с. 162.
17 Там же.
18 Там же, с. 212.
19 Там же.
20 Там же, с. 212—213.
21 Там же, с. 213.
22 Там же, с. 214.
23 Там же, с. 213.
24 Там же, т. 10, с. 25.
25 Искра № 38, 15 апреля 1903 г.
26 Там же.
27 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 212.

«СТАНЕТ НЕПОБЕДИМОЙ СИЛОЙ»

1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 253.
2 Там же.
3 Там же, с. 274.
4 См.: Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы. М., 1959, с. 127.
5 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 412.
6 Там же, с. 290—291.
7 Handbuch der socialdemokratischen Parteitage von 1863 bis 1909. Bearbeitet von Wilhelm Schröder. München, 1910, S. 369.
8 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 450.
9 Там же, т. 7, с. 436.
10 Там же, т. 8, с. 355.
11 Там же, с. 385.
12 *Лядов М.* Из жизни партии в 1903—1907 годах (Воспоминания). М., 1956, с. 10—11.
13 Там же, с. 13.
14 Там же, с. 14.
15 Искра № 48, 15 сентября 1903 г.

16 Из истории создания партии нового типа. Доклад большевиков международному социалистическому конгрессу в 1904 г. М., 1963, с. 10.
17 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 325.
18 *Лядов М.* Из жизни партии в 1903—1907 годах. (Воспоминания). М., 1956, с. 16.
19 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 190.
20 Там же, с. 392—393.
21 Там же, с. 391.
22 Там же, с. 393.
23 Там же.
24 См. там же, с. 386.
25 Там же.
26 Там же, с. 391—392.
27 Там же, с. 386.
28 Там же.
29 Там же, с. 403—404.

«ЗА ЕДИНЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ»

1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 155.
2 Там же, т. 6, с. 26.
3 Там же, с. 27.
4 Там же, с. 26.
5 *Михайлов И. К.* Четверть века подпольщика. М., 1957, с. 93.
6 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 2, с. 114—115.
7 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 181.
8 Там же, с. 182.
9 Там же, с. 174.
10 *Катаяма Сэн.* Статьи и мемуары (К столетию со дня рождения). М., 1959, с. 89.
11 См.: *Шитов Н. Ф.* Развитие В. И. Лениным идеологии и политики пролетарского интернационализма (1894—1907 гг.), М., 1966, с. 263—264.
12 Письма В. И. Ленину из-за рубежа. М., 1966, с. 27.
13 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 66.
14 Там же, т. 8, с. 182.
15 Социал-демократическое движение в России. Материалы. М.— Л. 1928, т. 1, с. 124—125.
16 Искра № 68, 25 июня 1904 г.
17 Ленинский сборник XV, с. 181.
18 Искра № 69, 10 июля 1904 г.
19 Социал-демократическое движение в России. Материалы, М.— Л. 1928, т. 1, с. 135.

[20] Die Neue Zeit, 1903—1904, Bd. II, S. 490.
[21] Искра № 69, 10 июля 1904 г.
[22] Ленинский сборник V, с. 173, 175.
[23] Международные социалистические конгрессы, Спб, 1906, с. 90.
[24] Из истории создания партии нового типа. Доклад большевиков международному социалистическому конгрессу в 1904 г. М., 1963, с. 57.
[25] Там же, с. 49.
[26] Там же.
[27] Там же, с. 50.
[28] Там же, с. 19—20.
[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 39.
[30] Там же, т. 54, с. 352.
[31] Там же, т. 9, с. 41, 43, 45, 47.
[32] Ленинский сборник XV, с. 225.
[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 47.
[34] Из истории создания партии нового типа. Доклад большевиков международному социалистическому конгрессу в 1904 г. М., 1963, с. 13—14.

«НА ПЛЕЧАХ КОММУНЫ...»

[1] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 104.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 4.
[3] Там же, т. 46, с. 372.
[4] Там же, с. 422—423.
[5] Там же, с. 423.
[6] *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения в десяти томах. М., 1958, т. 2, с. 652.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 131.
[8] Там же, с. 136.
[9] Там же, с. 152.
[10] Ленинский сборник XXVI, с. 261.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 204.
[12] Ленинский сборник XXVI, с. 128.
[13] Вперед № 4, 31(18) января 1905 г.
[14] Там же, с. 84.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 204.
[16] Там же.
[17] Письма В. И. Ленину из-за рубежа. М., 1969, с. 31.
[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 21.
[19] Там же, с. 32.
[20] Письма В. И. Ленину из-за рубежа. М., 1969, с. 31.
[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 372.
[22] Там же, с. 373.

[23] Там же, с. 378.
[24] Там же, с. 379.
[25] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 99.
[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 347.
[27] Там же, с. 330.
[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 60.
[29] Литературное наследство.— В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971, т. 82, с. 6.
[30] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 132.

«ПЕРЕД ВСЕЙ РОССИЕЙ И ПЕРЕД ВСЕМ МИРОМ»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 380.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 381.
[4] Там же.
[5] Там же, т. 10, с. 14.
[6] Там же, т. 9, с. 381.
[7] Там же, с. 237.
[8] Там же, т. 10, с. 83.
[9] Там же, т. 11, с. 98—99.
[10] Там же, т. 10, с. 130.
[11] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2. М., 1969, с. 206.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 222.
[13] Там же, с. 207.
[14] Там же, с. 209.
[15] Там же, т. 47, с. 42.
[16] Там же, т. 10, с. 305—307.
[17] Там же, с. 309.
[18] Там же, т. 47, с. 47.
[19] Там же, т. 10, с. 314.
[20] Там же, с. 314—315.
[21] Там же, с. 329.
[22] Там же, с. 348.
[23] Там же, с. 329.
[24] Там же, с. 329—331.
[25] Пролетарий № 8, 17(4) июля 1905 г.
[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 345.
[27] Там же, с. 337.
[28] Там же.

ГОТОВИТЬСЯ
К НАСТУПАТЕЛЬНЫМ
ДЕЙСТВИЯМ

1 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 55.
2 Там же, с. 56.
3 См. там же, с. 54.
4 Там же, с. 55.
5 См. там же, с. 62.
6 Там же, с. 63.
7 Там же, с. 18.
8 Там же, с. 65.
9 См. там же, с. 69.
10 Там же, с. 69—70.
11 Там же, с. 97—98.
12 Там же, с. 45.
13 Там же, с. 212.
14 Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины (1901—1905 гг.). Сборник документов и материалов. Киев, 1964, с. 702—703.
15 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 316.
16 Там же, с. 347.
17 Там же, с. 353.
18 Там же, т. 10, с. 285.
19 Там же, т. 11, с. 323.
20 Там же.
21 Там же, с. 327.
22 Там же, т. 12, с. 26.
23 Там же.
24 Там же, с. 117—118.
25 Там же, т. 47, с. 98.
26 Le Congrès National de Chalon.— Le Socialiste, N 27—28. Paris, 1905, 4.—18. Novembre, p. 1.
27 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 108.
28 Пролетарий № 26, 25(12) ноября 1905 г.
29 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 35.
30 Там же, т. 12, с. 61.
31 Там же, т. 47, с. 100.
32 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 112.
33 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 113.
34 См. там же, с. 326—327.
35 Там же, т. 47, с. 96.
36 Там же, т. 12, с. 31.
37 Там же, т. 12, с. 31.

[38] См. там же, с. 32.
[39] Там же, с. 31.
[40] См. там же, с. 27.
[41] Там же, с. 79.
[42] См. там же, с. 74.

ВПЕРЕДИ — ПИТЕР

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 94.
[2] Там же, с. 95.
[3] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»... М., 1969, т. 1, с. 115.
[4] Там же, с. 148.
[5] Там же, с. 523.
[6] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»... М., 1969, т. 2, с. 388.
[7] Там же, с. 191.
[8] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»... М., 1970, т. 3, с. 81—82.
[9] Там же, с. 215.
[10] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 114.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 293.
[12] *Буренин Н. Е.* Памятные годы. Воспоминания. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1967, с. 83.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 94.
[14] Там же, т. 5, с. 356.
[15] Там же, с. 352.
[16] Там же, т. 7, с. 34—35.
[17] Там же, т. 46, с. 92.
[18] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»..., т. 2, с. 411.
[19] См.: *Сюкияйнен П. И.* Революционные события 1905—1907 гг. в Финляндии. В кн.: «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение». М., 1955, ч. 1, с. 313.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 2.
[21] Там же, с. 49.
[22] Там же, т. 19, с. 219.
[23] Там же, с. 219—220.
[24] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»..., т. 1, с. 524.
[25] Там же, с. 528.
[26] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 5, с. 148.

Часть вторая. ПЕРЕД БУРЕЙ.
ПО ОБЕ СТОРОНЫ ГРАНИЦЫ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 131.
[2] *Лядов М.* Из жизни партии в 1903—1907 годах. (Воспоминания). М., 1956, с. 118.
[3] Leipziger Volkszeitung, 25.X 1905.
[4] Новая жизнь (первая легальная с.-д. большевистская газета), вып. I, с. 49.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 266.
[6] Там же, т. 12, с. 97.
[7] Там же, с. 117—118.
[8] Там же, с. 137.
[9] Там же.
[10] Новая жизнь, вып. IV, с. 116.
[11] *Walling W. E.* Russia's Message. The People against the Czar. New York, 1908, p. 186—187.
[12] См.: *Дашков Ю.* По ленинским местам Скандинавии. М., 1971, с. 82.
[13] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 121.
[14] Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Л., 1970, с. 134.
[15] Краеведческие записки. Таганрог, 1957. Вып. 1, с. 374.
[16] Красный архив. 1934, т. 1 (62), с. 188.
[17] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 131.
[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 209.
[19] Там же, с. 210.
[20] Там же, с. 216.
[21] Там же.
[22] См.: *Kilpi S.-K.* Lenin ja suomalaiset. Helsinki, 1967, s. 59.
[23] Lenin suomalaisten muistelmissa. Helsinki, 1969, s. 43—44.
[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 35.
[25] См. там же.
[26] Там же, с. 35—36.
[27] Там же, с. 84.
[28] Там же, т. 12, с. 363.
[29] Socialdemokraten, 9. V 1906.
[30] См.: *Московский П. В., Семенов В. Г.* Ленин в Швеции. М., 1972, с. 52.

«ЛУЧШАЯ ПОЛИТИКА — ОТКРЫТАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЛИТИКА»

[1] *Люксембург Роза.* Письма к Карлу и Луизе Каутским (1896—1918 гг.). М., 1923, с. 107.
[2] Там же.
[3] См.: Рабочее движение в новое время. М., 1964, с. 513.

[4] *Люксембург Роза.* Письма к Карлу и Луизе Каутским (1896—1918 гг.). М., 1923, с. 113.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 369.
[6] Там же, с. 371.
[7] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 132.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 157.
[9] См. там же, с. 158.
[10] Там же, с. 158—159.
[11] Там же, с. 163.
[12] Там же, с. 165.
[13] Там же, с. 176.
[14] Там же, с. 184.
[15] Группа «Освобождение труда». М., 1928, сб. 6, с. 282.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 360.
[17] Там же, т. 14, с. 217.
[18] Там же, т. 15, с. 13.
[19] См. там же, с. 406.
[20] Une interview du citoyen Lenine.— La tactique suivie pendant la campagne e'lectorale.— Majoritaires et mi noritaires. (Par lettre de notre correspondant particulier).— «L'Humanité», Paris, 1907, N 1082, 4 avril, p. 2. Sousle titre général: En Russie. Dans le parti socialdemokrate.
[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 37.
[22] Там же, с. 243.
[23] Berlingske tidende, 6. V 1907.
[24] Socialdemokraten 7. V 1907.
[25] Пятый съезд РСДРП. Май — июнь 1907 г. Изд. 2-е. М., 1935, с. 637.
[26] Там же, с. 635.
[27] Там же.
[28] *Лядов М.* Из жизни партии в 1903—1907 годах. (Воспоминания). М., 1956, с. 207.
[29] Иностранная литература, 1957, № 4, с. 244.
[30] См.: *Rothstein Andreu.* Lenin in Britain. London, p. 24.
[31] *Лядов М.* Из жизни партии в 1903—1907 годах. (Воспоминания). М., 1956, с. 213.
[32] См.: *Rothstein Andreu.* Lenin in Britain. London, p. 25.
[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 313.
[34] См. там же, с. 322.
[35] Там же.
[36] Там же, с. 316.
[37] См.: Комсомольская правда, 1966, 7 ноября.
[38] Пятый съезд РСДРП. Май — июнь 1907 г. Изд. 2-е. М., 1935, с. 102.
[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 59.
[40] *Лядов М.* Из жизни партии в 1903—1907 годах. (Воспоминания). М., 1956, с. 212.

«МЫ ИДЕМ ОДНИМ ПУТЕМ»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 111—112.
[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 5, с. 9.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 67.
[4] Красный архив, 1934, т. 1 (62), с. 210.
[5] См.: За рубежом. Международный социалистический конгресс в Штутгарте. Спб, 1907, с. 17—20.
[6] Там же, с. 16.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 69.
[8] Там же, с. 73.
[9] Знамя труда (Париж), 1907, 12 сентября, № 5, с. 4.
[10] За рубежом. Международный социалистический конгресс в Штутгарте. Спб, 1907, с. 109.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 74.
[12] Там же, с. 67.
[13] Там же, с. 90.
[14] Там же, с. 89.
[15] Красный архив, 1934, т. 1 (62), с. 210—211.
[16] Литературное наследство. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971, т. 80, с. 620—622.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 115.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Там же, т. 16, с. 188.
[21] Там же, т. 47, с. 115.
[22] Там же, т. 17, с. 361.
[23] Там же, т. 47, с. 116.
[24] Там же, т. 16, с. 411.
[25] Там же, с. 409.
[26] Там же, т. 47, с. 120—121.

«УЖЕ НЕ ФИНЛЯНДИЯ, А ЖЕНЕВА...»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 117.
[2] Там же.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 118.
[4] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 139.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 112.
[6] Там же, с. 113.
[7] Там же, с. 120—121.
[8] Там же, с. 120.
[9] Там же, с. 124.
[10] Там же.

20 Заказ 313

[11] См.: *Пианзола Морис*. Ленин в Швейцарии. М., 1958, с. 47.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 122.
[13] Там же, с. 150.
[14] Там же, т. 17, с. 37.
[15] Там же, с. 38.
[16] Там же.
[17] Там же, с. 40.
[18] См. там же, с. 44.
[19] См. там же, с. 47—48.
[20] Там же, с. 49.
[21] Там же, с. 50.

ПРАВДУ ГОВОРИТ «ПРОЛЕТАРИЙ»

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 435.
[2] См. там же, с. 436.
[3] См. там же, с. 436—437.
[4] Современный мир, 1907, № 12, с. 75.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 428.
[6] Там же.
[7] См. там же, с. 468—469.
[8] Там же, с. 470.
[9] Там же.
[10] Там же, т. 17, с. 24.
[11] О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. Второе издание. М., 1966, с. 90.
[12] См: *Каганова Р. Ю.* Ленин во Франции. М., 1972, с. 299—300.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 453.
[14] Там же, с. 454.
[15] О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М., 1966, с. 96.

«ЗАКАЛИТ МИЛЛИОНЫ И ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ»

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 421.
[2] Там же, т. 47, с. 145.
[3] Там же, с. 144.
[4] Там же, т. 16. с. 421.
[5] Там же, т. 47, с. 154.
[6] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 163.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 14.
[8] Там же, с. 20.
[9] Там же, т. 55, с. 252.
[10] Там же, т. 18, с. 13.

[11] См. там же, т. 17, с. 189.
[12] Там же, с. 189—190.
[13] См. там же.
[14] Там же, т. 55, с. 253.
[15] Там же, т. 17, с. 234.
[16] См. там же, с. 235.
[17] Там же, т. 47, с. 147.
[18] См. там же, т. 17, с. 236.
[19] Там же, с. 237.
[20] Там же.
[21] Там же, с. 238.
[22] Там же, т. 47, с. 165.
[23] Там же, т. 17, с. 239.
[24] Там же, с. 240.
[25] См.: *Ротштейн Э.* В. И. Ленин и социалистическое движение в Великобритании. М., 1970, с. 33.
[26] Советские архивы, 1972, № 5, с. 101.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 291.
[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 180—181.
[29] Там же, с. 137—138.

«МОЙ АДРЕС ТЕПЕРЬ: ПАРИЖ...»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 169.
[2] Там же, с. 170.
[3] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 166.
[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 180.
[5] Там же.
[6] Там же, т. 47, с. 200.
[7] Там же, т. 17, с. 327.
[8] Там же, с. 392.
[9] Социал-демократ № 2, 28 января (10 февраля) 1909 г.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 171.
[11] См.: Советские архивы, 1972, № 5, с. 104.
[12] Там же, с. 101.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 171.
[14] *Попов И. Ф.* Один день с Лениным. М., 1963, с. 42—43.
[15] Каторга и ссылка, 1924, № 3(10), с. 26.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 411.
[17] Там же.
[18] Там же, с. 412.
[19] Там же, с. 415.
[20] Там же.

[21] Там же, с. 417.
[22] Там же, с. 425.
[23] Социал-демократ № 3, 9(22) марта 1909 г.
[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 286.
[25] Там же, т. 19, с. 54.
[26] Социал-демократ, № 7—8, 8(21) августа 1909 г.
[27] Там же.
[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 54.
[29] Социал-демократ, № 7—8, 8(21) августа 1909 г.

«СОРВАТЬ МАСКУ С ЛИЦЕМЕРОВ»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 282.
[2] См. там же, с. 284.
[3] Социал-демократ № 4, 21 марта (3 апреля) 1909 г.
[4] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 176.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 239.
[6] Там же, т. 55, с. 438.
[7] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы, с. 108—109.
[8] См.: *Русанов Н.* Поль и Лаура Лафарг.— Русское богатство, 1911, № 12.
[9] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 178.
[10] *Горький М.* Литературные портреты. М., 1967, с. 20.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 221—222.
[12] Там же, с. 222.
[13] Там же.
[14] Там же, с. 231.
[15] Красный архив, 1934, т. 1 (62), с. 220.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 297.
[17] Там же, т. 19, с. 185.
[18] Социал-демократ № 5.
[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 126.
[20] См. там же, с. 188.
[21] Красный архив, 1934, т. 1(62), с. 221.

ПОД СВОДАМИ СТАРОГО ДВОРЦА

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 261.
[2] См. там же, т. 5, с. 245.
[3] Там же, т. 9, с. 389.
[4] Там же т. 5, с. 245.
[5] Там же, с. 248.
[6] Там же, с. 246.
[7] *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. М., 1964, кн. 1. Путешествие в прошлое, с. 338.

[8] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 345.
[9] Там же, с. 346.
[10] Там же, с. 347.
[11] Там же, т. 47, с. 296—297.
[12] Там же, т. 19, с. 310.
[13] Там же; с. 353.
[14] Ленинский сборник XIV, с. 22.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 367.
[16] Там же, т. 19, с. 345.
[17] Там же, с. 354.
[18] Там же, т. 21, с. 151.
[19] Там же, т. 23, с. 124.
[20] Там же, с. 210.
[21] Там же, с. 211.
[22] Там же, т. 26, с. 20.

«ЭТО ДЕЛО ВСЕСВЕТНОГО ПРОЛЕТАРИАТА»

[1] Социал-демократ, 1911, № 19—20.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 278.
[3] См.: Учены записки Ленинградского педагогического института. Л., 1966, т. 359, с. 136.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 267.
[5] Там же, с. 269.
[6] Там же, с. 274.
[7] Там же, т. 48, с. 1.
[8] Там же, т. 54, с. 354—355.
[9] Там же, т. 47, с. 274.
[10] Там же, т. 19, с. 358.
[11] См. там же, с. 376.
[12] Там же, т. 20, с. 96.
[13] Там же, т. 19, с. 356.
[14] Там же, т. 48, с. 7.
[15] Там же, т. 20, с. 62.
[16] Там же, с. 67.
[17] Там же, с. 69.
[18] Там же, с. 12—13.
[19] Там же, с. 17.
[20] Там же, т. 48, с. 13.
[21] *Лепешинский П. Н.* Вокруг Ильича. М., 1926, с. 183.
[22] *Бреслав Б. А.* О В. И. Ленине (Беглые воспоминания). М., 1934, с. 36.
[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20. с. 217.
[24] Там же, с. 222.
[25] Парижский Вестник, № 20, 20.V 1911.

[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 1.
[27] Там же, с. 73.
[28] Там же, т. 48, с. 41—42.
[29] См. там же, т. 6, с. 598.
[30] Там же, т. 48, с. 42.
[31] Там же, т. 20, с. 229.
[32] Там же, с. 389.
[33] Там же, с. 392.

«ЧТОБЫ ОСВЕДОМИТЬ О КОНФЕРЕНЦИИ ВСЕ ПАРТИИ...»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 40.
[2] Там же, т. 54, с. 357—358.
[3] Там же, с. 358.
[4] Там же, т. 21, с. 156.
[5] *Иванов Мирослав.* Ленин в Праге. М., 1963, с. 48.
[6] Там же, с. 93.
[7] См.: Ленин в борьбе аа революционный Интернационал. М., 1970, с. 189.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 181.
[9] Там же, т. 44, с. 422.
[10] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, с. 178
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 155—156.
[12] Там же, с. 175.
[13] Там же, т. 48, с. 55.
[14] Там же, с. 59.
[15] Там же, т. 21, с. 205.
[16] Там же, с. 214.
[17] Красный архив, 1934, т. 1(62), с. 232.
[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 203.
[19] О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М., 1966, с. 122—123.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 409.

«СМОЖЕТ СОЕДИНИТЬСЯ С НАМИ»

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 343.
[2] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 28.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 242.
[4] См.: *Петрович И. Л.* В. И. Ленин о задачах революционной борьбы пролетариата Польши. Минск, 1974, с. 196.
[5] См. там же, с. 124.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 298.
[7] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 207.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 387.
[9] Там же, с. 393—394.
[10] Там же.
[11] См.: Gazeta Robotnicza № 20—21, 15. VI 1913.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 288.
[13] Там же, с. 289.
[14] Там же, с. 291.
[15] Там же, т. 48, с. 93.
[16] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 2, с. 320.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 252.
[18] Там же, т. 23, с. 4.
[19] Там же, т. 22, с. 268.

«СРАЖЕНИЕ НАДВИГАЕТСЯ НЕМИНУЕМО»

[1] См.: Прометей, 1967, № 2, с. 22—23.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 174.
[3] Там же, т. 21, с. 399.
[4] Там же, т. 22, с. 39.
[5] Там же, с. 271.
[6] Там же, с. 272.
[7] Там же, с. 77.
[8] Там же.
[9] Там же, с. 79.
[10] Там же, с. 78.
[11] Там же, с. 79.
[12] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 2, с. 316.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 85.
[14] Там же, с. 87.
[15] Там же, с. 95.
[16] Там же, с. 96.
[17] Там же, т. 22, с. 115.
[18] Там же.
[19] Там же, с. 116.
[20] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1972, т. 3, с. 39.
[21] Правда, 1912, № 140.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 135.
[23] Там же.
[24] Там же, с. 138.
[25] Там же, т. 48, с. 101.
[26] Там же, т. 22, с. 135—136.

[27] Там же, т. 48, с. 107.
[28] Там же, с. 109.
[29] Письма В. И. Ленину из-за рубежа. М., 1966, с. 32.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 107.
[31] Там же, с. 109.
[32] Там же, т. 22, с. 188.
[33] Там же, с. 198.
[34] Там же, с. 202—203.
[35] *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе. М., 1954, с. 69.

«ПОДЧЕРКИВАЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ ЕДИНСТВА...»

[1] См.: *Найдус В.* В. И. Ленин в Польше. М., 1957, с. 54.
[2] См.: *Серадский Юзеф.* Польские годы Ленина. М., 1966, с. 19—20.
[3] *Leszko L.* Spotkania z Leninem (1912—1914) — Pamiętniki nakczyieli weteranów. Warszawa, 1958, s. 65.
[4] Красный архив, 1934, т. 1 (62), с. 240—241.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 55.
[6] Там же.
[7] Там же, с. 58.
[8] Там же, с. 59.
[9] Там же, т. 55, с. 339.
[10] Там же, т. 48, с. 183.
[11] Там же, т. 23, с. 147.
[12] Там же, с. 148.
[13] Там же, т. 48, с. 183—184.
[14] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 2, с. 322.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 339.
[16] Там же, т. 23, с. 144.
[17] Там же, с. 64.
[18] Там же, с. 156—157.
[19] Там же, с. 176.
[20] Там же, с. 182.
[21] Там же, с. 183—184.
[22] Там же, с. 230.
[23] Там же, с. 230—231.
[24] Там же, с. 232.
[25] Там же, с. 258.
[26] Там же, с. 314.
[27] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 2, с. 357.
[28] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине, с. 226.

«ВОЙНА ВОЙНЕ!.. ЗА МИР!..»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 206.
[2] Там же, т. 23, с. 369.
[3] Там же, с. 400.
[4] Там же, с. 401.
[5] Там же, с. 401—402.
[6] См.: Новая и новейшая история, 1960, № 3, с. 84.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 378.
[8] Там же, с. 223.
[9] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 230.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 221.
[11] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 231.
[12] Новая и новейшая история, 1966, № 4, с. 125.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 238.
[14] Там же, с. 250.
[15] Там же, т. 24, с. 231.
[16] Там же, с. 213.
[17] Там же, с. 201.
[18] Новая и новейшая история, 1966, № 4, с. 122—124.
[19] Исторический архив, 1959, № 4, с. 42.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 204.
[21] Там же, с. 154.
[22] Там же, т. 48, с. 249.
[23] Там же, с. 250.
[24] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 4, с. 72.
[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 345.
[26] Там же, т. 24, с. 264.
[27] Там же, с. 262.
[28] Там же, с. 386.
[29] Там же.
[30] Незабываемый Ленин. Сборник воспоминаний, подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при Центральном Комитете СЕПГ (пер. с нем.). М., 1958, с. 23—24.
[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 346.
[32] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 2, с. 326—327.
[33] См.: Новая и новейшая история, 1963, № 6, с. 75.
[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 135.
[35] Там же, с. 198.
[36] Там же, т. 23, с. 61—62.
[37] Там же, с. 62.
[38] Трудовая Правда, 1914, 29 июня.
[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 204.
[40] Там же, т. 48, с. 327.

«НЕЛЬЗЯ ТЕРПЕТЬ!!»

[1] См.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1978, т. 3, с. 507.

[2] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 238—239.

[3] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М., 1953, с. 331.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 95.

[5] См.: *Королев Н. Е.* Ленин и международное рабочее движение. 1914—1918. М., 1968, с. 14.

[6] Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1960, т. 3, с. 85.

[7] Arbeiter Zeitung, 5. VIII 1914.

[8] См.: *Темкин Я. Г.* Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917. М., 1968, с. 31.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 123.

[10] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 242—243.

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 1.

[12] Там же, с. 2.

[13] Там же, с. 41—42.

[14] Там же, т. 49, с. 6.

[15] Там же, т. 26, с. 251.

[16] Там же, т. 49, с. 3.

[17] Там же, с. 5—6.

[18] Там же, с. 9.

[19] Там же, т. 26, с. 28—29.

[20] Там же, с. 31.

[21] Там же, с. 32—35.

[22] О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. Изд. 2-е. М., 1966, с. 92.

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 25.

«ДОКАЗЫВАТЬ НЕОБХОДИМОСТЬ МАССОВЫХ ДЕЙСТВИЙ»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 13.

[2] Там же, т. 26, с. 21.

[3] Там же, т. 49, с. 6.

[4] Там же, с. 22.

[5] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. М., 1974, с. 181—182.

[6] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 253.

[7] См.: Вопросы истории КПСС, 1959, № 3, с. 171.

[8] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 15.

[9] Там же, с. 20.

[10] Там же, с. 181.
[11] См.: Новая и новейшая история, 1974, № 1, с. 16—17.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 7.
[13] Там же, с. 17.
[14] Там же, с. 40.
[15] Там же, с. 20.
[16] Там же, с. 21.
[17] Там же, с. 23.
[18] Там же, с. 21.
[19] Там же, т. 26, с. 323.
[20] Там же, т. 49, с. 95.
[21] Там же, с. 26.
[22] Там же, с. 42.
[23] Там же, т. 26, с. 128.
[24] См.: Красный архив, 1939, т. 1(92), с. 53.
[25] Новая и новейшая история, 1966, № 4, с. 126.
[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 27.
[27] Там же, т. 26, с. 19.
[28] Там же, с. 37—38.
[29] См.: Вопросы истории КПСС, 1962, № 2, с. 156.
[30] Там же, с. 158.
[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 76.
[32] В помощ на изучаващите историята на младежкото революционно движение в България. София, 1959, с. 185.
[33] См.: Молодой коммунист, 1966, № 8, с. 6.

ЦИММЕРВАЛЬД — КИНТАЛЬ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 45.
[2] Там же, т. 49, с. 83.
[3] Письма В. И. Ленину из-за рубежа. М., 1966, с. 45—46.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 94.
[5] Там же, с. 95.
[6] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. М., 1974, с. 182.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 100.
[8] Там же, с. 117—118.
[9] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. М., 1974, с. 189.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 120.
[11] Там же, с. 131.
[12] Там же, с. 126.
[13] Там же, т. 26, с. 311.

[14] См.: Новая и новейшая история, 1974, № 1, с. 19.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 44.
[16] Там же, с. 45.
[17] Там же, т. 27, с. 43.
[18] Там же, т. 49, с. 163.
[19] Там же, с. 165—166.
[20] Там же, с. 174.
[21] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2, с. 621—622.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 166.
[23] Новое время, 1962, № 17, с. 6.
[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 231.
[25] Новое время, 1962, № 17, с. 7.
[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 234.
[27] Там же, с. 238.
[28] Там же, с. 235.
[29] Коммунистический Интернационал, 1936, № 3, с. 55.
[30] См.: Ленин и латышская революционная социал-демократия. Рига, 1970, с. 93.
[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 200.
[32] Там же, с. 167.
[33] Там же, с. 200.
[34] Там же, т. 27, с. 71.
[35] Там же, т. 49, с. 183.
[36] См. там же, с. 207.
[37] Там же, с. 203.
[38] Там же, т. 27, с. 292.
[39] См.: *Кацлеровић Т.* Циммервальдска конференција. Апел српских социјалиста цивилизованом свету. Београд, 1951, с. 17—18.
[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 376—377.
[41] Там же, т. 49, с. 222.

«ЕВРОПА ЧРЕВАТА РЕВОЛЮЦИЕЙ»

[1] См.: *Пианзола Морис.* Ленин в Швейцарии. М., 1958, с. 96.
[2] См. там же.
[3] См.: Ленин в борьбе за революционный Интернационал. М., 1970, с. 340—341.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 143.
[5] Там же, т. 49, с. 315.
[6] Там же, с. 322.
[7] Там же, т. 30, с. 180.
[8] Там же, с. 181.
[9] Там же, с. 193.

[10] Там же, с. 195.
[11] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине, с. 286.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 327.
[13] Там же, с. 328.
[14] Там же, с. 259.
[15] Там же, с. 347—348.
[16] Там же, т. 49, с. 301.
[17] Там же, с. 277.
[18] Там же, т. 30, с. 225.
[19] Там же, т. 49, с. 313.
[20] Там же, т. 30, с. 299.
[21] Там же, с. 305.
[22] Там же, т. 49, с. 390.
[23] Там же, т. 30, с. 334—335.
[24] Там же, с. 339.
[25] Там же, с. 339—340.
[26] Там же, с. 357.
[27] Там же, т. 49, с. 394.
[28] Там же, с. 395—396.
[29] Там же, с. 399—400.
[30] Там же, т. 31, с. 524.
[31] Там же, с. 87—88.
[32] Там же, с. 93.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

НА ЗАРЕ

Часть вторая

ПЕРЕД БУРЕЙ

Евгений Яковлевич Зазерский,
Анатолий Владимирович Любарский

С НАМИ БУДУТ МИЛЛИОНЫ...

Документальное повествование.

Заведующий редакцией
Н. Р. Андрухов
Редактор
Т. Д. Дажина
Младшие редакторы
Г. А. Карликова, Н. Н. Коршикова
Художник
Е. А. Крылов
Художественный редактор
Е. А. Андрусенко
Технический редактор
В. П. Крылова

ИБ № 1770
Сдано в набор 09.07.80.
Подписано в печать 31.10.80. А00186.
Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 19,64. Учетно-изд. л. 22,14. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 313. Цена 1 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

I. V. ч[illegible]

[illegible]

1. Дефиниція [illegible]
[illegible] 63 [illegible]
2. [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
3. [illegible] на [illegible]
[illegible]
[illegible] (α) [illegible]
(γ) (δ) [illegible]
(β) (ε) [illegible]

[illegible].

[illegible]

[illegible]. [illegible]. [illegible]. [illegible]

[illegible]. [illegible]. [illegible].

[illegible] 1915 р. [illegible] „[illegible] [illegible]?

[illegible]"? [illegible] [illegible] -

[illegible] [illegible]? — [illegible]

[illegible].

[illegible]-ка = [illegible] [illegible]. [illegible] -

[illegible] [illegible]. [illegible]. [illegible].

[illegible]

[illegible]

[illegible]